ПРОДАНО БОЛЕЕ 55 МИЛЛИОНОВ КНИГ ПО ВСЕМУ МИРУ

Ю НЕСБЁ

КРОВАВАЯ ЛУНА

ЭТОТ УБИЙЦА ОВЛАДЕЕТ ТВОИМ РАЗУМОМ...

ХАРРИ ХОЛЕ. СЕРИЯ ДЕТЕКТИВОВ

Кровавая луна
Ю Несбё

Ю Несбё. Кровавая луна
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46

Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54

Ю Несбё
Кровавая луна

Jo Nesbø: “Blodmåne”, 2022
Перевод: С. Заика, Е. Попко, Д. Кузнецова

Солнце превратится во тьму
и луна — в кровь, прежде нежели наступит
день Господень, великий и страшный.
Книга Иоиля 2:31

Пролог

— Осло, — сказал мужчина, поднося стакан виски к губам.

— Твой любимый город? — спросила Люсиль.

Он уставился перед собой, казалось обдумывая ответ, прежде чем кивнуть головой. Она пристально смотрела на него, пока он пил. Он был высок: даже сидя на барном стуле, он значительно возвышался над ней. Должно быть, он был на десять, а может и двадцать лет моложе, чем она, в её семьдесят два года. Сложно понять возраст алкоголика. Его лицо и тело казались вырезанными из дерева: худые, чёткие и жёсткие. Бледная кожа, сетка синих капилляров, отчётливо видневшаяся на носу, вкупе с покрасневшими глазами и радужкой цвета полинявшей джинсы, наводили на мысль, что жил он тяжело. Пил тяжело. Больно падал. Но и, возможно, также крепко любил, поскольку за те месяцы, что он стал постоянным клиентом бара «Твари», она замечала мелькающую в его глазах боль. Как побитая собака, вышвырнутая из стаи, всегда сам по себе в конце барной стойки. Рядом с Бронко, механическим

быком Бена (владельца бара), которого он забрал со съёмок невероятно дрянного фильма «Городской ковбой», где он работал реквизитором. Это служило напоминанием о том, что Лос-Анджелес был городом, построенным отнюдь не на успехах в кино, а на мусорной куче людских и финансовых неудач. Более восьмидесяти процентов всех снятых фильмов были полнейшим провалом и потерей денег: здесь самый большой процент бездомного населения в США, плотность которого сопоставима с Мумбаи. Пробки на дорогах старались задушить всё живое в городе, хотя уличные преступления, наркотики и насилие могли их в этом опередить. Но солнце светило. О да, эта чёртова Калифорнийская лампа стоматолога никогда не выключалась, она безжалостно светила, заставляя все безделушки в этом фальшивом городе сверкать как настоящие бриллианты, как подлинные истории успеха. Если бы они знали их истинную цену. Как знала её она, Люсиль, потому что она была там, на сцене. И за кулисами.

Мужчина, сидящий рядом с ней, определённо никогда не был на сцене, она узнавала людей из этой индустрии моментально. Но он также не выглядел как человек, смотрящий на сцену с восхищением, надеждой и завистью. Он был больше

похож на того, кому всё это глубоко безразлично. На человека, увлечённого чем-то своим. Музыкант, возможно? Один их тех типов, похожих на Фрэнка Заппу, сочиняющих свою непостижимую музыку в подвале здесь, в Лорел-Каньоне, которые не стали — и никогда и не станут — известными?

После пары его визитов, Люсиль и новенький стали обмениваться кивками и короткими приветствиями, как обычно делают утренние посетители в барах для сильно пьющих. Но сегодня она впервые подсела к нему и угостила выпивкой. Или точнее, она оплатила напиток, который он заказал, увидев, как Бен возвращает ему кредитную карту с выражением лица, говорящем, что лимит исчерпан.

— Но любит ли Осло тебя? — спросила она. — Вот в чём вопрос.

— Едва ли, — ответил он.

Когда он провёл рукой по коротким, грязно-светлым с проседью волосам, она заметила, что вместо среднего пальца у него металлический протез. Он не был красавцем, и багровый шрам в форме буквы «J» от угла рта до уха — будто он был рыбой, попавшейся на крючок, — не помогал делу. Но было в нём что-то, что-то почти при-

влекательное и слегка опасное, как у некоторых её коллег здесь в городе. Кристофер Уокен. Ник Нолти. Ещё он был широкоплеч. Хотя так могло казаться из-за того, что остальная часть его тела была такой худой.

— Ага, их-то мы и хотим больше всех, — сказала Люсиль. — Тех, кто не любит нас в ответ. Тех, кто, нам кажется, полюбит нас, просто старайся мы *чуть* сильнее.

— Итак, чем ты занимаешься? — спросил мужчина.

— Пью, — ответила она, поднимая свой стакан виски. — И кормлю котов.

— Хм.

— Полагаю, на самом деле ты хочешь знать, кто я такая. Ну, я… — она отпила из стакана, раздумывая, какую версию ему предложить. Ту, что для вечеринок, или правду. Она поставила стакан, остановившись на последнем варианте. К чёрту. — Актриса, сыгравшая одну большую роль. Джульетта, в лучшей по сей день экранизации «Ромео и Джульетты», но которую теперь никто уже не помнит. Одна главная роль звучит не очень впечатляюще, но всё же это больше, чем могут получить большинство актёров в этом городе. Я была замужем три раза, дважды за состо-

ятельными кинорежиссёрами, от которых ушла с выгодными соглашениями о разводе, что тоже больше, чем достаётся многим актёрам. Третий муж был единственным, кого я любила. Актёр, красивый как Адонис, без денег, дисциплинированности и совести. Он растратил мои деньги до последнего пенни и бросил меня. Я до сих пор люблю его, гори он в аду.

Она допила свой стакан, поставила его на барную стойку и подала сигнал Бену налить ещё.

— А поскольку меня всегда влечёт то, чего я не могу получить, я вложила деньги, которых у меня нет, в кинопроект с заманчивой главной ролью для пожилой дамы. Проект с интеллектуальным сценарием, актёрами, которые действительно могут играть, и режиссёром, который дал бы людям пищу для размышления. Одним словом, любой рациональный человек понял бы, что такой проект обречён на провал. Вот кто я — мечтательница, неудачница, типичный житель Лос-Анджелеса.

Мужчина со шрамом в форме буквы «J» улыбнулся.

— Что ж, хватит с меня самоуничижения, — сказала она. — Как тебя зовут?

— Харри.

— Ты не очень разговорчив, Харри.

— Хм.

— Швед?

— Норвежец.

— Бежишь от чего-то?

— Вот так это выглядит?

— Да. Вижу, ты носишь обручальное кольцо. Убегаешь от своей жены?

— Она умерла.

— А, убегаешь от горя. — Люсиль подняла свой стакан для тоста. — Хочешь знать место, которое я люблю больше всего? Оно прямо здесь, в Лорел-Каньоне. Но не сейчас, а в конце шестидесятых. Тебе стоило побывать там, Харри. Если ты уже был рождён тогда.

— Ага, это я уже слышал.

Она указала на фотографии в рамках на стене позади Бена.

— Все музыканты зависали здесь. Кросби, Стиллз, Нэш… Как звали последнего парня?

Харри снова улыбнулся.

— «Мамас энд Папас», — продолжала она. — Кэрол Кинг. Джеймс Тейлор. Джони Митчелл, — она сморщила нос. — Она выглядела и разговаривала, как ученица воскресной школы, но спала кое с кем из вышеупомянутых. Даже вцепилась

своими когтями в Леонарда — он прожил с ней месяц или около того. Мне позволили позаимствовать его на одну ночь.

— Леонарда Коэна?

— Единственного и неповторимого. Очаровательный и милый мужчина. Он научил меня немного искусству стихосложения. Большинство людей совершает ошибку, начиная с единственной хорошей строки, а затем добавляют едва ли приличную диссонансную рифму[1]. Хитрость заключается в том, чтобы перенести эту рифму в первое предложение, тогда никто её не заметит. Просто взгляни на банальную первую строку песни «Hey, That's No Way to Say Goodbye»[2] и сравни её с красотой второй строки. В обоих предложениях есть настоящая элегантность. Мы слышим это так, потому что считаем, что автор думает в той же последовательности, в которой пишет. Это не удивительно: люди склонны верить, что происходящее — результат произошедшего ранее, а не наоборот.

---

[1] Примечания: 1

Диссонансная рифма — разновидность рифмы, построенная на созвучии с неполным совпадением по звучанию.

[2] Примечания: 2

Название песни Леонарда Коэна «Hey, That's No Way to Say Goodbye» переводится как «Эй, еще не время нам расставаться».

— Хм. То есть происходящее — результат того, что случится в будущем?

— Именно, Харри. Ты это понимаешь, не правда ли?

— Не уверен. Можешь привести пример?

— Конечно, — она допила свой напиток. Должно быть, он услышал что-то в её тоне, потому что поднял одну бровь и быстро обвёл взглядом бар.

— Сейчас я рассказываю тебе, как задолжала денег за фильм, который так и не вышел в прокат, — сказала она, глядя сквозь грязное окно с полузакрытыми жалюзи на пыльную парковку снаружи. — Это не совпадение, а скорее следствие того, что произойдёт. У бара возле моей машины припаркован белый «Шевроле Камаро».

— С двумя мужчинами внутри, — ответил он. — Он стоит там уже двадцать минут.

Она кивнула. Харри только что подтвердил, что она не ошиблась в своей догадке о сфере его деятельности.

— Я заметила эту машину возле моего дома в Каньоне сегодня утром, — сказала она. — Нельзя назвать большой неожиданностью, они уже делали мне предупреждение и угрожали прислать коллекторов. Неофициальных. Этот кредит был дан не банком, если ты меня понимаешь. Теперь,

когда я пойду к своей машине, эти джентльмены вероятно захотят поговорить со мной. Догадываюсь, что они — профессионалы в деле предупреждений и угроз.

— Хм. И для чего рассказывать это мне?

— Потому что ты коп.

Снова он поднял бровь.

— Я?

— Мой отец был копом и, очевидно, вы, ребята, узнаваемы по всему миру. Суть в том, что я хочу, чтобы ты вёл наблюдение за происходящим. Если они станут кричать и угрожать, я бы хотела, чтобы ты вышел на крыльцо и… ну ты понимаешь, выглядел как коп, чтобы они отвалили. Слушай, я вполне уверена, что до этого не дойдёт, но я бы чувствовала себя более безопасно под твоим присмотром.

Харри некоторое время изучал её.

— Окей, — сказал он просто.

Люсиль была удивлена. Не слишком ли легко он позволил уговорить себя? В то же время в его глазах было нечто непоколебимое, заставившее её поверить ему. С другой стороны, она верила и Адонису. И режиссёру. И продюсеру.

— Я ухожу, — сказала она.

Харри Холе держал стакан в руке. Слушал прак-

тически беззвучное шипение тающих кубиков льда. Не пил. Он был на мели, на самом дне, и собирался насладиться этим напитком на улице. Его взгляд сосредоточился на одной из картин на стене за барной стойкой. Это была фотография одного из любимых писателей его молодости, Чарльза Буковски, на фоне фасада «Тварей». Бен говорил ему, что она была сделана в семидесятые. Буковски стоял в обнимку с приятелем на рассвете, оба были в гавайских рубашках, глаза блестят, зрачки размером с булавку, с триумфальной улыбкой, будто они только что достигли Северного Полюса после изнурительного путешествия.

Харри опустил глаза и взглянул на кредитную карту, которую Бен бросил на барную стойку перед ним.

Лимит исчерпан. Пусто. Ничего не осталось. Миссия выполнена. Она заключалась в том, чтобы пить до тех пор, пока действительно не останется ничего. Ни денег, ни дней, ни будущего. Всё, что ему оставалось, это проверить, хватит ли ему смелости — или трусости — закончить всё это. Под матрасом в его комнате в гостевом доме лежал пистолет «Беретта». Он купил его за двадцать пять долларов у бездомного парня, живущего в одной из голубых палаток вдоль

Скид-Роу. В пистолете было три пули. Он положил кредитную карту на ладонь и сжал её пальцами. Повернулся, чтобы посмотреть в окно. Посмотрел на пожилую даму, гордо идущую к парковке. Она была такой маленькой. Лёгкая, хрупкая и сильная, как воробей. Бежевые брюки и подобранный в тон короткий пиджак. Было что-то из восьмидесятых в её устарелой, но со вкусом подобранной одежде. Она шла так же стремительно, как входила в бар каждое утро, появляясь эффектно для аудитории от двух до восьми человек.

— Люсиль пришла! — провозглашал Бен, прежде чем безо всяких просьб начать для неё смешивать её обычный яд, виски сауэр.

Но не то, как она входила в комнату, напоминало Харри его мать, умершую от рака в онкологической клинике «Радиум», когда ему было пятнадцать, всадив тем самым в его сердце первую пулю. А мягкий, улыбчивый и в то же время грустный взгляд Люсиль, говоривший о добром, но покорном сердце. То беспокойство, с которым она расспрашивала кого-то о последних новостях, их здоровье, любовной жизни, друзьях и родных. И то уважение, которое она проявила к Харри, позволив ему мирно сидеть в самом конце барной стойки. Его мать, неразговорчи-

вая женщина, которая была серым кардиналом семьи, её нервным центром, которая тянула за ниточки так незаметно, что любой мог с лёгкостью поверить, что это отец принимал решения. Его мать, которая всегда была готова тепло его обнять и всегда его понимала, которую он любил больше всех на свете, и ставшую, впоследствии, его ахиллесовой пятой. Как в тот раз, во втором классе, когда послышался мягкий стук в классную дверь, и показалась его мать с коробкой для завтрака, которую он забыл дома. Лицо Харри автоматически засияло при виде её, пока он не услышал смех некоторых одноклассников. После этого он вылетел из класса к ней в коридор и яростно отчитал за то, что она его позорит, она должна уйти, еда ему не нужна. Она лишь грустно улыбнулась, отдала коробочку с завтраком, погладила его щёку и ушла. Позже он об этом не заговаривал. Разумеется, она всё поняла, как всегда понимала. И когда он отправился спать в тот вечер, то тоже понимал, что не *она* была причиной его смущения. А то, что все вокруг увидели. Его любовь. Его уязвимость. В последующие годы он несколько раз порывался извиниться, но, вероятно, это показалось бы просто глупым.

Облако пыли поднялось над посыпанной грави-

ем площадкой перед баром, окутав на мгновение Люсиль, которая старалась удержать на месте солнцезащитные очки. Он увидел открывающуюся пассажирскую дверь «Камаро» и выходящего из неё мужчину в солнечных очках и красном поло. Он встал перед машиной, загораживая Люсиль путь.

Харри ожидал увидеть разговор между ними. Но вместо этого мужчина сделал шаг вперёд, схватил Люсиль за руку и начал тащить к «Камаро». Харри видел, как каблуки её туфель вонзаются в гравий. И теперь он также видел, что у «Камаро» были не американские номера. В это мгновение он вскочил с барного стула. Подбегая к двери, он резко толкнул её локтем, был ослеплён солнечным светом и чуть не оступился на двух ступенях крыльца. Осознав, что он далеко не трезв, Харри направился к тем двум машинам. Глаза постепенно начали привыкать к свету. За парковкой, на другой стороне дороги, петляющей вверх по зелёному склону холма, находился унылый универмаг, но не было видно ни одного человека, кроме мужчины и Люсиль, которую он пытался затащить в «Камаро».

— Полиция! — закричал он. — Отпусти её!

— Пожалуйста, не вмешивайтесь, сэр, — крик-

нул в ответ мужчина.

Харри предположил, что род деятельности этого мужчины когда-то был схож с его собственным: только полицейские прибегают к вежливым просьбам в подобных ситуациях. Харри также понимал, что не обойдётся без драки, а первое правило ближнего боя довольно просто: не жди, побеждает тот, кто атакует первым и с максимальной агрессией. Поэтому он ускорился, и другой мужчина, должно быть, понял его намерения, поскольку отпустил Люсиль и потянулся к своему заднему карману. Теперь в его руке был блестящий пистолет, который Харри мгновенно узнал. «Глок 17». Направленный прямо на него.

Харри притормозил, но продолжил двигаться вперёд. Увидел глаз мужчины, целящийся из-за пистолета. Его голос наполовину заглушил проезжавший мимо пикап:

— Возвращайтесь туда, откуда пришли, сэр. Живо!

Но Харри продолжил двигаться вперёд. Он осознал, что по-прежнему держит кредитную карту в правой руке. Неужели вот так всё и кончится? На пыльной парковке в чужой стране, утопая в солнечном свете, без гроша в кармане, пьяный, в попытке совершить то, чего он не был способен

совершить ни для своей матери, ни для всех тех, кто когда-либо был ему дорог.

Он почти закрыл глаза и сжал в руке кредитную карту, из-за чего его рука стала похожа на стамеску.

В его голове крутилось название песни Леонарда Коэна «Hey, That's No Way to Say Goodbye».

К дьяволу! Ни черта это не конец!

Глава 1

Пятница

Восемь часов вечера. Прошло полчаса с тех пор, как в Осло зашло за горизонт сентябрьское солнце, и всем трёхлетним детям давно было пора спать.

Катрина Братт вздохнула и прошептала в трубку:

— Тебе не спится, дорогой?

— Бабуська поёт плёхо, — ответил детский, шмыгающий носом голосок. — Де ты?

— Мне пришлось пойти на работу, дорогой, но я скоро буду дома. Хочешь, мама немного споёт?

— Да.

— Тогда тебе придётся закрыть глаза.

— Хавасо.

— «Блюмена»?

— Да.

Катрина Братт начала грустно петь низким глубоким голосом:

«Блюмен, Блюмен, козлик мой,

Возвратись скорей домой»[3].

Она понятия не имела, почему норвежским детям вот уже почти сто лет нравилось, когда их убаюкивали историей о встревоженном мальчике, который недоумевает, почему с пастбища не вернулся домой его любимый козлик Блюмен, и боится, что его забрал медведь, и теперь он лежит изуродованный и мёртвый где-то в горах.

И всё же, пропев один куплет, она услышала, что дыхание Герта стало спокойнее и размеренное, а спустя ещё одно четверостишие в телефон зашептал голос её свекрови.

— Он заснул.

— Спасибо, — ответила Катрина, которая так долго сидела на земле, на корточках, что ей пришлось опереться рукой о землю. — Я постараюсь вернуться пораньше.

— Не спеши, дорогая. Это я должна благодарить тебя, что ты разрешаешь нам проводить время с ним. Знаешь, во сне он так похож на Бьёрна.

Катрина сглотнула. Она не могла ничего толком ответить, когда слышала подобное от свекрови. Не потому, что она не скучала по Бьёрну, не по-

[3] Примечания: 3

Цитаты из норвежской колыбельной здесь и далее даны в переводе Никиты Ильина.

тому, что она не была рада, что родители Бьёрна видели его в Герте. Просто потому что это не было правдой.

И она сосредоточилась на насущных проблемах.

— Потрясающая колыбельная, — сказал Сон Мин Ларсен, который подошёл и присел на корточки рядом с ней. — «Может быть, ты уже мёртв»?

— Понимаешь, это единственное, что он хочет услышать перед сном, — сказала Катрина.

— Ну, тогда пусть слушает. — Её коллега улыбнулся.

Катрина кивнула.

— Ты когда-нибудь задумывалась о том, что в детстве мы ожидаем безусловной любви от наших родителей, не отдавая ничего взамен? Что мы на самом деле в тот момент являемся паразитами? Но потом мы взрослеем, и всё полностью меняется. Как ты думаешь, когда именно мы перестаём верить в то, что нас можно любить безоговорочно просто за то, что мы такие, какие есть?

— Ты имеешь в виду, когда *она* перестала верить?

— Да.

Они посмотрели на тело молодой женщины, лежащее на земле в лесу. Её штаны и трусы были спущены до щиколоток, молния на пуховике была наглухо застёгнута до самого верха. Лицо, обращённое к усыпанному звёздами небу, казалось белым как мел в свете прожекторов, установленных посреди деревьев сотрудниками криминалистического отдела. Макияж девушки смазался, словно он стекал и высыхал несколько раз. Волосы, сильно обесцвеченные химикатами, прилипли к одной стороне лица. Губы были раздуты от силикона. Накладные ресницы, похожие на карниз крыши, топорщились над одним запавшим глазом, смотревшим остекленело сквозь них, а над другим глазом, которого на самом деле не было, зияла лишь пустая глазница. Возможно, все эти плохо поддающиеся разложению синтетические материалы стали причиной того, что тело так хорошо сохранилось.

— Это Сюсанна Андерсен? — спросил Сон Мин.

— Полагаю, да, — ответила Катрина.

Детективы были из разных полицейских отделов: она служила в отделе по расследованию убийств полиции Осло, а он — в специальном агентстве норвежской полицейской службы Крипос. Двадцатишестилетняя Сюсанна Андерсен

считалась пропавшей без вести уже семнадцать дней. В последний раз её заметили на записях камер наблюдения у станции метро «Скюллерюд», которая находилась в двадцати минутах пешей прогулки от места, где они находились сейчас. Единственной зацепкой в деле ещё одной пропавшей женщины, двадцатисемилетней Бертины Бертильсен, был автомобиль, брошенный на автостоянке в Грефсенколлене, в парковой зоне в другой части города. Цвет волос женщины, лежащей перед ними, был схож с тем, который они видели на кадрах камеры наблюдения у Сюсанны, тогда как Бертина, по словам её семьи и друзей, в настоящее время была брюнеткой. К тому же, на обнажённой нижней части обнаруженного им тела не было татуировок, а у Бертины было одно тату — лого «Луи Виттон» — на лодыжке.

Стоял относительно прохладный и сухой сентябрь, и, судя по цвету кожи трупа — голубому, пурпурному, жёлтому, коричневому, он мог пролежать на открытом воздухе около трёх недель. Это же подтверждал запах, ощущаемый из-за газа, постепенно выделяющегося изо всех отверстий тела. Катрина также заметила белые участки тонких, похожих на волосы нитей под ноздрями:

грибок. В большую рану на горле заползли желтовато-белые слепые личинки. Катрина видела подобное так часто, что отнеслась к этому почти равнодушно. В конце концов, мясные мухи, по словам Харри, были верны, как болельщики «Ливерпуля». Они появляются в любой момент, независимо от времени и места, дождя или солнца, привлечённые запахом диметилтрисульфида, который тело начинает выделять с момента смерти. Самки откладывают яйца, а через несколько дней вылупляются личинки, которые начинают поедать гниющую плоть. Они окукливаются, превращаются в мух, которые опять ищут тела, чтобы отложить в них собственные яйца, а через месяц доживают свою жизнь до конца и умирают. Это их жизненный цикл. «Не так уж отличается от нашего, — подумала Катрина. — Вернее, не так уж сильно отличается от моего».

Катрина огляделась. Одетые в белое сотрудники Кримтекниск, отдела криминалистической экспертизы, двигались среди деревьев, как бесшумные призраки, отбрасывая жуткие тени каждый раз, когда загорались вспышки их камер. Лес был большой. Лесной район Эстмарка простирался, миля за милей, практически до самой Швеции. Тело обнаружил бегун. Или, скорее,

его собака, спущенная с поводка и убежавшая в лес с узкой, посыпанной гравием дорожки. Уже начинало темнеть. Бегун с налобным фонариком последовал за ней, окликая по имени, и в конце концов нашёл её рядом с телом, радостно виляющую хвостом. Ну, ни о каком вилянии в отчёте речи не было, но именно так представляла себе это Катрина.

— Сюсанна Андерсен, — прошептала она, сама не зная к кому именно она обращается. Возможно, к умершей, желая дать ей утешение и уверенность в том, что она наконец найдена и опознана.

Причина смерти была очевидна. Разрез поперёк горла словно сформировал улыбку на её тонкой шее. Личинки мух, другие насекомые и, возможно, даже животные уже успели полакомиться её кровью и плотью. Однако Катрина видела следы брызг крови на вереске и на стволе одного из деревьев.

— Убита здесь, *в этом месте,* — сказала она.

— Похоже на то, — отозвался Сон Мин. — Думаешь, она изнасилована? Или над ней надругались?

— Уже после убийства, — ответила Катрина, освещая фонариком руки Сюсанны. — Нет ни

сломанных ногтей, ни следов борьбы. Но я постараюсь, чтобы они провели судебно-медицинскую экспертизу в эти выходные. Посмотрим, что они скажут.

— А клиническое обследование?

— Мы не получим его результатов, как минимум, до понедельника.

Сон Мин вздохнул.

— Что ж, полагаю, обнаружение Бертины Бертильсен с перерезанным горлом где-то в Грефсенколлене — это всего лишь вопрос времени.

Катрина кивнула. За последний год они с Сон Мином познакомились поближе, и он подтвердил свою репутацию одного из лучших детективов Крипоса. Многие считали, что он займёт пост старшего инспектора в тот день, когда Уле Винтер уйдёт в отставку, и что с этого момента у отдела будет начальник на порядок лучше. Возможно, будет. Потому что были и те, кому не нравилось, что главный следственный орган страны мог возглавить некогда усыновлённый южнокореец и к тому же гомосексуал, предпочитающий одеваться в стиле британской аристократии. Его классическая твидовая охотничья куртка и высокие сапоги из натуральных замши и кожи резко контрастировали с тонким пуховиком фирмы

«Патагония» и кроссовками с гортексом Катрины. Когда Бьёрн был жив, он называл её стиль «горпкор», что, как ей непрозрачно намекали, было международным термином для людей, которые ходят в паб одетыми так, как будто они направляются в горы. Она предпочитала называть свой стиль адаптацией к жизни матери маленького ребёнка. Но она должна была признать, что одевалась более сдержанно и практично, потому что уже была не молодым и мятежным следователем, а главой отдела по расследованию убийств.

— Как ты думаешь, что это такое? — спросил Сон Мин.

Она знала, что он думает о том же, о чём и она. И что никто из них не был готов произносить эти слова вслух. Пока ещё не был. Катрина прочистила горло.

— Первое, что мы сделаем, — это будем придерживаться того, что имеем, и выясним, что произошло.

— Согласен.

Катрина надеялась, в будущем она часто будет слышать слово «согласен» от сотрудников Крипоса. Но она, конечно же, будет рада любой помощи, которую они предложат. Крипос дал понять, что они готовы оказать содействие с того

момента, как Бертина Бертильсен, при поразительно схожих обстоятельствах, была объявлена пропавшей ровно через неделю после исчезновения Сюсанны. Обе женщины вышли из дома во вторник вечером, не сказав никому из тех, с кем беседовала полиция, куда они направляются и что собираются делать, и с тех пор их никто не видел. Кроме того, были и другие обстоятельства, связывавшие этих двух женщин. Когда это стало известно, полиция отложила в сторону теорию о том, что Сюсанна попала в аварию или покончила с собой.

— Хорошо, — сказала Катрина и встала. — Пора предупредить босса.

Катрине пришлось постоять неподвижно какое-то время, прежде чем к ней вернулась чувствительность в ногах. Она включила фонарик на своём мобильном телефоне и пошла обратно, старалась ступать по тем же следам, которые оставила по пути сюда, к месту преступления. Оказавшись за лентой оцепления, натянутой между деревьями, она набрала первые буквы имени главного суперинтенданта. Бодиль Мелинг сняла трубку после третьего гудка.

— Это Братт. Извини за столь поздний звонок, но, кажется, мы нашли одну из пропавших жен-

щин. Убита, у неё перерезано горло. Вероятно, мы нашли следы артериальной крови, скорее всего было изнасилование или действия сексуального характера. Мы совершенно уверены, что это Сюсанна Андерсен.

— Это очень плохо, — сказала Меллинг голосом, лишённым всякой интонации. И в то же время Катрина представила себе отсутствие выражения на лице Бодиль Меллинг, отсутствие красок в её одежде, отсутствие выражения эмоций в её жестах, гарантированное отсутствие конфликтов в её семейной жизни и отсутствие радости в её сексуальной жизни. Она обнаружила, что единственное, что вызвало реакцию у недавно назначенного главного суперинтенданта, это тот факт, что вскоре должен был освободиться пост начальника полиции. Дело было не в том, что Меллинг не была квалифицирована, просто Катрина находила её невыносимо скучной. Защищающейся. Бесхарактерной.

— Проведёшь пресс-конференцию? — спросила Меллинг.

— Хорошо. Хочешь вместе…?

— Нет, пока у нас нет положительной идентификации тела, веди без меня.

— Значит, вместе с Крипосом? У них есть люди

на месте происшествия.

— Ладно, прекрасно. Если это всё, то я вернусь к своим гостям.

В последовавшей паузе Катрина услышала негромкий разговор на заднем плане, звучавший как дружеский обмен мнениями, когда один человек подтверждает и развивает то, что сказал другой. Социальные связи. Именно их предпочитала создавать Бодиль Меллинг. Она почти наверняка разозлилась бы, если бы Катрина снова подняла ту тему. Катрина предложила это, как только было объявлено о пропаже Бертины Бертильсен, и возникло подозрение, что две женщины могли быть убиты одним и тем же мужчиной. Сейчас она тоже ничего не добьётся, Меллинг ясно дала это понять, фактически положив конец дискуссии. Катрина должна просто забыть об этом.

— Ещё кое-что, — сказала она, позволив словам повиснуть в воздухе, пока она переводила дыхание.

Но её начальница опередила её.

— Мой ответ — нет, Братт.

— Но он единственный специалист по этому вопросу, который у нас есть. И он самый лучший.

— И самый худший. Кроме того, он больше не

наш сотрудник, слава богу.

— Журналисты обязательно начнут его искать, спросят, почему мы не…

— Тогда ты просто скажешь правду, которая заключается в том, что мы не знаем, где он находится. Более того, учитывая то, что случилось с его женой, вкупе с его неуравновешенным характером и злоупотреблением психоактивными веществами, я не могу представить, чтобы он участвовал в расследовании этого убийства.

— Мне кажется, я знаю, где его найти.

— Брось это, Братт. Обращение к прежним героям, как только тебе стало сложно, воспринимается как скрытое пренебрежение к людям, которые сейчас находятся в твоём распоряжении в отделе по расследованию убийств. Как это повлияет на их самооценку и мотивацию, если ты скажешь, что хочешь привлечь эту развалюху без значка? Это то, что называется плохим руководством, Братт.

— Хорошо, — сказала Катрина и с трудом сглотнула.

— Ладно, я ценю, что ты считаешь, что всё хорошо. Что-нибудь ещё?

Катрина на мгновение задумалась. Итак, на самом деле Меллинг может вступать в конфликт

и скалить зубы. Это хорошо. Она посмотрела на полумесяц, висящий над верхушками деревьев. Прошлой ночью Арне, молодой человек, с которым она встречалась почти месяц, сказал ей, что через две недели произойдёт полное лунное затмение, так называемая кровавая луна, и они должны отметить это событие. Катрина понятия не имела, что такое кровавая луна, но, по-видимому, это происходило раз в два-три года, и Арне был так воодушевлён, что у неё не хватило духу сказать, что, возможно, им не стоит планировать своё будущее дальше, чем на две недели, учитывая, что они едва знали друг друга. Катрина никогда не боялась конфликтов или прямолинейности. Вероятно, она унаследовала это от своего отца, полицейского из Бергена, у которого было больше врагов, чем дождливых дней в этом городе, но она научилась выбирать свои сражения и время их проведения. И, поразмыслив над этим, она поняла, что может не идти на конфронтацию с мужчиной, будущее с которым было для неё туманным. Но некоторых конфликтов ей не избежать. И лучше сделать это сейчас, чем позже.

— Вообще-то да, — сказала Катрина. — Можно ли будет так и сказать на пресс-конференции,

если кто-нибудь спросит? Или родителям следующей убитой девушки?

— Что сказать?

— Что полиция Осло отказывается от помощи человека, который раскрыл три дела о серийных убийцах в городе и задержал трёх преступников? На том основании, что, по нашему мнению, это может повлиять на самооценку некоторых наших коллег?

Воцарилось долгое молчание, и Катрина теперь даже не слышала никакого разговора на заднем плане. Наконец Бодиль Меллинг откашлялась.

— Знаешь что, Катрина? Ты усердно работала над этим делом. Продолжай в том же духе и проведи эту пресс-конференцию, поспи немного в выходные, и мы обсудим это в понедельник.

После того как они закончили разговор, Катрина позвонила в Институт судебной медицины. Вместо того чтобы обратиться по официальным каналам, она позвонила на личный номер Александре Стурдза, молодой сотруднице Института, у которой не было ни мужа, ни ребёнка и которая не слишком возражала против продолжительного рабочего дня. И, конечно же, Стурдза ответила, что они с коллегой осмотрят тело на следующий день.

Катрина стояла, глядя вниз на мёртвую женщину. Возможно, именно тот факт, что в этом мире мужчин она благодаря своим собственным усилиям стала тем, кем стала, не позволил ей отбросить своё презрение к женщинам, добровольно зависевшим от мужчин. То, что Сюсанна и Бертина жили за счёт мужчин, было не единственным обстоятельством, связывающим их. Другим связующим звеном между ними было то, что у них был один и тот же мужчина, старше их на тридцать лет, магнат недвижимости Маркус Рё. Их жизнь и существование зависели от других людей, мужчин с деньгами и работой, которых у них самих не было, мужчин, обеспечивающих их. Взамен они предлагали свои тела, молодость и красоту. И — поскольку об их отношениях было всем известно — выбранный ими хозяин мог наслаждаться завистью других мужчин. Но, в отличие от детей, такие женщины, как Сюсанна и Бертина, жили с пониманием того, что любовь не была безусловной. Рано или поздно хозяин бросил бы их, и им пришлось бы искать нового человека, которым можно было бы питаться. Или позволить питаться собой, в зависимости от того, как на это посмотреть.

Была ли это любовь? Стоит ли отрицать это

лишь потому, что думать об этом было слишком удручающе?

Между деревьями, в направлении посыпанной гравием дороги, Катрина увидела синий огонёк подъехавшей бесшумно машины скорой помощи. Она подумала о Харри Холе. Да, в апреле он подал признаки жизни: послал открытку — подумать только! — с фотографией пляжа Венис и почтовым штемпелем Лос-Анджелеса. Словно сигнал, пойманный гидролокатором с подводной лодки, затаившейся на дне океана. Сообщение было коротким: «Вышли деньги». Была ли это шутка, она не знала. С тех пор никаких вестей.

Полная тишина.

Последний куплет колыбельной, который она не пропела сыну, зазвучал у неё в голове:

Блюмен, Блюмен, мне заблей,
Голос твой мне всех милей.
Милый мой, скорей ответь,
Ты не можешь умереть!

Глава 2

Пятница
Цена

Пресс-конференция была организована, как обычно, в конференц-зале в главном здании полиции. Часы на стене показывали без трёх минут десять, и ожидая вместе со своими коллегами, когда представители полиции займут свои места на трибуне, Мона До, криминальный репортёр газеты «Верденс ганг» («ВГ»), пришла к выводу, что журналистов пришло достаточно много. Более двадцати человек, и это в пятницу вечером. Она со своим фотографом уже успела обсудить, «продаются» ли двойные убийства в два раза лучше, чем «одиночные» или это тот случай, когда работает закон убывающей доходности. Фотограф считал, что качество важнее количества, и поскольку жертва была привлекательной молодой этнической норвежкой, она собрала бы больше кликов, чем, например, пара сорокалетних наркоманов с судимостями. Или два — да, даже трое — мальчиков-иммигрантов из какой-нибудь банды.

Моне До нечего было возразить. На данный момент было точно известно, что погибла только одна из пропавших девушек. Но это всего лишь вопрос времени: скоро станет ясно, что другую постигла та же участь. И да — обе были молодыми, хорошенькими, этническими норвежками. Но лучше от этого не становилось. Она не понимала, что ей с этим делать. Выразить особую обеспокоенность о молодом, невинном и беззащитном человеке. Или лучше акцентировать внимание на других факторах, которые обычно привлекали внимание читателя: на сексе, деньгах — на жизни, о которой читатели мечтали сами.

Кстати, о желании иметь то, что есть у других. Она посмотрела на мужчину лет тридцати, сидевшего в ряду пред ней. На нём была фланелевая рубашка, которую в этом году должны были носить все хипстеры, и шляпа-пирожок, как у Джина Хэкмена из «Французского связного». Это был Терри Воге из газеты «Дагбладет», и она жалела, что у неё нет таких источников информации, как у него. С тех пор как всплыла эта история, он задирал нос перед остальными. Именно Воге, кстати, первым написал о том, что Сюсанна Андерсен и Бертина Бертильсен были на одной и той же вечеринке. И он же нашёл информатора,

сообщившего, что папиком обеих девушек был Рё. Это раздражало. И не только потому, что он был конкурентом. Само его присутствие здесь раздражало. Словно услышав её мысли, он повернулся и посмотрел на неё. Широко улыбаясь, он салютовал ей, прикоснувшись пальцем к полям своей идиотской шляпы.

— Ты ему нравишься, — сказал фотограф.

— Я знаю, — ответила она.

Воге начал оказывать знаки внимания Моне, когда совершил своё невероятное возвращение в газетную журналистику в качестве криминального репортёра, а она совершила ошибку, проявив к нему относительное дружелюбие на семинаре, посвящённом — подумать только! — журналистской этике. Поскольку остальные журналисты избегали его как чумы, её отношение, должно быть, показалось ему располагающим. Впоследствии он обращался к Моне за «советами» и «подсказками», как он это назвал. Как будто ей было интересно быть для Терри Воге ментором — и всерьёз желать иметь с ним что-то общее: в конце концов, все знали, что витавшие о нём слухи возникли *не на пустом месте*. Но чем отстраненнее она вела себя по отношению к нему, тем навязчивее он становился. Звонил

по телефону, стучался ей в соцсети, зависал в барах и кафе, где была она, будто бы случайно. И как обычно, ей потребовалось чуточку времени, чтобы понять, что он интересуется именно ею. Мона никогда не пользовалась популярностью у противоположного пола: коренастая, широколицая, с «грустными», как говорила её мать, волосами и врождённым дефектом бедра, из-за которого её походка походила на крабью. Бог весть, было ли это попыткой компенсаторного поведения, но она пошла в тренажёрный зал, стала ещё более коренастой, но теперь могла поднять 120 кг в становой тяге[4] и заняла третье место в национальном чемпионате по бодибилдингу. И поскольку жизнь её научила, что никто — по крайней мере, она сама — не получает ничего за просто так, она развила в себе напористое обаяние, чувство юмора и твёрдость — черты характера, с которыми можно было забыть о мире розовых пони и которые помогли ей завоевать неофициальный титул королевы криминального репортажа и Андерса. Из этих двух достижений больше она ценила Андерса. Ну, чуть больше. Но это неважно. Несмотря на то, что внимание

---

[4] Примечания: 4
Становая тяга — подъём штанги с пола.

со стороны других мужчин, в том числе от Воге, было новым и лестным ощущением, не шло даже речи, чтобы поощрять его. И она считала, что не только словами, но и самим тоном, с которым она их произнесла, и языком тела — она ясно выразила эту свою позицию Воге. Но он видел и слышал только то, что хотел видеть и слышать. Иногда она смотрела в его широко открытые, пристально смотрящие глаза и спрашивала себя — сидит ли он на какой-то дряни или это его продуманная тактика. Однажды вечером он пришёл в бар, где была она, и, когда Андерс пошёл в уборную, он сказал низким и тихим голосом, едва слышным из-за музыки, но вполне различимым: «Ты — моя». Она притворилась, что не расслышала, но он продолжал стоять там, спокойный и уверенный, хитро улыбаясь, будто теперь это был их общий секрет. К чёрту его. Она терпеть не могла выяснений отношений, поэтому не рассказала об этом Андерсу. Не то, чтобы Андерс плохо бы отреагировал, она знала: он отлично бы это пережил. Но всё равно ничего не рассказала. Что Воге о себе вообразил? Что её интерес к нему, новому альфа-самцу в их маленьком болотце, будет расти прямо пропорционально росту его репутации криминального репортёра, который

всегда на шаг впереди других? Поскольку он уже был лучшим, и в этом никто не сомневался. И если она и хотела чего-то, что было у других, так это снова лидировать в гонке, а не быть низведённой до уровня одной из многих, пытающихся догнать Терри Воге.

— Как ты думаешь, откуда он берёт свою информацию? — прошептала она фотографу.

Он пожал плечами.

— Может, он снова всё выдумывает, — Мона покачала головой.

— Нет, есть веские основания верить тому, что он сейчас пишет.

Маркус Рё и Юхан Крон, его адвокат, даже не пытались опровергнуть ничего из того, что написал Воге, и этого было достаточно для подтверждения.

Но Воге не всегда был королём криминальной журналистики. Байки о нём ходили, и будут ходить. В ней фигурировала девушка, сценический псевдоним которой был Джини. Она предпочитала ретро-глэм в стиле Сьюзи Квадро, если ещё кто-нибудь помнил кто это. Дело произошло примерно пять или шесть лет назад. И самая худшая часть истории была не в том, что Воге фабриковал фейки о Джини и публиковал их в

печати, а в том, что поговаривали, что он подсыпал рогипнол в её бокал на вечеринке, чтобы заняться сексом с этой девочкой-подростком. В то время он был музыкальным журналистом в одной бесплатной газете и, очевидно, был без ума от Джини, но, несмотря на то, что он восхвалял её в рецензии за рецензией, он раз за разом получал отказ. Тем не менее он продолжал появляться на концертах и на вечеринках после них. Вплоть до той ночи, когда — если верить слухам — он подсыпал ей что-то в напиток и утащил в свой номер, который он забронировал в том же отеле, где остановилась группа. Когда парни из группы поняли, что происходит, они ворвались в гостиничный номер, где Джини лежала без сознания, полураздетая на кровати Терри Воге. Они так избили Терри, что он получил перелом черепа и провалялся в больнице пару месяцев. Джини и группа, должно быть, решили, что Воге получил сполна, или, возможно, сами не хотели подвергать себя риску судебного преследования. В любом случае, ни одна из вовлечённых сторон не сообщила об этом инциденте в полицию. Но на этом его восторженные статьи закончились. Теперь в дополнение к обзору каждой новой песни Терри Воге писал о распущенности Джини,

злоупотреблении наркотиками, плагиате, невыплатах остальным участникам группы и ложной информации в грантовых заявках для поддержки гастролей. Когда дюжину его публикаций передали в Комиссию по жалобам на прессу и выяснилось, что половина фактов из его статей — это фейки, Воге был уволен и стал *персоной нон грата* в норвежских СМИ на следующие пять лет. Как ему удалось вернуться, оставалось загадкой. А может, и не такой уж и загадкой. Он понял, что с музыкальной журналистикой покончено, и стал вести блог о криминальных происшествиях, который собирал всё больше и больше читателей, и в конце концов «Дагбладет» заявила, что нельзя ставить крест на карьере молодого журналиста только потому, что он допустил пару ошибок в начале своей карьеры, и взяла его на работу в качестве фрилансера — фрилансера, у которого сейчас выходит больше статей, чем у любого из штатных репортёров газеты.

Когда появились полицейские и заняли свои места за трибуной, Воге наконец отвернулся от Моны. Вышло два человека из полиции Осло: начальник отдела по расследованию убийств Катрина Братт и руководитель пресс-службы Полицейского управления Осло Кедзиерски,

мужчина с гривой вьющихся волос в стиле Боба Дилана. И два человека из Крипоса: похожий на терьера Уле Винтер и как всегда хорошо одетый Сон Мин Ларсен, щеголяющий модной стрижкой. Итак, Мона предположила, что они уже приняли решение о том, что расследование будет вестись совместно отделом убийств Осло и Крипосом. Союз демократичной Вольво и аристократичной Феррари.

Большинство журналистов подняли свои смартфоны вверх, чтобы записать звук и сделать фото, но Мона До делала заметки от руки, а фотосъёмку предоставила своему коллеге.

Как и ожидалось, они узнали немногое, помимо того, что в Эстмарке, в парковой зоне рядом со станцией Скюллерюд, было найдено тело, и что погибшая была опознана как ранее пропавшая Сюсанна Андерсен. Дело будет рассматриваться как возможное убийство, но у них пока нет никаких подробностей, чтобы официально озвучить причину смерти, последовательность событий, имена подозреваемых и так далее.

Последовали обычные реверансы: журналисты засыпали сидящих на трибуне вопросами, а те, в основном Катрина Братт, повторяли «без комментариев» и «мы не можем ответить на это».

Мона До зевнула. Они с Андресом планировали устроить поздний ужин в качестве приятного начала выходных, но этому не суждено было случиться. Она записала всё, что было сказано, но у неё было отчётливое ощущение, что ничего нового она не услышала. Возможно, Терри Воге чувствовал то же самое. Он не делал никаких заметок и ничего не записывал. Просто откинулся на спинку стула, наблюдая за происходящим с лёгкой, почти торжествующей улыбкой. Не задавая никаких вопросов, как будто у него уже были ответы, которые его интересовали. Когда у остальных журналистов иссякли силы, и руководитель пресс-службы Кедзиерски, казалось, набрал в грудь воздуха, чтобы поставить точку, Мона подняла свою ручку в воздух.

— Да, «ВГ»? — выражение лица руководителя пресс-службы говорило о том, что говорить лучше кратко, ведь на носу выходные.

— Считаете ли вы, что достаточно компетентны, если окажется, что этот человек из тех, кто будет ещё убивать, то есть если он…

Катрина Братт наклонилась вперёд в своём кресле и перебила её:

— Как мы уже сказали, у нас нет никаких веских оснований, позволяющих нам утверждать, что

существует какая-либо связь между этой смертью и любыми другими возможными преступными деяниями. Что касается объединённых ресурсов отдела убийств и Крипоса, я осмелюсь сказать, что их достаточно, учитывая то, что мы знаем об этом деле на данный момент.

Мона обратила внимание на осторожные слова инспектора: «знаем на данный момент». И что сидевший рядом Сон Мин Ларсен не кивнул в ответ на слова Братт и никак не выразил своего мнения об этих объединённых ресурсах.

Пресс-конференция подошла к концу, и Мона с остальными вышли в мягкую осеннюю ночь.

— Что ты думаешь? — спросил фотограф.

— Я думаю, они счастливы, что у них есть тело, — сказала Мона.

— Ты говоришь «счастливы»?

— Да. Сюсанна Андерсен и Бертина Бертильсен мертвы уже несколько недель, полиции это известно, но у них нет ни единой зацепки, кроме той вечеринки у Рё. Так что, да, я думаю, они счастливы, что эти выходные начались по крайней мере с одного трупа, который может им что-то подсказать.

— Чёрт, Мона, ты хладнокровна, как рыба.

Мона удивлённо посмотрела на него. На мгно-

вение задумалась:

— Спасибо, — сказала она.

Было четверть двенадцатого, когда Юхан Крон наконец нашёл место для парковки своего «Лексус UX 300e» на улице Томаса Хефти, а затем отыскал по номеру здание, куда попросил приехать его клиент Маркус Рё. Пятидесятилетний адвокат считался среди коллег одним из лучших адвокатов в Осло. Благодаря его медийности, обыватель считал Крона бесспорно лучшим. Поскольку он был, за редким исключением, более известным, чем его клиенты, он обычно не ходил к ним на дом, они сами должны были приходить к нему, предпочтительно в офис юридической фирмы «Крон и Симонсен» на улице Розенкранц в обычное рабочее время. Но всё же случались звонки и визиты на дом. Этот адрес не был основным местом жительства Рё: официально он проживал в пентхаусе площадью двести шестьдесят квадратных метров в одном из новых зданий в Ослобукте.

Как его и проинструктировали по телефону полчаса назад, Крон на домофоне нажал кнопку с названием компании Рё — «Барбелл Пропертиз».

— Юхан? — прозвучал запыхавшийся голос Маркуса Рё. — Пятый этаж.

Сверху двери послышалось жужжание, и Крон толкнул её, чтобы открыть.

Лифт выглядел достаточно подозрительно, и Крон пошёл по лестнице. По широким дубовым ступеням с чугунными перилами, форма которых была бы более уместна в домах Гауди, чем в солидном эксклюзивном норвежском особняке. Дверь на пятом этаже была приоткрыта. Оттуда раздавались звуки перестрелки, и он понял, что не ошибся, когда вошёл внутрь и, увидев голубоватый свет, исходящий из гостиной, заглянул туда. Перед большим телевизионным экраном, не менее ста дюймов по диагонали, спиной к нему стояли трое мужчин. На стоявшем в центре крупном мужчине были одеты очки виртуальной реальности, в каждой руке он держал по игровой консоли. Двум другим было лет двадцать, и они, по-видимому, были зрителями. Они использовали телевизор в качестве монитора, чтобы видеть то, что было перед глазами человека в VR-очках. На экране показывали какие-то окопы времён Первой мировой войны, как Крон мог предположить по каскам бегущих к ним немецких солдат, в которых стрелял крупный мужчина с консолями.

— Да! — крикнул один из молодых людей, когда

взорвалась внутри шлема голова последнего немца, и тот упал на землю.

Крупный мужчина снял VR-очки и повернулся к Крону.

— По крайней мере, здесь проблема решена, — сказал он с довольной улыбкой. Маркус Рё был красив, если принять во внимание его возраст. У него было широкое лицо, лукавый взгляд, его бронзовая от искусственного загара кожа была гладкой, а зачесанные назад блестящие чёрные волосы были густыми, как у двадцатилетнего парня. Конечно, лишние килограммы осели на его талии, но он был высок. И его рост скрадывал эти килограммы. Но в первую очередь притягивал внимание горящий в его глазах огонь, живость энергии, которая намекала, что большинство людей сначала будут очарованы, потом раздавлены и, в конце концов, истощены Маркусом Рё. За это время он, вероятно, получил бы то, что хотел, и его интерес к вам пропал бы. Уровень энергии Рё мог меняться, как и его настроение. Крон предположил, что и то, и другое как-то связано с белым порошком, следы которого он увидел под одной из ноздрей Рё. Всё это Юхан Крон знал, но смирился с этим. Не только потому, что Рё настоял на том, чтобы выплатить заранее половину

гонорара Крона, чтобы, как он выразился, гарантировать безраздельное внимание, лояльность и желание Крона добиться результата. Но главным образом потому, что Рё был клиентом мечты Крона: человек с высоким статусом, миллионер с таким одиозным имиджем, что Крон, как это ни парадоксально, взяв его в клиенты, проявил больше смелости и принципиальности, чем оппортунизма. Так что ему — до тех пор, пока дело не решено — просто придётся смириться с тем, что его могут вызвать в любой момент, даже в пятницу вечером.

По сигналу Рё оба молодых людей вышли из комнаты.

— Ты знаком с игрой «War Remains», Юхан? Нет? Чертовски классная виртуальная игра, но в ней ты ни в кого не можешь выстрелить. Вот это своего рода её копия, разработчик которой хочет, чтобы я вложил в его проект деньги… — Рё кивнул в сторону экрана, взял графин и налил виски в два хрустальных бокала. — Они пытаются сохранить остатки магии войны, но сделать это так, чтобы ты мог — как бы точнее выразиться? — влиять на ход истории. В конце концов, это то, чего мы все хотим, верно?

— Я за рулём, — сказал Крон, отгораживаясь

ладонью от стакана, который протягивал ему Рё.

Рё на мгновение посмотрел на Крона, как будто не понял, почему тот отказывается. Затем он громко чихнул, опустился в дизайнерское кожаное кресло и поставил оба бокала на стол перед собой.

— Чья это квартира? — спросил Крон, усаживаясь в соседнее кресло. И тут же пожалел о своём вопросе. Как юристу ему спокойнее было бы знать ровно столько, сколько нужно, и не больше.

— Моя, — ответил Рё. — Я использую её как… ну, знаешь, убежище.

По движению плечей и хитрой гримасе Маркуса Рё Крон догадался, что тот имел в виду. У него были клиенты с похожими квартирами. И во время собственной интрижки на стороне, которая, к счастью, уже закончилась, едва он осознал, что ему грозит потерять, он и сам подумывал о покупке такого, по словам его коллеги, гнёздышка одиночек для развлечений не в одиночку.

— И что же произошло в итоге? — спросил Рё.

— Теперь, когда Сюсанна опознана и установлена причина смерти, расследование вступит в новую фазу. Ты должен быть готов к тому, что тебя вызовут на новые допросы.

— Другими словами, я буду привлекать ещё

больше внимания.

— Если только полиция не найдёт на месте преступления что-нибудь, что исключит тебя из списка подозреваемых. Мы всегда можем надеяться на это.

— Я так и думал, что ты скажешь что-нибудь в этом роде. Но я больше не могу просто сидеть на месте и надеяться на лучшее, Юхан. Знаешь, что моя фирма «Барбелл Пропертиз» потеряла три крупных контракта за последние две недели? Они озвучили какие-то надуманные отговорки, что ждали более высокие прибыли и так далее — никто не осмеливается прямо сказать, что всё дело в этих статьях «Дагбладет» обо мне и девочках, и они не хотят, чтобы их связывали с возможным убийством, или боятся, что меня арестуют, а имущество фирмы разбазарят. Если я буду сидеть сложа руки, надеясь, что банда низкооплачиваемых тупоголовых копов выполнит свою работу, то «Барбелл Пропертиз» может обанкротиться задолго до того, как они обнаружат то, что снимет с меня все подозрения. Нам нужно работать на опережение, Юхан. Мы должны доказать общественности, что я невиновен. Или, по крайней мере, я полагаю, в моих интересах узнать правду.

— И как?

— Нам нужно нанять наших собственных детективов. Первоклассных. В лучшем случае они найдут убийцу. Если нет, продемонстрируют общественности, что я пытаюсь докопаться до истины.

Юхан Крон кивнул.

— Позволь мне показать слабые стороны этого плана.

— Валяй, — сказал Рё и чихнул.

— Во-первых, все лучшие детективы работают в Крипосе, поскольку им платят лучше, чем в отделе убийств. И даже если бы они согласились оставить надёжную карьеру ради такого краткосрочного задания, как это, им всё равно пришлось бы уведомить об этом своё начальство за три месяца, плюс у них было бы обязательство соблюдать конфиденциальность, касающуюся того, что они знают о этих пропавших без вести лицах. Что, по сути, делает их бесполезными для нас. Во-вторых, это было бы плохо для твоей репутации. Расследование, финансируемое миллионером? Ты оказал бы себе медвежью услугу. Если твои детективы обнаружат так называемые факты, которые оправдывают тебя, эта информация автоматически будет подвергнута сомнению,

чего не произошло бы, если бы полиция сама обнаружила те же факты.

— Вот оно что, — улыбнулся Рё, вытирая нос салфеткой. — Я люблю, когда цена оправдывает качество. Ты молодец, ты указал на проблемы. А теперь докажи мне, что ты лучший в своём деле, и расскажи, как мы можем решить эти проблемы.

Юхан Крон сел прямо в своём кресле.

— Спасибо за доверие, но решение будет очень не простое.

— Что это значит?

— Вы упомянули о поиске лучшего, и есть один человек, который, возможно, является лучшим. Его предыдущие результаты, безусловно, указывают на это.

— Но…?

— Но он больше не служит в полиции.

— Судя по тому, что ты мне до этого рассказал, это преимущество.

— Я имею в виду, что есть веские причины, почему он больше не служит в полиции.

— Какие именно?

— С чего мне начать? Несоблюдение субординации. Грубая халатность при исполнении служебных обязанностей. Мог заявиться пьяным на работу, явно алкоголик. Зафиксировано

несколько случаев насилия с его стороны. Злоупотребляет психоактивными веществами. Несёт ответственность, хотя и не осуждён, за смерть по крайней мере одного своего коллеги. Словом, на его совести, вероятно, больше преступлений, чем у большинства преступников, которых он задерживал. К тому же, насколько мне известно, работать с ним — сущий кошмар.

— Это убедительные причины. Так зачем же ты о нём говоришь, если он такой невыносимый?

— Потому что он самый лучший. И потому что он мог бы быть полезен в отношении второй части того, что ты говорил, о том, чтобы показать общественности, что ты пытаешься докопаться до истины.

— Вот как…?

— Дела, которые он раскрыл, сделали его одним из немногих детективов, имеющим своего рода авторитет в обществе. Имидж бескомпромиссного человека, которому наплевать на условности. Преувеличено, конечно, но людям нравятся такого рода мифы. И для наших целей его репутация помогла бы развеять подозрения в том, что наше расследование было куплено и оплачено.

— Ты стоишь каждого пенни, Юхан Крон. — Рё ухмыльнулся. — Это тот человек, который нам

нужен!

— Проблема в том…

— Нет! Просто предложи ему больше денег, пока он не скажет «да».

— …в том, что, похоже, никто точно не знает, где он находится.

Рё поднял свой стакан с виски, но не стал пить, просто хмуро посмотрел на него.

— Что ты подразумеваешь под «точно»?

— Иногда по работе я сталкиваюсь с Катриной Братт, главой отдела убийств, и когда я спросил её о нём, она сказала, что в последний раз он подавал признаки жизни из какого-то мегаполиса, но она не знала, где именно он находится и что он там делает. Скажем так, её слова прозвучали не слишком оптимистично.

— Эй! Не отступай теперь, когда ты рассказал мне об этом парне, Юхан! Он нам нужен, я это чувствую. Найди его.

Крон вздохнул. И снова пожалел, что открыл рот. Будучи хвастуном от природы, он, конечно же, попал прямиком в классическую ловушку «Докажи, что ты лучший», которую Маркус Рё, вероятно, использовал каждый божий день. Но поскольку его нога уже застряла в капкане, дать обратный ход было слишком поздно. Нужно

будет сделать несколько звонков. Он подсчитал разницу во времени. Ладно, с таким же успехом он может заняться этим прямо сейчас.

Глава 3

Суббота

Александра Стурдза изучала своё лицо в зеркале над раковиной, привычно и тщательно моя руки, как будто она скоро прикоснётся к живому человеку, а не к трупу. Её лицо было жёстким, в оспинах. Её волосы, зачёсанные назад и стянутые в тугой пучок, были чёрными как смоль, но она знала, что первые седые волоски не за горами — у её матери-румынки они появились, когда ей было чуть за тридцать. Норвежские мужчины говорили, что её карие глаза «вспыхивали», особенно когда кто-нибудь из них пытался подражать её почти незаметному акценту. Или когда они посмеивались над её родиной, месте, которое многие явно считали большой шуткой, и она рассказала им, что приехала из города Тимишоара, где в 1884 году, впервые в Европе, было установлено электрическое уличное освещение, за два поколения до Осло. Когда она приехала в Норвегию двадцатилетней девушкой, она выучила норвежский язык за шесть месяцев, работая на трёх работах, которые она потом сократила до

двух, когда стала изучать химию в Норвежском университете естественных и технических наук, а теперь только на одной, в Институте судебной медицины, одновременно сосредоточившись на выборе темы её докторской диссертации по анализу ДНК. Временами — хотя и не так часто — она задавалась вопросом, что же делает её такой привлекательной для мужчин. Это не могло быть из-за её лица и прямолинейности, а порой и резкости. Или из-за её интеллекта, или резюме, которые мужчин, казалось, больше страшили, чем возбуждали. Она вздохнула. Один мужчина однажды сказал ей, что её тело представляет собой нечто среднее между тигром и Ламборгини. Странно, как такой банальный комментарий может звучать совершенно неуместно или вполне приемлемо, да, даже замечательно, в зависимости от того, кто это говорит. Она выключила кран и вошла в комнату для вскрытия.

Хельге уже был там. Ассистент по судебно-медицинским экспертизам, младше её на два года, сообразительный и обладающий прекрасным чувством юмора — оба качества Александра считала ценными, особенно когда работаешь с мертвецами и перед тобой стоит задача узнать секреты о том, как произошла смерть. Хельге

был биоинженером, а Александра — инженером-химиком, и оба были квалифицированы для проведения судебно-медицинских экспертиз, но не полных клинических вскрытий. Тем не менее некоторые патологоанатомы пытались повысить свой статус, называя их «прислугой» — архаическое определение, унаследованное от немецких патологоанатомов старой школы. Хельге было всё равно, но Александру, по её признанию, время от времени это раздражало. Особенно в такие дни, как сегодня, когда она приходила и делала всё, что сделал бы патологоанатом при предварительном вскрытии, — и так же хорошо. Хельге был её любимцем в институте, он всегда приходил на помощь, когда она просила, что сделал бы далеко не каждый норвежец в субботу. Или после 16:00 в будний день. Иногда она задавалась вопросом, на каком месте по индексу уровня жизни находилась бы эта страна бездельников, если бы американцы не обнаружили нефть на норвежском континентальном шельфе.

Она включила лампу, висевшую над обнажённым телом молодой женщины на столе. Запах трупа зависел от многих факторов: возраста, причины смерти, принимались ли лекарства, какая пища была съедена и, конечно же, как далеко

зашёл процесс разложения. У Александры не было проблем с вонью гниющей плоти, экскрементов или мочи. Она могла даже справиться с газами, образующимися в процессе разложения, которые тело выделяло с долгим шипением. А вот от запаха разложившегося желудка её воротило. От запаха рвоты, желчи и разных кислот. В этом смысле у Сюсанны Андерсен всё было не так уж плохо, даже после трёх недель проведённых на свежем воздухе.

— Личинок нет? — спросила Александра.

— Я их удалил, — сказал Хельге, поднимая сосуд, которую они использовали в таких случаях.

— Сохранил их?

— Да, — сказал он, указывая на стеклянную коробку с дюжиной белых личинок. Их не выбросили, потому что их размеры могли указывать на то, как долго они питались трупом, другими словами, сколько времени прошло с тех пор, как они вылупились, и, следовательно, это важно для определения времени смерти. С точностью не до часа, но до дня и недели.

— Это не займёт много времени, — сказала Александра. — Отдел убийств просто хочет знать вероятную причину смерти и заключение по внешнему осмотру. Возьмём на анализ кровь,

мочу, биологические жидкости. Патологоанатом проведёт полное вскрытие в понедельник. Есть какие-нибудь планы на сегодняшний вечер? Тут…

Хельге сфотографировал то место, куда она указывала.

— Подумал посмотреть фильм, — сказал он.

— Как насчёт того, чтобы пойти со мной потанцевать в гей-клуб? — Она сделала пометки в бланке и снова указала пальцем. — Здесь.

— Я не умею танцевать.

— Чушь собачья. Все геи умеют танцевать. Видишь этот порез на горле? Начинается с левой стороны, дальше становится глубже, затем мельче к правой. Это указывает на то, что убийца-правша стоял сзади и запрокидывал ей голову. Один из патологоанатомов рассказывал мне о похожей ране, которую они сочли убийством, и оказалось, что мужчина сам перерезал себе горло. Другими словами, был полон решимости. Что скажешь, хочешь пойти потанцевать с какими-нибудь геями сегодня вечером?

— А что, если я не гей?

— В таком случае… — сказала Александра, делая пометки, — … я бы не хотела куда-нибудь с тобой пойти, Хельге.

Он громко рассмеялся и сделал снимок.

— Потому что… ?

— Потому что тогда ты будешь отпугивать других мужчин. Хороший второй пилот должен быть геем.

— Я могу притвориться геем.

— Не сработает. Мужчины чувствуют запах тестостерона и отступают. Как ты думаешь, что это такое?

Она держала увеличительное стекло прямо под одним из сосков Сюсанны Андерсен.

Хельге наклонился ближе.

— Возможно, засохшая слюна. Или сопли. Не сперма, в любом случае.

— Сделай снимок, затем я возьму образец соскоба и проверю его в лаборатории в понедельник. Если нам повезёт, это будет материал ДНК.

Хельге сделал снимок, пока Александра осматривала рот, уши, ноздри и глаза.

— Как ты думаешь, что здесь произошло? Она подняла фонарик и посветила в пустую глазницу.

— Работа животных?

— Нет, я так не думаю. — Александра посветила фонариком по краям глазницы. — Внутри от глазного яблока ничего не осталось, и вокруг

глаза нет ран от когтей птиц или грызунов. А если бы это было животное, почему бы не вытащить и другой глаз тоже? Сфотографируй вот здесь… — она осветила глазницу. — Видишь, как выглядят нервные волокна, как будто их перерезали в одном месте, словно ножом?

— Господи, — сказал Хельге. — Кто делает что-то подобное?

— Злые люди, — сказала Александра, качая головой. — Очень злые и очень ущербные люди. И они там на свободе. Может быть, мне тоже стоит остаться дома и посмотреть фильм сегодня вечером?

— Да, точно.

— Ок. Давай посмотрим, не изнасиловал ли он её.

Они устроили перекур на крыше, убедившись, что у жертвы нет явных признаков повреждения наружных или внутренних половых органов, а также каких-либо следов спермы на внешней стороне влагалища. Если сперма и была внутри вагины, она давно впиталась во внутренние органы. Патологоанатом проверит это в понедельник, но она была почти уверена, что он не придёт к другому, отличному от их заключению.

Александра не была заядлой курильщицей, но

была смутно убеждена в том, что дым сигарет выкуривают любых потенциальных, могущих поселиться внутри неё демонов мертвецов. Она вдохнула и посмотрела на Осло. На фьорд, сверкающий, как серебро, под бледным, безоблачным небом. На невысокие холмы, где краски осени горели красным и жёлтым.

— Чёрт возьми, как здесь прекрасно, — сказала она со вздохом.

— Ты говоришь так, словно хотела бы, чтобы это было не так, — сказал Хельге, забирая у неё сигарету.

— Я ненавижу привязываться к вещам.

— Вещам?

— Местам. Людям.

— Мужчинам?

— Особенно к мужчинам. Они отнимают твою свободу. Или, скорее, они не отнимают, а ты, чёрт побери, отдаёшь её как слабачка, как будто тебя на это запрограммировали. А свобода стоит больше, чем люди.

— Ты уверена?

Она выхватила сигарету обратно и сделала длинную, сердитую затяжку. Так же сильно выдохнула дым и издала резкий, скрипучий смешок.

— В любом случае, она стоит больше, чем те мужчины, в которых я влюбляюсь.

— А как насчёт того копа, о котором ты упоминала?

— А, он. — Она хмыкнула. — Да, он мне нравился. Но у него был полный беспорядок в жизни. Жена выгнала его, и он всё время пил.

— Где он сейчас?

— Его жена умерла, и он сбежал из страны. Трагическое происшествие. — Александра резко встала. — Ладно, нам лучше закончить и убрать тело обратно в холодильник. Я хочу повеселиться!

Они вернулись в комнату для вскрытия, собрали последние образцы, заполнили остальные поля отчётов и навели порядок.

— Кстати, о вечеринках, — сказала Александра. — Ты знаешь, на какой вечеринке были эта девушка и та, другая? Это была та же самая вечеринка, на которую меня пригласили, куда я потом пригласила тебя.

— Ты шутишь?

— Разве ты не помнишь? Меня пригласила подруга одного из соседей Рё. Она сказала, что вечеринка пройдёт на лучшей террасе на крыше в Ослобукте. Сказала мне, что там будет полно

богачей, знаменитостей и тусовщиков. Сказала, что женщинам лучше приходить в юбках. *Коротких* юбках.

— Уф,— сказал Хельге. — Я не виню тебя за то, что ты не пошла туда.

— К чёрту всё это, конечно, я бы пошла! Если бы в тот день у меня здесь не было так много работы. И ты бы пошёл со мной.

— Пошёл бы? — улыбнулся Хельге.

— Конечно. — Александра рассмеялась. — Я твоя гейская девушка-прикрытие. Разве ты не можешь представить это — ты, я и эти прекрасные люди?

— Могу.

— Видишь, ты гей.

— Что? Почему?

— Скажи мне правду, Хельге. Ты когда-нибудь спал с мужчиной?

— Дай-ка я подумаю… — Хельге подкатил стол с трупом к одному из холодильных шкафчиков. — Да.

— Больше одного раза?

— Это не значит, что я гей, — сказал он, открывая большой металлический ящик.

— Нет, это только косвенные улики. Доказательством, Ватсон, является то, что вы завязываете

свой свитер на одном плече и под другой рукой.

Хельге хихикнул, схватил одну из белых салфеток с приборного столика и швырнул её в Александру. Она улыбнулась и нырнула за крышку в конце стола. Она оставалась в таком положении, наклонившись, не сводя глаз с тела.

— Хельге, — тихо сказала она.

— Да.

— Я думаю, мы кое-что упустили.

— Что?

Александра протянула руку к голове Сюсанны Андерсен, приподняла волосы и отвела их в сторону.

— Что это? — спросил Хельге.

— Швы, — ответила Александра. — Свежие швы.

Он обошёл каталку с другой стороны.

— Хм. Думаешь, она могла пораниться?

Александра убрала волосы, внимательно посмотрела на швы.

— Это не было сделано квалифицированным врачом, Хельге, никто не использует нити такой толщины — шов не будет плотным. Просто это было сделано в спешке. И посмотри, швы идут по всей голове.

— Как будто с неё…

— Как будто с неё сняли скальп, — сказала Александра, чувствуя, как её пробирает холодная дрожь. — А потом скальп пришили обратно.

Она посмотрела на Хельге, увидела, как поднимается и опускается его адамово яблоко.

— Будем ли мы… — он начал. — Мы проверим, что там… под ним?

— Нет, — твёрдо сказала Александра, выпрямляясь. Ей хватает дома кошмаров от собственной работы. Патологоанатомы получают в год на двести тысяч крон больше, чем она. Это их дело — выяснить что там такое.

— Это выходит за рамки нашей компетенции, — сказала она. — Понимаешь, это те вещи, которые «прислуга» оставляет для взрослых.

— Хорошо. И, кстати, я уже не против вечеринки сегодня вечером.

— Хорошо, — сказала Александра. — Но нам нужно закончить отчёт и отправить его Братт в отдел убийств вместе с фотографиями. О, чёрт!

— Что такое?

— Я только что поняла, что Братт обязательно попросит меня провести экспресс-анализ ДНК, когда прочтёт об этой слюне или что там такое будет. В таком случае, я не выберусь в город сегодня вечером.

— Да ладно, ты можешь сказать «нет», всем нужен отдых, даже тебе.

Александра упёрла руки в бока, склонила голову набок и строго посмотрела на Хельге.

— Верно, — он вздохнул. — Где бы мы были, если бы все просто отдыхали?

Глава 4

Суббота
Кроличья нора

Харри Холе проснулся. В бунгало был полумрак, но белая полоса солнечного света проникала из-под бамбуковых жалюзи, протянулась вдоль грубого деревянного пола через каменную плиту, служившую кофейным столиком, и поверх кухонной столешницы.

На столешнице сидела кошка. Одна из кошек Люсиль, у которой их было так много, что Харри не мог отличить одну от другой. Казалось, что кошка улыбается. Она медленно махала хвостом, спокойно наблюдая за поспешно бежавшей вдоль стены мышью, останавливавшейся время от времени, чтобы поднять мордочку и хорошенько принюхаться, прежде чем продолжить путь. По направлению к кошке. Была ли мышь слепа? У неё не было обоняния? Не наелась ли она марихуаны Харри? Или может верила, как многие другие, ищущие счастья в этом городе, что она особенная, не похожая на остальных. Или что эта кошка не такая, как другие, у неё добрые

намерения, и она ни за что её не съест.

Харри потянулся за косяком на тумбочке, не отрывая глаз от мыши, направляющейся прямиком к кошке. Кошка бросилась, вонзив зубы в мышь и подняв её вверх. Несколько мгновений она корчилась в пасти хищника, прежде чем обмякнуть. Кошка положила свою добычу на пол и смотрела на неё, склонив голову набок, словно не могла решить — стоит её съесть или нет.

Харри закурил косяк. Он пришёл к выводу, что дурь не в счёт, учитывая новый режим употребления алкоголя, который он себе установил. Вдох. Дым взвился вверх к потолку. Ему снова снился водитель «Камаро». И номера из Нижней Калифорнии, Мексика. Сон был одним и тем же, он гнался за ними. И толковать его было легко.. Прошло три недели с тех пор, как Харри стоял на парковке у «Тварей» под дулом «Глока 17», вполне уверенный, что находится в паре секунд от своей неминуемой кончины. И это его вполне устраивало. Странно однако, что единственной мыслью, овладевшей им спустя те две секунды, на протяжении всех этих дней, было не умереть. Всё началось с нерешительности со стороны мужчины в поло: возможно, он взвешивал вероятность того, мог бы Харри быть просто психом,

легко устранимым и без стрельбы препятствием. Вряд ли у него было много время на раздумья, прежде чем Харри нанёс удар в горло своей «стамеской», отправив его в нокаут. Харри физически почувствовал, как гортань мужчины сжалась. Он лежал на гравии, извиваясь как червяк, держась руками за глотку, выпучив глаза, отчаянно хватая ртом воздух. Харри поднял «Глок» с земли и пристально посмотрел на человека в машине. За тонированными окнами он увидел немного, лишь контур лица мужчины, одетого в белую, наглухо застёгнутую рубашку. А также увидел, что тот курил сигарету или сигариллу. Мужчина был неподвижен и спокойно смотрел на Харри, будто оценивая его, запоминая. Услышав чей-то крик: «Садись!», Харри заметил, что Люсиль завела свою машину и открыла пассажирскую дверь.

Он прыгнул внутрь. Как в кроличью нору.

Когда она повернула к нижним улицам и бульвару Сансет, первым делом он спросил — кому и сколько денег она должна.

Ответ на первый вопрос — «Семье Эсполито» — ничего ему не говорил, но следующий — «Девятьсот шестьдесят тысяч долларов» — лишь подтвердил то, что «Глок» уже ему сказал. Что у неё не мелкие неприятности, а огромные. И что

отныне они стали и его неприятностями.

Он объяснил, что ей ни в коем случае нельзя возвращаться домой, и спросил, не может ли она у кого-нибудь залечь на дно. Она ответила, конечно, у неё полно друзей в Лос-Анджелесе. Но поразмыслив ещё минуту, сказала, что никто не согласится рисковать ради неё. Когда они остановились на заправке, Люсиль позвонила своему первому мужу, у которого, по её сведениям, был дом, пустующий на протяжении нескольких лет.

Вот так они оказались на этом участке земли, где стоял ветхий дом с заросшим садом и гостевым домиком, который занял Харри с новеньким «Глоком 17», поскольку отсюда в его поле зрения попадали оба входа и поскольку он был оснащён сигнализацией, которая сработает, если кто-то вломится в главный дом. Потенциальным злоумышленникам эта сигнализация была бы не слышна, что давало надежду зайти с тыла, если он войдёт в дом снаружи. Всё это время они с Люсиль почти не покидали имение, не считая коротких вылазок за самым необходимым: алкоголем, едой, одеждой и косметикой — именно в такой последовательности. Люсиль поселилась на первом этаже главного дома, который уже спустя неделю был полон кошек.

— Ох, в этом городе они все бездомные, — сказала ему Люсиль. — Кладёшь немного еды на крыльце несколько дней подряд, оставляешь входную дверь открытой, ещё немного еды на кухне, и не успеешь оглянуться, как у тебя будет достаточно домашних питомцев на всю жизнь.

И всё же, кажется, этого было недостаточно, потому что три дня назад Люсиль решила, что больше не в силах терпеть изоляцию. Она отвела Харри к своему знакомому портному, некогда работавшему на Сэвил Роу, потом к пожилому парикмахеру на Розвуд-авеню, а затем — самое важное — в обувной магазин Джона Лобба в Беверли-Хиллз. Вчера, пока Люсиль собиралась, Харри забрал свой костюм, и несколькими часами позже они отправились на ужин в «Дэн Тана», легендарный итальянский ресторан, стулья которого были так же дряхлы, как посетители, и в котором улыбающаяся весь вечер Люсиль, казалось, знала каждого посетителя.

Было семь часов утра. Харри сделал вдох и уставился в потолок, прислушиваясь к посторонним звукам. Но всё, что он услышал, были первые машины на Дохени Драйв, не самой широкой, но популярной у водителей улице, благодаря меньшему количеству светофоров и пересечений

с другими дорогами. Это напомнило ему, как он лежал в кровати в своей квартире в Осло, слушая из открытого окна звуки просыпающегося города. Ему не хватало их, даже сердитого звона и пронзительного визга тормозящего трамвая. В особенности пронзительного визга.

Но Осло был теперь в прошлом. После смерти Ракель он сидел в аэропорту, смотрел на табло уходящих рейсов, и, бросив игральные кости, определил, что его пунктом назначения будет Лос-Анджелес. Он подумал, не всё ли равно. Он жил в Чикаго целый год, проходя курс ФБР по серийным убийствам, и посчитал, что ему знакомы американская культура и образ жизни. Но вскоре после прибытия он понял, что Чикаго и Лос-Анджелес — две разные планеты. Один из друзей-киношников Люсиль, немецкий режиссёр, так с бахвальством описал Лос-Анджелес прошлым вечером:

— Ты приземляешься в международном аэропорту Лос-Анжелеса, солнце светит, тебя встречает лимузин и отвозит в местечко, где ты ложишься у бассейна, заказываешь коктейль, засыпаешь, а проснувшись обнаруживаешь, что двадцать лет твоей жизни пролетело.

Таким был Лос-Анджелес режиссёров.

Харри познакомился с Лос-Анджелесом за четыре ночи в грязной, полной тараканов комнате без кондиционера в мотеле в Ла-Сьенега, прежде чем он снял ещё более дешёвый номер в Лорел-Каньоне, также без кондиционера, но с ещё более крупными тараканами. Но он, можно сказать, освоился после того, как обнаружил «Тварей», бар по соседству, в котором выпивка была достаточно дешёвой, и можно было напиться до смерти.

Но после встречи лицом к лицу с дулом «Глока 17» его желание скорой смерти пропало. Так же как и желание напиваться. Не до крайней степени во всяком случае. Если он хотел быть в состоянии вести наблюдение за входами и присматривать за Люсиль, ему необходимо было быть хоть отчасти трезвым. Следовательно, он принял решение попробовать алкогольную диету, которую ему когда-то советовал его друг детства и собутыльник Эйстейн Эйкеланн, хотя, честно говоря, она казалась бредовой. Метод назывался «Управление умеренностью» и обещал научить употреблять алкоголь, а не злоупотреблять им. Харри впервые услышал об этом, когда они сидели вдвоём в такси Эйкеланна на стоянке в Осло. Он был в таком восторге от метода, что стучал по рулю, перечисляя его достоинства.

— Люди всегда посмеивались над алкоголиками, которые клянутся, что отныне они будут выпивать только в компании, не так ли? Потому что они не верят, что это возможно, они уверены в обратном, практически как если бы ты бросил вызов закону всемирного тяготения, такому как алкоголизм, например, так? Но знаешь что? Вполне реально пить до определённой степени опьянения даже для таких запущенных случаев, как ты. И я. Вполне возможно дать себе установку пить до определённой точки и остановиться. Всё, что тебе требуется, это решить заранее, где провести черту, какой объём ты можешь выпить. Но, само собой разумеется, над этим нужно работать.

— Ты имеешь в виду, надо очень много выпить, прежде чем поймёшь смысл?

— Ага. Ты ухмыляешься, Харри, но я серьёзно. Это о чувстве успеха, уверенности в себе. Тогда это возможно. Я не шучу, в качестве живого подтверждения могу предложить самого известного зависимого.

— Хм. Полагаю, мы говорим об этом переоценённом гитаристе, которого ты так обожаешь.

— Эй, прояви каплю уважения к Киту Ричардсу! Прочти его биографию! Он как раз в ней делится

своим лайфхаком. Выживание зависит от двух вещей. Только чистейшая, лучшая дурь, потому что убивает именно то, что в неё подмешивают. И умеренность: и в наркотиках, и в алкоголе. Ты точно знаешь, сколько тебе требуется, чтобы стать достаточно пьяным, что в твоём случае означает не чувствовать боли. После этого выпивка уже не помогает облегчить боль, не правда ли?

— Полагаю, нет.

— Именно! Быть пьяницей не означает быть идиотом или слабоумным. В конце концов тебе удаётся не пить, когда ты трезвый, так почему ты не можешь остановиться, когда ты пьян до нужной степени. Всё в твоей голове, брат!

Было ещё правило — в дополнение к установке черты — считать количество выпитого и решить, в какие дни будет полное воздержание. И принимать налтрексон[5] за час до принятия алкоголя. Отсрочка на час особенно помогала, когда тяга возникала внезапно. Он придерживался данного режима три недели и пока не сорвался. Значит, что-то в этом было.

Харри опустил ноги на пол и встал с кровати.

---

[5] Примечания: 5

Налтрексон — лекарственный препарат показан для предотвращения рецидива зависимости после детоксикации.

Ему не требовалось открывать холодильник, он и так знал, что пива в нём не было. Метод «Управление умеренностью» предполагал максимум три порции алкоголя в день. В его случае это упаковка из шести банок пива из «Севен-Элевен» в конце улицы. Он посмотрел в зеркало. За три недели с момента побега из «Тварей» он успел нарастить немного мяса на кости. А также седую, практически белую, бороду, которая скрывала его отличительную черту, багровый шрам. Однако было сомнительно, что этого хватит, чтобы мужчина из «Камаро» не узнал его при встрече. Харри наблюдал за основным домом и садом, пока натягивал потрёпанные джинсы и футболку с надорванной горловиной и надписью «Let Me Do One More» — названием песни группы «Иллюминати хоттис». Воткнул в уши старые беспроводные наушники, ноги — в сланцы, заметив, что грибок сотворил невероятный шедевр на большом пальце его правой ноги. Он вышел в переплетение трав, кустов и палисандровых деревьев. Остановился и посмотрел в обе стороны Дохени Драйв. Казалось, всё в порядке. Он включил песню «Pool Hopping» группы «Иллюминати хоттис», которая поднимала ему настроение с тех пор, как он впервые услышал её вживую в

«Зебулон Кафе». Но пройдя по тротуару пару метров, в боковое зеркало одной из припаркованных машин он заметил отъезжающую от обочины машину. Харри продолжил идти, слегка повернув голову для проверки. Машина медленно двигалась за ним с той же скоростью на расстоянии десяти метров от него. За то время, что он прожил в Лорел-Каньоне, его дважды останавливала полиция просто за то, что он передвигался пешком и, следовательно, считался подозрительной личностью. Но это был не крейсер полиции, а старый «Линкольн», и, насколько Харри мог различить, в машине находился лишь один человек. Широкое бульдожье лицо, двойной подбородок, маленькие усики. Чёрт, надо было взять «Глок» с собой! Но Харри не мог представить себе нападение посреди улицы в разгар дня, так что он продолжил идти. Незаметно выключил музыку. Перешёл улицу перед бульваром Санта-Моники и вошёл в «Севен-Элевен». Остановился и стал ждать, сканируя взглядом улицу. Но «Линкольна» нигде не было видно. Возможно, это был будущий покупатель дома, медленно курсирующий по округе и рассматривающий недвижимость на Дохени.

Он прошёл между рядов к холодильникам с пивом в задней части магазина. Услышал, как

открывается дверь. Остался стоять с одной рукой на ручке стеклянной двери, но не открывая её, чтобы видеть отражение. И вот он. В дешёвом клетчатом костюме и фигурой, вполне соответствующей его бульдожьему лицу: небольшой, компактный и толстый. Но его полнота могла скрывать скорость, силу и — Харри почувствовал, как сердце бьётся чаще — опасность. Он видел, что мужчина позади него был безоружен. Пока безоружен. Он оставил наушники в ушах, посчитав, что у него может быть шанс, если мужчина будет думать, что элемент неожиданности на его стороне.

— Мистер…

Харри сделал вид, что не слышит, и наблюдал, как приближающийся мужчина остановился прямо за ним. Почти на две головы ниже Харри, он протянул руку, возможно, чтобы постучать ему по плечу, возможно, с совершенно другой целью. В планы Харри не входило выяснять. Он обернулся боком и быстро обхватил рукой шею мужчины, одновременно открывая стеклянную дверь другой рукой. Рванул назад, сбил мужчину с ног, тем самым повалив на полки с пивом. Харри ослабил хватку на шее и навалился всем весом на дверцу, вдавливая голову мужчины в

полки с пивом. Бутылки начали опрокидываться, руки мужчины были зажаты между дверцей и косяком. Глаза на его бульдожьем лице расширились, и он крикнул что-то из-за дверцы, затуманив своим дыханием холодное стекло внутри холодильника. Харри слегка отпустил дверцу так, что голова мужчины соскользнула на нижнюю полку, затем навалился снова. Край дверцы холодильника давил ему прямо на горло, он выпучил глаза. Перестал кричать. Глаза вернулись в норму. А стекло больше не запотевало от его дыхания.

Харри постепенно снизил давление на дверцу. Мужчина безжизненно соскользнул на пол. Он явно не дышал. Харри надо было быстро расставить приоритеты. Жизнь мужчины или его собственная. Он выбрал свою собственную и запустил руку в карман клетчатого костюма толстяка. Выудил оттуда бумажник. Открыл и увидел фото мужчины на визитке: польское имя и — что более интересно — крупные буквы сверху — «Частный детектив, лицензированный Калифорнийским бюро безопасности и расследований».

Харри взглянул на безжизненно лежащего мужчину. Это было неправильно, так коллекторы не работали. Они могли нанять частного детек-

тива, чтобы найти его, но не чтобы установить контакт или избить.

Харри вздрогнул и пригнул голову, заметив другого мужчину между полками. В футболке «Севен-Элевен» и поднятыми в сторону Харри руками. В руках был сжат револьвер. Он видел, как колени мужчины трясутся, мышцы на лице бесконтрольно подёргиваются. Он также видел то, что видел этот мужчина. Бородатый парень, одетый как бездомный, держит бумажник парня в костюме, на которого явно только что напал.

— Не стреляй… — сказал Харри, кладя бумажник вниз, поднимая руки вверх и вставая на колени. — Я постоянный покупатель. Этот человек…

— Я всё видел! — проговорил мужчина визгливым голосом. — Я выстрелю! Полиция уже едет!

— Ок, — ответил Харри, и кивнул в сторону толстяка. — Но позволь мне помочь этому парню, окей?

— Пошевелишься — я выстрелю!

— Но… — начал было Харри, но замолчал, увидев взведённый курок револьвера.

В последовавшей тишине были слышны только гудение холодильника и далёкий вой приближающихся сирен. Полиция. Полиция и неизбежные

последствия, которые она влечёт: допрос и обвинения. Это не хорошо. Совсем не хорошо. Харри давно должен был покинуть Штаты, и у него не было документов, не позволивших бы им вышвырнуть его из страны. После того, как бросят его в тюрьму, конечно же.

Харри глубоко вздохнул. Взглянул на мужчину. В большинстве стран он бы отделался оборонительным отступлением, иными словами, поднялся бы на ноги с руками за головой и спокойно вышел бы из магазина, уверенный, что никто не выстрелит в него, хотя он и казался опасным вором. Но это была совсем другая страна.

— Я стреляю! — повторил мужчина, будто в ответ на размышления Харри, и расставил ноги ещё шире. Колени перестали трястись. Сирены приближались.

— Пожалуйста, ему надо помочь… — начал Харри, но его голос был заглушён внезапным приступом кашля.

Они уставились вниз на мужчину на полу.

Глаза детектива снова выпучились, все его тело сотрясалось в продолжительном приступе кашля.

Пистолет покупателя в футболке «Севен-Элевен» поворачивался то в одну, то в другую сторону,

неуверенный, представляет ли теперь опасность до сих пор считавшийся мёртвым человек.

— Извини… — задыхаясь прошептал детектив, — … что так к тебе подкрался. Но ты — Харри Холе, верно?

— Ну, — Харри колебался, выбирая из двух зол меньшее, — да, это я.

— Мой клиент хочет поговорить с тобой. — Мужчина со стоном повернулся на бок, достал телефон из кармана брюк, ввёл пароль и протянул телефон Харри. — Он с нетерпением ждёт звонка.

Харри взял уже звонивший телефон. Поднёс к уху.

— Алло? — сказал голос. Странно, но он казался знакомым.

— Алло, — ответил Харри, поглядывая на человека в футболке «Севен-Элевен», опустившего свой револьвер. Показалось ли Харри или он выглядел чуть скорее разочарованным, чем радостным? Наверное, он всё-таки родился и вырос здесь.

— Харри! — воскликнул голос из телефона. — Как ты? Это Юхан Крон.

Харри моргнул. Как давно он не слышал норвежского?

Глава 5

Суббота
Хвост скорпиона

Люсиль шуганула одну из кошек с кровати с балдахином, встала, раздвинула занавески и села перед трюмо. Изучила своё лицо. Недавно она видела фотографию Умы Турман, ей было за пятьдесят, но выглядела она как тридцатилетняя. Люсиль вздохнула. С каждым годом задача казалась всё сложнее для выполнения, но она открыла баночку «Шанель», окунула в неё кончики пальцев и начала распределять тональный крем от центра лица к бокам. Увидела, что кожа стала ещё более дряблой и собирается в складки. И спросила себя, как спрашивала каждое утро. Для чего? Зачем начинать каждый день сидя перед зеркалом полчаса, чтобы выглядеть не на восемьдесят, а, возможно… на семьдесят? И каждое утро ответ тоже был один и тот же. Потому что ей — как и любому другому актёру, которого она знала, — нужно было делать всё возможное, чтобы чувствовать себя любимой. Если не за то, кем он были, то хотя бы за то, кем они — с помо-

щью грима, костюмов и правильных сценариев — притворялись. Это была болезнь, которую возраст и невысокие ожидания так и не смогли полностью вылечить.

Люсиль надушилась своими мускусными духами. Некоторые считали мускус мужским ароматом и утверждали, что ему не место в женских духах, но она успешно носила его с самой молодости. Это выделяло её из толпы, это был аромат, который трудно забыть. Она завязала халат и спустилась вниз, стараясь не споткнуться о двух кошек, которые устроились на лестнице.

Она пошла на кухню и открыла холодильник. Почти сразу же одна из кошек потёрлась о её ноги в попытке получить угощение. Без сомнения, этот поступок пах любовью к тунцу, но легко было представить, что в нём чувствовалась и нотка привязанности к ней. В конце концов, чувствовать себя любимым было важнее, чем быть любимым. Люсиль достала консервы, повернулась к кухонному столу и вздрогнула, увидев Харри. Он сидел за кухонным столом, прислонившись спиной к стене и вытянув перед собой свои длинные ноги. Он сжимал серый титановый палец на левой руке. Его голубые глаза были прищурены. У него были самые голубые глаза,

какие она видела со времён Стива Маккуина.

Харри заёрзал на стуле.

— Завтрак? — спросила она, открывая банку.

Харри покачал головой. Он держался за свой титановый палец. Но её внимание привлекла рука, которой он его держал. Она сглотнула. Прочистила горло.

— Ты никогда этого не говорил, но ты действительно больше любишь собак, не так ли?

Он пожал плечами.

— Кстати, о собаках, я когда-нибудь говорила тебе, что должна была сниматься вместе с Робертом Де Ниро в фильме «Бешеный пёс и Глория»? Ты помнишь этот фильм?

Харри кивнул.

— Правда? Тогда ты один из немногих. Но Ума Турман получила эту роль. И они с Бобби, то есть Робертом, начали встречаться. Что было довольно необычно, учитывая, что ему в основном нравились чернокожие женщины. Должно быть, в ролях было что-то такое, что сблизило их, мы, актёры, действительно очень сильно погружаемся в то, что делаем, мы становимся теми, кого играем. Так что, если бы я получила роль, как мне обещали, тогда мы с Бобби стали бы парой, понимаешь?

— Мм. Ну раз ты так говоришь

— И я бы смогла его удержать. Не то что Ума Турман, она… — Люсиль выложила консервы на тарелку. — Ты читал, как все восторгались ею после того, как она выступила публично и рассказала о том, как Вайнштейн, эта свинья, подкатывал к ней? Хочешь знать, что я думаю? Я думаю, если ты, Ума Турман, актриса-миллионерша, знаешь, чем занимался Вайнштейн, и не бьёшь в колокола, и если ты, наконец, решаешь выступить, чтобы пнуть мужчину, только когда он уже упал, благодаря другим, менее известным и более храбрым женщинам, тебя не следует хвалить. Когда в течение многих лет ты своим молчанием позволяла всем этим молодым, подающим надежды актрисам входить в офис Вайнштейна, потому что у тебя уже есть свои миллионы, и высказаться вслух значит упустить — возможно, упустить — ещё одну роль стоимостью в миллион долларов, за это, думаю, тебя следует публично выпороть и оплевать.

Она помолчала.

— Что-то не так, Харри?

— Нам нужно найти новое место, — сказал он. — Они найдут нас.

— Почему ты так думаешь?

— Частному детективу потребовались сутки, чтобы найти нас.

— Частному детективу?

— Я только что говорил с ним. Он ушёл.

— Чего он хотел?

— Предложить мне работу частного детектива для богатого парня, которого подозревают в убийстве в Норвегии.

Люсиль с трудом сглотнула.

— И что ты ответил?

— Я сказал «нет».

— Почему?

Харри пожал плечами.

— Может быть, потому, что я устал бегать.

Она поставила тарелку на землю и стала наблюдать, как кошки толпятся вокруг.

— Я прекрасно понимаю, что ты делаешь это ради меня, Харри. Ты поступаешь так, как говорится в старой китайской пословице о том, что если однажды спас чью-то жизнь, ты несёшь за этого человека ответственность всю оставшуюся жизнь.

Харри криво улыбнулся.

— Я не спасал тебе жизнь, Люсиль. Им нужны были деньги, которые ты должна, и они не собираются убивать единственного человека,

который может вернуть их.

Она улыбнулась в ответ. Знала, что он говорит это для того, чтобы она не испугалась. Знала, что он в курсе того, что те бандиты считали, что она никогда не сможет достать миллион долларов.

Она взяла чайник, чтобы наполнить его водой, но поняла, что это неважно, и поставила его на место.

— Значит, ты устал убегать.

— Устал убегать.

Она вспомнила разговор, который у них состоялся однажды вечером, когда они пили вино и смотрели «Ромео и Джульетта», запись которого она нашла в ящике стола. В кои-то веки она хотела поговорить о нём, а не о себе, но он почти ничего не сказал. Только то, что он бежал в Лос-Анджелес от разрушенной жизни, от жены, которая была убита, от коллеги, который покончил с собой. Никаких подробностей. И она поняла, что копать дальше нет смысла. На самом деле это был приятный вечер, почти без разговоров. Люсиль оперлась на кухонную стойку.

— Твоя жена, ты так и не сказал, как её зовут.

— Ракель.

— Расскажи о её смерти. Убийца был найден?

— В некотором смысле.

— Вот как.

— Долгое время я был главным подозреваемым, но в конце концов следствие установило его личность: это был один рецидивист. Тот, кого я раньше сажал за решётку.

— Значит… человек, убивший твою жену, сделал это, чтобы отомстить… тебе?

— Давай просто скажем, что человек, который убил её … Я отнял у него жизнь. Поэтому он забрал у меня мою. — Он поднялся на ноги. — Как я уже сказал, нам нужно новое укрытие, так что собирай сумку.

— Мы уезжаем сегодня?

— Когда частные детективы кого-то ищут, они и сами оставляют следы. И этот вчерашний визит в ресторан, вероятно, был плохой идеей.

Люсиль кивнула.

— Я сделаю несколько звонков.

— Воспользуйся этим телефоном, — сказал Харри. Он положил на кухонный стол мобильный, очевидно, недавно купленный и нераспакованный.

— Итак, он отнял у тебя жизнь, но позволил тебе жить, — сказала она. — Он получил удовольствие от мести?

— По высшему разряду, — ответил Харри, на-

правляясь к двери.

Харри закрыл за собой дверь дома и остановился как вкопанный, заворожённый тем, что увидел. Он устал убегать. Но ещё больше он устал смотреть в дула. А у дробовика перед его лицом было аж два дула. Держащий ружьё мужчина был латиноамериканцем. Как и мужчина с пистолетом рядом с ним. У обоих были накаченные в тюрьме мускулы, а на шее сбоку был вытатуирован скорпион. Харри возвышался над их головами и видел оборванный кабель сигнализации, свисающий с боковой стороны ворот позади них, и белый «Камаро», припаркованный на другой стороне Дохени Драйв. Тонированное стекло со стороны водителя было наполовину опущено, и Харри едва мог различить просачивающийся сигарный дым и воротничок белой рубашки.

— Может, зайдём внутрь? — спросил мужчина с дробовиком. Он говорил с отчётливым мексиканским акцентом, двигая шеей, будто боксёр перед матчем. Это движение растягивало скорпиона на коже. Харри знал, что татуировка символизирует, что её обладатель — бандит, а количество квадратиков на хвосте — количество убитых людей. Хвосты скорпионов на тату у обоих мужчин были длинными.

Глава 6

Суббота
Жизнь на Марсе

— Жизнь на Марсе? — переспросил Прим.

Девушка, сидящая по другую сторону стола, посмотрела на него с непониманием.

Прим расхохотался.

— Нет, я имею в виду песню. Она называется «Жизнь на Марсе».

Он кивнул в сторону телевизора, откуда из динамика в просторную мансарду доносился голос Дэвида Боуи. Из окон открывался вид на западную часть центра Осло и на трамплин Хольменколлен, сверкающий в ночи, как люстра. Но прямо сейчас он смотрел только на свою гостью.

— Многим людям не нравится эта песня, они думают, что она немного странная. В эфире Би-би-си её называли чем-то средним между бродвейским мюзиклом и картиной Сальвадора Дали. Возможно, это так. Но я согласен с журналистами «Дейли Телеграф», которые назвали её лучшей песней всех времён. Представь себе! Лучшей. Все любили Боуи не потому, что он был милым человеком,

а потому, что он был лучшим. Вот почему люди, которых никто не любил, готовы убивать, чтобы быть лучшими. Они знают, что это всё изменит.

Прим взял бутылку вина, стоящую на столе между ними, но вместо того, чтобы налить сидя на своём месте, он встал и подошёл к девушке.

— Ты знаешь, что Дэвид Боуи — это сценический псевдоним, что его настоящая фамилия Джонс? Меня тоже на самом деле зовут не Прим, это просто прозвище. Меня так называет только моя семья. И мне хотелось бы думать, что, когда я женюсь, моя жена тоже будет называть меня Прим.

Он стоял прямо у неё за спиной и, наполняя её бокал, свободной рукой гладил её длинные, прекрасные волосы. Если бы это было пару лет назад, даже пару месяцев назад, он бы не осмелился прикоснуться к такой женщине, опасаясь быть отвергнутым. Теперь у него не было таких сомнений, он полностью контролировал ситуацию. Конечно, помогло то, что ему вылечили зубы, а также то, что он начал ходить к нормальному парикмахеру и прислушивался к советам о том, какую одежду носить. Но самое главное не в этом. Он словно что-то излучал, перед чем они не могли устоять, и осознание этого прида-

вало ему уверенности, которая сама по себе была таким сильным афродизиаком, что только это ощущение притягивало к нему. Это был тот самый эффект плацебо, который словно отличался накопительным действием.

— Наверное, я старомоден и наивен, — сказал он, возвращаясь на своё место. — Но я верю в брак, в то, что есть человек, который подходит именно тебе. Действительно верю. Недавно я был в Национальном театре на спектакле «Ромео и Джульетта», и это было так прекрасно, что я заплакал. Эти две души, по замыслу природы, были предназначены друг другу. Просто посмотри вот на того Босса.

Он указал на аквариум на низкой книжной полке. Внутри плавала одинокая мерцающая золотисто-зелёная рыбка.

— У него есть его Лиза. Ты не можешь её видеть, но она там, они двое — одно целое и будут им до тех пор, пока оба не умрут. Да, один умрёт, потому что умрёт другой. Как в «Ромео и Джульетте». Разве это не прекрасно?

Прим сел и протянул к ней руку через стол. Сегодня вечером она казалась усталой, опустошённой, отстранённой. Но он знал, как развеселить её, всё, что ему нужно было сделать, это щёлкнуть

выключателем.

— Я мог бы влюбиться в кого-нибудь вроде тебя, — сказал он.

Её глаза сразу же загорелись, и он почувствовал исходящее от них тепло. Но он также почувствовал небольшой укол вины. Не потому, что манипулировал ею таким образом, а потому, что он лгал. Он мог бы влюбиться, но не в неё. Она не была той единственной, той женщиной, которая предназначена ему. Она — дублёр, с ней он мог попрактиковаться, опробовать подходы, научиться говорить правильные вещи правильным тоном. Использовать метод проб и ошибок. Ошибки сейчас не имели значения. Но в тот день, когда он должен был признаться той Женщине в своей любви, всё должно было быть идеально и правильно выстроено.

Он также использовал её, чтобы отрепетировать сам номер. Ну, «использовал», возможно, не совсем подходящее слово — она была более активной из них двоих. Он познакомился с ней на вечеринке, где было так много людей, стоящих выше его по карьерной лестнице, что, увидев, как она заглядывает ему через плечо, он понял, что у него будет шанс сказать всего несколько слов, прежде чем она уйдёт. Однако он действо-

вал эффективно, похвалил её фигуру и спросил, в какой тренажёрный зал она ходит. Когда она коротко ответила, что посещает зал «САТС» в Бислетте, он сказал, что странно, он не видел её там, поскольку сам ходил туда три дня в неделю, но, возможно, они ходят в разные дни? Она коротко ответила, что ходит туда по утрам, и выглядела раздражённой, когда он сказал, что тоже ходит в это время, так в какие дни она тренируется?

— По вторникам и четвергам, — ответила она, как бы завершая разговор, и переключила своё внимание на мужчину в облегающей чёрной рубашке, который направился в их сторону.

В следующий вторник, когда она вышла из спортзала, он был там. Притворился, что случайно проходил мимо и узнал её, поскольку они были на одной вечеринке. Она не помнила его, улыбнулась и собралась уходить. Но потом она остановилась, повернулась к нему, сфокусировав на нём всё своё внимание, пока они стояли там, на улице. Смотрела на него так, словно только сейчас по-настоящему осознала его присутствие, без сомнения, удивляясь, как это она могла не уделять своё внимание ему на вечеринке. Говорил он, а она не была очень разговорчива. По крайней мере, общалась не словами — язык её

тела сказал ему то, что нужно было знать. Только когда он сказал, что они должны встретиться, она заговорила.

— Когда? — спросила она. — Где?

И когда он ответил, она просто кивнула в ответ. Это было так просто.

Она пришла, как и было условлено. Он нервничал. Так много всего могло пойти не так. Но именно она проявила инициативу, расстегнула его одежду, к счастью, не сказав лишнего.

Он знал, что это может случиться, и хотя он и Женщина, которую он любил, ничего друг другу не обещали, это было неверностью, не так ли? По крайней мере, предательством любви. Но он убедил себя, что это была жертва на алтарь любви, что он сделал это для неё, что он поступил так, потому что ему нужно побольше практики, чтобы в решающий день он соответствовал требованиям, которые она может предъявить к нему как к любовнику.

И женщина по другую сторону стола подходила под эту задачу.

Не то чтобы ему не нравилось заниматься с ней любовью. Но ни о каком повторении этого не могло быть и речи. И — если быть честным — она ему не понравилась ни на вкус, ни на запах. Дол-

жен ли он сказать об этом ей вслух? Сказать ей, что именно здесь их пути разойдутся? Он молча уставился в свою тарелку. Когда он снова поднял глаза, она слегка склонила голову набок, всё с той же непроницаемой улыбкой, как будто слушала его монолог как забавное представление. И внезапно он почувствовал себя пленником. Пленником в своём собственном доме. Он не мог просто встать и уйти, идти ему некуда. И он не мог попросить её уйти. Она не выглядела так, словно планировала уходить прямо сейчас, совсем нет, и почти неестественная интенсивность блеска в её глазах ослепила его, заставила потерять перспективу. Ему пришло в голову, что во всей этой ситуации было что-то искажённое и запутанное. Она взяла ситуацию под свой контроль, не произнеся ни единого слова. Что она на самом деле хотела?

— Что… — начал он, потом откашлялся. — Чего ты на самом деле хочешь?

Она ничего не ответила, только ещё немного склонила голову набок. Казалось, она беззвучно смеётся, и в её прекрасном рту сверкают бело-голубые зубы. И тут Прим заметил то, чего не замечал до сих пор. Что у неё рот хищника. И тут его осенило: это была игра в кошки-мышки. И

именно он, а не она, был мышью.

Откуда взялась эта абсурдная мысль?

Ниоткуда. Или из тех мест, откуда приходили все его безумные мысли.

Он был напуган, но знал, что не должен этого показывать. Он старался дышать спокойно. Он должен был уйти. *Она* должна была уйти.

— Это было очень приятно, — сказал он, складывая салфетку и кладя её на тарелку. — Давай как-нибудь повторим это ещё раз.

Юхан Крон только что сел за обеденный стол со своей женой Элис, когда зазвонил телефон. Ему ещё предстояло позвонить Маркусу Рё с плохими новостями о том, что Харри Холе отклонил их щедрое предложение. То есть Харри отказался ещё до того, как Крон успел упомянуть о гонораре. И он не изменил своего мнения после того, как Крон ознакомил его с условиями и сказал, что они забронировали ему место на авиарейс в Осло через Копенгаген в 09.55 в бизнес-классе.

По номеру он понял, что входящий звонок был со старого телефона Харри, с которого он получал сообщения только о том, что «абонент недоступен», когда пытался ранее дозвониться. Так что, возможно, его отказ был просто тактикой ведения переговоров. Это было прекрасно, Рё дал ему

карт-бланш на увеличение суммы.

Крон встал из-за стола, бросил на жену извиняющийся взгляд и прошёл в гостиную.

— Ещё раз привет, Харри, — весело сказал он.

Голос Холе звучал хрипло.

— Девятьсот шестьдесят тысяч долларов.

— Прошу прощения?

— Если я раскрою это дело, я хочу девятьсот шестьдесят тысяч долларов.

— Девятьсот и…?

— Да.

— Ты отдаёшь себе отчёт…

— Я осознаю, что это выше обычных моих расценок. Но если твой клиент так богат и так невинен, как ты говоришь, то правда для него того стоит. Поэтому моё предложение заключается в том, чтобы я работаю бесплатно, оплачиваются только мои издержки и получал оплату только в том случае, если раскрою дело.

— Но…

— Это не так уж много. Но, Крон, мне нужен ответ в течение следующих пяти минут. На английском языке, по электронной почте с твоего адреса и с твоей подписью. Понимаешь?

— Да, но, боже мой, Харри, это же…

— Здесь есть люди, которым нужно принять

решение прямо сию минуту. К моему виску вроде как пистолет приставлен.

— Но двести тысяч долларов — это же более чем…

— Извини, Крон, но либо та сумма, которую я сказал, или вообще ничего.

Крон вздохнул.

— Это безумная сумма, Харри, но хорошо, я позвоню своему клиенту. И перезвоню.

— Пять минут, — последовал хриплый ответ. Крон услышал, как другой голос что-то сказал на заднем плане.

— Четыре с половиной, — сказал Харри.

— Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы связаться с ним, — сказал Крон.

Харри положил телефон на кухонный стол и посмотрел на мужчину с всё ещё направленным на него дробовиком. Другой мужчина говорил по-испански по другому телефону.

— Всё будет хорошо, — прошептала Люсиль, садясь рядом с Харри.

Харри похлопал её по руке.

— Это моя реплика.

— Нет, это моя, — сказала она. — Я впутала тебя в это дело. И вообще, это ложь, верно? Всё будет не в порядке.

— Определённо в порядке, — ответил Харри.

Люсиль слабо улыбнулась.

— Что ж, по крайней мере, вчера у меня был замечательный прощальный вечер, это уже кое-что. Знаешь, все в «Дэн Тана» были убеждены, что мы пара.

— Ты думаешь?

— О, я увидела это по их лицам, когда ты вошёл со мной под руку. «Вот идёт Люсиль Оуэнс с высоким блондином гораздо моложе себя», — подумали они. И жалели, что сами не были кинозвёздами. А потом ты взял моё пальто и поцеловал меня в щёку. Спасибо тебе, Харри.

Харри собирался указать, что он сделал только то, что ему было заранее указано, включая снятие обручального кольца, но воздержался.

— Дос минутос[6], — сказал мужчина с телефоном, и Харри почувствовал, как Люсиль крепче сжала его руку.

— Что сказал шеф в машине? — Харри спросил.

Человек с дробовиком не ответил.

— Он убил столько же людей, сколько и ты?

Мужчина коротко рассмеялся.

— Никто не знает, скольких он убил. Всё, что я

---

[6] Примечания: 6

Dos minutos — десять минут, с испанского.

знаю, это то, что если вы не заплатите, то станете следующими двумя в его списке. Ему нравится заботиться обо всём лично. И я не шучу, когда говорю «нравится».

Харри кивнул.

— Это он дал ей ссуду или просто выкупил долг?

— Мы не даём деньги взаймы, мы просто собираем их. И он лучший в этом деле. Он может определить неудачников, тех, кто погряз в долгах.

Он на мгновение заколебался, затем немного наклонился вперёд и понизил голос:

— Он говорит, что это видно по их глазам и по тому, как они себя ведут, но главным образом по запаху их тела. Вы можете увидеть это, когда садитесь в автобус — рядом с теми, кто обременён долгами, всегда есть свободное место. Он сказал, что ты тоже в долгах, эль рубио[7].

— Я?

— Однажды он был в том баре, искал даму, и увидел, что ты сидишь там.

— Он ошибается, у меня нет долгов.

— Он никогда не ошибается. Ты кому-то что-то

---

[7] Примечания: 7
El rubio — блондин, с испанского.

должен. Вот так он нашёл моего отца.

— Твоего отца?

Мужчина кивнул. Харри посмотрел на него. Сглотнул. Попытался представить себе мужчину в машине. Телефон Харри лежал на кухонном столе включённым на громкую связь, пока Харри выдвигал своё предложение, но мужчина на другом конце провода не произнёс ни единого слова.

— Ун минуто[8]. — Мужчина с мобильным снял пистолет с предохранителя.

— Отче наш, — пробормотала Люсиль, — иже еси на небеси…

— Как ты могла потратить столько денег на фильм, который так и не был снят? — спросил Харри.

Люсиль сначала удивлённо посмотрела на него. Потом, возможно, осознала, что он предлагает ей немного отвлечься, прежде чем они пересекут черту невозврата.

— Ты знаешь, — сказала она, — это самый часто задаваемый вопрос в этом городе.

— Синко сегундос[9].

---

[8] Примечания: 8
Un minuto — одна минута, с испанского.

[9] Примечания: 9
Cinco segundos — пять секунд, с испанского.

Харри уставился на свой телефон.

— И какой ответ даётся чаще всего?

— Невезение и паршивые сценарии.

— Мм… Звучит как моя жизнь.

Дисплей загорелся. Номер Крона. Харри нажал «Ответить».

— Говори. Быстро, и только суть.

— Рё сказал «да».

— Ты получишь письмо по электронной почте. — Харри передал телефон парню, который разговаривал с шефом. Парень сунул пистолет в наплечную кобуру под своей курткой и приложил два телефона друг к другу. Харри услышал негромкий гул голосов. Когда всё стихло, он вернул телефон Харри. Крон повесил трубку. Парень приложил свой собственный телефон к уху и прислушался. Опустил его.

— Тебе повезло, эль рубио. У тебя есть десять дней. С этого момента. — Он указал на свои часы. — После этого мы застрелим её. — Он указал на Люсиль. — А потом мы придём за тобой. Сейчас она идёт с нами, и ты не должен пытаться связаться с ней. Если ты кому-нибудь расскажешь об этом, ты умрёшь вместе с тем, кому рассказал. Именно так мы ведём дела здесь, так мы ведём дела в Мексике и так мы будем вести дела там,

куда ты направляешься. Не думай, что ты вне нашей досягаемости.

— Ладно, — сказал Харри и сглотнул. — Есть ещё что-нибудь, что мне следует знать?

Парень потёр свою татуировку со скорпионом и улыбнулся.

— Что мы тебя не застрелим. Мы снимем кожу с твоей спины и оставим лежать на солнце. Пройдёт всего несколько часов, прежде чем ты высохнешь и умрёшь от жажды. Поверь мне, ты будешь благодарен, если это произойдёт быстро.

Харри захотелось сказать что-нибудь о Норвегии и сентябрьском солнце, но он сдержался. Отсчёт уже начался. Не только на десять дней, но и на тот рейс, на который у него был билет. Он взглянул на часы. У него было полтора часа. Была суббота, и отсюда до города было не так уж далеко ехать, но это был Лос-Анджелес. Он и так уже выбивался из графика. Безнадёжно выбивался.

Он в последний раз взглянул на Люсиль. Да, именно так выглядела бы его собственная мать, проживи она дольше.

Харри Холе наклонился, поцеловал Люсиль в лоб, встал и направился к двери.

Глава 7

Воскресенье

Харри сидел на переднем пассажирском сиденье «Вольво Амазон» 1970-го года выпуска. Бьёрн был рядом, и они подпевали Хэнку Уильямсу, песня которого играла на заедающем магнитофоне Бьёрна. Каждый раз, когда они переставали петь, слышалось тихое хныканье ребёнка на заднем сиденье. Машина затряслась. Это было странно: она же была припаркована.

Харри открыл глаза и посмотрел на стюардессу, которая слегка трясла его за плечо.

— Мы начинаем приземляться, сэр, — раздался её голос из-под медицинской маски. — Пожалуйста, пристегните ремни безопасности.

Она убрала пустой стакан, стоявший перед ним, сдвинула столик в сторону и опустила его на подлокотник. Бизнес-класс. В последний момент он решил надеть свой костюм, но оставить все остальное, даже не взял с собой ручную кладь. Харри зевнул и выглянул в окно. Внизу проплывали лес, озёра. А потом город. И ещё один город. Осло. Потом снова лес. Он подумал о коротком

телефонном разговоре, который состоялся перед отлётом из Лос-Анджелеса. Со Столе Эуне, психологом, его постоянным помощником в предыдущих расследованиях убийств. Вспомнил его голос, который звучал как-то по-другому. Он сказал Харри, что пытался дозвониться до него несколько раз за последние несколько месяцев. Харри ответил, что у него был выключен телефон. Столе сказал, что это не так уж важно, он только хотел сказать ему, что болен. Рак поджелудочной железы.

Лететь из Лос-Анджелеса согласно расписанию примерно тринадцать часов. Харри посмотрел на часы. Перевёл их на норвежское время. Воскресенье, 08.55. Воскресенье было днём воздержания, но если представить, что он всё ещё живёт по лос-анджелесскому времени, то от субботы осталось ещё пять минут. Он поднял глаза к потолку в поисках кнопки вызова, а затем вспомнил, что в бизнес-классе она обычно находится на пульте дистанционного управления. Наконец, он обнаружил её вмонтированной в боковую панель. Нажал, и одновременно с сигналом над ним загорелся свет.

Стюардесса пришла меньше чем за десять секунд.

— Да, сэр?

Но за эти десять секунд у Харри было достаточно времени, чтобы подсчитать, сколько напитков он выпил в субботу в Лос-Анджелесе. Он уже выполнил норму. Дерьмо.

— Извините, — сказал он, пытаясь улыбнуться. — Ничего.

Харри стоял в дьюти-фри перед полкой с бутылками виски, когда пришло смс-сообщение о том, что машина, заказанная Кроном, ждёт его у зоны прилёта. Харри ответил «Окей», и, раз телефон он уже достал, он набрал букву «К».

Ракель иногда шутила по поводу того, что у него было так мало друзей, коллег и контактов, что алфавита ему вполне хватит: для каждого по одной букве.

— Катрина Братт, — её голос звучал устало, сонно.

— Привет, это Харри.

— Харри? В самом деле? — это прозвучало так, словно она только проснулась. — Увидела американский номер, и я…

— Сейчас я в Норвегии. Только что приземлился. Я тебя разбудил?

— Нет. Или да, вроде того. У нас возможное двойное убийство, так что я работала допоздна.

Моя свекровь здесь присматривает за Гертом, так что я ненадолго заснула. Господи, ты жив.

— Очевидно. Как дела?

— Хорошо. На самом деле, не так уж плохо, учитывая обстоятельства. Я как раз говорила о тебе в прошлую пятницу. Что ты делаешь в Осло?

— Есть пара дел. Собираюсь навестить Столе Эуне.

— Чёрт, да, я слышала. Рак поджелудочной железы, не так ли?

— У меня нет подробностей. У тебя найдётся время выпить со мной кофе?

Он заметил, что она на мгновение заколебалась, прежде чем ответить:

— Почему бы тебе вместо этого не приехать и не поужинать?

— Ты имеешь в виду, у тебя дома?

— Да, конечно. Моя свекровь потрясающе готовит.

— Если никто не против, тогда…

— В шесть часов? Ты ещё сможешь познакомиться с Гертом.

Харри закрыл глаза. Попытался вспомнить свой сон. «Вольво Амазон». Плачущий ребенок. Она знала. Конечно, она знала. Поняла ли она, что он тоже это знает? *Хотела* ли она, чтобы он знал?

«Шесть часов подойдет», — ответил он.

Они завершили разговор, и он снова посмотрел на полку с бутылками виски.

Прямо за ней была полка с мягкими игрушками.

Автомобиль медленно двигался по преимущественно пешеходным улицам Тювхольмена, самого дорогого района Осло, площадью пять гектаров, расположенного на двух островах фьорда. На улице было полно людей, идущих в магазины, рестораны и галереи или просто вышедшими на воскресную прогулку. В отеле The Thief администратор приветствовала Харри так, словно он был гостем, которого они искренне и с нетерпением ждали.

В номере были двуспальная кровать идеальной мягкости, модные картины на стенах и гель для душа люксовой марки. Всё, чего можно ожидать от пятизвёздочного отеля, предположил Харри. Из его окон открывался вид на рыже-красную башню ратуши и крепость Акерсхус. Казалось, за тот год, что его не было, ничего не изменилось. И всё же ощущения были другие. Возможно, потому что Тювхольмен со всеми своими модными магазинами, галереями, роскошными квартирами и изящными фасадами домов — был не тот Осло,

который знал Харри. Он вырос в восточной части города, когда Осло был тихой, скучной и довольно маленькой столицей на задворках Европы. На улицах говорили по-норвежски без акцента, и люди в целом были европейского типажа. Но город постепенно открывался миру. В юности Харри впервые заметил это, когда количество клубов выросло, когда всё больше крутых групп — не только те, что играли для 30 000 человек на стадионе «Валле Ховин», — начали включать Осло в свои туры. И открылись рестораны, целая куча ресторанов, где подавали блюда со всех уголков мира. Это превращение в международный, открытый и многокультурный город, естественно, привело к росту организованной преступности, но убийств по-прежнему было так мало, что они едва позволяли оправдывать содержание в штате городской полиции детективов. Правда, город уже в 1970-х годах по разным причинам превратился — и остаётся таким — в кладбище для молодых людей, подсевших на героин. Но это был город без притонов, город, где даже женщины в целом могли чувствовать себя в безопасности. Так считали девяносто три процента его жителей, как показал опрос. И хотя СМИ делали всё возможное, чтобы нарисовать

другую картину, количество изнасилований за последние пятнадцать лет было стабильно низким по сравнению с другими городами. Случаев насилия на улицах и других преступлений было также мало, и их число продолжало снижаться.

Поэтому смерть одной женщины и исчезновение другой, а также их возможная связь друг с другом, были необычным явлением. Неудивительно, что этому было посвящено много статей с большими заголовками в норвежских газетах, которые Харри успел найти в интернете. Не было ничего странного и в том, что имя Маркуса Рё упоминалось в нескольких из них. Во-первых, все знали, что сейчас средства массовой информации, даже солидные издания, выживали за счёт раскручивания шумихи вокруг медийных личностей, а Рё, по-видимому, был знаменит благодаря своему богатству. Во-вторых, судя по опыту Харри, в восьмидесяти процентах всех убийств виновником был человек, тесно связанный с жертвой. Поэтому не было ничего странного в том, что главным подозреваемым на данный момент был человек, который его нанял.

Харри принял душ. Стоя перед зеркалом, он застёгивал единственную оставшуюся у него рубашку, которую купил в аэропорте Гардерму-

эн[10]. Услышал тиканье своих наручных часов, когда застегнул верхнюю пуговицу. Постарался не думать о времени.

От отеля до офиса «Барбелл Пропертиз» на улице Хокона Седьмого было меньше пяти минут ходьбы.

Когда Харри подошёл к трёхметровой двери, то встретился взглядом с молодым человеком, находящемся внутри вестибюля. Тот бросился открывать дверь, очевидно, ожидая Харри. Пустил его через стеклянные двери и — после некоторого минутного замешательства, когда Харри объяснил, что не пользуется лифтами, — повёл его по лестнице. На шестом последнем этаже он сопроводил Харри сквозь пустые из-за выходных офисные помещения к открытой двери, перед которой остановился и пропустил Харри вперёд.

Это был угловой офис площадью почти сто квадратных метров с видом на Ратушную площадь и залив. В одном конце стоял письменный стол с большим экраном iMac, парой солнцезащитных очков «Гуччи» и iPhone, но никаких бумаг.

В другом конце комнаты за столом для совещаний сидели два человека. Он знал одного из них

---

[10] Примечания: 10
Гардермуэн — главный аэропорт Осло.

— Юхана Крона. Другого он узнал по фотографиям в газетах. Маркус Рё позволил Крону первым подняться на ноги и подойти к Харри с протянутой рукой. Харри быстро улыбнулся Крону, не сводя глаз с мужчины позади. Увидел, как Маркус Рё рефлекторно застегнул пуговицу на своём пиджаке, но остался стоять у стола. Пожав руку Крону, Харри подошёл к столу и обменялся рукопожатием с Рё. Заметил, что они, вероятно, были почти одного роста. Только у Рё было не меньше двадцати лишних килограммов. Вблизи шестьдесят шесть лет Рё были заметны даже за ухоженной гладкой кожей, белыми зубами и густыми чёрными волосами. Хотя отдать должное, по крайней мере он пользовался услугами хирургов разумнее, чем некоторые из его знакомых в Лос-Анджелесе. Харри заметил лёгкое подёргивание больших зрачков в узких голубых радужках Рё, как будто у него было фасцикулярное заболевание[11].

— Присаживайся, Харри.

— Спасибо, Маркус, — ответил Харри, расстёгивая пиджак и присаживаясь. Если Рё не понравилась форма обращения или он посчитал его слишком резким, выражение его лица этого

[11] Примечания: 11

Фасцикуляция — возникающее в расслабленной мышце спонтанное мышечное сокращение («подёргивание»).

не выдало.

— Благодарю, что приехал так быстро, — сказал Рё, указывая жестом на что-то молодому человеку в дверях.

— Такие скорости меня вполне устраивают. — Харри рассеянно рассматривал портреты трёх серьёзных мужчин на стене. Две картины и фотография, у всех под рамами золотые таблички с фамилией Рё.

— Конечно, жизнь идёт в ином темпе over there[12], — сказал Крон, произнеся последние два слова по-английски, что напомнило Харри слегка напряжённую вежливую дипломатическую беседу.

— Не знаю, — сказал Харри. — Думаю, что Лос-Анджелес более спокойный по сравнению с Нью-Йорком и Чикаго. Но я вижу, вы и здесь не прохлаждаетесь. Рабочая встреча в воскресенье. Впечатляет.

— Мужчине полезно немного отдохнуть от ада домашней жизни и семьи, — сказал Рё и улыбнулся Крону. — Особенно в воскресенье.

— У тебя есть дети? — Харри спросил. Газетные статьи не прояснили для него этот вопрос.

---

[12] Примечания: 12
Over there — у нас здесь, с английского.

— Да, — ответил Рё, глядя на Крона так, словно это он задал вопрос. — Моя жена.

Рё рассмеялся, и Крон послушно присоединился к нему. Харри слегка натянуто улыбнулся, чтобы поддержать собеседников. Он подумал о фотографиях Хелены Рё, которые видел в газетах. Насколько велика была между ними разница в возрасте? Должно быть, не меньше тридцати лет. На всех снимках пара была сфотографирована на фоне пресс-воллов с логотипами, другими словами, на премьерах, показах мод и тому подобном. Хелена Рё, конечно, была разодета в пух и прах, но она выглядела более уверенной в себе, менее нелепой, чем некоторые женщины — да и мужчины, — которых видишь позирующими перед камерой на подобных мероприятиях. Она была красива, но в её красоте было что-то поблёкшее, юношеский блеск, который, казалось, исчез слишком рано. Слишком много работы? Алкоголя или прочего? Слишком мало счастья? Или все три фактора сразу?

— Что ж, — сказал Крон, — если бы ты знал моего клиента так, как я, ты бы понял, что он не может оставаться в стороне. Сложно достигнуть того, что есть у него, без упорного труда.

— А как насчёт тебя, Харри? Есть дети?

Харри смотрел на портреты. Все трое мужчин были запечатлены на фоне больших зданий. Возведённых или принадлежащих им самим, предположил Харри.

— И ещё без солидного семейного состояния, — сказал он.

— Прошу прощения?

— Это дополняет упорный труд. И немного облегчает задачу, не так ли?

Рё приподнял ухоженную бровь под своими блестящими чёрными волосами и вопросительно посмотрел на Крона, словно требуя объяснений, что за типа привёл Крон. Затем он поднял голову, приподнимая наметившийся двойной подбородок над воротником рубашки, и пристально посмотрел на Харри.

— Состояния сами себя не приращивают, Холе. Возможно, ты это и сам знаешь?

— Я? Что заставляет тебя так думать?

— Нет? Ты определённо одеваешься как состоятельный человек. Если я не сильно ошибаюсь, этот твой костюм был сшит Гартом Александром с Сэвил-Роу. У меня самого их два.

— Я не помню имени портного, — сказал Харри. — Я получил его от одной леди за то, что согласился сопровождать её.

— Чёрт возьми. Она была такой уродливой?

— Нет.

— Нет? Значит, красотка?

— Я бы сказал, красотка. Для мужчины лет семидесяти. — Маркус Рё заложил руки за голову и откинулся назад. Его глаза превратились в узкие щёлочки.

— Знаешь что, Харри, у тебя с моей женой есть кое-что общее. Ты снимаешь свою одежду только для того, чтобы переодеться во что-нибудь более дорогое.

Смех Маркуса Рё был оглушительным. Он хлопнул себя по бёдрам и повернулся к Крону, которому снова быстро удалось рассмеяться. Смех Рё перешёл в приступ чихания. Молодой человек, который только что вошёл с подносом, уставленным стаканами для воды, предложил ему салфетку, но Рё отмахнулся от него, достал из внутреннего кармана своего костюма большой светло-голубой носовой платок с крупными инициалами «М.Р.» и громко высморкался.

— Расслабься, это всего лишь аллергия, — сказал Рё, засовывая носовой платок обратно в карман. — Ты делал прививку, Харри?

— Да.

— Я тоже. Всё это время я берёг себя. Мы с Хе-

леной сделали первую прививку в Саудовской Аравии задолго до того, как она поступила в Норвегию. В любом случае, давайте начнём. Юхан?

Юхан изложил суть дела Харри, практически повторив то, что тот уже слышал по телефону двадцать четыре часа назад.

— Две женщины, Сюсанна Андерсен и Бертина Бертильсен, исчезли три и две недели назад соответственно. Происходило это по вторникам. Сюсанна Андерсен была найдена мёртвой два дня назад. Полиция ничего не сказала о причине смерти, но заявила, что расследует это как убийство. Маркус был допрошен полицией по одной-единственной причине. Обе девушки были на одной вечеринке за четыре дня до исчезновения Сюсанны, вечеринке на крыше для жителей дома, где живут Маркус и Хелена. И единственная, обнаруженная на данный момент полицией связь между двумя девушками — они обе знают Маркуса, и обе были приглашены им. У Маркуса есть алиби на те два вторника, когда пропали девушки. Он был дома с Хеленой. И полиция сняла с него все подозрения на этот счёт. К сожалению, пресса не столь логична в своих рассуждениях. У них есть другие мотивы, кроме желания, чтобы дело было раскрыто. Поэтому они публиковали

всевозможные кричащие заголовки об отношениях Маркуса с девушками, подразумевая, что они пытались вымогать у него деньги, угрожая рассказать свою «историю» газете, которая предлагала девушкам за это крупную сумму. И они также поставили под сомнение алиби, предоставленное супругой, хотя им хорошо известно, что это обычный и абсолютно законный ход в уголовном деле. Конечно, это гонка за сенсацией, связанной с известной личностью и убийством, а не за правдой. Журналисты, без сомнения, надеются, что они накопают что-то скандальное, чтобы они могли продолжать свои поднимающие продажи домыслы как можно дольше.

Харри коротко кивнул, его лицо оставалось бесстрастным.

— Тем временем деловые интересы моего клиента страдают из-за того, что с него — по крайней мере, по версии СМИ — не были сняты все обвинения. И, естественно, это влияет также на личный дискомфорт.

— В первую очередь в семье, — вставил Рё.

— Естественно, — продолжал адвокат. — Это оставалось бы быстро решаемой проблемой, которую мы бы пережили, если бы полиция справлялась с ней. Но прошло почти три недели,

а они не нашли ни преступника, ни какой-либо зацепки, которая могла бы заставить СМИ прекратить охоту на ведьм против единственного человека в Осло с железным алиби. Одним словом, мы хотим, чтобы это дело было раскрыто как можно быстрее, и рассчитываем в этом на вашу помощь.

Крон и Рё смотрели на Харри.

— Хм. Теперь, когда у полиции есть тело, есть шанс, что они нашли следы ДНК преступника. Полиция взяла у тебя образец ДНК? — Харри посмотрел прямо на Маркуса Рё.

Не отвечая, Рё повернулся к Крону.

— Мы отказались, — сказал Крон, — пока полиция не предъявит постановление суда.

— Почему?

— Потому что мы ничего не выиграем, согласившись на этот тест. И потому что, соглашаясь на такого рода навязчивое расследование, мы косвенно признаём, что дело можно рассматривать с точки зрения полиции, то есть, что могут быть основания для подозрений.

— И вы не видите никаких оснований?

— Нет. Но я сказал полиции, что, если они смогут установить какую-либо связь между делами о пропавших без вести лицах и моим клиентом,

он будет более чем счастлив пройти тест ДНК. Больше они к нам не обращались.

— Хм…

Рё хлопнул в ладоши.

— Вот и всё, Харри. В общих чертах. Можем мы услышать, каков твой план сражения?

— План сражения?

Рё улыбнулся.

— Хотя бы в общих чертах.

— В общих чертах, — сказал Харри, подавляя зевок из-за смены часовых поясов, — это найти убийцу как можно быстрее.

Рё ухмыльнулся и посмотрел на Крона.

— Вот это было очень расплывчато сказано, Харри. Ты можешь конкретизировать?

— Что ж. Я буду расследовать это дело так, как если бы я был полицейским. То есть без каких-либо обязательств или оглядки на что-либо, кроме истины. Другими словами, если улики приведут меня к тебе, Рё, я расправлюсь с тобой, как с любым другим убийцей. И получу свою плату.

В наступившей тишине зазвонили колокола городской ратуши.

Маркус Рё усмехнулся.

— Жёстко говоришь, Харри. Сколько лет тебе потребовалось бы, чтобы наскрести такую плату,

служа полицейским? Десять? Двадцать? Сколько вы, парни, вообще зарабатываете там, на своём посту?

Харри ничего не ответил. Колокола продолжали звонить.

— Ну, — сказал Крон, быстро сверкнув улыбкой, — по сути, то, что ты говоришь, это то, что мы хотим получить, Харри. Как я уже сказал по телефону: независимое расследование. Так что, хотя ты выражаешься довольно грубо, мы на одной волне. То, что ты говоришь, — это именно та причина, по которой ты нам нужен. Добропорядочный человек.

— Это же ты? — спросил Рё, поглаживая подбородок большим и указательным пальцами и глядя на Харри. — Добропорядочный?

Харри снова заметил, как сверкнули глаза Рё, и отрицательно покачал головой. Рё наклонился вперёд, весело улыбнулся и тихо сказал:

— Ни капельки?

Харри тоже улыбнулся.

— Только в той мере, в какой лошадь в шорах можно обвинить в добропорядочности. Существо с ограниченным интеллектом просто делает то, к чему его приучили: бежит прямо вперёд, не позволяя себе отвлекаться.

Маркус Рё рассмеялся.

— Хорошо, Харри. Это хорошо. Нам это подходит. Хочу, чтобы в первую очередь ты собрал команду из лучших людей. Предпочтительно из тех, кто известен публике. Мы расскажем об этом журналистам. Чтобы они увидели, что мы настроены серьёзно, понимаешь?

— У меня есть идея, кого можно привлечь к этому.

— Отлично. Как думаешь, сколько времени нужно, чтобы получить от них ответ?

— Завтра к четырём часам.

— Уже завтра?

Рё снова рассмеялся, когда понял, что Харри говорит серьёзно.

— Мне нравится твой стиль, Харри. Давай подпишем контракт.

Рё кивнул Крону, который полез в свой портфель и положил перед Харри лист бумаги.

— В контракте указано, что задание считается выполненным при наличии соглашения о признании вины по крайней мере с тремя юристами в правовом отделе полиции, — сказал Крон. — Но если обвиняемый будет оправдан в судебном порядке, гонорар должен быть возвращён. Это соглашение по принципу «нет результата — нет

оплаты».

— Но с такой оплатой тебе позавидовал бы любой управленец, включая меня, — сказал Рё.

— Я бы хотел добавить туда ещё один пункт, — сказал Харри. — Мой гонорар будет выплачен, если полиция — с моей помощью или без неё — найдёт предполагаемого виновного в течение следующих девяти дней.

Рё и Крон обменялись взглядами.

Рё кивнул, прежде чем наклониться к Харри.

— Ты жёсткий переговорщик. Но не думай, что я не понимаю, почему ты называешь такие точные цифры о сумме, подлежащей выплате, и количестве дней.

Харри приподнял бровь.

— Вот как?

— Да ладно тебе. Это даёт другой стороне ощущение, что ты опираешься на реальные расчёты. Волшебное число, при котором всё становится на свои места. Не учи отца делать детей, Харри, я сам использую этот приём на переговорах.

Харри медленно кивнул.

— Ты подловил меня, Рё.

— А теперь я собираюсь научить тебя одному трюку, Харри. — Рё откинулся назад, широко улыбаясь. — Я хочу дать тебе миллион долларов. Это

почти на четыреста тысяч норвежских крон больше, чем ты просишь, и это стоимость приличной машины. Знаешь, почему я увеличил сумму?

Харри не ответил.

— Потому что люди прикладывают гораздо больше усилий, если ты даёшь им немного больше, чем они ожидали. Это факт, доказанный психологами.

— Тогда я готов проверить этот факт на себе, — сухо сказал Харри. — Но есть ещё кое-что.

Улыбка Рё исчезла.

— И что же?

— Мне нужно разрешение проводить расследование от кое-кого из полиции.

Крон прочистил горло.

— Ты же знаешь, в Норвегии не нужно разрешение или лицензия на проведение частных расследований?

— Да. Но я сказал, что «от *кое-кого* из полиции».

Харри объяснил проблему, и через некоторое время Рё кивнул и неохотно согласился. После того, как Харри и Рё пожали друг другу руки, Крон проводил Харри к выходу. Он придержал дверь, открывая её для Харри.

— Могу я задать тебе вопрос, Харри?

— Валяй.

— Почему я должен был отправлять копию нашего контракта на английском языке на адрес мексиканского почтового сервера?

— Это для моего агента.

Лицо Крона оставалось бесстрастным. Харри предположил, что как адвокат он настолько привык к тому, что ему лгут, что моргнул бы, когда его клиенты говорили правду. И что Крон также понимал, что такая очевидная ложь была практически знаком «Посторонним вход воспрещён».

— Хорошего воскресенья, Харри.

— Тебе тоже.

Харри спустился к пирсу Акер Брюгге. Присел на скамейку. Проследил, как паром с полуострова Несоддтанген скользит к причалу в лучах солнца. Закрыл глаза. Однажды они с Ракель взяли выходной в середине недели, погрузили в лодку свои велосипеды и, фланируя двадцать пять минут среди маленьких островков и парусных лодок, пришвартовались в Несоддтангене. Оттуда они отправились на велосипедах по сельским просторам с просёлочными дорогами, тропинками и уединёнными, безлюдными местами, где они плавали, а потом грелись на гладких каменных плитах, и единственными звуками, которые

раздавались вокруг, были жужжание насекомых и страстные, но тихие стоны Ракель, когда она впивалась ногтями в его спину. Харри постарался выкинуть из головы этот образ и открыл глаза. Посмотрел на часы. Посмотрел на отрывистое движение секундной стрелки. Через пару часов он должен был встретиться с Катриной. И Гертом. И большими шагами направился к своему отелю.

— Твой дядя, кажется, сегодня в порядке, — сказала медсестра, прощаясь с Примом у открытой двери маленькой палаты.

Прим кивнул. Посмотрел на пожилого мужчину в халате, сидящего на кровати и пристально смотрящего на выключенный экран телевизора. Когда-то он был красавцем. Очень уважаемым человеком, привыкшим к тому, что его мнение ценят как в личной жизни, так и в профессиональной. Прим подумал, что это всё ещё прослеживается в чертах его лица: в высоком гладком лбу, в глубоко посаженных ясных голубых глазах, орлином носе. В решительном выражении его плотно сжатых удивительно полных губ.

Прим звал его дядей Фредриком. Потому что он был ему дядей. И не только им.

Дядя поднял глаза, когда Прим вошёл в комна-

ту, и Прим, как обычно, задался вопросом, что у дяди Фредрика сегодня на уме. И ум ли это?

— Кто ты такой? Убирайся.

Его лицо раскраснелось от смеси презрения и удивления, а голос звучал в таком глубоком регистре, из-за которого невозможно было понять, шутит дядя Фредрик или в ярости. Он страдал деменцией с тельцами Леви: расстройством головного мозга, которое вызывало не только галлюцинации и ночные кошмары, но и иногда — как в случае с его дядей — агрессивное поведение. В основном это выражалось вербально, но также и физически, что делало другой дядин диагноз — ригидность мышц — почти преимуществом для его близких.

— Я Прим, сын Молле, — и прежде, чем его дядя успел что-либо ответить, добавил, — твоей сестры.

Прим посмотрел на единственное украшение на стене — диплом в рамке, висевший над кроватью. Однажды он принёс и повесил фотографию дяди, матери и его самого, ещё ребёнка, улыбающимися у бассейна в Испании, на отдыхе, который дядя устроил для своей сестры и племянника после того, как отчим бросил их.

Но через несколько месяцев его дядя убрал фо-

тографию, сказав, что ему невыносимо смотреть на зубы кролика. Очевидно, он имел в виду два крупных передних зуба с промежутком между ними, которые Прим унаследовал от своей матери. Но диплом о присвоении докторской степени всё ещё висел там, с именем Фредрика Штайнера на нём. Он сменил фамилию, которую ранее делил с матерью Прим, потому что — как он прямо сказал Прим — еврейская фамилия имела больший вес и авторитет в научных кругах. Особенно в его собственной области, микробиологии, где почти никто не притворялся, что евреи — особенно ашкеназские евреи — обладают генами, которые наделяют их уникальными интеллектуальными способностями. Хотя, возможно, было бы разумно этот факт отрицать. Или, как минимум, игнорировать с точки зрения приличий и по политическим соображениям. Но факт есть факт. А если у Фредрика был такой же блестящий и высокоэффективный ум, как у еврея, зачем ему смиренно стоять в конце очереди с солидным норвежским крестьянским именем?

— У меня есть сестра? — спросил его дядя.

— У тебя была сестра, разве ты не помнишь?

— Чёрт возьми, парень, у меня деменция, неужели ты не можешь вбить это в свои ма-

ленькие мозжечки-горошинки? Та медсестра, с которой ты пришёл… довольно милая, а?

— Значит, ты её помнишь?

— У меня превосходная кратковременная память. Хочешь поспорим на деньги, что я трахну её до выходных? На самом деле, погоди, у тебя, наверное, нет денег, неудачник. Когда ты был маленьким мальчиком, я возлагал на тебя надежды. Но не сейчас. Ты даже не разочарование, ты просто ничто.

Его дядя помолчал. Выглядело так, как будто он тщательно обдумывал что-то.

— Ты чего-нибудь добился сам? Чем ты занимаешься?

— Я не собираюсь тебе говорить.

— Почему бы и нет? Я помню, ты интересовался музыкой. Наша семья ни в малейшей степени не была музыкальной, но разве ты не мечтал стать музыкантом?

— Нет.

— Так чем…?

— Во-первых, к следующему разу ты это забудешь, а во-вторых, ты бы в это не поверил.

— А как насчёт семьи? Не смотри на меня так!

— Я не женат. На данный момент. Но я встретил одну женщину.

— Одну? Ты сказал, одну?

— Да.

— Господи. Знаешь, скольких женщин я трахнул?

— Да.

— Шестьсот сорок три. Шестьсот сорок три! И это были красивые женщины. За исключением нескольких в самом начале, прежде чем я понял, как мне действовать. Это началось, когда мне было семнадцать. Тебе придётся хорошенько потрудиться, чтобы соответствовать своему дяде, мальчик. У этой женщины узкая щёлка?

— Я не знаю.

— Не знаешь? Что случилось с той, другой?

— Другой?

— Я отчётливо помню, что у тебя была пара детей и маленькая темнокожая женщина с большими сиськами. Я её трахал? Ха-ха! Я так и делал, вижу это по твоему лицу! Почему тебя никто не может полюбить? Из-за тех кроличьих зубов, которые достались тебе от матери?

— Дядя…

— Не называй меня дядей, ты, грёбаный урод! Ты родился уродливым и глупым, ты позоришь меня, свою мать и всю семью.

— Хорошо. Тогда почему ты назвал меня

Прим?

— Ах, Прим, да! Как ты думаешь, почему я это сделал?

— Ты сказал, это потому, что я особенный. Исключение среди чисел.

— Особенный, да, но как бы аномальный. Ошибка. Тот тип, с которым никто не хочет быть, изгой, которого может разделить только один и он сам. Это ты *примитивное*, простое число. Сам по себе. Мы все жаждем того, чего не можем иметь, и для тебя это быть любимым. Это всегда было твоей слабостью, и ты унаследовал это от своей матери.

— А ты знаешь, дядя, что скоро наступит день, когда я стану более знаменитым, чем ты и вся семья? Сложенные вместе.

Лицо дяди просветлело, как будто Прим наконец-то сообщил ему что-то, что имело смысл, или, по крайней мере, было интересным.

— Позволь мне сказать так. Единственное, что с тобой случится, — это то, что однажды ты станешь таким же сумасшедшим, как я, и будешь только рад этому! Знаешь почему? Потому что тогда ты забудешь, что твоя жизнь была одной длинной чередой унизительных поражений. Это, — он указал на диплом на стене, — единственное,

что я хочу запомнить. Но я не могу справиться даже с этим. И шестьсот сорок три…

Его голос стал хриплым, и крупные слёзы навернулись на его голубые глаза.

— Я не могу вспомнить ни одну из них. Ни одну! Какой смысл?

Его дядя плакал, когда Прим уходил. Это случалось всё чаще и чаще. Прим читал, что Робин Уильямс покончил с собой, потому что у него диагностировали деменцию с тельцами Леви. И он хотел избавить себя и свою семью от пыток. Прим был удивлён, что его дядя не сделал того же самого.

Дом престарелых располагался в самом сердце Виндерена, в западной части Осло. По пути к машине он прошёл мимо ювелирного магазина, в котором за последнее время бывал несколько раз. Поскольку было воскресенье, магазин был закрыт, но, прижавшись носом к витрине, он смог разглядеть в стеклянной витрине кольцо с бриллиантом. Камень был невелик, но так прекрасен. Идеально подходит для неё. Он должен купить его на этой неделе, иначе есть вероятность, что кто-то другой опередит его.

Он сделал крюк мимо дома в Гаустаде, где провёл детство. Повреждённую пожаром вил-

лу следовало снести много лет назад, но он раз за разом откладывал снос, несмотря на распоряжения городского совета и жалобы соседей. Он утверждал, что разрабатываются планы реконструкции, показывал документы, подтверждающие, что снос запланирован, но сделать его должны фирмы, которые недавно обанкротились или деятельность которых была приостановлена. Он не знал, почему он прибегал к этой тактике затягивания времени. В конце концов, он мог бы продать участок за хорошую цену. Только недавно его осенило. И его план по использованию дома стал вполне ясным, как крошечный червячок, зреющим давно в его голове.

Глава 8

Воскресенье
Тетрис

— Прекрасно выглядишь, — сказал Харри.

— А ты выглядишь… загоревшим, — ответила Катрина.

Оба засмеялись, она открыла дверь шире, и они обнялись. Аромат тушёной капусты с бараниной наполнял квартиру. Он вручил ей букет цветов, которые купил в киоске Нарвесен по пути.

— Ты начал теперь дарить цветы? — спросила Катрина, принимая букет, скривив при этом лицо.

— Они, по большому счёту, для того, чтобы удивить твою свекровь.

— Ну, костюм однозначно удивит.

Катрина ушла на кухню, чтобы поставить цветы в воду, а Харри проследовал в гостиную. Он увидел игрушки на паркетном полу и услышал детский голос прежде, чем увидел мальчика, сидящего к нему спиной и строго наставляющего плюшевого медвежонка.

— Ты довжен девать как я, понимаис? Тебе

пова спать.

Харри подкрался на цыпочках и присел рядом. Мальчик начал тихонько напевать, покачивая из стороны в сторону головой с воздушными, светлыми кудряшками.

— Блюмен, Блюмен, козлик мой…

Должно быть, мальчик что-то услышал, возможно скрип половиц, потому что внезапно обернулся, и улыбка уже появилась на его лице. Ребёнок, который всё ещё думает, что все сюрпризы — хорошие, подумал Харри.

— Пьивет! — сказал мальчик громко и радушно, казалось, совершенно не обеспокоенный тем, что большой мужчина с седой бородой, которого он совсем не знал, подкрался к нему сзади.

— Привет, — ответил Харри, потянувшись в карман костюма и доставая плюшевого медвежонка. — Это тебе.

Он протянул игрушку, но мальчик не обратил на неё никакого внимания, просто смотрел на Харри широко раскрытыми глазами.

— Ты Санта Кваус?

Харри рассмеялся, но и это не смутило мальчика, радостно рассмеявшегося вслед за ним. Он схватил медвежонка.

— Как его зовут?

— У него пока что нет имени, поэтому тебе нужно его назвать.

— Тогда я назову его… как тебя зовут?

— Харри.

— Хавви.

— Нет. Эээ…

— Да, значит, его зовут Хавви.

Харри обернулся и увидел позади Катрину, стоявшую в проходе со скрещёнными руками и наблюдавшую за ними.

Может быть, это из-за её тутенского говора[13], а может, из-за рыжих волос и глаз слегка навыкате. Так или иначе, каждый раз, когда Харри переводил взгляд со своей тарелки на кухонном столе на мать Бьёрна, он видел его самого, своего погибшего коллегу и криминалиста.

— Ничего удивительного, что ты так понравился ему, Харри, — сказала она, указывая кивком на мальчика, которому разрешили выйти из-за стола, и который в данный момент тянул руку Харри, чтобы увести в гостиную поиграть в плюшевых медведей. — Вы с Бьёрном были такими хорошими друзьями. Это родственное влечение,

---

[13] Примечания: 13

Тутенский говор — северо-восточный норвежский диалект, принадлежащий к горному языку.

понимаешь? Но тебе следует побольше есть, Харри, ты тощий, как иголка.

После сливового компота на десерт, свекровь Катрины ушла укладывать Герта спать.

— Замечательный парень у тебя получился, — сказал Харри.

— Да, — ответила Катрина, положив подбородок на руки. — Я и не знала, что ты хорошо ладишь с детьми.

— Я тоже.

— Разве ты не заметил это, когда Олег был маленьким?

— Когда я появился в его жизни, он предпочитал компьютерные игры. Возможно, поэтому не возражал, что кто-то вмешался в их с матерью жизнь.

— Но разве вы не стали хорошими друзьями?

— Ракель утверждала, что это произошло благодаря тому, что мы оба ненавидели одни и те же группы. И оба любили тетрис. По телефону ты сказала, что дела идут хорошо. Есть новости?

— На работе?

— Любые.

— Ну, и да, и нет. Я снова начала выбираться из дома и встречаться с людьми — полагаю, прошло достаточно времени со смерти Бьёрна.

— Правда? Что-то серьёзное?

— Нет, не сказала бы. Недавно было несколько свиданий с одним парнем, всё довольно мило, но я не знаю… Мы с тобой странные с самого начала, и никто из нас не становится лучше с годами. А как насчёт тебя?

Харри покачал головой.

— Нет, вижу, ты всё ещё носишь обручальное кольцо, — сказала Катрина. — Ты встретил любовь своей жизни, так скажем. У нас с Бьёрном всё было немного по-другому.

— Наверное.

— Самый хороший человек в мире. Слишком хороший, — она подняла свою чашку чая. — И слишком ранимый, чтобы быть с такой стервой, как я.

— Это неправда, Катрина.

— Нет? Как назвать женщину, которая спит с одним из лучших друзей своего мужа? Хорошо, возможно, шлюха будет точнее.

— Просто так получилось, Катрина. Я был пьян, и ты…

— Что я? Хотела бы я сказать, что хотя бы была влюблена в тебя, Харри. И когда-то, в первые пару лет нашей работы вместе, возможно, и была. Но потом? Потом ты просто был парнем, которого я

не смогла заполучить. Парнем, которого отхватила эта кареглазая красотка из Хольменколлена.

— Мм. Не думаю, что Ракель считала, что отхватила меня.

— Ты точно не был тем, кто отхватил её.

— Почему нет?

— Харри Холле! Ты не понимаешь, что нравишься женщине, пока она сама тебе не скажет об этом. И даже тогда ты сидишь спокойно на своей тощей заднице и ждёшь.

Харри тихонько засмеялся. Он мог бы спросить сейчас. Сейчас было бы подходящим временем. Не было причин откладывать. Это было настолько очевидно. Светлые кудряшки. Глаза. Рот. Конечно, она не подозревала, что однажды ночью он уже обо всём узнал от Александры Стурдза из Института судебно-медицинской медицины. Что Александра, по вине неудачной формулировки, косвенно намекнула, что Бьёрн проверял отцовство ребёнка, и анализ ДНК, который она проводила, показал, что именно Харри, а не он, был отцом Герта.

Харри откашлялся.

— Я знаю…

Катрина взглянула на него вопросительно.

— Я знаю, что у Трульса Бернтсена неприят-

ности.

Она подняла бровь.

— Да. Он и ещё двое подозреваются в краже наркотиков, изъятых в аэропорте Гардермуэн. Вряд ли тебя это удивляет — всем известно, что Трульс Бернтсен продажен и, судя по всему, по уши в игровых долгах. Это был лишь вопрос времени.

— Нет, может, и не удивляет. Тем не менее, жаль это слышать.

— Думала, вы не можете терпеть друг друга.

— Возможно, он не очень-то нравится окружающим, но у него есть определённые качества, которые легко упустить из виду. Качества, которые он сам, быть может, не замечает.

— Ну как скажешь. Почему ты им интересуешься?

Харри пожал плечами.

— Я читал, что Бельман всё ещё занимает пост министра юстиции.

— О, Боже, да. Ему подходят эти игры во власть. Ему всегда лучше удавалось быть политиком, чем полицейским. А как дела у твоих?

— Ну, сестра всё ещё в Кристиансанне[14], живёт с парнем, дела идут хорошо. Олег в офисе шерифа

---

[14] Примечания: 14

Кристиансанн — город и коммуна в Норвегии, в фюльке Вест-Агдер.

в Лаксэльве[15]. Живёт с девушкой. А Эйстейн Эйкеланн, помнишь его..?

— Таксист?

— Да, вчера разговаривал с ним по телефону. Он сменил профессию. Говорит, что зарабатывает больше. А завтра я навещаю Эуне. Вот, в общем-то, и всё.

— У тебя осталось не так много близких, Харри.

— Да, — он изо всех сил старался не смотреть на время. Чтобы узнать, сколько осталось до конца этого проклятого воскресенья. Понедельник был днём выпивки. Всего три напитка, но всё же это была выпивка, и не было никаких правил, говоривших, когда именно в понедельник можно было выпить разрешённое количество, это могло произойти сразу после полуночи, всё за один раз. Он не купил бутылку виски в Гардермуэне, отдав предпочтение плюшевому мишке, но проверил мини-бар в своём номере, и в нём было то, что ему нужно.

— Как насчёт тебя? — спросил Харри, поднимая чашку с кофе. — Кто остался у тебя?

Катрина задумалась.

---

[15] Примечания: 15
Лаксэльв — деревня на севере Норвегии.

— Что ж. С моей стороны родных не осталось, поэтому самые близкие — бабушка и дедушка Герта. Они чрезвычайно любезны. До Тутена два часа езды, но они всё равно приезжают сюда так часто, как только могут. А иногда — если я прошу — и когда в действительности не могут, я так думаю. Они так привязаны к мальчику, он теперь всё, что у них осталось. Так что…

Она остановилась, смотря поверх чашки на стену рядом с Харри. Он видел, как она готовилась сделать решительный шаг.

— Я не хочу, чтобы они знали. И не хочу, чтобы Герт знал. Понимаешь, Харри?

Значит, она знала. И поняла, что он знает.

Он кивнул. Было нетрудно понять, почему она не хотела, чтобы её сын рос, зная, что он был продуктом неверности, случайной связи его матери с алкоголиком. Что она не хотела разбивать сердца двух любящих бабушки и дедушки. Или потерять столь необходимую поддержку, которую они могли бы предложить матери-одиночке и ребёнку.

— Его отца зовут Бьёрн, — прошептала Катрина, переводя взгляд на Харри. — Конец истории.

— Понимаю, — тихо сказал Харри, не отрывая своих глаз от её. — Я думаю, ты поступаешь правильно. Всё, о чём я прошу, чтобы ты пришла ко

мне, если потребуется помощь. Что бы ни случилось. Я не попрошу ничего взамен.

Он видел, что глаза Катрины наполнились слезами.

— Спасибо, Харри. Это великодушно.

— Не совсем, — ответил он. — Я беден, как церковная мышь.

Она засмеялась, всхлипнула и оторвала лист кухонного полотенца от рулона на столе.

— Ты хороший человек, — сказала она.

Бабушка вошла, чтобы сообщить, что необходимо присутствие мамы, так как требуется песенка, и пока Катрина была в детской комнате, Харри рассказывал матери Бьёрна о том, как Бьёрн взял на себя ответственность, когда он, Харри и Эйстейн составляли плейлисты для тематических вечеринок в баре «Ревность». Там были четверги Хэнка Уильямса, неделя Элвиса и, пожалуй, самое памятное, «Песни по крайней мере сорокалетней давности в исполнении групп из американских штатов, название которых начинается на М». Несмотря на то, что названия групп и исполнителей, которые предпочитал Бьёрн, казалось, ничего не говорили его матери, её полные слёз глаза искрились благодарностью за то, что Харри рассказал хотя бы что-то, да что угодно, о её сыне.

Катрина вернулась на кухню, а её свекровь удалилась в гостиную и включила телевизор.

— Расскажешь о парне, с которым ты встречаешься? — спросил Харри.

Катрина отмахнулась от этой темы.

— Ну же, — сказал Харри.

— Он моложе меня. И нет, я не подцепила его в «Тиндере». Мы встретились в реальной жизни. Это было сразу после локдауна[16], и в городе царила лёгкая эйфория. Так что… да, он поддерживает контакт.

— Он поддерживает, а ты нет?

— Возможно, он настроен несколько серьёзнее меня. Но он хороший, надёжный парень. У него есть постоянная работа, собственная квартира и, кажется, его жизнь в полном порядке.

Харри улыбнулся.

— Ладно, ладно! — сказала она, в шутку замахнувшись на него. — Когда ты мать-одиночка, то автоматически начинаешь обращать внимание на такие вещи. Но в отношениях должна быть и *страст*ь, и…

— И её нет?

Она выдержала паузу.

---

[16] Примечания: 16

Строгие санитарно-эпидемиологические ограничения 2020-2021-го годов в связи с эпидемией коронавируса.

— Он знает многое, чего не знаю я, и мне это очень нравится. Он учит меня кое-чему, понимаешь? Он интересуется музыкой, как и Бьёрн. Он не против того, что я чудачка. И он, — на её лице расплылась широкая улыбка, — любит меня. Знаешь, я почти забыла, как это приятно. Быть любимой до глубины души. Как любил Бьёрн. — Она покачала головой. — Может быть, я бессознательно искала нового Бьёрна. Боюсь, больше, чем искала страсти.

— Мм. Мать Бьёрна знает?

— Нет-нет! — она пренебрежительно отмахнулась. — Никто не знает. И я не собираюсь его ни с кем знакомить.

— Вообще *ни с кем*?

Она покачала головой.

— Когда ты знаешь, что отношения, вероятно, скоро закончатся, и тебе, вероятно, придётся видеть парня после этого, вовлекаешь как можно меньше людей. Ты не хочешь, чтобы люди смотрели на тебя и, так сказать, *были в курсе*. Но я не хочу больше ничего рассказывать о нём. — Она поставила чашку на стол. — Теперь твоя очередь. Расскажи мне о Лос-Анджелесе.

Харри улыбнулся.

— Может быть, как-нибудь в другой раз, когда

будет побольше времени. Наверное, вместо этого мне следует рассказать, почему я позвонил тебе.

— Да? Я думала, что это было из-за… — Она наклонила голову в сторону детской.

— Нет, — сказал Харри. — Конечно, я думал об этом. Но решил, что это твой выбор, захочешь ли ты дать мне знать.

— Мой выбор? До тебя невозможно было дозвониться.

— Мм. У меня был выключен телефон.

— Шесть месяцев?

— Вроде того. В любом случае, я звонил сказать, что Маркус Рё хочет нанять меня в качестве частного детектива по делу этих двух девушек.

Катрина в недоумении посмотрела на него.

— Ты шутишь.

Харри не ответил.

Она откашлялась.

— Ты хочешь сказать, что ты, Харри Холе, продался, как какая-то шлюха… этому развратнику Маркусу Рё?

Харри посмотрел в потолок, словно обдумывая ответ.

— Именно так, в точку.

— Ради бога, Харри.

— За исключением того, что я ещё не дал со-

гласие.

— Почему нет? Сутенёр недостаточно платит?

— Потому что я должен был сначала поговорить с тобой. У тебя есть право вето.

— Вето? — фыркнула она. — Почему? Вы оба вольны делать, что хотите. Особенно Рё — в конце концов, у него достаточно денег, чтобы купить всё, что он захочет. Хоть я и не думала, что у него достаточно денег, чтобы купить твою задницу.

— Возьми пару секунд и подумай о плюсах и минусах, — сказал Харри, поднося кофейную чашку ко рту.

Он видел, как пламя в её глазах гаснет, видел, как она прикусила нижнюю губу, как обычно делала в раздумьях. Ожидал, что она придёт к тем же выводам, что и он.

— Ты собираешься работать один?

Он покачал головой.

— Собираешься украсть кого-то, кто работает на нас или Крипос?

— Не-а.

Катрина задумчиво кивнула.

— Ты же знаешь, что мне плевать на престиж и эго, Харри. Соревнование «кто дальше пописает» я оставляю вам, маленьким мальчикам. Меня, например, больше беспокоит то, чтобы девушки

могли ходить по этому городу без страха быть изнасилованными или убитыми. И в данный момент они этого делать не могут. Что означает, что лучше, если ты будешь в деле. — Она покачала головой, как будто ей не нравились преимущества, которые она видела. — И как частный детектив ты можешь делать вещи, которые мы не можем позволить делать себе.

— Ага. Так как обстоит дело с вашей точки зрения?

Катрина опустила взгляд на свои ладони.

— Ты прекрасно знаешь, что я не могу поделиться с тобой подробностями расследования, но, полагаю, ты читал газеты, так что я не выдам слишком многого, если скажу, что мы и Крипос работали над этим делом круглосуточно в течение трёх недель, и до обнаружения тела всё было безрезультатно. Совершенно безрезультатно. У нас была видеозапись с Сюсанной с камеры наблюдения на станции метро «Скюллерюд» в девять вечера во вторник, недалеко от места, где её нашли. Мы знали о машине Бертины, припаркованной у пешеходной тропы в Грефсенколлене. Но никто не знает, что эти женщины делали в тех краях. Ни одна из них не увлекалась прогулками на природе, и, насколько нам известно, у них не

было знакомых ни в Грефсене, ни в Скюллерюде. Поисковые отряды с собаками поработали в обоих районах, но не нашли ничего. А потом бегун с собакой наткнулся на её тело. Что выставляет нас полными идиотами. Обычная история. Случайные события иногда дают для расследования больше, чем нам удаётся найти систематическим поиском. Но публика этого не понимает. И журналисты. И, — она обречённо вздохнула, — наше начальство.

— Мм. Как насчёт вечеринки у Рё? Есть что-нибудь интересное?

— Ничего, кроме того, что это, кажется, был единственный раз, когда Сюсанна и Бертина встречались друг с другом. Мы пытались выяснить, кто ещё присутствовал на вечеринке, поскольку он мог общаться там с обеими девушками. Но это как искать прошлогодний снег. У нас есть большинство имён, восемьдесят с лишним, но, поскольку это была вечеринка жителей дома со свободным входом гостей, не было никого, кто знал бы каждого. В любом случае, ни одного человека из списка мы не смогли выделить в качестве подозреваемого ни на основании криминального прошлого, ни с точки зрения возможности. Так что мы вернулись к тому, что ты всегда любил

повторять, снова и снова, пока не просверлил нам дырки в ушах.

— Мм. *Почему*?

— Ага, почему? Сюсанна и Бертина были, я полагаю, двумя обычными девушками. В чём-то похожие, в чём-то разные. Обе происходили из достаточно благополучных семей, ни у кого из них не было высшего образования — хотя Сюсанна изучала маркетинг, но бросила учёбу через полгода. Обе часто меняли работы в магазинах, Бертина работала парикмахером-самоучкой. Обе интересовались одеждой, макияжем, собой и девочками, с которыми конкурировали в городе или в Инстаграме. И я знаю, что кажусь предвзятой, хотя поправочка: да, *я предвзята*. Они много тратили, много гуляли, друзья описывают их как тусовщиц. Но было между ними и два важных отличия. Одно заключалось в том, что Бертина в основном обеспечивала себя сама, в то время как Сюсанна жила с родителями и за их счёт. Другое — в то время, как Бертина часто меняла партнёров, Сюсанна, по всей видимости, была более умеренной в этом отношении.

— Потому что жила с родителями?

— Не только поэтому. Помимо немногочисленных коротких отношений, она имела репутацию

недотроги. Что не распространялось, возможно, только на Маркуса Рё.

— Он был её папиком?

— У нас есть списки телефонных звонков и сообщений девушек. Они говорят о плотном общении с Рё за последние три года.

— Сообщения сексуального характера?

— Не столь сексуального, как ты мог бы подумать. Несколько пикантных фото девушек, но ничего непристойного. Общение в основном о приглашениях на вечеринки и вещах, которые они хотят. Рё регулярно переводил деньги им обеим через «Венмо»[17]. Небольшие суммы, пару тысяч, максимум десять тысяч за раз. Но достаточные, чтобы термин «папик» казался уместным. В одном из последних сообщений Бертина сообщила Рё, что с ней связался журналист, желающий подтвердить слушок об их с Рё отношениях, и попросил её дать интервью за десять тысяч крон. Она закончила сообщение чем-то вроде «Конечно, я сказала нет. Хотя десять тысяч — это как раз та сумма, которую я должна за дорожки».

— Мм. Дорожки. Кокаин или амфетамины.

— И сообщения, которые *могут быть* истолко-

---

[17] Примечания: 17

Венмо» (англ. «Venmo») — американский сервис мобильных платежей.

ваны как угрозы.

— И ты думаешь ответ на «почему» кроется в этом?

— Знаю, это звучит так, будто мы хватаемся за соломинку. Но мы перевернули каждый камень, так и не найдя никого среди знакомых девушек с очевидным мотивом, так что теперь у нас осталось только двое подозреваемых. Первый — Маркус Рё, который, возможно, хотел избавиться от двух девушек, угрожающих ему скандалом. Второй — его жена, Хелена Рё, руководствовшаяся ревностью. Проблема в том, что эти двое дали друг другу алиби на обе ночи исчезновения девушек.

— Так я и думал. Как насчёт самого очевидного мотива?

— А именно?

— Именно того, что уже упоминалось. Психопат или маньяк приходит на вечеринку, общается с обеими девушками и берёт их телефоны.

— Как я уже сказала, никто из известных нам людей не подходит под это описание. И вполне возможно, что для расследования эта вечеринка — тупик. Осло — маленький город, это не так уж невероятно, что две девушки одного возраста оказались на одной вечеринке.

— Чуть менее вероятно, что у обеих один и тот же папик.

— Может быть. По словам людей, с которыми мы разговаривали, Сюсанна и Бертина были не единственными.

— Мм. Вы это проверили?

— Проверили что?

— У кого ещё, кроме жены Рё, мог быть мотив избавиться от конкуренток.

Катрина устало улыбнулась.

— Ты и твоё «почему». Я скучала по тебе. Отдел убийств скучал по тебе.

— В этом я сомневаюсь.

— Да, есть ещё пара девушек, с которыми у Рё были нерегулярные контакты, но они были исключены из нашего расследования. Видишь, Харри? Все имена, которые у нас имелись, были исключены. Так что остаётся лишь бóльшая часть населения мира. — Она положила голову на кончики пальцев, массируя виски. — Так или иначе, теперь газеты и остальные СМИ говорят, что нам надо делать. Шеф полиции и главный суперинтендант делают то же самое. Даже Бельман связался с нами и сказал, чтобы мы делали всё возможное. Так что, по моему мнению, ты можешь попробовать, Харри. Только запомни,

этого разговора никогда не было. Естественно, мы не можем сотрудничать, даже неофициально, и я не могу дать тебе никакой информации, кроме той, что я сообщаю публично. Помимо того, что я уже тебе рассказала.

— Понял.

— Уверена, ты также понимаешь, что в полиции есть те, кто не воспримет благосклонно конкуренцию со стороны частного сектора. Особенно, когда конкурент был нанят и оплачен потенциальным подозреваемым. Можешь себе представить, какое поражение будет для главного суперинтенданта и Крипоса, если ты раскроешь дело раньше нас? Насколько мне известно, могут быть законные основания, чтобы тебя остановить, и, если такие основания есть, думаю, они ими воспользуются.

— Я полагаю, что Юхан Крон изучил этот вопрос.

— О да, я совсем забыла, что он в команде Рё.

— Можешь что-либо рассказать о месте преступления?

— Две пары следов на входе и один на выходе. Я думаю, он подчищал за собой.

— Вскрытие Сюсанны Андерсен проведено?

— Вчера была только судмедэкспертиза.

— Нашли что-нибудь?

— Перерезанное горло.

Харри кивнул.

— Изнасилование?

— Никаких видимых признаков.

— Ещё что-нибудь?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты выглядишь так, будто знаешь нечто большее.

Катрина не ответила.

— Понимаю, — сказал Харри. — Информация, которую ты не можешь предавать огласке.

— Я и так слишком много рассказала тебе, Харри.

— Понял тебя. Но полагаю, ты не будешь воротить нос от информации, идущей в противоположном направлении, если мы что-то обнаружим?

Она пожала плечами.

— Полиция не может отвергнуть сообщения от членов общества с какой-либо имеющейся у них информацией. Но награда не предлагается.

— Понятно, — Харри взглянула на часы. Три с половиной часа до полуночи.

Как будто по молчаливому согласию они закрыли тему. Харри спросил о Герте. Катрина

рассказала о нём, но у Харри всё ещё было ощущение, что она что-то скрывает. Наконец в разговоре наступило затишье. Было десять часов, когда Катрина вместе с ним спустилась по ступенькам в сад за домом, чтобы выбросить два пакета мусора в ведро. Когда он открыл ворота и вышел на улицу, она последовала за ним и крепко обняла. Он чувствовал её тепло. Как и в ту ночь. Но знал, что то был один единственный раз. Когда-то между ними было притяжение, физическая химия, которую ни один из них не отрицал, но оба понимали, что это будет глупой причиной разрушить то, что было у каждого с их партнёрами в то время. Но хотя теперь прошлые отношения были уничтожены, уничтожено было и это притяжение. И пути назад к этому сладкому, запретному возбуждению уже не было.

Катрина вздрогнула, отпуская Харри. Он видел, как она вглядывалась в улицу.

— Что-то не так?

— О, нет.

Она скрестила руки на груди, казалось, её бьёт дрожь, хотя вечер был тёплым.

— Послушай, Харри.

— Да?

— Если хочешь… — Она сделала паузу, пере-

вела дыхание. — Можешь посидеть с Гертом как-нибудь.

Харри посмотрел на неё. Медленно кивнул.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — сказала она и поспешно закрыла за собой ворота.

Харри выбрал долгий путь до дома. Через Бислетт и Софиесгате, где он когда-то жил. Мимо «Шрёдера», с его выкрашенными коричневой краской стенами, который однажды было его убежищем. До вершины Сент-Хансхаген, откуда открывался вид на город и Осло-фьорд. Ничего не изменилось. И вместе с тем изменилось всё. Пути назад не было. И не было пути, который не вёл бы назад.

Он думал о разговоре с Рё и Кроном. В котором он попросил не сообщать СМИ о той сделке, что они заключили, прежде, чем он поговорит с Катриной Братт. Объяснив им, что шансы на взаимное сотрудничество увеличатся, если Братт будет считать, что у неё было право вето на решение Харри работать на Рё. Харри описал, как в его представлении будет развиваться разговор с Катриной, как она сама найдёт веские аргументы в пользу того, чтобы он взялся за дело, прежде чем согласиться. Они кивнули, он подписал.

Харри услышал, как церковный колокол вдалеке отбивает время. Ощутил вкус лжи во рту. Он уже знал, что это не в последний раз.

Прим проверил время. Скоро полночь. Он чистил зубы, притопывая ногой в такт песни «Oh! You Pretty Things» Дэвида Боуи и глядя на две фотографии, которые он прикрепил скотчем к зеркалу.

На одной была изображена Женщина, красивая, хоть и не в фокусе, но всё же это была лишь бледная имитация. Потому что красота её была не той, что можно запечатлеть в застывшем моменте. Было что-то, что она излучала, в самих движениях её тела, в совокупности того, как одно выражение лица, слово или смех сменяло другое. Изображение было похоже на одну-единственную ноту, вырванную из произведения Баха или Боуи, оно не имело смысла. Тем не менее это было лучше, чем ничего. Но любить женщину, какой бы сильной любовь ни была, не означает, что ты владеешь ею. Поэтому он дал себе обещание перестать следить за ней, перестать изучать её личную жизнью, как если бы она была его собственностью. Он должен научиться доверять ей, без доверия будет слишком много боли.

На другом фото была женщина, которую он

трахнет до выходных. Или, если быть более точным, женщина, которая трахнет его. А затем он убьёт её. Не потому что хочет, а потому что должен.

Он прополоскал рот и пропел с Боуи слова, что все кошмары явились сегодня, и, кажется, они собираются здесь задержаться.

Затем он прошёл в гостиную и открыл холодильник. Увидел пакет с тиабендазолом. Он знал, что мало выпил его сегодня, но если он выпьет за раз слишком много, у него начнутся боли в животе и рвота, возможно, из-за того, что это ингибирует цикл лимонной кислоты. Хитрость заключалась в том, чтобы регулярно принимать небольшие дозы. Он решил не принимать его сейчас, оправдав себя тем, что уже почистил зубы. Вместо этого он достал открытую банку с надписью «Мотыль» и подошёл к аквариуму. Высыпал в него пол чайной ложки содержимого — в основном личинок комаров, — которое плавало на поверхности воды, как перхоть, прежде чем начать тонуть.

Парой быстрых взмахов хвостового плавника Босс быстро выплыл. Прим включил фонарик и наклонился, чтобы можно было светить прямо в рот Босса, когда тот широко открывался. И ви-

деть в нём это. Оно было похоже на маленького таракана или креветку. Он содрогнулся и в то же время испытал восторг. Босс и Лиза. Вероятно, именно так мужчины — а, возможно, и женщины — зачастую чувствовали себя, когда сталкивались с неизбежным браком. Определённая… амбивалентность. Но он знал, что как только ты найдёшь свою суженную, пути назад уже не будет. Потому что в какой-то степени люди и животные имели моральный долг, они должны были следовать своей природе, роли, назначенной им, чтобы поддерживать гармонию, хрупкое равновесие. Вот почему всё в природе, даже то, что на первый взгляд кажется абсурдным, безобразным и жестоким, прекрасно в своей совершенной функциональности. Грех вошёл в мир в тот день, когда человечество вкусило от древа познания и достигло такого уровня осмысления, который позволил ему не выбирать то, что задумано природой. Да, так оно и было.

Прим выключил стерео и свет.

Глава 9

Понедельник

Харри направился к дверям большого здания в Монтебелло, фешенебельной западной части Осло. Было девять утра, и солнце задорно освещало улицу. Но у Харри стоял ком в горле. Раньше он часто бывал здесь, в онкологической клинике. Более века назад, когда стало известно о планах строительства этой специализированной клиники для лечения рака, местные жители выразили протест. Они боялись, что эта зловещая, таинственная болезнь окажется так близко к ним — а некоторые считали, что она заразна, — и что их недвижимость упадёт в цене. В это же время другие люди поддерживали строительство и делали пожертвования — более тридцати миллионов крон по современным меркам — на покупку четырёх граммов радия, необходимых для облучения и уничтожения раковых клеток до того, как они убьют своих хозяев.

Харри вошёл внутрь и остановился перед лифтом.

Не потому, что он намеревался воспользовать-

ся им, а чтобы попытаться вспомнить.

Ему было пятнадцать лет, когда он и его младшая сестра Сес навестили свою мать здесь, в клинике «Радиум», как они стали называть это место через некоторое время. Она пролежала здесь четыре месяца, с каждым их приездом становясь всё худее и бледнее, как фотография, выцветающая на солнце, а её кроткое, всегда улыбающееся лицо, казалось, исчезало в наволочке. В тот конкретный день, который он сейчас вспомнил, у него случился приступ гнева, который, в свою очередь, вызвал у него слёзы.

— Что случилось — то случилось, и в твои обязанности не входит заботиться обо мне, Харри, — сказала его мать, обнимая его и гладя по волосам. — Твоя работа — присматривать за своей младшей сестрой, это ты и будешь делать.

Когда после встречи с матерью они спускались вниз, сестрёнка встала слишком близко к стенам кабины. Лифт начал двигаться, и её длинные волосы застряли между его дверцами. Харри застыл как вкопанный, в то время как Сес, звавшая на помощь, отрывалась от пола. Она лишилась клока волос и большого участка кожи на голове, но справилась и быстро об этом забыла. Быстрее, чем Харри, который ещё долго ощущал укол

ужаса и стыда, когда думал о том, как после настоятельной просьбы своей матери он умудрился при первом же случае подвести её.

Двери лифта раздвинулись, и две медсестры, минуя его, выкатили кровать.

Харри стоял неподвижно, пока двери лифта снова не закрылись.

Затем он повернулся и начал подниматься по лестнице на шестой этаж.

Здесь пахло больницей. Как в то время, когда здесь лежала его мать. Он нашёл дверь с номером 618 и осторожно постучал. Услышал голос и открыл. Внутри стояли две кровати, одна из которых была пуста.

— Я ищу Столе Эуне, — сказал Харри.

— Он вышел немного прогуляться, — сказал мужчина на второй койке. Он был лыс, пакистанец или индус по происхождению, примерно того же возраста, что и Эуне, где-то за шестьдесят. Но Харри по опыту знал, что судить о возрасте больных раком может быть непросто.

Харри обернулся, увидел, что к нему, шаркая ногами, приближается Столе Эуне, одетый в больничный халат, и понял, что только что прошёл мимо него по коридору.

Кожа некогда пузатого психолога теперь висела

складками. Эуне махнул рукой и страдальчески улыбнулся, не показывая ни одного зуба.

— Сидел на диете? — спросил Харри после того, как они как следует обнялись.

— Ты не поверишь, но даже моя голова съёжилась. — Столе продемонстрировал это, водрузив свои съехавшие маленькие круглые, как у Фрейда, очки обратно на нос. — Это Джибран Сети. Доктор Сети, это инспектор Холе.

Мужчина на другой кровати улыбнулся, кивнул и затем надел наушники.

— Он ветеринар, — сказал Эуне, понизив голос. — Славный парень, но байка о том, что мы становимся похожими на наших пациентов, может быть правдой. Он почти не произносит ни слова, а мне сложно держать рот на замке. — Эуне снял тапочки и опустился на кровать.

— Не знал, что у тебя такое атлетическое телосложение под внешней оболочкой, — сказал Харри, усаживаясь на стул.

Эуне усмехнулся.

— Ты всегда был мастером в искусстве лести, Харри. На самом деле одно время я был довольно успешным гребцом. Но как насчёт тебя? Ради бога, тебе нужно побольше есть, иначе ты совсем исчезнешь.

Харри промолчал.

— А, понятно, — сказал Эуне. — Тебе интересно, кто из нас исчезнет первым? Это буду я, Харри. Вот от чего я умру.

Харри кивнул.

— Что говорят врачи…?

— О том, сколько мне осталось? Ничего. Потому что я не спрашиваю. Ценность умения смотреть правде в глаза — и особенно правде о своей смертности, — по моему опыту, сильно преувеличена. А мой опыт, сам знаешь, большой и обширный. В конце концов, единственное, чего люди хотят, это чувствовать себя комфортно, и как можно дольше, до самого конца. Желательно — внезапного конца. Конечно, отчасти огорчает, когда я осознаю, что в этом отношении я ничем не отличаюсь от других, что я не способен умереть с мужеством и достоинством, которыми хотел бы обладать. Но полагаю, что у меня нет достаточно веской причины умирать с особой бравадой. Мои жена и дочь плачут, их не утешит, если они увидят, что я боюсь смерти больше необходимого, поэтому я избегаю мрачной реальности и уклоняюсь от правды.

— Мм.

— Ну, хорошо, я не могу не «читать» врачей

по тому, что они говорят, и по выражению их лиц. И, судя по всему, у меня осталось не так уж много времени. Но… — Эуне развёл руками, улыбаясь печальными глазами. — Всегда есть надежда, что я ошибаюсь. В конце концов, я всю свою профессиональную жизнь чаще ошибался, чем был прав.

Харри улыбнулся.

— Может быть.

— Может быть. Но ты понимаешь, куда дует ветер, когда тебе без каких-либо сопутствующих предупреждений о передозировке дают дозу морфия, который ты вводишь себе самостоятельно.

— Мм… Получается, речь идёт о боли?

— Боль — интересный собеседник. Но хватит обо мне. Расскажи мне о Лос-Анджелесе.

Харри встряхнул головой и подумал, что это, должно быть, из-за смены часовых поясов, потому что его тело вдруг начало сотрясаться от смеха.

— Прекрати, — сказал Эуне. — Смерть — это не повод для смеха. Давай, расскажи мне.

— Мм. Как насчёт врачебной тайны?

— Харри, каждый секрет, прозвучавший здесь, будет унесён в могилу, часики тикают, так что в последний раз прошу, расскажи мне!

Харри рассказал. Не всё. Не о том, что *на самом*

деле произошло прямо перед его отъездом, когда Бьёрн застрелился. Не о Люсиль и его собственных часах, ведущих отсчёт. Но рассказал всё остальное. О бегстве, чтобы избежать воспоминаний. О плане напиться до смерти где-нибудь далеко отсюда. Когда он закончил, Харри увидел, что глаза Столе остекленели. На протяжении многих расследований убийств, в которых Столе Эуне помогал детективам отдела убийств, выносливость психолога и способность концентрироваться в течение долгих дней всегда впечатляли Харри. Теперь он увидел усталость, боль — и морфий — в его глазах.

— А что насчёт Ракель? — спросила Эуне слабым голосом. — Ты часто думаешь о ней?

— Постоянно.

— Прошлое никогда не умирает. Оно даже толком не проходит.

— Это цитата Пола Маккартни?

— Почти, — улыбнулся Эуне. — Ты думаешь о ней в хорошем смысле или сама мысль о ней причиняет боль?

— Полагаю, больно в хорошем смысле этого слова. Или наоборот. Примерно как… выпивка. Хуже всего в те дни, когда ночью она снится, и на мгновение мне кажется, что она всё ещё жива, а

то, что произошло, — это сон. А потом мне приходится, чёрт побери, проходить через всё заново.

— Помнишь, когда ты пришёл ко мне поговорить о пьянстве, я спросил, мечтал ли ты, когда был трезв, чтобы спиртного вообще не существовало на свете. И ты сказал, что хотел бы, чтобы спиртное существовало. Что, даже если ты не хочешь выпить, ты хотел бы, чтобы был выбор. Был бы вариант, в котором есть возможность выпить. Что без этого всё было бы серым и бессмысленным, как борьба без противника. Так…?

— Да, — сказал Харри. — Именно так и обстоит дело с Ракель. Я бы предпочёл получить эту рану, чем не иметь её в своей жизни.

Они сидели в молчании. Харри опустил взгляд на свои руки. Оглядел комнату. Услышал звуки негромкого телефонного разговора, доносящегося с другой кровати. Столе перевернулся на бок.

— Я немного устал, Харри. Бывают дни и получше, но этот день не из их числа. Спасибо, что пришёл.

— Насколько лучше?

— Что ты имеешь в виду?

— Такие дни достаточно хороши, чтобы ты мог работать? Я имею в виду находясь здесь.

Эуне удивлённо посмотрел на него.

Харри придвинул свой стул поближе к кровати.

В конференц-зале на шестом этаже полицейского управления Катрина собиралась завершить утреннее заседание следственной группы. Перед ней сидело шестнадцать человек: одиннадцать из отдела убийств и пятеро из Крипоса. Из шестнадцати человек десять были детективами, четверо — аналитиками, а двое работали в отделе криминалистической экспертизы. Катрина Братт рассказала о результатах осмотра места преступления и проведённого в Институте судебной медицины предварительного осмотра тела, показав фотографии и того, и другого. Понаблюдала, как зрители пялятся на яркий экран, беспокойно ёрзая на жёстких стульях. Группа, работавшая на месте преступления, нашла не так уж много из того, что они расценили как важный факт сам по себе.

— Похоже, он догадывается, что мы ведём расследование, — сказал один из криминалистов. — Либо он прибрал за собой, либо ему просто очень повезло.

Единственными конкретными доказательствами, которыми они располагали, были отпечатки обуви на мягком грунте. Одни из которых соот-

ветствовали обуви, что носила Сюсанна, а другие были оставлены человеком более плотного телосложения, носившим сорок второй размер, вероятно, мужчиной. Следы указывали на то, что они передвигались близко друг к другу.

— Похоже, что он заставил Сюсанну пойти с ним в лес? — спросил Магнус Скарре, один из ветеранов отдела убийств.

— Да, возможно, — подтвердил эксперт-криминалист.

— Институт судебной медицины провёл предварительное вскрытие в минувшие выходные, — сказала Катрина, — и есть как хорошие, так и плохие новости. Хорошей новостью является то, что они обнаружили небольшое количество остатков слюны или слизи на груди Сюсанны. Плохая новость заключается в том, что мы не можем быть уверены, что они оставлены убийцей, учитывая то, что верхняя часть тела Сюсанны была одета, когда мы её нашли. Так что, если он действительно напал на неё, то, должно быть, снова её одел, что является необычным ходом. Как бы то ни было, Стурдза была достаточно любезна, чтобы провести экспресс-анализ ДНК проб, найденных на трупе. И ещё более худшая новость заключается в том, что в нашей базе дан-

ных известных преступников не было найдено ни одного совпадения с этими пробами. Так что, если они исходили не от убийцы, мы говорим…

— О поиске иголки в стоге сена, — сказал Скарре.

Никто не засмеялся. Никто не застонал. Просто тишина. После трёх недель блужданий во тьме незнания, работы по ночам, угроз отмены осенних каникул и внутренних споров обнаружение тела погасило одну надежду и зажгло другую. Надежду из зацепок. Сулящую раскрытие этого дела. Теперь официально это было расследование убийства, и наступил понедельник, новая неделя с новыми возможностями. Но лица, смотревшие сейчас на Катрину, были опустошёнными, осунувшимися и усталыми.

Она ожидала этого. И поэтому сохранила последний слайд, чтобы разбудить их.

— Вот что обнаружили, когда завершали предварительное вскрытие, — сказала она, когда на экране появилась следующая фотография. Когда она получила её от Александры в субботу, первая мысль Катрины была о том, что перед ней монстр из фильма по роману Мэри Шелли «Франкенштейн».

Все в комнате молча уставились на голову,

покрытую грубыми стёжками. Это произвело на них впечатление. Катрина прочистила горло.

— Стурдза пишет, что Сюсанна Андерсен, по-хоже, недавно получила порез чуть выше линии роста волос по всей окружности головы. И что рана была снова зашита. Мы не знаем, могло ли это произойти до её исчезновения, но Сон Мин вчера разговаривал с родителями Сюсанны.

— А также со знакомым Сюсанны, который встречался с ней в ночь перед её пропажей, — сказал Сон Мин. — Никто из них ничего не знал о наложенных на голову швах.

— Итак, мы можем предположить, что это дело рук её убийцы. Патологоанатом сегодня проведёт полное клиническое вскрытие, так что, надеюсь, мы узнаем больше. — Она посмотрела на часы. — Кто-нибудь хочет что-нибудь добавить, прежде чем мы приступим к выполнению сегодняшних заданий?

Заговорила женщина-детектив.

— Теперь, когда мы знаем, что одна из девушек была вынуждена свернуть с тропинки в лес, не следует ли нам активизировать наши поиски Бертины в лесах вдоль пешеходных дорожек вокруг Грефсенколлена?

— Да, — сказала Катрина. — Это уже делается.

Что-нибудь ещё?

Лица, смотревшие на неё в ответ, напоминали сытых по горло учёбой школьников, которые с нетерпением ждут перемены. Как бы не так. В прошлом году кто-то предложил им нанять бывшего чемпиона мира по лыжным гонкам, который выступал с так называемыми вдохновляющими речами, адресованными обычно бизнесу, о том, как справиться с выгоранием, с которым рано или поздно сталкивается каждый в гонке на 50 километров. За свои услуги национальный герой, о котором идёт речь, назначил плату, которую могла бы заплатить только весьма успешная компания. Катрина сказала, что с таким же успехом они могли бы пригласить выступить с докладом мать-одиночку, работающую полный рабочий день, и что это было худшее предложение, которое она слышала о том, как использовать бюджет департамента. Теперь она уже не была в этом так уверена.

Глава 10

Понедельник
Лошади

Молодой таксист в замешательстве посмотрел на листки бумаги, которые протягивал Харри.

— Это называется деньги, — сказал Харри.

Таксист взял банкноты и изучил цифры на них.

— У меня нет… это… эх…

— Сдачи. — Харри вздохнул. — Всё в порядке.

Харри начал пробираться ко входу на ипподром Бьерке, засовывая квитанцию в задний карман. Двадцать минут езды от клиники «Радиум» стоили столько же, сколько билет на самолёт до Малаги. Ему нужна была машина, желательно с водителем, и как можно скорее. Но в первую очередь ему нужен был полицейский. Коррумпированный.

Он нашёл Трульса Бернтсена в «Пегасе». В большом ресторане было достаточно места для тысячи посетителей, но сегодня — в день еженедельных гонок в обеденное время — только столики с видом на дорожку были заполнены

до отказа. Был лишь один столик, за которым в одиночестве сидел посетитель, как будто от него исходил какой-то запах. Но при ближайшем рассмотрении можно было понять, что причина кроется в его глазах, а также в его осанке. Харри выдвинул один из пустых стульев и посмотрел на ипподром, где рысью носились лошади, таща за собой тележки с погонщиками наверху, в то время как информация из громкоговорителей передавалась непрерывным монотонным голосом.

— Ты быстро, — сказал Трульс.

— Я на такси, — ответил Харри.

— Значит, всё в порядке. Мы могли бы обсудить это по телефону.

— Нет, — сказал Харри, садясь. Они обменялись ровно девятью словами, когда позвонил Харри. «Да?» «Это Харри Холе, где ты?» «Ипподром Бьерке». «Еду».

— Это правда, Харри? Ты *ввязался* в сомнительный бизнес? — Трульс издал свой хрюкающий смешок, которым, наряду со слабым подбородком, выступающими бровями и общим пассивно-агрессивным поведением, он и заработал своё прозвище Бивис. Трульс и персонаж известного мультфильма были похожи своим нигилизмом и почти достойным восхищения отсутствием ка-

кого-либо чувства социальной ответственности или морали.

Подтекст его вопроса, конечно, заключался в том, что Харри *тоже* был вовлечён в сомнительный бизнес.

— Возможно, у меня есть для тебя предложение.

— Такое, от которого я не смогу отказаться? — сказал Трульс, бросив недовольный взгляд на дорожку, где диктор перечислял очерёдность финишировавших.

— Да, если только твоя ставка не сыграет. Я слышал, тебя отстранили от работы. И у тебя есть карточные долги.

— Карточные долги? Кто это сказал?

— Это не важно. В любом случае, ты безработный.

— Я не *настолько* безработный. Я получаю зарплату, ни хрена не делая. Так что, на мой взгляд, они могут сколько угодно пытаться найти какие-либо улики — мне на это наплевать.

— Мм. Я слышал, это как-то связано с изъятием кокаина в аэропорте Гардермуэн?

Трульс фыркнул.

— Я и ещё двое из отдела по борьбе с наркотиками забирали это вещество. Это был странный

зелёный кокаин. Таможенники утверждали, будто он зелёный из-за того, что очень чистый, как будто они ходячая криминалистическая лаборатория. Мы отвезли его в Отдел по изъятию наркотиков, где обнаружили небольшую разницу в весе с тем, что указала в своём докладе администрация аэропорта Гардермуэн. Поэтому они отправили его на анализ. И анализ показал, что кокаин, который был таким же зелёным, как и раньше, был не таким уж и чистым. И тогда они подумали, что мы подмешали в кокаин что-то ещё зелёное, но напортачили, немного перепутав вес. Или, скорее я напортачил, так как я был единственным, кто остался наедине с наркотиками на несколько минут.

— Значит, ты рискуешь не только быть уволенным, но и попасть в тюрьму?

— Ты что, дурак, что ли? — Трульс хмыкнул. — У них нет никаких доказательств. Только слова пары идиотов с таможни, которые думают, что зелёное вещество *выглядело и было на вкус* как чистый кокаин. Разница в весе на один-два миллиграмма, о которой все знают, может быть вызвана самыми разными причинами. Какое-то время они будут болтать об этом, а потом дело будет закрыто.

— Мм. Значит, ты исключаешь то, что они найдут другого виновного?

Трульс слегка откинул голову назад и посмотрел на Харри так, словно прицеливался в него.

— Мне нужно уладить кое-какие дела, связанные с лошадьми, Харри, так что, если есть что-то, о чём ты хотел бы поговорить, — говори.

— Маркус Рё нанял меня для расследования дела о двух пропавших девушках. Я хочу, чтобы ты был в моей команде.

— Твою мать, — Трульс удивлённо уставился на Харри.

— Что скажешь?

— Почему ты просишь об этом меня?

— А ты как думаешь, почему?

— Понятия не имею. Я плохой полицейский, и ты знаешь это лучше, чем кто-либо другой.

— Тем не менее, мы спасли друг другу жизни по крайней мере один раз. Согласно старой китайской пословице, это означает, что мы несём ответственность друг за друга до конца наших дней.

— Правда? — голос Трульса звучал неуверенно.

— К тому же, — сказал Харри, — если тебя лишь отстранили, значит, у тебя всё ещё есть полный доступ к BL96?

Харри заметил, как Трульс вздрогнул, услышав упоминание о самодельной, устаревшей системе составления отчётов о расследованиях, используемой с 1996 года.

— И что?

— Нам нужен доступ ко всем отчётам. Тактическим, техническим, криминалистическим.

— Верно. Так это…?

— Ага, сомнительный бизнес.

— Из-за таких вещей копов могут выгнать из полиции.

— Если это обнаружат, то определённо. И именно поэтому за это хорошо платят.

— Да? Насколько хорошо?

— Назови сумму, и я передам её дальше.

Трульс долго и задумчиво смотрел на Харри. Опустил взгляд на бланк для ставок, лежащий перед ним на столе, и скомкал его в руке.

В ресторане «Даниэль» было время обеда, бар и столики начинали заполняться. Несмотря на то, что ресторан расположен в нескольких сотнях метров от центра города и многочисленных офисных комплексов, Хелену никогда не переставало удивлять то, что ресторан, расположенный в жилом районе, привлекает так много посетителей во время обеденного перерыва.

Она огляделась по сторонам, осматривая просторное помещение со своего маленького круглого столика в центре. Не нашла никого, представляющего интерес. Затем снова перевела взгляд на экран своего ноутбука. Она нашла сайт со снаряжением для верховой езды. По-видимому, не существовало ограничений ни на количество продуктов, доступных для лошадей и наездников, ни на запрашиваемые за них цены.

В конце концов, большинство людей, имевших дело с лошадьми, были состоятельными, и верховая езда была возможностью выставить это напоказ. Недостатком для большинства людей, конечно, было то, что планка возможности произвести впечатление в этой среде была установлена настолько высоко, что большинство людей проигрывали ещё до того, как начинали. Но действительно ли импорт снаряжения для верховой езды был тем, чем она хотела заниматься? Или ей лучше попробовать свои силы в организации конных туров в Вальдрес, Вассфарет, Вого или другие живописные захолустья, начинающиеся на букву «В»? Она захлопнула ноутбук, глубоко вздохнула и снова огляделась.

Да, они были там, сидели, примостившись вдоль стойки бара, которая тянулась по всей

длине заведения. Молодые люди в костюмах, словно бы их насильно тащат к агентам по недвижимости. Молодые женщины, одетые в юбки, жакеты или что-то ещё, чтобы выглядеть «профессионально». У некоторых женщин действительно была работа, но Хелена могла указать и на других, слишком хорошеньких, которые носили очень короткие юбки и были более заинтересованы в том, чтобы не работать вообще, одним словом, найти человека при деньгах. Она не знала, почему продолжала приходить сюда. Десять лет назад об обедах по понедельникам в ресторане «Даниэль» ходили легенды. Было что-то восхитительно-декадентское и пренебрежительное в том, чтобы напиваться и танцевать на столах в середине первого дня рабочей недели. Но, безусловно, это также было и заявлением о статусе; излишество, которое могли позволить себе только богатые и привилегированные. В те дни здесь было тише. Теперь бывшее пожарное депо представляло собой сочетание бара и ресторана с Мишленовской звездой — изысканная кухня, место, где элита Вест-Сайда Осло ела, пила, разговаривала о бизнесе, обсуждала семейные дела, строила отношения и вступала в альянсы, которые проводили черту между теми, кого пус-

кали внутрь, и теми, кто оставался снаружи.

Именно здесь, во время бурного обеда в понедельник, Хелена познакомилась с Маркусом. Ей было двадцать три года, ему было за пятьдесят, и он был неприлично богат. Настолько богат, что люди расступались, когда он подходил к бару, казалось, все знали, в чём хороша семья Рё. И в чём плоха. Конечно, она была не так невинна, как притворялась, о чём Маркус, вероятно, догадывался после первых двух раз, когда она осталась на ночь на его вилле в Скиллебекк. Догадывался по её саундтреку к занятиям любовью, который был похож на что-то, взятое прямиком с «Порнхаб»[18], догадывался по звукам от входящих сообщений на её телефоне всю ночь и по тому, как она раскладывала кокаин такими ровными дорожками, что он никогда не знал, какую ему принять. Но он, казалось, не возражал. Как он сам утверждал, его возбуждала не невинность. Она не знала, правда ли то, что он говорил, но это было не так уж важно. Что было важно, или, по крайней мере, одним из важных моментов, так это то, что Маркус мог способствовать тому образу жизни, о котором она всегда мечтала. Эта мечта

---

[18] Примечания: 18

«Порнхаб» (англ. Pornhub) — сервис просмотра фильмов для взрослых.

заключалась не в том, чтобы быть вечно сидящей дома трофейной женой, вкладывающей всё своё время в содержание и благоустройство загородного дома, социальных сетей и собственного тела и лица. Хелена предоставила заниматься подобными вещами другим паразитирующим девочкам, которые искали подходящего хозяина в ресторане «Даниэль». У Хелены были мозги, и она интересовалась разными вещами. Искусством и культурой, особенно театром и художественной деятельностью. Архитектурой — она давно собиралась изучать её. Но её большой мечтой было управлять лучшей школой верховой езды в стране. Это была не несбыточная мечта глупой, капризной девчонки, а реалистичный план, составленный в юном возрасте способной к учёбе и трудолюбивой девушкой, которая работала не только в одной лишь конюшне, а продвигалась по служебной лестнице и в конце концов стала инструктором школы верховой езды, девушкой, которая презирала термин «помешанный на лошадях» и знала, что именно требуется с точки зрения усилий, денег и опыта.

И всё равно всё пошло насмарку.

Это не была вина Маркуса. Хотя, если подумать, так оно и было, он прекратил выплачивать день-

ги как раз в тот момент, когда несколько лошадей в школе верховой езды заболели, что в сочетании с неожиданной конкуренцией и непредвиденными расходами сделало барьер слишком высоким. Ей пришлось закрыть школу, и настало время найти что-то новое.

Во многих отношениях. Они с Маркусом долго не продержатся.

Некоторые говорят, что когда пара начинает заниматься сексом реже одного раза в неделю, это только вопрос времени, когда всё закончится. Чепуха, конечно, прошло много лет с тех пор, как они с Маркусом занимались сексом чаще, чем раз в полгода. Не то чтобы это её беспокоило. Но её беспокоили возможные последствия. Она вложила все силы в жизнь с Маркусом, в школу верховой езды, до такой степени, что отказалась от всех своих планов «Б» и «В». Она не выбрала ни один из образовательных путей, столь открытых для человека с её школьными оценками. Не накопила денег, и в каком-то смысле поставила себя в зависимость от Маркуса. Не в каком-то смысле — она *действительно* зависела от его денег. Может быть, не для того, чтобы выжить, но… хотя, да, именно для того, чтобы выжить.

Когда это она потеряла над ним власть? Или,

если быть более точным: когда это он потерял к ней интерес в постели? Конечно, это могло быть связано со снижением выработки тестостерона у мужчины старше шестидесяти, но она полагала, что это началось, когда она проявила желание иметь детей. Она знала, что для мужчины вряд ли найдётся что-то более отталкивающее, чем секс по по обязательству. Но когда он сообщил ей, что о детях не может быть и речи, обет безбрачия просто продолжился. Учитывая, что её собственный аппетит к сексу с Маркусом, который никогда не отличался ненасытностью, тоже ослабел, это не было большой проблемой. Даже несмотря на то, что она подозревала, что он начал искать другие места для удовлетворения своих потребностей. Пока он был сдержан и не выставлял её на посмешище, всё было в порядке.

Нет, проблема была в двух девушках с вечеринки. Одна была найдена мёртвой, а вторая всё ещё числилась пропавшей. И они обе могли быть связаны с Маркусом. Их сладенький папик. Эти слова даже появились в печати. Идиот — она могла оторвать ему голову! Она не была Хиллари Клинтон, и на дворе были не девяностые, она не могла просто «простить» своего мужа. Поскольку в наши дни женщинам не позволялось спускать

ублюдкам с рук подобные вещи, это было связано с уважением к себе, своему полу и духу времени. Просто ей чертовски повезло, что она не родилась поколением раньше.

Но даже если бы ей было «позволено» простить его, позволил бы ей это Маркус? Разве это не было тем, чего он ждал, уход от неё, который будет не особенно постыдным и не почётным, учитывая то, что были как положительные, так и отрицательные ассоциации с мужчиной старше шестидесяти, который ходит налево? Для такого человека, как Маркус Рё, определённо существовали вещи похуже, чем ярлык мужлана, ублюдка и бабника. Так не следует ли ей поторопиться и уйти до того, как это сделает он? В конце концов, *это* было бы окончательным поражением.

Так что она была настороже. Это было неосознанно, но она поймала себя на том, что делает это. Рассматривает мужчин среди посетителей. Определяя, кто из них мог бы — в предполагаемой будущей ситуации — представлять интерес. Люди думают, что они могут прятаться за своими секретами, но правда заключается в том, что все мы так или иначе демонстрируем то, что думаем и чувствуем, и те, кто обращает на это пристальное внимание, всё поймут.

Так что, возможно, ей не стоило удивляться, когда официант остановился перед ней и поставил на стол бокал с коктейлем.

— Грязный мартини, — сказал он по-шведски с норрландским акцентом. — От того мужчины…— Он указал на мужчину, одиноко сидевшего за стойкой бара. Тот смотрел в окно, так что она видела его лишь в профиль. Качество его костюма, пожалуй, было на порядок выше, чем у других посетителей-мужчин, и он, без сомнения, был красивым. Но слишком молодым, вероятно, примерно её возраста, а ей было тридцать два. Хотя, само собой разумеется, предприимчивый человек может многого добиться за это время. Она не знала, почему он не смотрел на неё, может быть, стеснялся, а может быть, прошло много времени с тех пор, как он заказал напиток, и думал, что не может пялиться на неё всё это время. Очаровательно, если это было так.

— Это ты сказал ему, что я обычно пью мартини за обедом по понедельникам? — спросила она.

Официант покачал головой, но что-то в его улыбке заставило её усомниться в его полной искренности.

Кивком она дала официанту понять, что принимает заказ, и он отошёл от её столика. При

нынешнем положении вещей она, вероятно, не раз примет такие жесты от поклонников в будущем, так почему бы не начать с кого-нибудь, кто показался ей привлекательным?

Она поднесла бокал к губам и заметила, что вкус у него другой. Предположительно, это были две оливки на дне бокала, ингредиенты, делающие мартини «грязным». Возможно, это было то, к чему ей тоже придётся привыкнуть, — другой, более грязный вкус ко всему.

Мужчина за стойкой скользнул взглядом по залу, как будто не знал, где она сидит. Хелена подняла руку, поймав его взгляд. Подняла бокал в тосте. В ответ он поднял свой собственный стакан с простой водой. Но без улыбки. Да, он, вероятно, был застенчивым человеком. Но потом он поднялся на ноги. Огляделся по сторонам, как бы желая убедиться, что поблизости никого нет, прежде чем подойти к ней.

И, конечно же, он подошёл к ней. Все мужчины рано или поздно поступали так, если Хелена этого хотела. Но когда он подошёл ближе, она почувствовала, что не хочет этого, пока нет. Она никогда не изменяла Маркусу, даже не флиртовала с другими мужчинами, и не собиралась этого делать, пока всё не уладится. Как и всегда, она бы-

ла такой прямолинейной, женщиной, любившей одного мужчину. Даже если Маркус был далёк от того, чтобы быть мужчиной-однолюбом. Потому что дело было не в том, что он думал о ней, а в том, что она думала о себе.

Мужчина остановился у её столика, начал выдвигать другой стул.

— Пожалуйста, не садись. — Хелена посмотрела на него снизу вверх с широкой улыбкой. — Я просто хотела поблагодарить тебя за коктейль.

— За коктейль? — он улыбнулся в ответ, но выглядел смущённым.

— Этот. Тобою присланный, верно?

Он со смехом покачал головой.

— А мы может притвориться, что я это сделал? Меня зовут Филип.

Она рассмеялась в ответ и тоже покачала головой. Он уже выглядел немного влюблённым, бедняга.

— Хорошего дня, Филип.

Он отвесил джентльменский поклон и покинул её. Он всё ещё будет там в тот день, когда всё закончится с Маркусом. И, возможно, без обручального кольца, которое он сейчас пытался спрятать. Хелена жестом подозвала официанта. Он стоял у стола, склонив голову и виновато

улыбаясь.

— Ты обманул меня. Кто на самом деле прислал выпивку?

— Извини, фру Рё. Я думаю, это была шутка, которую сыграл с тобой кто-то из твоих знакомых. — Он указал на пустой столик у стены немного позади неё. — Он только что ушёл. Я налил ему два мартини, но потом он подозвал меня и попросил отнести один тебе, указав на парня, от которого, как я должен был сказать, якобы был коктейль. То есть от того симпатичного джентльмена за стойкой. Надеюсь, я не зашёл слишком далеко?

— Всё в порядке, — сказала она, качая головой. — Надеюсь, он дал тебе хорошие чаевые.

— Конечно, фру Рё. Конечно. — Официант ухмыльнулся, показав чёрный снюс между зубами.

Хелена вытащила оливки, прежде чем допить мартини, но вкус не изменился.

Она была на пути к улице Гилденлёвес, когда её одолел гнев и возмущение. Это безумие, абсолютное безумие, что она, умная, взрослая женщина, должна смириться с тем, что её существованием управляют мужчины. Мужчины, которых она не любит и не уважает. Чего же она на самом деле боялась? Быть одной? Она и была одна, чёрт возьми, каждый был одинок! И именно у Маркуса

было больше всего причин бояться. Если бы она сказала правду, рассказала то, что знала… Она содрогнулась при этой мысли, точно так же, как президенты, хотелось бы верить, содрогались при мысли о нажатии ядерной кнопки. В тоже время естественно, мысль о том, что они *могли* это сделать, приводила их в восторг. В силе было что-то такое сексуальное! Большинство женщин добивались этого косвенно, охотясь за мужчинами, обладающими властью. Но зачем делать это, когда у тебя есть своя ядерная кнопка?

И почему эта мысль никогда не приходила ей в голову раньше? Всё просто: потому что лишь сейчас лодка налетела на скалы и дала течь.

Хелена Рё тут же решила, что отныне она сама будет распоряжаться своей жизнью, и что в этой жизни будет очень мало места для мужчин. И только потому что Хелена Рё прекрасно понимала, что, когда она ставила себе цель, то обязательно достигала её, она знала, что именно так всё и будет. Теперь оставалось только составить план. Потом, когда всё это будет позади, она угостит выпивкой мужчину, который ей приглянётся.

Глава 11

Понедельник
Обнажённый

Когда Харри вышел на площадь у Центрального вокзала Осло, он заметил Эйстейна Эйкеланна, стоящего у статуи тигра и переступающего с ноги на ногу по каменным плитам. На Эйстейне была куртка расцветки футбольного клуба «Волеренга», но в остальном он был истинным Китом Ричардсом. Волосы, морщины, шарф, подводка для глаз, сигарета, измождённая фигура.

Как и Эуне, Харри не стал слишком крепко обнимать своего друга детства, как будто боялся, что от этого ещё один человек в его жизни разлетится на кусочки.

— Ух ты, — сказал Эйстейн. — Хороший костюм. Что ты там делал? Работал сутенёром? Продавал кокаин?

— Нет, но, вижу, ты этим занимаешься, — сказал Харри, оглядываясь по сторонам. Люди на площади были в основном пассажирами пригородных поездов, туристами или офисными работниками, но в Осло было мало мест, где про-

дажа наркотиков происходила так открыто, как здесь. — Должен признаться, не ожидал.

— Да? — спросил Эйстейн, поправляя свои солнцезащитные очки, которые слегка съехали после объятий. — А я ожидал. Надо было начать заниматься этим много лет назад. Денег больше, чем в такси. И для здоровья полезнее.

— Полезнее?

— Я ближе к источнику. Всё, что поступает сейчас в этот организм, — высококачественная дурь. — Он провёл руками вдоль туловища.

— Мм… И тоже в умеренных дозах?

— Конечно. А что насчёт тебя?

Харри пожал плечами.

— В данный момент я использую твой метод «Управление умеренностью». Не уверен, что его хватит надолго, но посмотрим.

Эйстейн постучал пальцем по виску.

— Да, да, — сказал Харри и увидел молодого человека в куртке-парке, который стоял чуть поодаль и пристально вглядывался в него. Даже с такого расстояния Харри мог видеть его голубые глаза, настолько широко открытые, что белки стали видны вокруг всей окружности зрачка. Свои руки он держал в глубоких карманах, как будто что-то прятал.

— Кто этот парень? — спросил Харри.

— О, это Эл. Он понял, что ты полицейский.

— Дилер?

— Да. Хороший парень, но странный. Немного похож на тебя.

— На меня?

— Выглядит получше тебя, конечно. И умнее.

— Правда?

— О, ты по-своему сообразителен, Харри, но этот парень просто умный ботан. Начинаешь говорить о чём-то, а он знает об этом всё, как будто долго изучал именно это, понимаешь. Вас объединяет ещё и то, чем именно вы привлекаете женщин. Вся эта харизматичная фишка с одиночеством. И он заложник своих привычек, как и ты.

Харри увидел, как Эл отвернулся, как будто не хотел показывать своё лицо.

— Стоит здесь с девяти до пяти, по выходным не работает, — продолжил Эйстейн. — График как в обычном офисе. Симпатичный, как я уже сказал, но осторожный, почти параноик. Рад поговорить о работе, но ничего не скажет о себе, как и ты. Этот парень даже не скажет тебе своего имени.

— Значит, Эл — это…

— Это имя из песни Пола Саймона «You Can Call

Me Al»[19], сечёшь?

Харри ухмыльнулся.

— «Ты кажешься чуть нервным и весь такой из себя», — процитировал Эйстейн. — Ты в порядке?

Харри пожал плечами.

— Возможно, я сам стал немного параноиком.

— Эй, — раздался чей-то голос. — Товар есть?

Харри обернулся и увидел мальчика в худи.

— Ты думаешь, я дилер? — прошипел Эйстейн. — Иди домой делать домашку!

— А ты не дилер? — спросил Харри, наблюдая, как мальчик направляется к парню в куртке-парке.

— Да, но не для таких маленьких детей. Я оставляю это Элу и западноафриканцам с улицы Торггате. Кроме того, я, как первоклассная проститутка, в основном работаю по вызову. — Эйстейн ухмыльнулся, обнажив ряд гнилых зубов, и помахал новеньким блестящим мобильным телефоном «Самсунг». — Доставка до двери.

— Значит ли это, что у тебя есть машина?

— Конечно, есть. Выкупил тот старый «Мерс», на котором ездил. Купил его по дешёвке у вла-

---

[19] Примечания: 19

Название песни переводится как «Ты можешь звать меня Эл».

дельца таксомоторной компании. Тот говорил, что клиенты жалуются на запах дыма, от которого он не мог избавиться. Считал, что это моя вина. Хе-хе. Я также забыл снять знак такси с крыши, так что могу ездить по автобусной полосе. Кстати, о запахе дыма — у тебя есть сигареты?

— Я бросил. И мне кажется, что у тебя есть свои.

— Твои всегда были вкуснее, Харри.

— Что ж. Теперь с этим покончено.

— Да, понимаю, именно так Калифорния и меняет людей.

— Машина припаркована далеко?

С пружинистых, изношенных передних сидений «Мерседеса» они смотрели на раскинувшийся у моря район Бьёрвика, привлекательный новый городской квартал, включающий районы Ослобукта и Соренга. Недавно построенный здесь музей Мунка казался серым тринадцатиэтажным пациентом психушки в смирительной рубашке, загораживавшим вид на море.

— Господи, какое уродство, — вздохнул Эйстейн.

— Так что ты ответишь? — спросил его Харри.

— На предложение стать водителем и в целом мальчиком на побегушках?

— Да. И если окажется, что это важно для дела, нам может понадобиться свой человек, который сможет проследить кокаиновые связи Маркуса Рё.

— Ты уверен, что он использует «волшебный порошок»?

— Чихает. Большие расширенные зрачки. Солнцезащитные очки лежат на столе. Глаза мечутся по всему помещению.

— Нистагм[20]. Но проследить связи Рё… Разве он не твой клиент?

— Моя работа заключается в раскрытии убийства, возможно, двух. Не в защите интересов этого человека.

— И ты думаешь, это из-за кокаина? Если бы ты сказал «героин», я бы не спрашивал…

— Я ничего не думаю, Эйстейн, но речь о зависимости, а она всегда играет определённую роль. И, предполагаю, по крайней мере, одна из девушек тоже слишком увлекалась «дорожками». Она задолжала своему дилеру десять тысяч крон. Итак, ты в деле?

Эйстейн изучал огонёк своей сигареты.

— Почему ты на самом деле берёшься за эту

---

[20] Примечания: 20

Нистагм — непроизвольные колебательные движения глаз.

работу, Харри?

— Я же сказал тебе, что это из-за денег.

— Знаешь, именно это сказал Боб Дилан, когда у него спросили, почему он начал карьеру с народной музыки и песен протеста.

— И ты думаешь, он солгал?

— Я думаю, это был один из немногих случаев, когда Дилан говорил правду, но мне кажется, что ты лжёшь. Если я собираюсь участвовать в этом безумии, я хочу знать, почему в нём участвуешь ты. Так что выкладывай.

Харри покачал головой.

— Хватит, Эйстейн, я не собираюсь рассказывать тебе всё, ради твоего благополучия и своего собственного. Тебе просто придётся довериться мне.

— Когда в последний раз это заканчивалось хорошо?

— Не помню. Никогда?

Эйстейн рассмеялся. Вставил компакт-диск в плеер и прибавил громкость.

— Слышал последнюю вещицу группы «Токин Хэдс»?

— Альбом «Обнажённый» 1987 года?

— 1988.

Эйстейн закурил и дал прикурить Харри, из

динамиков зазвучала песня «Blind». Они курили, не открывая окна, в то время как Дэвид Бирн пел о том, что знаки теряются, а вывески исчезают. Дым клубился внутри машины, как морской туман.

— У тебя когда-нибудь было чувство, когда ты понимаешь, что собираешься сделать глупость, но всё равно идёшь на это? — спросил Эйстейн, в последний раз затягиваясь сигаретой.

Харри затушил окурок в пепельнице.

— На днях я видел, как мышь сама подошла к кошке и была ею убита. Как ты думаешь, что всё это значило?

— Не знаю, ты мне скажи. Отсутствие инстинкта самосохранения?

— Во всяком случае, какое-то побуждение. Нас тянет — по крайней мере, некоторых из нас — к краю пропасти. Говорят, близость к смерти усиливает яркость ощущения от того факта, что ты жив. Но чёрт его знает.

— Хорошо сказано, — ответил Эйстейн.

Они смотрели на музей Мунка.

— Согласен, — сказал Харри. — Абсолютное уродство.

— Хорошо, — сказал Эйстейн.

— Что «хорошо»?

— Хорошо, я берусь за эту работу, — Эйстейн затушил свою сигарету об окурок Харри. — Это наверняка будет веселее, чем продавать дурь. Что, на самом деле, чертовски скучно.

— Рё хорошо платит.

— Отлично, я соглашаюсь.

Харри улыбнулся и достал свой завибрировавший телефон. Увидел букву «Т» на дисплее.

— Да, Трульс.

— Я проверил отчёт из Института судебной медицины, о котором ты спрашивал. У Сюсанны Андерсен были швы на голове. И они обнаружили слюну и слизь на одной из её грудей. Они провели экспресс-анализ ДНК, но не нашли совпадений в базе данных зарегистрированных преступников.

— Хорошо. Спасибо.

Харри повесил трубку. Значит это то, что Катрина не хотела — или думала, что не может, — сказать ему. Слюна. Слизь.

— Итак, куда едем, босс? — спросил Эйстейн, поворачивая ключ в замке зажигания.

Глава 12

Понедельник
Вращающееся кресло Вегнера[21]

— Это что, шутка? — спросила патологоанатом из-под своей маски.

Александра недоверчиво уставилась на открытый череп трупа, лежащего перед ними на столе. Для патологоанатома было в порядке вещей сделать во время полного вскрытия круглый разрез по черепу и осмотреть мозг. Рядом, на столе с инструментами, лежали обычные предметы: ручная и электрическая пилы для костей, а также Т-образный ключ для черепа, который они использовали, чтобы снять верхнюю часть черепа. Необычным стало то, что ни один из этих инструментов не пригодился в случае с Сюсанной Андерсен. В них не было необходимости. Потому что после того, как они сняли швы, подняли скальп с длинными светлыми волосами Сюсанны и отложили его на другой стол, стало ясно, что

---

[21] Примечания: 21

Кресло Вегнера — известная модель вращающегося кресла на колёсиках, разработанное Хансом Вегнером, одним из самых изобретательных и плодовитых дизайнеров мебели в стиле модерн.

кто-то опередил их. Череп уже был распилен. Патологоанатом раскрыла верхнюю часть черепа назад, как откидную крышку. А теперь вопрошала — шутка ли это…

— Нет, — прошептала Александра.

— Ты меня разыгрываешь, — сказала Катрина в трубку, глядя из окна своего кабинета на парк, расположенный рядом со зданием полиции, на липовую аллею, ведущую к Ботсфенгселете[22], весьма живописной старой тюрьме Осло. Небо было ясным, и люди уже не лежали на траве в одном нижнем белье, а сидели на скамейках, повернув лица к солнцу, зная, что это, возможно, последний по-летнему тёплый день в этом году.

Она вслушалась и поняла, что Александра Стурдза говорит всерьёз. Впрочем, она и не думала, что та шутит. Разве не этого она ожидала в субботу, когда Александра впервые рассказала ей о швах? Что они имеют дело не с находящимся в здравом уме убийцей, а с сумасшедшим человеком, которого они не смогут найти, ответив на вопрос Харри «почему». Потому что не было никакого «почему», по крайней мере, такого,

[22] Примечания: 22

Ботсфенгселет — старинное здание бывшей государственной тюрьмы для заключённых в Осло.

которое нормальный человек мог бы понять.

— Спасибо, — сказала Катрина, повесила трубку, поднялась на ноги и пошла через весь полицейский отдел. В кабинет без окон, который когда-то принадлежал Харри и который он отказался сменить на более просторный и светлый, когда его повысили до инспектора. Возможно, именно поэтому Сон Мин выбрал этот офис в качестве своего кабинета во время работы над этим делом. Или, возможно, он просто счёл это помещение лучшим из двух других свободных офисов, которые она ему показала. Дверь была открыта, и она постучала в неё перед тем, как войти.

Пиджак Сон Мина висел на вешалке, которую, как она догадалась, он, должно быть, принёс с собой. Его рубашка была такой белой, что, казалось, светилась в сумраке комнаты. Она поймала себя на том, что автоматически оглядывается в поисках предметов, которые были здесь, когда это была берлога Харри. Искала фотографию «Общества мёртвых полицейских»[23] в рамке, с портретами всех коллег, которых Харри потерял на службе. Но ничего прежнего не осталось, даже крючок для одежды был новый.

---

[23] Примечания: 23

«Общество мёртвых полицейских» впервые упомянуто в романе Ю Несбё «Полиция».

— Плохие новости, — сказала она.

— Вот как?

— Через час мы получим предварительные результаты вскрытия, но Стурдза заранее предупредила меня. Сюсанне Андерсен не хватает мозгов.

Сон Мин приподнял бровь.

— В буквальном смысле?

— Аутопсия не может рассказать о других смыслах этого выражения, так что да — в буквальном. Кто-то вскрыл череп Сюсанны и…

— И?..

— Удалил весь её мозг.

Сон Мин откинулся на спинку офисного кресла. И она узнала этот протяжный, жалобный скрип. Скрип стула. Эта изношенная развалина. Значит, его они оставили.

Юхан Крон наблюдал, как Маркус Рё чихнул, вытер нос одним из своих светло-голубых носовых платков, положил его обратно во внутренний карман и откинулся на спинку вращающегося кресла Вегнера за своим столом. Крон знал, что это было кресло дизайнера Вегнера, потому что сам хотел такое же. Но обычная цена за него была близка к тринадцати тысячам крон, и он не был уверен, что сможет оправдать такие траты

перед партнёрами, своей женой или клиентами. Это был простой стул. Элегантный, но ни в коей мере не позёрский, и поэтому нетипичный для Маркуса Рё. Он предположил, что кто-то, возможно, Хелена, шепнула ему, что предыдущее кресло руководителя фирмы «Витра» модель с высокой спинкой, обтянутое чёрной кожей, было слишком вульгарным. Но сейчас, как думал Юхан, двум другим людям в комнате было не до этого. Харри Холе выдвинул стул из-за стола для совещаний и сел перед столом Рё, в то время как другой человек, весьма сомнительного вида, похожий на капитана Крюка, которого Харри представил как водителя и главного помощника своей команды, сел у двери. Так что, по крайней мере, он знал своё место.

— Скажи мне, Холе, — шмыгнул носом Рё, — это шутка?

— Нет, — сказал Харри, который опустился в кресло, заложил руки за голову, вытянул свои длинные ноги и теперь поворачивал ботинки под разными углами, чтобы рассмотреть их, как будто раньше их не замечал. Крон подумал, что это, возможно, ботинки Джона Лобба, но трудно было представить, что кто-то вроде Холе может себе это позволить.

— Серьёзно, Холе, ты считаешь, что наша команда должна состоять из лежащего в госпитале больного раком, находящегося под следствием из-за подозрений в коррупции полицейского и человека, который водит такси?

— Я сказал, что он *водил* такси. Сейчас он занимается розничной торговлей. И это не *наша* команда, Рё, а моя.

Лицо Рё потемнело.

— Проблема в том, Холе, что это не команда, а… цирк какой-то. И я сошёл бы за клоуна, если бы был настолько глуп, чтобы объявить, что это… это лучшее, что я смог найти.

— Ты не будешь объявлять об этом.

— Но, ради бога, парень, это же половина дела, разве мы не ясно дали это понять? — голос Рё гулко разнёсся по большой комнате. — Я хочу, чтобы общественность увидела, что я нанял лучших людей для раскрытия этого дела. Только тогда они поймут, что я настроен серьёзно. Речь идёт обо мне и репутации моей фирмы.

— Вчера ты говорил, что подозрения причиняют дискомфорт семье, — сказал Харри, который, в отличие от Рё, понизил голос. — Мы не можем разглашать, кто входит в команду, потому что полицейский будет немедленно уволен, автома-

тически потеряв доступ к отчётам полиции. А именно по этой причине он в команде.

Рё посмотрел на Крона.

Адвокат пожал плечами.

— Для пресс-релиза самое важное имя — Харри Холе, известный детектив по расследованию убийств. Мы можем написать, что он собирает команду вокруг себя. Этого должно быть достаточно. Пока человек, исполняющий главную роль, хорош, люди будут просто считать, что и остальная команда тоже хороша.

— И ещё кое-что, — сказал Харри. — Эуне и Эйкеланн получают ту же почасовую ставку, что и Крон. А Бернтсен получает вдвойне.

— Ты с ума сошёл, парень? — Рё широко развёл руками. — Твой бонус — это одно. Это нормально до тех пор, пока ты не требуешь плату, но рискуешь всем ради успеха, это смело. Но платить вдвое больше, чем зарабатывает адвокат… *ничтожному* мошеннику? Можешь объяснить мне, чем, чёрт возьми, он это заслужил?

— Я точно не знаю, заслуживает ли он этого, — сказал Харри. — Но он того стоит. Разве не на этом основываются выплаты таких деловых людей, как ты?

— Он того стоит?

— Позволь мне повторить ещё раз, — сказал Харри, подавляя зевок. — Трульс Бернтсен имеет доступ к BL96, то есть ко всем полицейским отчётам по этому делу, в том числе из отдела криминалистической экспертизы и Института судебной медицины. В настоящее время в одной только следственной группе насчитывается где-то от двенадцати до двадцати человек. Пароль Бернтсена и его зрачок стоят того, чтобы получить доступ к результатам их совместной работы. Кроме того, он идёт на существенный риск. Если выяснится, что он передаёт секретную информацию постороннему лицу, его не просто уволят, ему грозит тюремный срок.

Рё закрыл глаза и покачал головой. Когда он снова открыл их, на его лице была улыбка.

— Знаешь что, Харри? Мы могли бы использовать такого проныру, как ты, в переговорах по контракту, в которых в данный момент участвует «Барбелл».

— Хорошо, — сказал Харри. — Есть ещё одно условие.

— Вот как?

— Я хочу задать тебе несколько вопросов. — Рё снова обменялся взглядами с Кроном.

— Прекрасно.

— С помощью детектора *лжи*, — сказал Харри.

Глава 13

Понедельник
Группа Эуне

Мона До сидела за своим столом и читала пост блогера по имени Хедина о социальном давлении и стандартах красоты. Язык был бедным и местами неуклюжим, но в нём была прямая устная речь, которая позволяла легко понимать его, как будто сидишь за столиком кафе и слушаешь болтовню друга о повседневных мелочах. «Мудрые» мысли и советы блогера были настолько банальны и предсказуемы, что Мона не знала, зевать ей или сердиться.

Используя избитые, почерпнутые из похожих блогов формулировки и выдавая их за собственные лозунги и идеи, Хедина использовала их с искренностью и негодованием, чтобы описать разочарование от жизни в мире, где внешность считается первостепенной, и сетовала, что от этого женщины начинают чувствовать себя очень неуверенными в себе. И, конечно, парадокс, но её блог был полон фотографиями красивой, стройной Хедины с большой грудью в стиле софт-порно.

Но эта тема возникала в блоге снова и снова, и в конце концов — после победы в каждой битве — измученный разум в итоге проигрывал глупости всю войну. И, говоря о глупости, причина, по которой Мона До потратила полчаса своей жизни на чтение блога Хедины, заключалась в том, что Джулия, редактор, из-за больничных сотрудников издания и затишья в деле Сюсанны поручила Моне прокомментировать комментарии к комментариям Хедины. Джулия без тени иронии велела Моне подсчитать, каких комментариев было больше, положительных или отрицательных, и от этого зависело, должна ли быть в заголовке статьи «похвала за…» или «критика против…». А ниже поставят фотографию Хедины — секси, но не слишком — для кликбейта.

Мона была расстроена.

Хедина писала, что все женщины красивы, надо только, чтобы каждая нашла свою собственную уникальную красоту и поверила в неё. Только так вы перестанете сравнивать себя с другими, перестанете считать, что проигрываете в борьбе за красоту, провоцировать расстройства пищевого поведения, депрессию, перестанете разрушать свою жизнь. Мона хотела написать очевидное: если все красивы, то никто не прекра-

сен, потому что красота — это то, что выделяется в хорошем смысле этого слова. И что, когда она росла, несколько кинозвёзд и, возможно, одноклассница имели привилегию быть красивыми в первоначальном значении этого слова, и её или её друзей не сильно беспокоило то, что они в подавляющем большинстве были обычными и некрасивыми. Были другие, более важные вещи, требующие внимания, и обычная внешность никому не портила жизнь. Именно такие люди, как Хедина, которые исходили из предпосылки, что все женщины хотят и *должны* хотеть быть «красивыми», как бесспорной истины, породили неудачников. Если семьдесят процентов женщин вокруг вас с помощью хирургических вмешательств, диеты, макияжа и физических упражнений добились внешности, на которую не способны остальные тридцать процентов, то именно эти обычные женщины, которые раньше прекрасно справлялись, внезапно оказываются в меньшинстве и получают *повод* для того, чтобы страдать от очень лёгкой депрессии.

Мона вздохнула. Стала бы она так думать и чувствовать, если бы сама родилась с внешностью Хедины? Даже несмотря на то, что Хедина тоже родилась не такой, какой выглядела на фотогра-

фиях? Возможно, и нет. Она не знала. Она знала только, что нет ничего, что она ненавидела бы больше, чем необходимость отдавать возможность высказаться в СМИ безмозглой блогерше с полумиллионом подписчиков.

На её экране появилось уведомление о последних новостях.

И Мона До поняла, что есть одна вещь, которую она ненавидит ещё больше. Когда Терри Воге опережает её и оставляет лежать в пыли.

— «Мозг Сюсанны Андерсен удалён», — прочитала Джулия вслух с веб-сайта «Дагбладет», прежде чем перевести взгляд на Мону, которая стояла перед её столом. — И у нас нет ничего по этому поводу?

— Нет, — сказала Мона. — Ни у нас, ни у кого-либо другого.

— Не знаю, как остальные, но мы — «Верденс Ганг», Мона. Мы самое крупное и лучшее издание.

Мона подумала, что Джулия вполне может сказать то, что у них обеих крутилось в голове. Мы *были* лучшими.

— Должно быть, кто-то из полиции сообщил об этом, — сказала Мона.

— В таком случае они, очевидно, передают

информацию только Воге, а это уже называется источником, Мона. А ведь наша работа заключается в том, чтобы культивировать источники, не так ли?

Мона никогда не слышала, чтобы Джулия разговаривала с ней в такой покровительственной манере. Как будто она была младшеклассницей, а не одним из самых известных и уважаемых журналистов газеты. Но Мона также знала, что будь она сама на месте редактора, журналистка тоже не отделалась бы лёгким испугом. Скорее наоборот.

— Источники важны, — сказала Мона. — Но ты не получишь такие сведения от кого-либо из полиции, если у тебя нет информации, которую ты мог бы предоставить взамен. Или очень хорошо заплатить. Или…

— Или что?

— Или иметь власть над вовлечённым в расследование человеком.

— Ты думаешь, здесь дело в этом?

— Понятия не имею.

Джулия откатила кресло назад, выглянула в окно и посмотрела вниз, на строительную площадку перед правительственными зданиями.

— Быть может, у тебя тоже есть кто-то в по-

лицейском управлении, на кого ты… имеешь влияние?

— Если ты намекаешь на Андерса, забудь об этом, Джулия.

— Криминального журналиста с бойфрендом из полиции в любом случае заподозрят в получении инсайдерской информации. Так почему бы не…

— Я сказала, забудь об этом! Мы не настолько отчаялись, Джулия.

Джулия склонила голову набок.

— Так ли это, Мона? Спроси руководство, — сказала она, указывая на потолок. — Это самая громкая история, которая у нас была за последние месяцы, за год, когда пришлось закрыть больше газет, чем когда-либо. По крайней мере, подумай об этом.

— Честно говоря, Джулия, мне это и не нужно. Я скорее буду вечно писать об этой дурацкой блогерше Хедине, чем позволю работе проникнуть в свои отношения, как предлагаешь ты.

Джулия коротко улыбнулась ей, прежде чем задумчиво приложить указательный палец к нижней губе и посмотреть на Мону.

— Конечно. Ты права. Было нахально с моей стороны предложить такое. И неправильно. Есть

определённые границы, которые нельзя пересекать.

Вернувшись к своему столу, Мона быстро просмотрела веб-сайты других газет, которые могли сделать ровно столько, сколько и она: написать о пропавшем мозге, сославшись на «Дагбладет», и дождаться пресс-конференции позже в тот же день.

Отправив статью из двухсот слов онлайн-редактору, который незамедлительно опубликовал её, она сидела и думала о том, что сказала Джулия. Об источнике информации. О власти над человеком, вовлечённым в расследование. Однажды она разговаривала с журналистом из районной газеты, который назвал столичные газеты скудоумными, потому что они просматривали региональные газеты, брали то, что им понравилось, и представляли это как свои материалы, с максимально незаметной ссылкой на местную газету в последней строке, чтобы никто не мог упрекнуть их в нарушении правил игры. Чуть позже Мона погуглила о поморнике и обнаружила в Википедии, что эта птица, так называемый клептопаразит, крадёт добычу у более мелких птиц, летая за ними до тех пор, пока они не отпустят свою добычу.

Возможно ли было сделать что-то подобное с Терри Воге? Она могла бы собрать побольше информации о той попытке изнасилования Джини. На это потребуется не больше одного рабочего дня. Тогда она могла бы подойти к Воге и сказать, что опубликует эту информацию, если он не поделится своим источником по делу Сюсанны. Заставь его отпустить свою добычу. Она подумала об этом. Это значит, что ей придётся связаться с этим подонком. И — если он действительно согласится с этим — *воздержаться* от публикации найденного материала о попытке изнасилования, даже если у неё появятся доказательства.

И Мона До словно очнулась и вздрогнула. Как она могла даже помыслить об этом? Она только что сама осуждала этические нормы какой-то бедной блогерши, молодой девушки, которая только-только наткнулась на золотую жилу, дающую ей внимание, деньги и славу. Разве ей самой не понравилось бы обладать этим?

Да, но не таким способом, не используя обман.

Мона решила наказать себя в этот день тремя дополнительными упражнениями на бицепсы после становой тяги.

На Осло опустилась вечерняя тьма. С шестого этажа онкологической клиники Харри была вид-

на автострада. Там, внизу, он мог видеть машины, движущиеся, как светлячки, вверх по склону, к самой высокой точке автострады, в четырёх с половиной километрах отсюда, где находились больница «Рикшоспиталь» и Институт судебной медицины.

— Извини, Мона, — сказал он, — у меня нет комментариев, в пресс-релизе есть всё необходимое. Нет, ты не можешь узнать имена других членов команды, мы предпочитаем работать не привлекая внимания. Нет, я не могу говорить об этом, тебе придётся узнать у полиции, что они сами об этом думают. Я слышу тебя, Мона, но, повторяю, мне больше нечего добавить, и я вешаю трубку, хорошо? Передавай Андерсу привет.

Харри положил недавно купленный телефон во внутренний карман своего костюма и снова сел.

— Извините, не стоило сохранять свой прежний норвежский номер. — Он сложил ладони вместе. — Но все присутствующие уже представлены друг другу, а суть дела была изложена в общих чертах. Прежде чем мы продолжим, я предлагаю назвать эту команду «Группа Эуне».

— Нет, она не будет названа в мою честь, — запротестовал Столе Эуне, приподнимаясь на кровати повыше.

— Прошу прощения за то, что неточно выразился, — сказал Харри. — Я *решил*, что она будет называться «Группа Эуне».

— Почему? — спросил Эйстейн, сидя на стуле по другую сторону кровати лицом к Харри и Трульсу Бернтсену.

— Потому что отныне это наш офис, — сказал Харри. — Полиция называется полицией, потому что она находится в полицейском управлении, верно?

Никто не ответил. Харри взглянул на другую кровать, чтобы убедиться, что ветеринар не вернулся после того, как решил покинуть палату. Затем он раздал три копии скреплённых листов с текстом, распечатанным в бизнес-центре отеля The Thief.

— Это краткое изложение наиболее важных на данный момент отчётов по делу, включая результаты сегодняшнего вскрытия. Каждый должен сделать так, чтобы эти бумаги не попали в чужие руки. Если это случится, у того, кто допустил это, неприятности.

Он кивнул в сторону Трульса, хриплый смешок которого, однако, никак не отразился в его глазах.

— Сегодня мы не собираемся работать при-

вычным способом, — сказал Харри. — Я просто хочу услышать ваши мысли по этому делу. Какой это тип убийства? Даже если у вас нет никаких мыслей, дайте знать.

— Чёрт возьми, — ухмыльнулся Эйстейн. — И это то, к чему я присоединился? Мозговой штурм?

— С этого мы начнём, — сказал Харри. — Столе?

Психолог положил свои худые руки поверх одеяла.

— Что ж. Это очень непривычный расклад, но…

— Чего? — сказал Эйстейн, многозначительно глядя на Харри.

— Если импровизировать, — сказал Эуне, — то моя первая мысль заключается в том, что, когда убивают женщину, мы можем с довольно высокой степенью вероятности сказать, что это связано с человеком из ближнего круга: мужем или бойфрендом, и что мотивом является ревность или другая форма унизительного отказа. В данном случае весьма вероятно, что речь идёт о двух убитых женщинах, и скорее всего преступник не имеет тесных связей ни с одной из них, а мотив носит сексуальный характер. Это дело

отличается от других тем, что обе жертвы были в одном и том же месте непосредственно перед исчезновением. С другой стороны, если теория о шести рукопожатиях, отделяющих друг от друга всех жителей планеты, верна, то, в конце концов, это не так уж и необычно. Кроме того, у нас есть тот факт, что мозг и глаз были удалены. Это может указывать на убийцу, который собирает трофеи. Итак, имея столь ограниченный набор фактов, предположу, что мы ищем — простите за банальность — сексуально озабоченного убийцу-психопата.

— Ты уверен, что это не просто парень с молотком? — сказал Эйстейн.

— Прошу прощения? — Эуне поправил очки, словно хотел поближе рассмотреть человека с плохими зубами.

— Знаешь, когда у тебя есть молоток, тогда все проблемы кажутся гвоздями. Ты психолог, поэтому думаешь, что разгадка любой тайны сводится к психическим штучкам.

— Может, и так, — сказал Эуне. — Глаза бесполезны, когда разум слеп. Итак, Эйкеланн, что ты думаешь об убийстве?

Харри видел, как Эйстейн обдумывает что-то, прежде чем произнести это вслух, потому что

обычно он будто пережёвывал обдуманное: его тонкая, выпирающая челюсть двигалась взад-вперёд. Потом он прочистил горло, словно собираясь плюнуть в Эуне, и ухмыльнулся.

— Думаю, я должен сказать, что придерживаюсь того же мнения, что и ты, доктор. И поскольку у меня нет психо-молотка, я действительно считаю, что нам следует придавать немного больше значения тому, что я думаю.

Эуне улыбнулся в ответ.

— Договорились.

— Трульс? — сказал Харри.

Как Харри и ожидал, Трульс Бернтсен, который за всё время их встречи пробурчал всего три фразы, молча пожал плечами. Харри не стал ставить полицейского в неловкое положение и заговорил сам.

— Я думаю, что между жертвами есть связь, и эта связь — сам убийца. Изъятие частей тела, возможно, делается для того, чтобы заставить полицию поверить, что они имеют дело с классическим серийным убийцей и охотником за трофеями, чтобы они не искали других подозреваемых с более рациональными мотивами. Я уже видел подобный отвлекающий манёвр ранее. И где-то читал, что, по статистике, мы встречаем

серийного убийцу на улице семь раз за всю свою жизнь. Лично я считаю, что это число слишком велико.

Харри не особенно верил в то, что сказал сам. Он ничему не верил. Независимо от того, каковы были мнения других, он выдвинул бы альтернативную гипотезу, просто чтобы показать им, что другие версии существуют. Это был вопрос тренировки — держать разум открытым, а не сознательно или бессознательно зацикливаться на одной конкретной версии. Если это происходило, следователь рисковал *неверно истолковать* новую информацию как подтверждение того, во что он уже верил. Или мог, как говорится, отнестись предвзято, вместо того чтобы рассмотреть возможность того, что новые факты на самом деле указывают в другом направлении. Информация о том, что мужчина, которого ты уже подозревал в убийстве, накануне по-дружески разговаривал с жертвой женского пола, будет, например, истолкована так, как будто он испытывал вожделение к ней, тогда как на самом деле он не проявляет к ней агрессии.

Когда они приехали сюда, Столе Эуне, казалось, был в относительно хорошей форме, но теперь Харри видел, что его глаза остекленели, а его же-

на и дочь должны были прийти к нему с визитом в восемь часов. Ровно через двадцать минут.

— Завтра мы с Трульсом допросим Маркуса Рё. То, что мы узнаем — или не узнаем, — вероятно, определит, как нам двигаться дальше. Итак, джентльмены, сейчас наш отдел закрывается на ночь.

Глава 14

Понедельник
Нюхательная пуля

Было девять тридцать, когда Харри вошёл в бар на последнем этаже отеля The Thief.

Сел за стойку. Постарался увлажнить свой рот перед тем, как сделать заказ. Именно предвкушение выпивки поддерживало его в тонусе до этой минуты. Он должен был выпить всего одну порцию, но в то же время знал, что этот план скоро рухнет.

Посмотрел на коктейльное меню, которое бармен положил перед ним. Некоторые напитки были названы в честь фильмов, и он предположил, что актёры или режиссёры этих фильмов бывали здесь.

— Har du… — начал он по-норвежски.

— Извини, на английском.

— У вас есть Джим Бим? — спросил он по-английски.

— Конечно, сэр, но могу ли я порекомендовать наш специально приготовленный…

— Нет.

Бармен посмотрел на него.

— Значит, Джим Бим.

Харри смотрел на посетителей и на город за окном. На новое Осло. Не богатое, а *неприлично богатое* Осло. Ему соответствовали только его костюм и туфли. А может, и они не подходили. Пару лет назад он пришёл сюда, чтобы проведать местечко, и, прежде чем выйти за дверь, увидел за столиком солиста группы «Турбонегро». Он выглядел таким же одиноким, каким Харри себя чувствовал сейчас. Он достал телефон. Она была под буквой «А». Он набрал сообщение.

«Я в городе. Можем встретиться?»

Затем положил телефон на стойку бара, заметил фигуру, скользнувшую рядом с ним, и услышал мягкий американский голос, заказавший имбирное пиво с акцентом, который он не мог точно определить. Он взглянул в зеркало за барной стойкой. Бутылки на полке скрыли лицо мужчины, но Харри удалось разглядеть что-то ярко-белое на его шее. Заметный отовсюду воротничок священника, который в США называют «собачьим ошейником». Священнику подали пиво, и он исчез.

Харри наполовину выпил свой напиток, когда пришёл ответ от Александры Стурдза:

«Да, я читала в газете, что ты вернулся. Зависит от того, что ты подразумеваешь под встречей».

Он ответил:

«Кофе в Институте. Завтра после 12, например».

Ему пришлось ждать долго. Она, вероятно, понимала, что это не было попыткой снова вернуться в тепло её постели, которое она так щедро предложила после того, как Ракель выставила его за дверь. Щедрость, на которую он в конце концов не смог ответить взаимностью, невзирая на то, какими бесхитростными были отношения между ними. Дело было во всём остальном, что было за пределами постели Александры, и с чем он не мог справиться. *«Зависит от того, что ты подразумеваешь под встречей».* Хуже всего — он не был полностью уверен в том, что всё дело было исключительно в работе, за которую он взялся. Потому что он одинок. Он не знал никого, кто нуждался бы в одиночестве так же, как он. Ракель назвала это «ограниченными социальными способностями», но она также была тем единственным человеком, с которым он мог — и хотел — быть рядом, не представляя себе финишную ленту впереди, зная, что в какой-то

момент будет свободен. Можно, конечно, быть одному, не будучи при этом одиноким, и быть одиноким, не будучи при этом одним, но сейчас он был одинок. И один.

Может быть, поэтому он надеялся на однозначное «да», вместо «зависит». У неё появился парень? Почему нет? Имеет смысл, в самом деле. Хотя парень Александре был нужен скорее для приключений, чем для серьёзных отношений.

Только когда он заплатил за выпивку и был на пути в свой номер, телефон завибрировал снова.

«13:00»

Прим открыл морозилку.

Рядом с большим пакетом для заморозки лежало несколько маленьких пакетов с застежкой-молнией, вроде тех, что используют торговцы наркотиками. В двух из них были пряди волос, в третьем — фрагменты окровавленной кожи, а ещё в одном — куски разрезанной ткани. Когда-нибудь он сможет использовать что-то из этого. Он достал пакет на молнии, в котором был мох, и прошёл мимо обеденного стола и аквариума. Наклонился над стеклянной коробкой на столе. Проверил датчик влажности, снял крышку, открыл молнию на пакете и высыпал мох на чернозём. Внимательно посмотрел на

животное внутри, ярко-розового слизня, почти двадцать сантиметров длиной. Приму никогда не надоедало его рассматривать. Это, разумеется, не было похоже на остросюжетный фильм: если слизняк и двигался, то всего на несколько сантиметров в час. И нельзя было увидеть в этом эмоциональную драму или театральную эффектность. Единственным способом самовыражения слизня — или получения впечатлений — были его щупальца, за которыми обычно приходилось наблюдать длительное время, прежде чем удастся уловить движение. И именно этот аспект наблюдения за слизнем напоминал ему о Ней: даже Её малейшее движение или жест были наградой. Только терпением он мог завоевать Её благосклонность, мог заставить Её понять.

Это был розовый слизень горы Капутар. Двоих таких он привёз домой с горы в Новом Южном Уэльсе в Австралии. Розовый слизень обитал только там, на покрытой лесом территории площадью десять квадратных километров у подножия горы Капутар. Как сказал ему продавец: один-единственный лесной пожар может в любой момент уничтожить всю популяцию этих слизней. Поэтому Прим не испытывал ни малейших угрызений совести, когда нарушил

все запреты на экспорт и импорт. В слизнях, как правило, обитало так много весьма неприятных микробов-паразитов, что их контрабанда через границу была так же законна, как контрабанда радиоактивных материалов. И Прим был совершенно уверен, что это единственные два представителя вида розового слизня во всей Норвегии. Сгори Австралия и остальной мир, это могло оказаться спасением всего вида. Да, для жизни в целом человечества уже не существовало. Это был лишь вопрос времени. Потому что природа сохраняет только то, что природе служит. Боуи был прав, когда пел, что Хомо сапиенс утратил свою полезность.

Слизень шевельнул щупальцами. Он уловил запах своего любимого блюда, талого мха, который Прим также тайно вывез с подножия горы Капутар. Теперь слизень едва заметно двигался, сверкая своей гладкой розовой поверхностью. Миллиметр за миллиметром продвигаясь к своему обеду, оставляя след слизи на чернозёме. Он приближался к своей цели так же медленно и верно, как Прим — к своей. В Австралии есть улитки-каннибалы, слепые хищники, которые охотятся на розового слизня горы Капутар, идя по его следу. Они лишь немногим быстрее, но мед-

ленно, очень медленно приближаются к своей добыче. Они съедают прекрасного розового слизня живьём, соскребая его пластинкой крошечных зубов и засасывая слой за слоем. Чувствует ли розовый слизень их приближение? Испытывает ли он страх во время этого долгого ожидания, пока его поймают? Имеются ли у него какие-либо способы, какие-либо средства спасения? Задумывался ли он когда-нибудь, к примеру, пересечь слизистый след другого себе подобного слизня в надежде, что преследователи сменят курс? По крайней мере, таков был его собственный план, когда они выйдут на него.

Прим вернулся на кухню и положил пакет обратно в холодильник. Постоял некоторое время, глядя на большой пакет для заморозки. На человеческий мозг внутри него. Вздрогнул. Его затошнило. Мозг пугал его.

Почистив зубы и забравшись в постель, он включил полицейское радио и слушал сообщения, посылаемые со всех уголков города. Иногда его успокаивало и убаюкивало слушать эти спокойные голоса, с такой трезвой краткостью сообщавшие о происшествиях в городе. Потому что событий было мало, а если что-то и происходило, то редко было драматичным, поэтому спустя

какое-то время Прим засыпал. Но не сегодня. Они закончили поиски пропавшей женщины в Грефсенколлене, и теперь на полицейской волне договоривались о времени и местах встречи для поисковых групп завтра утром. Прим открыл ящик тумбочки и достал футляр с кокаином. Он частично сделан из золота, подумал Прим. Пять сантиметров в длину, формой похож на пулю. Нюхательная пуля. Если слегка скрутить рифлёную область, патрон «зарядится» необходимой дозой, которую можно будет вдохнуть через отверстие в наконечнике. По-настоящему элегантно. Футляр принадлежал женщине, которую сейчас разыскивает полиция, на нём даже были её инициалы сбоку — «Б.Б.». Без сомнения, это был чей-то подарок. Прим провёл пальцами по рифлёной поверхности, прокатил пулю по щеке. Затем положил обратно в ящик, выключил радио и некоторое время смотрел в потолок. Много о чём стоило подумать. Он попытался мастурбировать, но сдался. Потом начал плакать. Было почти два часа ночи, когда он наконец уснул.

Глава 15

Вторник

Трульс взглянул на часы. Десять минут десятого. Маркус Рё должен был явиться десять минут назад.

Трульс и Харри сдвинули кровать к стене, чтобы поставить стол посередине номера Харри, и теперь сидели на стульях по одну сторону стола и смотрели на пустой стул, ожидающий третьего человека. Трульс почесал подмышку.

— Высокомерный придурок, — сказал он.

— Мм, — промычал в ответ Харри. — Просто подумай, сколько он тебе платит в час и что счётчик сейчас мотает. Гораздо лучше?

Трульс выставил указательный палец и начал бесцельно постукивать по ноутбуку перед собой. Обдумал сказанное.

— Немного, — проворчал он.

Они тщательно прошлись по процедуре.

Разделение обязанностей было простым. Харри будет задавать вопросы, а Трульс будет держать рот на замке и сосредоточится на экране, никак не выдавая то, что он на нём видит. Это

вполне устраивало Трульса, в конце концов, именно этим он и занимался в штаб-квартире полиции последние три года. Игрой в пасьянсы, онлайн-покер, просмотром старых серий «Щита» и разглядыванием фотографий Меган Фокс. Но Трульс также должен был присоединить к Рё датчики с электродами. Два синих и один красный на грудь в области сердца, по одному красному на артерии на каждом запястье. Провода шли к коробке, которая, в свою очередь, была соединена кабелем с ноутбуком.

— Планируешь использовать тактику «хороший полицейский / плохой полицейский»? — спросил Трульс, кивая на рулон бумажных полотенец, который Харри положил на стол. Приём обычно заключался в том, чтобы, доведя допрашиваемого до слёз, плохой полицейский в гневе уходил, после чего хороший полицейский немедленно протягивал салфетки, говорил несколько слов сочувствия и затем просто ждал, пока допрашиваемый всё сам ему выложит. Или ей. Люди были настолько глупы, что считали женщин добрее. Но Трульс был не дурак. Теперь уже не дурак.

— Возможно, — ответил Харри.

Трульс взглянул на него. Попытался предста-

вить Харри в роли хорошего полицейского, но быстро сдался. Много лет назад, когда Трульс и Микаэль Бельман были напарниками в полиции, Бельман всегда был «хорошим полицейским». И в этом деле ему не было равных, впрочем, это касалось не только в допросов. Умный, подлый ублюдок. Как славно, что он теперь министр юстиции. В это было чертовски трудно поверить, учитывая всё то дерьмо, в которое они оба ввязывались. С другой стороны, это, можно сказать, было абсолютно логичным. Ни у кого, кроме Микаэля Бельмана, не было способности залезть руками по локоть в дерьмо, при этом совершенно их не испачкав.

Послышался стук в дверь.

Они попросили регистратора за стойкой пропустить Рё в номер, как только он прибудет.

Как и было оговорено заранее, Трульс открыл дверь.

Рё улыбался, но, казалось, нервничал, подумал Трульс. Его кожа и глаза блестели. Трульс впустил его, не представившись и не пожав руки. Харри позаботился о любезностях, сказав, что они не отнимут у Рё много времени, и попросил того снять пиджак и расстегнуть рубашку. Он держал руку протянутой до тех пор, пока Рё не отдал ему свой

пиджак, который Харри повесил в шкаф. Трульс начал прикреплять электроды, избегая участков сухой кожи вокруг обоих сосков. Заметил пару синяков на теле. Либо Рё кто-то избил, либо его жёнушка была настоящим зверем в постели. Или, может быть, это сделала одна из девушек на его содержании.

После того, как Трульс прикрепил последние электроды к запястьям, он подошёл к столу со стороны Харри, сел, нажал клавишу ввода и посмотрел на экран ноутбука.

— Порядок? — спросил Харри.

Трульс кивнул.

Харри повернулся к Рё.

— В основном будут вопросы, требующие ответа «да» или «нет»; полиграф лучше всего подходит для анализа коротких ответов. Готов?

Улыбка Рё показалась немного натянутой.

— Выкладывайте, ребята, мне надо уйти через полчаса.

— Тебя зовут Маркус Рё?

— Да.

Наступила пауза, пока они смотрели на Трульса, который в свою очередь смотрел на экран. Он коротко кивнул.

— Ты мужчина или женщина? — спросил Хар-

ри.

Рё улыбнулся.

— Мужчина.

— Могу я услышать, как ты говоришь, что ты женщина?

— Я женщина.

Харри посмотрел на Трульса, который снова кивнул.

Харри прочистил горло.

— Ты убил Сюсанну Андерсен?

— Нет.

— Ты убил Бертину Бертильсен?

— Нет.

— У тебя был секс с одной или обеими из этих женщин?

В комнате повисла тишина. Трульс видел, как Маркус Рё начинает краснеть. Видел, как он ловит ртом воздух. И чихает. Дважды. Трижды. Харри оторвал от рулона лист бумажного полотенца и протянул ему. Маркус Рё потянулся к спинке стула, словно за пиджаком — в котором, несомненно, был носовой платок, — прежде чем взять бумажное полотенце и вытереть им нос.

— Да, — сказал он, бросая бумажное полотенце в мусорную корзину, которую пододвинул ему Харри. — У меня был секс с ними обеими. Но это

было по обоюдному согласию всех вовлечённых сторон.

— Одновременно?

— Нет, я не увлекаюсь такими вещами.

— Сюсанна и Бертина знали друг друга?

— Насколько мне известно, нет. Нет, я совершенно уверен, что не знали.

— Потому что ты позаботился о том, чтобы они не встретились?

Рё коротко рассмеялся.

— Нет, я никогда не скрывал, что встречаюсь с другими женщинами. К тому же, я пригласил их обеих на вечеринку.

— Пригласил?

— Да.

— Кто-нибудь из них вымогал у тебя деньги?

— Нет.

— Они угрожали раскрыть ваши отношения?

Рё покачал головой.

— Пожалуйста, отвечай словами, — сказал Харри.

— Нет. Мои отношения не были настолько тайными, чтобы иметь значение. Не то чтобы я хотел, чтобы они стали достоянием общественности, но я и не прилагал особых усилий, чтобы скрыть их. Даже Хелена знала о них.

— Как ты думаешь, она могла убить их из ревности?

— Нет.

— Почему нет?

— Хелена — разумная женщина. Она сочла бы, что риск быть пойманной не стоит выигрыша.

— Выигрыша?

— Ну. Удовлетворения чувства мести.

— Или она могла убить их, чтобы удержать тебя.

— Нет. Она знает, что я никогда не уйду от неё ради какой-то шлюшки. Или двух. Но она также знает, что я могу сделать это, если она попытается ограничить мою свободу.

— Когда ты в последний раз встречался с Сюсанной или Бертиной?

— На вечеринке.

— А до этого?

— До этого я давненько их не видел.

— Почему ты перестал с ними встречаться?

— Потерял интерес, полагаю, — пожал плечами Рё. — Физический аспект всегда привлекателен, но срок годности таких девушек, как Сюсанна и Бертина, не такой, как у Хелены Рё, если вы меня понимаете.

— Мм. Ты или девушки принимали какие-либо

запрещённые вещества на вечеринке?

— Наркотики? Во всяком случае, я их не принимал.

Харри посмотрел на Трульса. Трульс слегка покачал головой.

— Ты уверен? — спросил Харри. — А кокаин?

Трульс чувствовал на себе взгляд Маркуса Рё, но не отрывал взгляда от экрана.

— Хорошо, — сказал Рё. — Девочки приняли пару дорожек.

— Это был их собственный кокаин или твой?

— Там был парень, который принёс немного.

— Кем он был?

— Я не знаю. Друг кого-то из соседей или, возможно, парень, у которого они обычно покупают, я не вдаюсь в такие вещи. Если ты ищешь торговцев кокаином, я, к сожалению, не могу дать тебе описание того парня, так как он был в маске и солнцезащитных очках. — Рё позволил себе кривую ухмылку, но Трульс видел, что он раздражён. Типичная реакция альфа-самцов, когда их подвергаешь допросу.

— Он был белым, норвежцем или?..

— Да, он был белым. Судя по говору, норвежец.

— Он разговаривал с Сюсанной или Бертиной?

— Полагаю, что да, раз они нюхали его дурь.

— Мм. То есть сам ты не употребляешь кокаин?

— Нет.

Харри наклонился к Трульсу, который в ответ осторожно указал на место на экране.

— Мм. Похоже, полиграф считает, что ты говоришь неправду.

Рё уставился на них, как дерзкий подросток на своих родителей. Раздражённо вздохнул, прежде чем сдаться.

— Я не понимаю, какое это имеет отношение к делу. Да, раньше я расслаблялся по выходным. Но мы с Хеленой договорились ничего не употреблять, и в тот вечер я этого не делал. Понятно? А теперь мне пора.

— Всего один последний вопрос. Ты нанимал или вступал в сговор с кем-либо с целью убить Сюсанну Андерсен или Бертину Бертильсен?

— Чёрт возьми, Холе, зачем мне это? — Рё в гневе воздел руки кверху, и Трульс с тревогой заметил, что один из электродов вот-вот оторвётся от его запястья. — Разве ты не понимаешь, что когда тебе за шестьдесят и у тебя понимающая жена, ты точно не боишься, что всем станет известно, что ты ещё способен снимать и трахать девчонок лет двадцати? В кругах, в которых я

вращаюсь и веду дела, это скорее вызывает уважение. Это доказательство того, что в тебе ещё осталось достаточно мужественности, чтобы с тобой считаться. — Рё повысил голос. — Достаточно, чтобы люди понимали, что не могут без последствий отказаться от сделок, заключённых рукопожатием. Ты понимаешь, Холе?

— *Я* понимаю, — сказал Харри, откидываясь на спинку стула. — Но полиграф лучше реагирует на ответы «да/нет». Так что позволь мне повторить вопрос…

— Нет! Ответ — нет, я не заказывал никаких… — Рё засмеялся, словно над абсурдностью мысли, — убийств.

— Верно. Спасибо за уделённое время, — сказал Харри. — Тебе пора спешить на следующую встречу. Трульс?

Трульс встал, обошёл стол и снял с Рё электроды.

— Кстати, я попрошу твою жену пообщаться со мной, — сказал Харри, пока Рё застёгивал рубашку.

— Без проблем.

— Я имел в виду, *допрошу* её.

Харри быстро закрыл ноутбук, когда Рё обошёл стол.

— Я лишь хотел поставить тебя в известность.

— Делай, что хочешь. Но не заставляй меня сожалеть о том, что нанял тебя, Харри.

— Относись к этому, как к походу к дантисту, — сказал Харри, вставая на ноги. — Ведь ты не жалеешь об этом после того, как сходил на приём. — Он подошёл к шкафу и придержал для Рё пиджак, пока тот его надевал.

— Это, — буркнул Трульс, когда они закрыли за своим работодателем дверь, — зависит от того, каким будет счёт.

Глава 16

Вторник
Симастер[24]

— Она сидит вон там, — сказала пожилая дама в белом халате, указывая на лабораторию. Харри увидел спину, тоже в белом халате, сидящую на высоком табурете, сгорбившись над микроскопом.

Он подошёл, встал позади неё и тихонько кашлянул.

Женщина нетерпеливо обернулась, и Харри увидел суровое, замкнутое лицо, всё ещё сосредоточенное на работе. Но его выражение сменилось словно внезапный восход солнца, когда она увидела, что это он.

— Харри!

Она встала и обвила руками его шею.

— Александра, — сказал Харри, слегка ошеломлённый. Он не был уверен, какого приёма ему ожидать.

---

[24] Примечания: 24

«Омега Симастер» — линейка механических водолазных часов с автоматическим подзаводом.

— Как тебе удалось пробраться сюда?

— Я пришёл немного пораньше, и Лилли на ресепшене меня узнала, так что она…

— Ну, что думаешь? — Александра гордо выпрямилась, даже немного повернулась.

Харри улыбнулся.

— Ты выглядишь всё так же фантастически. Как нечто среднее между «Ламборгини» и…

— Не я, идиот! Лаборатория.

— Ой. Да, я вижу, она новая.

— Разве это не удивительно? Теперь мы можем делать здесь всё то, что раньше приходилось отправлять за границу. ДНК, химический, биологический анализ, мы охватываем такой спектр, что, когда в Кримтекниск, отделе криминалистической экспертизы, не хватает мощностей, они просто отправляют пробы сюда. Нам также разрешено использовать лабораторию для личных исследований. Сейчас я работаю над своей диссертацией по анализу ДНК.

— Впечатляет, — сказал Харри, обводя взглядом подносы с пробирками, колбы, мониторы компьютеров, микроскопы и приборы, о функциях которых он и понятия не имел.

— Хельге, поздоровайся с Харри! — крикнула Александра, и другой человек в комнате повер-

нулся на стуле, улыбнулся и помахал рукой, прежде чем вернуться к своему микроскопу.

— Мы соревнуемся, кто первым получит докторскую степень, — прошептала Александра.

— Мм. У тебя точно есть время выпить кофе в кафетерии?

Её рука скользнула под его руку.

— Я знаю место получше. Пойдём.

— Значит, Катрина знает, что тебе всё известно, — подвела итог Александра. — И теперь она предложила тебе иногда проводить время с мальчиком, — она поставила пустую чашку на рубероид перед стульями, которые они вынесли на крышу. — Неплохое начало. Боишься?

— До смерти, — сказал Харри. — Кроме того, у меня сейчас нет времени.

— Наверное, отцы говорили это с самого начала времён.

— Ага. Но мне нужно раскрыть это дело в ближайшие семь дней.

— Рё дал тебе всего семь дней? Довольно оптимистично, не так ли?

Харри не ответил.

— Как ты думаешь, Катрина хотела бы, чтобы вы с ней…?

— Нет, — твёрдо сказал Харри.

— Знаешь, такие чувства никогда полностью не умирают.

— Нет, вообще-то умирают.

Александра посмотрела на него, не сказав ничего, только откинула виток чёрных волос, упавший ей на лицо.

— В любом случае, — сказал Харри. — Она знает, что в интересах мальчика и в её собственных.

— И это?

— Что я не стою того, чтобы быть рядом.

— Кто ещё знает, что ты его отец?

— Только ты, — сказал Харри. — И Катрина не хочет, чтобы кто-то ещё знал, что отец не Бьёрн.

— Не волнуйся, — сказала Александра. — Я знаю это только потому, что проводила анализ ДНК, а я обязана хранить конфиденциальность информации. Может, выкурим сигаретку?

— Я бросил.

— Ты? Да неужели?

Харри кивнул и взглянул на небо. Появились облака. Свинцово-серые снизу, белые там, где они уходили вверх и освещались солнечными лучами.

— Значит, ты сейчас одна, — сказал Харри. — Тебя это устраивает?

— Нет, — ответила Александра. — Но меня, на-

верное, также не устраивало бы, будь я с кем-то, — она рассмеялась своим хриплым смехом. И Харри почувствовал, что сейчас он производит на него тот же эффект, что и раньше. Так что, возможно, это правда. Возможно, такие чувства так никогда и не умирают, какими бы мимолётными они ни казались.

Харри прочистил горло.

— Вот и настал подходящий момент, — сказала она.

— Для чего?

— Озвучить причину, по которой ты хотел выпить кофе.

— Возможно, — сказал Харри, вытаскивая пластиковую коробку с бумажным полотенцем внутри. — Не могла бы ты сделать анализ вот этого для меня?

— Так я и знала! — фыркнула она.

— Мм. И всё же ты согласилась встретиться со мной и выпить кофе?

— Наверное, я надеялась, что ошибаюсь. Что ты думал обо мне.

— Очевидно, если скажу тебе сейчас, что думал о тебе, это будет выглядеть не очень хорошо, но я на самом деле о тебе думал.

— Всё равно скажи.

Харри криво улыбнулся.

— Я думал о тебе.

Она взяла у него коробку.

— Что это такое?

— Слизь и слюна. Я просто хочу знать, совпадает ли этот образец с тем, что нашли на груди Сюсанны.

— Откуда ты знаешь об этом? Хотя нет, я не хочу знать. То, о чём ты просишь, может быть и в рамках закона, но ты понимаешь, что у меня всё равно будут неприятности, если кто-нибудь узнает об этом?

— Да.

— Так почему я должна это делать?

— Ты мне скажи.

— Хорошо, скажу. Потому что ты собираешься взять меня в спа в этом снобском отеле, в котором ты остановился. А после этого угостишь меня чертовски вкусным ужином. И будешь выглядеть презентабельно.

Харри пощипывал лацканы пиджака.

— Ты не считаешь меня презентабельным?

— Галстук. Ещё ты наденешь галстук.

Харри рассмеялся.

— Договорились.

— *Хороший* галстук.

— То, что какой-то миллионер, вроде Рё, заказывает своё собственное расследование, противоречит нашим демократическим традициям и идее равенства, — сказала главный суперинтендант Бодиль Меллинг.

— Не говоря уже о чисто практических неудобствах, связанных с тем, что третья сторона наступает нам на пятки, — сказал Уле Винтер, старший инспектор Крипоса. — Это просто усложняет нашу работу. Я понимаю, что вы не можете запретить расследование Рё на основании статей уголовного кодекса, но у департамента должен быть какой-то способ остановить всё это.

Микаэль Бельман стоял, глядя в окно. У него был хороший офис. Большой, новый и современный. Впечатляющий. Но он находился в Нидалене. Далеко от других департаментов в правительственных зданиях в центре города. Нидален был чем-то вроде бизнес-парка на окраине города. Двигаясь дальше на север, через несколько минут вы окажетесь в густом лесу. Он надеялся, что новый правительственный квартал скоро будет закончен, что его Рабочая партия[25] всё ещё будет у власти и что он по-прежнему будет

[25] Примечания: 25

Рабочая партия (норв. Arbeiderpartiet, сокращённо Ap) — социал-демократическая политическая партия в Норвегии.

занимать пост министра юстиции. Ничего не предвещало иного исхода. Микаэль Бельман был популярен. Кое-кто даже намекал, что ему уже пора начинать активнее продвигать себя, потому что грядёт день, когда премьер-министр внезапно решит уйти в отставку. А на одном утреннем совещании, на следующий день после того, как один политический журналист написал, что кто-то в правительстве, например Бельман, должен захватить высший пост в стране с помощью государственного переворота, премьер-министр ко всеобщему смеху спросил, не мог бы кто-нибудь проверить портфель Микаэля. Что было намёком на повязку на глазу Бельмана и его сходство с Клаусом фон Штауффенбергом, полковником вермахта, пытавшегося убить Гитлера при помощи бомбы. Но премьер-министру нечего было опасаться. Микаэль просто не желал его должности. Конечно, быть министром юстиции означало, что ты всегда напоказ, но быть премьер-министром — numero uno[26] — значило нечто совсем иное. Давление — это одно, но он боялся света. Слишком много камней будет перевёрнуто и слишком многое из прошлого раскрыто, и даже

[26] Примечания: 26
Numero uno — номер один, с итальянского.

сам он не знал, что они могли бы найти.

Он повернулся к Меллинг и Винтеру. Многочисленные уровни иерархии отделяли его от них, но эти двое, должно быть, полагали, что могут обращаться прямо к Бельману, поскольку он был бывшим детективом полиции Осло, то есть одним из них.

— Очевидно, что как член Рабочей партии я выступаю за равенство, — сказал Бельман. — И, конечно же, министерство юстиции хочет, чтобы у полиции были как можно более благоприятные условия для работы. Но я не уверен, что мы можем ожидать сочувственного отклика от… — он остановился, подыскивая замену выдававшему его слов «избирателей», — …широкой общественности, если воспрепятствуем расследованию одного из немногих прославленных детективов, которые у нас есть. Особенно когда он хочет взяться за дело, в котором ваши отделы так мало продвинулись. И да, ты прав, Винтер. Нет никаких законов, запрещающих то, что делают Рё и Холе. Но вы всегда можете надеяться, что Холе сделает то, что он в конечном итоге всегда делал в моё время.

Он посмотрел на ошеломлённые лица Меллинг и Винтера.

— Нарушит правила, — сказал Бельман. — Всё,

что вам нужно делать, это внимательно следить за ним, тогда, я вполне уверен, вы увидите, как это произойдёт. Доложите мне, когда это случится, и я лично прослежу, чтобы его расследование заморозили. — Он взглянул на свои часы «Омега Симастер». Не потому, что у него была ещё одна встреча, а чтобы показать, что эта окончена. — Как вам такая мысль?

Уходя, они пожали руки так, будто он согласился с их предложением, а не наоборот. Микаэль умел произвести такой эффект. Он улыбнулся и удержал взгляд Бодиль Меллинг на полсекунды дольше, чем требовалось. Не потому, что был заинтересован, скорее по привычке. И заметил, что её лицо наконец-то немного зарумянилось.

Глава 17

Вторник
Самая интересная часть человечества

— Мы овладеваем искусством лжи ещё детьми, в возрасте от двух до четырёх лет, и к своему совершеннолетию мы становимся в этом деле экспертами, — сказал Эуне, поправляя подушку. — Поверьте мне.

Харри увидел, как Эйстейн ухмыльнулся, а Трульс недоуменно нахмурил брови. Эуне продолжил.

— Психолог Ричард Уайзман считает, что многие из нас лгут дважды в день. По-настоящему лгут, а не просто говорят белую ложь, чтобы не обидеть или не огорчить кого-нибудь. Каковы шансы, что нас уличат во лжи? Фрейд утверждал, что ни один смертный не может хранить тайну: даже если губы сомкнуты, то кончики пальцев тараторят без умолку. Но он ошибался. Или, скорее, обычный слушатель не в состоянии разобраться в различных способах, которыми лжец выдаёт себя, потому что они разнятся от человека к человеку. Поэтому требовался детектор лжи. Вот

как это делали в Китае три тысячи лет назад. Рот подозреваемого заполняли зёрнами риса, а потом спрашивали, виновен ли он. Тот кивал или качал головой, его просили выплюнуть рис, и, если в его рту оставались какие-то зёрна, считали, что рот пересох из-за того, что он нервничал, а значит, виноват. Это не столь действенно, конечно, потому, в конце концов, что вы могли нервничать из-за боязни занервничать. Точно так же бесполезен полиграф, изобретённый Джоном Ларсоном в 1921 году и использующийся по сей день как детектор *лжи*, хотя все знают, что это хлам. Даже сам Ларсон в конце концов пожалел, что изобрёл его, назвав это утройство своим монстром Франкенштейна. Ведь его полиграф до сих пор *используют*... — Эунэ поднял руки и потянулся пальцами в воздух. — Но его используют лишь потому что многие *верят*, будто он хорошо работает. Страх перед детектором *лжи* иногда может заставить преступника сделать признание, истинное или ложное. Однажды в Детройте полиция схватила подозреваемого, заставила его положить руку на обычный копировальный аппарат, убедив, что это детектор *лжи*, и стала задавать ему вопросы, а в это время машина печатала листы формата А4 со словами

«ОН ЛЖЁТ». Мужчина настолько испугался, что во всём признался.

Трульс фыркнул.

— Но бог знает, был ли он виновен, — сказал Эуне. — Вот почему я предпочитаю метод, который использовали в Древней Индии.

Открылась дверь, и две медсестры вкатили кровать вместе с Сети.

— Послушай, Джибран, тебе это тоже понравится, — сказал Эуне.

Харри не смог удержаться от улыбки. Эуне, самый любимый в полицейском колледже преподаватель, снова выступает перед публикой.

— Подозреваемых одного за другим заводили в комнату, в которой было темно, как ночью, и велели им наощупь пробираться в темноте, пока они не найдут стоящего там осла, а затем им нужно было потянуть его за хвост. Если бы они лгали на допросе, осёл бы взвизгнул, или заревел, или что там ещё делают ослы. Потому что этот конкретный осёл, как говорил им священник, был святым. Чего он им не сказал, так это того, что хвост был измазан сажей. Поэтому, когда подозреваемые возвращались и говорили, что они потянули осла за хвост, всё, что им нужно было сделать, это проверить их руки. Если они были

чистыми, это означало, что человек испугался, что поведение осла расскажет о его лжи и его отправят на виселицу, или что там ещё применялось в Индии в то время.

Эуне взглянул на Сети, который доставал книгу, но всё же едва заметно кивнул.

— А если у него на руках была сажа, — сказал Эйстейн, — то это означало только то, что парень не был полным идиотом.

Трульс хмыкнул и хлопнул себя по бёдрам.

— Вопрос в том, — сказал Эуне, — вышел ли Рё оттуда с сажей на руках или нет.

— Ну, — сказал Харри, — то, что мы проделали, вероятно, было чем-то средним между старым трюком с ксероксом и святым ослом. Я почти уверен, что Рё поверил, что это был детектор лжи. — Харри указал на стол с ноутбуком Трульса, проводами и электродами, которые они позаимствовали внизу, на третьем этаже, где их использовали для мониторинга ЭКГ. — И я действительно думаю, что он опасался лгать. На мой взгляд, осла он прошёл. Он появился и выдержал то, что, по его мнению, было настоящим испытанием. Это само по себе говорит, что ему нечего скрывать.

— Или, — сказал Эйстейн, — он знает, как об-

мануть детектор лжи, и хочет использовать это знание, чтобы ввести нас в заблуждение.

— Я не думаю, что Рё пытается нас обмануть. Он не хотел, чтобы Трульс был в команде. Это и понятно, его затее перестали бы верить, если бы об этом стало известно. Только когда мы убедили его в том, как много плюсов в доступе к полицейским отчётам, он согласился. Да, ему нужны наши имена, чтобы его расследование выглядело серьёзным на бумаге, в пресс-релизе, но выяснить правду для него ещё важнее.

— Ты так думаешь? — спросил Эйстейн. — Тогда почему он отказывается предоставить образец ДНК полиции?

— Не знаю, — сказал Харри. — Пока нет обоснованных подозрений, полиция не может заставить кого-либо пройти тест ДНК, и Крон говорит, что добровольное прохождение теста равносильно молчаливому согласию с тем, что обоснованные подозрения есть. Как бы то ни было, Александра пообещала мне дать ответ в течение нескольких дней.

— И ты уверен, что ДНК Рё не совпадёт со слюной, найденной на Сюсанне? — спросил Эуне.

— Я никогда ни в чём не уверен, Столе, но я вычеркнул Рё из своего списка подозреваемых,

когда он сегодня постучал в дверь моего гостиничного номера.

— Так каких результатов ты ждёшь от анализа ДНК?

— Я хочу быть уверенным на сто процентов. И хочу иметь нечто, что мы могли бы передать полиции.

— Нечто, за что его не арестуют? — спросил Трульс.

— Нечто, что мы можем им предложить и получить что-то взамен. Например, то, чего нет в отчётах.

Эйстейн громко причмокнул губами.

— Хитро задумано.

— Итак, теперь, когда Рё вне подозрений и мозг удалён, — заметил Эуне, — ты всё ещё веришь в то, что убийца был близко знаком с жертвами?

Харри покачал головой.

— Хорошо, — сказал Эуне, потирая руки. — Тогда, возможно, мы наконец начнём изучать психопатов, садистов, нарциссов и социопатов. Короче говоря, наиболее интересную часть человечества.

— Нет, — сказал Харри.

— Ладно, — сказал Эуне разочарованно. — Ты не допускаешь, что преступник один из них?

— Допускаю, но не думаю, что мы найдём его таким образом. Мы собираемся искать там, где у нас больше всего возможностей что-то найти.

— В том месте, где, как мы предполагаем, его нет?

— Вот именно.

Трое мужчин посмотрели на Харри с непониманием.

— Это чистая математика, — сказал Харри. — Серийные убийцы выбирают своих жертв наугад и заметают следы. Вероятность найти их в течение года составляет менее десяти процентов даже для ФБР. А для нас четверых, с теми ресурсами, которые у нас есть… Давайте просто положим, что, в лучшем случае, это два процента. С другой стороны, если искать убийцу среди знакомых самих жертв и считать, что у него есть понятный мотив, шансы равны семидесяти пяти процентам. Допустим, существует восемьдесят процентов вероятности, что убийца относится к той категории, на которую хочет обратить наше внимание Столе. Допустим, это серийный убийца. Если мы сосредоточимся на этой категории и исключим знакомых жертв, то шансы на успех у нас будут…

— Одна целая шесть десятых процента, — ска-

зал Эйстейн. — А вероятность успеха, если мы сосредоточимся на людях, которых знала жертва, составляет пятнадцать процентов.

Остальные удивлённо повернулись к Эйстейну, который широко ухмыльнулся, сверкая плохими зубами.

— В моей работе, знаете ли, приходится разбираться в цифрах.

— Прошу прощения, — сказал Эуне. — Я уважаю математику, но, честно говоря, это кажется немного нелогичным. — Он заметил взгляд, которым одарил его Эйстейн. — Противоречит здравому смыслу. Я имею в виду, искать там, где, по нашему мнению, *его нет.*

— Добро пожаловать в полицейское расследование, — сказал Харри. — Попробуй подумать об этом с такой точки зрения. Если мы вчетвером найдём виновного… Это будет фантастикой. Мы сорвём джекпот. Если у нас не получится, значит, мы сделаем то, что детективы делают большую часть своего рабочего времени: мы внесём свой вклад в общее расследование, исключив некоторых людей из числа подозреваемых.

— Я тебе не верю, — сказал Эуне. — То, что ты говоришь, звучит рационально, но ты не столь рационален, Харри. Ты не из тех, кто выпол-

няет работу, основываясь на процентах. Да, ты как профессионал видишь, что все косвенные улики указывают на серийного убийцу. Да, ты *считаешь*, что это серийный убийца, но *веришь* во что-то другое. Потому что твоя интуиция подсказывает тебе это. Вот почему ты придумал эти математические расчёты, ты хочешь убедить себя и нас в том, что правильно будет следовать внутренним инстинктам Харри Холе. Я прав?

Харри посмотрел на Эуне. Кивнул.

— Моя мать знала, что Бога не существует, — сказал Эйстейн. — Но она всё равно была христианкой. Итак, кого мы собираемся исключить из числа подозреваемых?

— Хелену Рё, — сказал Харри. — И парня, продававшего кокаин на вечеринке.

— Исключить Хелену имеет смысл, — сказал Эуне, — но зачем исключать наркоторговца?

— Потому что он один из немногих людей на вечеринке, личность которых не установлена. И потому что он появился в медицинской маске для лица и солнцезащитных очках.

— Ну и что? Может быть, ему ещё не сделали прививку против ковида. Или он страдает мизофобией. О, прости, Эйстейн, это навязчивая боязнь бактерий.

— Возможно, он был болен и не хотел заражать людей, — сказал Трульс. — Но всё равно сделал это. В отчётах говорится, что и у Сюсанны, и у Бертины через пару дней после вечеринки была высокая температура, во всяком случае, чувствовали они себя неважно.

— Но сейчас мы упускаем из виду самую очевидную причину, — сказал Эуне. — В конце концов, наркоторговля в высшей степени незаконное дело, так что вряд ли стоит удивляться тому, что он носит маску.

— Эйстейн, — сказал Харри. — Объясни.

— Хорошо. Если ты продаёшь… допустим, кокаин, тогда ты не так уж беспокоишься о том, что тебя опознают. Полиция почти наверняка знает, кто торгует на улице, и им всё равно, им нужны люди поважнее, те, кто стоят за этим. И *если* полиция и арестует тебя, то это произойдёт во время сделки, и тогда от маски будет мало проку. Так что всё как раз наоборот — если ты планируешь торговать на улице, то хочешь, чтобы покупатели узнавали тебя в лицо и помнили, что в прошлый раз ты продал им классную дурь. И если ты предлагаешь доставку на дом, что, похоже, и делает этот парень, то ещё важнее, чтобы клиент видел твоё честное лицо и доверял ему.

Трульс издал хрюкающий смешок.

— Как ты думаешь, ты сможешь выяснить, кто этот парень на вечеринке? — спросил Харри.

Эйстейн пожал плечами.

— Могу попробовать. В сфере доставки на дом не так уж много норвежцев.

— Договорились.

Харри сделал паузу, закрыл глаза, прежде чем снова открыть их, как будто он следовал сценарию и мысленно перевернул страницу.

— Поскольку мы собираемся придерживаться гипотезы о том, что убийца знал по крайней мере одну из жертв, давайте подумаем о том, что на самом деле может подтвердить эту идею. Сюсанна Андерсен направляется прямиком через весь город, из оживлённой западной части центра, в место, где нет никаких свидетельств того, что она знает кого-то, где, насколько известно, она раньше не бывала, и где мало что происходит во вторник вечером…

— В некоторые ночи там случается чёрт знает что, — отозвался Эйстейн. — Я вырос неподалёку.

— Так что же она там делала?

— Разве это не очевидно? — сказал Эйстейн. — Она встречалась с парнем, который её прикончил.

— Хорошо, тогда мы будем работать, исходя из этого, — сказал Харри.

— Круто, — сказал Эйстейн. — Ведущий эксперт страны согласен со мной.

Харри криво улыбнулся и потёр затылок. Ему скоро понадобится единственная выпивка, которая у него осталась на сегодня. Две другие он выпил по дороге из Института судебной медицины, когда они с Эйстейном сделали остановку в баре «Шрёдер».

— Ну и к слову, — сказал Эйстейн, — я тут кое о чём подумал. Парень повёл Сюсанну на прогулку по парку Эстмарка, и у него всё получилось, верно? Что-то вроде идеального убийства. Разве не чертовски странно, что он берёт Бертину с собой в Грефсенколлен? Никогда не меняй формулу победы — разве это не относится и к убийцам тоже?

— Вероятно, это относится и к серийным убийцам, — сказал Эуне. — Если только повторение этого подхода не означает увеличения риска быть обнаруженным. А Сюсанна уже была объявлена пропавшей без вести в окрестностях станции Скюллерюд, так что в этом районе были полиция и поисковые группы.

— Да, но они разошлись по домам, как только стемнело, — сказал Эйстейн. — Никто не мог

знать, что исчезнет ещё одна девушка. Нет, этот парень не сильно рисковал, привезя её в Скюллерюд. И он, очевидно, хорошо знал этот район.

— Я не знаю, — сказал Эуне. — Может быть, Бертина просто согласилась прогуляться с ним, но настояла на Грефсенколлене?

— Но от того места, где она живёт, до Грефсенколлена дальше, чем до Скюллерюда, и в отчётах говорится, что никто из тех, с кем беседовала полиция, ничего не знал о том, что Бертина когда-либо была в Грефсенколлене.

— Может быть, она *слышала* много хорошего о Грефсенколлене, — сказал Эуне. — По крайней мере, оттуда открывается прекрасный вид. В отличие от Эстмарки, где есть только лес и небольшие холмы.

Эйстейн задумчиво кивнул.

— Хорошо. Но есть ещё одна вещь, которую я не понимаю.

Он сосредоточился на Эуне, поскольку Харри, казалось, выпал из разговора и сидел, прижав пальцы ко лбу и уставившись в стену.

— Бертина не могла уйти далеко от своей машины, верно? И её ищут уже две недели, так что я не понимаю, почему собаки не могут её обнаружить. Вы знаете, как хорошо собаки берут

след? Я имею в виду, какое хорошее у них обоняние? В одном из отчётов, полученных Трульсом, есть информация от фермера из Венгордена в Эстмарке. Неделю назад он связался с полицией и сказал, что его старый хромой бульдог лежал в гостиной и лаял так, как он лает только тогда, когда поблизости лежит труп. Я знаю Эстмарку, и эта ферма находится по меньшей мере в шести чёртовых километрах от того места, где нашли Сюсанну Андерсен. Если собака может учуять труп на таком расстоянии, почему они не могут найти Бертину…

— Этого не может быть.

Все четверо мужчин повернулись в ту сторону, откуда донёсся голос.

Джибран Сети опустил книгу.

— Если бы это был бладхаунд или эльзасская овчарка, тогда да. Но у бульдога очень слабое обоняние для собаки. На самом деле они находятся в самом низу собачьего рейтинга. Вот что происходит, когда мы разводим собак для борьбы с быками, а не для охоты, как задумано природой. — Ветеринар снова поднял свою книгу. — Извращение, но именно этим мы и занимаемся.

— Спасибо, Джибран, — сказал Эуне.

Ветеринар коротко кивнул ему.

— Может быть, он похоронил Бертину, — предположил Трульс.

— Или сбросил её в одно из тамошних озёр, — добавил Эйстейн.

Харри сидел, глядя на ветеринара, в то время как голоса трёх других мужчин звучали так, словно затихали вдали. Почувствовал, как волосы у него на затылке встали дыбом.

— Харри! — это был Эуне.

— Что?

— Мы спросили: «А ты как думаешь?»

— Я думаю… У нас есть номер фермера, который дал ту наводку, Эйстейн?

— Нет. Но у нас есть его имя и место жительства: Венггорден, так что найти его не составит труда.

— Габриэль Венг.

— Добрый день, Венг. Это Хансен, полиция Осло. Просто небольшой вопрос относительно информации, которую ты сообщил нам на прошлой неделе. Ты сказал, что твоя собака лаяла и что ты подумал, будто поблизости может находиться падаль или труп?

— Да, иногда мёртвые животные могут лежать здесь, гния в лесу. Но я читал о пропавшей девушке, а Скюллерюд находится не так далеко, поэтому, когда собака начала лаять и выть

особым образом, я позвонил вам. Но я так и не услышал ничего в ответ.

— Прошу прощения, требуется время, чтобы отследить все зацепки, которые у нас есть по подобному делу.

— Да, да, вы же уже нашли ту девушку, бедняжку.

— Меня интересует, — продолжил Харри, — продолжает ли твоя собака лаять таким же образом?

Ответа не последовало, но он слышал дыхание фермера.

— Венг? — сказал Харри.

— Ты сказал, что тебя зовут Хансен?

— Совершенно верно. Ханс Хансен. Констебль.

Ещё одна пауза.

— Да.

— Да?

— Да, она всё ещё издаёт подобные звуки.

— Хорошо, спасибо тебе, Венг.

Сон Мин Ларсен стоял и смотрел на свою собаку по кличке Каспаров, который расположился у стены здания с поднятой задней лапой. Сон Мин уже держал в руке пластиковый пакет, чтобы прохожие поняли, что он не собирается оставлять собачьи отходы у дорогих многоквартирных домов на улице Нобеля.

Он размышлял. Не столько о том, что у жертвы был удалён мозг, сколько о скальпе, который был пришит обратно. Значило ли это, что человек, забравший мозг, пытался скрыть этот факт? Охотников за трофеями обычно это не волновало. И убийца, должно быть, понимал, что это будет замечено, так зачем же утруждать себя? Может, он хотел навести порядок после себя? Аккуратный убийца? Это было не так уж и глупо, как могло бы показаться — остальная часть места преступления тоже была очищена от обычных улик. Если не считать слюны на груди Сюсанны. Здесь убийца допустил ошибку. Конечно, кое-кто в следственной группе считал, что слюна может принадлежать кому-то другому, а не убийце, поскольку верхняя часть тела Сюсанны была одета, когда они её нашли. Но если убийца был достаточно аккуратен, чтобы пришить скальп обратно, почему бы также не надеть на тело и всю одежду?

Зазвонил его мобильный. Сон Мин удивлённо посмотрел на дисплей, прежде чем нажать «Ответить».

— Харри Холе? Сто лет тебя не слышал.

— Да, время идёт.

— Я прочитал в «ВГ», что мы работаем над од-

ним и тем же делом.

— Да. Я пару раз пытался дозвониться до Катрины, но её телефон сразу переключается на голосовую почту.

— Может быть, укладывала ребёнка спать.

— Может быть. В любом случае, у меня есть кое-какая информация, которая, думаю, вам сейчас необходима.

— Слушаю.

— Я только что разговаривал с фермером, живущим в лесу. И он говорит, что его бульдог учуял поблизости падаль. Или труп.

— Бульдог? Тогда источник запаха должен быть поблизости, у бульдогов…

— …несильное обоняние, насколько мне известно.

— Да. Падаль в лесу — обычное дело, но, раз уж ты звонишь, я полагаю, это в Грефсенколлене?

— Нет. В Эстмарке. В шести или семи километрах от того места, где была найдена Сюсанна. Конечно, это необязательно должно что-то значить. Как ты и сказал, крупные животные постоянно умирают в лесах. Но я хотел, чтобы ты знал. Я имею в виду, поскольку вы не нашли Бертину в Грефсенколлене…

— Понял, — сказал Сон Мин. — Я сообщу коман-

де. Спасибо за наводку, Харри.

— Не за что. Сейчас я перешлю тебе номер телефона того фермера.

Сон Мин завершил разговор и задумался, удалось ли ему говорить так спокойно, как он пытался. Его сердце бешено колотилось, а мысли и выводы, которые, очевидно, ждали своего часа, но которым до сих пор не давали волю, лавиной пронеслись в его голове. Мог ли преступник убить Бертину на знакомой территории, в том же районе, где он убил Сюсанну? Эта мысль, конечно, приходила ему в голову и раньше, но тогда она была всего лишь вопросом — почему убийца этого *не сделал*. А ответ был так очевиден. Всё указывало на то, что убийца договаривался о встрече с девушками — иначе зачем бы им отправляться в одиночку в места, где они никогда раньше не бывали? И поскольку в новостях много писали о пропавшей девушке в районе станции Скюллерюд, убийца пригласил Бертину в совершенно другую часть города, чтобы она не смогла ничего заподозрить. О чём Сон Мин не подумал, или, по крайней мере, не до конца догадался, так это о том, что убийца мог договориться с Бертиной о встрече в Грефсенколлене, а затем отвезти её на своей машине в Скюллерюд.

Перед отъездом он, должно быть, убедил её оставить свой телефон в машине в Грефсенколлене. Возможно, представил это как романтическую идею, что-то вроде «давай-останемся-наедине-и-никто-нам-не-помешает». Да, это имеет смысл. Он посмотрел на часы. Половина десятого вечера. С этим придётся подождать до завтра. Или? Нет, это была всего лишь наводка, и погоня за каждой зацепкой в расследовании убийства быстро утомляет. И всё же. Не только его собственная интуиция подсказывала ему, что слишком много деталей совпадает, но и сам Харри Холе позвонил ему, потому что думал так же. Да, в голове Харри промелькнули те же самые мысли, что и в его собственной.

Сон Мин посмотрел на Каспарова. Он взял к себе этого отправленного на заслуженный отдых полицейского пса, потому что тот пережил своего предыдущего владельца. Последние пару лет пёс страдал от проблем с тазобедренным суставом и не любил ходить слишком далеко или в гору. Но в отличие от бульдогов, лабрадоры-ретриверы обладали одним из самых острых обоняний среди собак.

Его мобильный завибрировал. Он посмотрел на экран. Смс с номером телефона и имя «Венг».

Половина десятого вечера. Если бы они сейчас сели в машину, то, вероятно, были бы там через тридцать минут.

— Давай, Каспаров! — Сон Мин потянул за поводок, его ладони уже вспотели от адреналина.

— Эй! — с затемнённого балкона прогремел голос, и звук эхом отразился от фешенебельных фасадов. — В этой стране мы убираем дерьмо за своими животными!

Глава 18

Вторник
Паразит

— Паразиты, — сказал Прим, поднося ко рту вилку. — *Из-за них* мы умираем и *за счёт них* же живём. — Он жевал. Еда была губчатой консистенции и не имела выраженного вкуса, несмотря на все специи. Он поднял свой бокал красного вина в честь своей гостьи, прежде чем сделать большой глоток и с трудом проглотить. Положил ладонь на грудь, ожидая, пока еда опустится, и продолжил. — Все мы паразиты. Ты. Я. Каждый там снаружи. Без таких хозяев, как мы, паразиты погибли бы, но без паразитов погибли бы и мы. Потому что существуют хорошие паразиты и вредные паразиты. Пользу приносят, например, мясные мухи, которые откладывают свои яйца в труп, чтобы личинки-паразиты съели его в два счёта, — с гримасой Прим отрезал ещё кусочек и принялся пережёвывать. — Если бы они этого не делали, мы бы буквально пробирались сквозь трупы и туши мёртвых животных. Нет, я не шучу! Это простая математика. Мы бы умерли через

несколько месяцев от ядовитых газов, исходящих от трупов, если бы не существовало мясной мухи. Ещё существуют интересные паразиты, которые не особенно полезны, но при этом не причиняют и большого вреда. Среди них, например, языковая мокрица. Существо, поедающее язык.

Прим встал и подошёл к аквариуму.

— Это настолько интересный паразит, что я поместил парочку в аквариум Босса. Она прикрепляется к языку рыбы и высасывает из него кровь, пока язык в конце концов не разлагается и не исчезает. Затем мокрица прикрепляется к корню языка, сосёт ещё больше крови, растёт и превращается в совершенно новый язык.

Рука Прима опустилась в воду и схватила рыбу. Он поднёс её к столу, сжал рот рыбы так, чтобы та была вынуждена его открыть, и поднёс рыбу к её лицу.

— Ты её видишь? Видишь мокрицу? Видишь, что у неё есть собственные глаза и рот? Да?

Он быстро вернулся и выпустил рыбу обратно в аквариум.

— Мокрицу, которую я назвал Лизой, отлично функционирует в качестве языка, так что не нужно *так уж* жалеть Босса. Как говорится, жизнь продолжается, и теперь у него есть компания. Го-

раздо хуже столкнуться с вредными паразитами. Вот такие, как он, набиты ими…

Он указал на большого розового слизня, которого положил на обеденный стол между ними.

— Мы с собакой живём одни, — сказал Венг, подтягивая джинсы повыше.

Сон Мин посмотрел на бульдога, лежащего в корзине в углу кухни. Он двигал только головой, а единственным звуком, который он издавал, было тяжёлое дыхание.

— Я унаследовал ферму от отца пару лет назад, но жена отказывается жить здесь, в лесу, поэтому она всё ещё живёт в многоквартирном доме в Манглеруде[27].

Сон Мин кивнул на собаку.

— Сука?

— Да. У неё была привычка бросаться на машины, возможно, она считала их быками. Так или иначе, одна из машин её зацепила и сломала ей спину. Но она всё ещё воет, если кто-нибудь приходит…

— Да, мы слышали. И когда чует мёртвых животных, насколько я понимаю.

— Да, я так и сказал Хансену.

---

[27] Примечания: 27
Манглеруд — пригород Осло.

— Хансену?

— Офицеру, который звонил.

— Точно, Хансен. Но сейчас она не издаёт ни звука.

— Нет, она чует что-то только, когда ветер дует с юго-востока.

Венг указал в темноту.

— Не возражаешь, если мы с моим псом проведём небольшой обыск?

— У тебя с собой пёс?

— Да, он в машине. Лабрадор.

— Будь как дома.

— Итак, — сказал Прим и остановился, пока не убедился, что полностью завладел её вниманием. — Этот слизень выглядит довольно безобидным, не так ли? Даже красивым. Его цвет вызывает у тебя желание облизать его, он выглядит почти как леденец. Но я бы настоятельно не рекомендовал делать этого. Видишь ли, и сам слизняк, и его слизь набиты крысиным лёгочным червём[28], так что точно не стоит использовать его в каче-

---

[28] Примечания: 28

Крысиный лёгочный червь — паразитическая нематода, вызывающая ангиостронгилез, наиболее распространённую причину эозинофильного менингита в Юго-Восточной Азии и бассейне Тихого океана. Нематода обычно обитает в лёгочных артериях крыс, что даёт ей общее название «крысиный лёгочный червь».

стве глазури. — Прим рассмеялся. Она же, как обычно, не смеялась, а лишь улыбалась.

— Как только червь попадает в твоё тело, он начинает следовать по кровотоку. И куда же он хочет попасть? — Прим постучал указательным пальцем по лбу. — Сюда. К мозгу. Потому что он любит мозг. Конечно, я понимаю, мозг питателен и является прекрасным местом для вылупления яиц. Но мозг не особенно *хорош*, — он посмотрел на свою тарелку и неодобрительно причмокнул. — Как ты считаешь?

Каспаров с силой тянул поводок. Тропинки, по которой они шли, больше не было. Ещё днём небо затянули тучи, и теперь единственный свет исходил от фонарика Сон Мина. Он остановился у стены из стволов деревьев и низко свисающих ветвей, которые ему пришлось отклонить, чтобы преодолеть. Он потерял всякое представление о том, где они были и как далеко прошли. Он слышал тяжёлое дыхание Каспарова под ковром из папоротников, но не мог разглядеть его, и у него было ощущение, что невидимая сила тянет его всё глубже во тьму. Это могло подождать. Могло. Так зачем же он это делает? Потому что он один хотел получить признание за то, что нашёл Бертину? Нет, всё было не так банально. Просто

он всегда был таким — когда ему что-то любопытно, он должен узнать об этом сразу, ожидание невыносимо.

Но теперь у него были сомнения. Мало того, что он рискует уничтожить улики на месте преступления, если наткнётся на тело здесь, в темноте, дело было ещё и в том, что ему было страшно. Да, он мог это признать. Прямо сейчас он был тем самым маленьким мальчиком, только что прибывшим в Норвегию, который боится темноты, не зная, чем именно он напуган, но ощущающим, что другие люди — его приёмные родители, учителя, другие дети на улице — знали. Они знали что-то, чего он не знал о себе, о своём прошлом, о том, что с ним произошло. Он так и не узнал, что это было, и было ли что-то вообще. У его приёмных родителей не было никаких драматических историй о родителях биологических или о том, как он был усыновлён. Но всё равно он был поглощён потребностью знать. Знать всё. Знать что-то, чего не знали они, другие.

Натяжение поводка ослабло. Каспаров остановился.

Сон Мин почувствовал стук своего сердца, когда он направил фонарь на землю и отодвинул в сторону листья папоротника.

Каспаров припал мордой к земле, и свет фонаря нашёл то, что он обнюхивал.

Сон Мин присел и поднял это. Сначала он подумал, что это пустая пачка чипсов, но потом узнал упаковку и понял, почему Каспаров остановился. Это был пакетик «Хиллман Пэтс», противопаразитарного средства, которое Сон Мин купил однажды в зоомагазине, когда у Каспарова завелись аскариды. В средство добавляли ароматизатор, который настолько нравился собакам, что Каспарову стоило лишь увидеть пакетик с этим веществом, как он принимался так дико вилять хвостом, что Сон Мин думал, будто он собирается взлететь. Сон Мин смял пакет и положил в карман.

— Поедем домой, Каспаров? Время ужинать.

Каспаров посмотрел на него так, словно понял слова и решил, что его владелец сошёл с ума. Он повернулся, Сон Мин почувствовал сильный рывок и понял, что у него нет ни малейшего шанса и что они уходят глубже туда, куда он больше не хотел идти.

— Самое удивительное, что когда некоторые из таких паразитов достигают твоего мозга, они начинают брать верх, — сказал Прим. — Контролируют твои мысли. Желания. И паразит будет

приказывать тебе делать то, что необходимо для продолжения его естественного цикла. Ты становишься послушным солдатом, готовым умереть, если это потребуется, — Прим вздохнул. — И, к сожалению, зачастую именно это и требуется, — он поднял брови. — О, ты думаешь, что это звучит как ужастик или научная фантастика? Но тебе стоит знать, что некоторые из этих паразитов не столь редки. Большинство хозяев живут и умирают, не зная о присутствии паразита, как, вероятно, в случае с Боссом и Лизой. Мы верим, что боремся, работаем и жертвуем своей жизнью ради своей семьи, страны, собственного наследия. А на самом деле всё это для паразита, кровососа, удобно устроившегося в своей штаб-квартире, твоем мозге, который и принимает решения.

Прим наполнил их бокалы красным вином.

— Мой отчим обвинял мою мать в том, что она именно такой паразит. Утверждал, что она начала отказываться от ролей, потому что он был богат, поэтому она могла просто сидеть дома и пропивать его деньги. Конечно, это было неправдой. Во-первых, она не отказывалась от ролей, но ей перестали предлагать их. Потому что она целыми днями пила дома и начала забывать свои реплики. Мой отчим был очень богатым

человеком, так что её пьянство никак не могло сделать его нищим, мягко говоря. Кроме того, это он был паразитом. Который поселился в мозгу моей матери, заставляя её видеть вещи такими, какими он хотел, чтобы она их видела. Чтобы она не замечала, что он делал со мной. Я был всего-навсего ребёнком и думал, отец вправе, что он может требовать такое от сына. Нет, я не думал, что каждого шестилетнего ребёнка заставляют лежать голым в постели со своим отцом и удовлетворять его, или сыплют угрозами, что убьют их мать, если они скажут об этом кому-либо хоть слово. Но я был напуган. Так что я *ничего не рассказывал*, но пытался показать матери, что происходит. Надо мной всегда издевались в школе из-за моих зубов и… да, наверное, из-за того, как жертва сексуального насилия обычно себя ведёт. Крыс, так меня называли. Но я начал врать и воровать. Начал прогуливать школу, убегать из дома, брать деньги у мужчин, чтобы подрочить им в общественных туалетах. Одного из них я ограбил. Проще говоря, мой отчим поселился и в моём мозгу, и в мозгу моей матери, постепенно уничтожая нас, по кусочкам. Кстати, о кусочках…

Прим проткнул вилкой последний кусок в сво-

ей тарелке. Вздохнул.

— Но теперь всё кончено, Бертина, — он крутил вилку, изучая бледно-розовый кусок мяса. — Теперь я тот, кто гнездится в мозгу и отдаёт приказы.

Сон Мину пришлось бежать, чтобы не отставать от Каспарова, который тянул его ещё сильнее. Пёс начал издавать что-то вроде отрывистого кашля, будто пыталась избавиться от чего-то, застрявшего в горле.

Сон Мин делал то, чему научился будучи следователем. Когда он был практически полностью в чём-то уверен, то проверял собственные выводы, пытаясь перевернуть всё с ног на голову. Неужели то, что он считал невозможным, всё-таки возможно? Может ли, например, Бертина Бертильсен быть ещё жива? Она могла сбежать, уехать за границу. А может, её похитили, и она сидит сейчас взаперти в подвале или какой-нибудь квартире, возможно, вместе с похитителем в этот самый момент.

Внезапно они вышли из леса и оказались на поляне. Свет фонаря сверкал на воде. Они были у небольшого озера. Каспаров хотел добраться до воды и потащил за собой Сон Мина. В свете луны мерцала берёза, склонившаяся над водой, и

Сон Мин на мгновение увидел нечто похожее на толстую ветку, тянущуюся до самой воды так, как будто дерево пило. Он направил свет на ветку. Которая не была веткой.

— Нет! — закричал Сон Мин, дёргая Каспарова обратно.

Крик эхом отозвался с другой стороны озера.

Это было тело.

Оно свисало с самой нижней ветки берёзы, перегнувшись в области бёдрах.

Босые ноги были чуть выше поверхности воды. Женщина — он сразу понял, что это была женщина — была раздета ниже пояса, как и Сюсанна. Её живот также был обнажён, потому что платье было задрано до бюстгальтера и свисало к воде, закрывая голову, плечи и руки. Под вывернутым наизнанку краем платья виднелись только её запястья, а пальцы опускались ниже поверхности воды. Первой мыслью Сон Мина была надежда, что в озере не водится рыба.

Каспаров сидел неподвижно. Сон Мин потрепал его по голове.

— Хороший мальчик.

Он достал свой телефон. Покрытие сети и на ферме было плохим, а здесь же индикатор сигнала и вовсе опустился до одного деления. Но

GPS работал, и когда он отмечал своё местоположение, то заметил, что дышит через рот. Не то чтобы запах был настолько силён, просто его мозг — после пары неприятных инцидентов — начал автоматически делать так, когда понимал, что находится на месте преступления. Его мозг также сообразил, что для того, чтобы установить, что это Бертина Бертильсен, ему необходимо положить фонарь на землю и, схватившись за ствол дерева одной рукой и наклонившись над водой, приподнять подол платья, чтобы он мог увидеть её лицо. Проблема заключалась в том, что он мог при этом положить руку на ствол в том же месте, что и преступник, и испортить отпечаток пальца.

Он вспомнил про татуировку. Логотип «Луи Виттон». Посветил на её лодыжки. Они были такими белыми в ярком свете, будто она была сделана из снега. Никакого логотипа «Луи Виттон». Что это значит?

Где-то в темноте ухнула сова, по крайней мере, он предположил, что это была сова. Он не видел внешнюю часть её левой лодыжки, возможно, там и была татуировка. Он пошёл вдоль берега, пока не оказался под правильным углом, и снова посветил на неё.

Вот и она. Чёрная на белоснежном. L над V.

Это была она. Должна была быть она.

Он снова достал свой телефон и позвонил Катрине Братт. Всё ещё нет ответа.

Странно. Отвечать на звонки от Харри Холе можно и по желанию, но для тех, с кем он работает, главный детектив всегда должен быть доступен, это было негласным правилом.

— Итак, видишь ли, Бертина, мне нужно выполнить важное задание.

Прим перегнулся через стол и положил руку на её щёку.

— Мне просто жаль, что тебе пришлось стать частью этого задания. И мне жаль, что сейчас я должен покинуть тебя. Это будет наша последняя ночь вместе. Потому что, хоть я и знаю, что ты хочешь меня, но ты не та, кого я люблю. Вот, я произнёс это. Скажи, что ты прощаешь меня. Нет? Ну пожалуйста. Милая девочка, — Прим тихонько посмеялся. — Ты можешь пытаться сопротивляться, Бертина Бертильсен, но ты же знаешь, что я могу возбудить тебя в любой момент малейшим прикосновением.

Он сделал это, она не могла ему помешать. И, конечно же, она засияла для него. В последний раз, подумал он, поднимая свой бокал в прощальном тосте.

Сон Мин связался с криминальным отделом, они были в пути. Всё, что он мог делать, это сидеть на пеньке и ждать. Он почесал лицо и шею. Комары. Нет, мошки. Маленькие комары, которые сосут кровь даже у более крупных комаров. Он выключил фонарь, чтобы сохранить заряд батареи, и едва мог разглядеть тело прямо перед собой.

Это была она. Конечно, это была она.

Но всё же.

Он проверил время, уже теряя терпение. Где же Катрина? Почему она не перезвонила?

Сон Мин нашёл на земле длинную тонкую ветку. Снова включил фонарь и, положив его на землю, встал на берегу, с помощью ветки подцепив край платья. Поднял его. Выше. И ещё выше. Он уже видел её обнажённые плечи, ждал, когда сможет увидеть длинные каштановые волосы, которые она носила распущенными на виденных им фотографиях. Были ли они собраны? Были ли…?

Сон Мин издал странный звук, похожий на уханье совы. Он просто потерял контроль, издал звук, уронил ветку в воду, а платье вернулось на место, закрыв то, что заставило его этот звук издать. Закрыв то, чего там не оказалось.

— Бедняжка, — прошептал Прим. — Ты так красива. И всё равно отвергнута. Это несправедливо, не так ли?

Он не поправил её голову после того, как две ночи назад ударил по столу, и из-за сотрясения голова немного склонилась набок. Голова была установлена на торшере, который он поставил перед стулом по другую сторону стола. Когда он нажимал выключатель на проводе, лежавшем поперёк стола, включалась 60-ти ваттная лампочка внутри головы Бертины, и свет изливался из её глазниц, окрашивая зубы в её зияющем рту в синий цвет. Человек без воображения сказал бы, что это напоминает тыквенную голову на Хэллоуин. В то время как человек с чуть большим воображением увидел бы, что вся Бертина — по крайней мере, та её часть, что не осталась у озера в Эстмарке — светилась, сияла от радости. Да, мужчина легко мог представить, что она любит его. И Бертина любила его, желала во всяком случае.

— Если это послужит тебе неким утешением, заниматься любовью с тобой мне понравилось больше, чем с Сюсанной, — сказал Прим. — У тебя более привлекательное тело, и… — он облизнул вилку. — Твой мозг мне нравится больше. Но…

— Он склонил голову набок, с сочувствием глядя на неё. — Мне пришлось съесть его ради жизненного цикла. Для яиц. Для паразитов. Для мести. Только так я могу стать целым. Только так меня могут любить таким, какой я есть. Да, я понимаю, что это, наверняка, звучит пафосно. Но это правда. Быть любимым — это всё, чего каждый из нас хочет, не правда ли?

Он нажал указательным пальцем на выключатель. Лампочка в голове погасла, гостиная осталась лежать в полумраке.

Прим вздохнул.

— Да, я боялся, что именно так ты это и воспримешь.

Глава 19

Вторник
Звоночки

Катрина слушала Сон Мина.

Закрыв глаза, она представляла себе место преступления, пока он говорил. Ответила, что ей не нужно видеть это самой, что она отправит пару детективов, а затем изучит фотографии с места происшествия. И извинилась за то, что была недоступна по телефону. Она выключила его, когда укладывала ребёнка спать, и, должно быть, очень хорошо исполнила «Блюмена», потому что тоже заснула.

— Может быть, это потому, что ты слишком много работаешь, — сказал Сон Мин.

— «Может быть» тут явно лишнее, — сказала Катрина. — Но так можно сказать обо всех нас. Назначь пресс-конференцию на завтра в десять. Я попрошу криминалистов относиться к этому делу как к приоритетному.

— Хорошо. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Сон Мин.

Катрина нажала «Отбой» и сидела, уставив-

шись на телефон.

Бертина Бертильсен была мертва. Всё было так, как и ожидалось. Теперь её нашли. Всё было так, как она надеялась. Место и то, как её нашли, подтвердили подозрение, что убил их один человек. Всё так, как они и опасались. Потому что это означало, что могут быть ещё убийства.

Катрина услышала хныканье за дверью. Она сказала себе, что останется сидеть на месте и будет слушать дальше, но не смогла, встала с кухонного стула и на цыпочках подошла к двери. Там было тихо, слышалось только ровное сонное дыхание Герта. Она солгала Сон Мину. Она читала, что в среднем мы слышим ложь двести раз за день, в большинстве случаев, к счастью, безобидную, которая участвует в социализации. Это была одна из таких. Правдой было то, что она выключила телефон, чтобы уложить ребёнка спать, но неправдой — что сама при этом уснула. Она не включила его снова, потому что Арне обычно звонил сразу после того, как она укладывала Герта, зная, что именно тогда он сможет её застать. Конечно, это было приятно. В конце концов, он просто хотел услышать, как прошёл её день. Узнать о её маленьких радостях и разочарованиях. В последнее время — с тех пор,

как стали пропадать девушки — она в основном делилась своими разочарованиями, что было вполне естественно. Но он терпеливо слушал, задавал уточняющие вопросы, которые говорили, что ему интересно, делал всё, что должен делать хороший, поддерживающий друг и потенциальный бойфренд. Просто сегодня вечером она действительно была не в настроении, ей нужно было побыть наедине со своими мыслями. Она решила выдать ту же невинную ложь о том, что она просто заснула, когда завтра об этом спросит Арне. Она думала о Харри и Герте. Как ей разрешить эту дилемму. Потому что она увидела это в глазах Харри, ту же беспомощную любовь, которую она видела в глазах Бьёрна, когда он смотрел на сына. Сын Бьёрна и сын Харри. Насколько сильно она должна и может вовлекать Харри в свои дела? Что касается её самой, то она хотела иметь как можно меньше общего с Харри и его жизнью. Но что насчёт Герта? Какое она имела право отнимать у него ещё одного отца? Разве её собственный отец, неуравновешенный пьяница, не был ею по-своему любим? Не был человеком, без которого она не смогла бы жить?

Она снова включила мобильный перед тем, как лечь спать, надеясь, что там не будет никаких

сообщений. Но их было два. Первое, от Арне, было любовным посланием, которые, очевидно, по мнению его поколения, не требовали соблюдения высоких стандартов:

«Катрина Братт, ты — Женщина, а я — Мужчина, который любит тебя. Спокойной ночи».

Она увидела, что оно было отправлено недавно и что на самом деле он не пытался дозвониться ей, пока телефон был выключен, так что, вероятно, он был чем-то занят.

Другое было от Сон Мина и соответствовало стилю, с которым она была более знакома:

«Бертина найдена. Позвони мне».

Катрина пошла в ванную и взяла свою зубную щётку. Посмотрелась в зеркало. *«Ты Женщина»,* да, верно. Но ладно, в хороший день это может быть оправдано. Она выдавила зубную пасту из тюбика. Её мысли вернулись к Бертине Бертильсен и Сюсанне Андерсен. И к женщине — пока что без имени — которая может быть следующей жертвой.

Сон Мин чистил свою твидовую куртку щёткой для одежды. Это была непромокаемая охотничья куртка от Алана Пейна, которую Крис подарил ему на Рождество. После разговора с Катриной он отправил ему текстовое сообщение с пожелани-

ями спокойной ночи. Поначалу его беспокоило, что именно он всегда отправлял подобные сообщения, в то время как Крис просто отвечал. Но сейчас всё было в порядке, именно таким был Крис, ему нужно было верить, что он главный в отношениях. Но Сон Мин знал, что если он не отправит сообщение однажды вечером, то уже на следующий день Крис будет разыгрывать из себя королеву драмы по телефону, ворча о том, что что-то не так, о том, что Сон Мин встретил кого-то другого или потерял интерес.

Сон Мин наблюдал, как сосновые иголки падают на пол. Зевнул. Знал, что надо поспать. Что у него не будет никаких кошмаров о том, что он пережил сегодня ночью. У него никогда их не было. Он не был вполне уверен, что это говорит о его личности. Коллега из Крипоса сказал, что эта способность, которую ему пришлось отключить, указывала на отсутствие эмпатии, и сравнил его с Харри Холе, который, по-видимому, страдал от того, что называли паросмией, дефектом, мешающим мозгу распознавать запах человеческих останков, что объясняло, почему Холе оставался невозмутимым на местах преступлений, когда других выворачивало наизнанку. Но Сон Мин не считал это недостатком, он просто верил, что

обладает здоровой способностью разделять всё на части, держать свои личную и профессиональную жизни подальше друг от друга. Он ощупал карманы, на внешней стороне куртки, заметил, что в одном из них что-то есть, и достал это. Это был пустой пакет с логотипом «Хиллман Пэтс». Он уже собирался выбросить его в мусорное ведро, когда вспомнил, что, когда Каспаров в очередной раз заразился глистами, ветеринар порекомендовал другое противопаразитарное средство, потому что «Хиллман Пэтс» содержало вещество, которое теперь запрещено к ввозу и продаже в Норвегии. Это было по меньшей мере четыре года назад. Сон Мин повертел пакет в руках, изучая его, пока не нашёл то, что искал. Дата изготовления и срок годности.

Пакет был произведён в прошлом году.

Сон Мин снова перевернул пакет. Ну и что? Кто-то купил упаковку за границей и привёз её домой, вероятно, даже не зная, что она запрещена. Он задумался, не выбросить ли его. Пакет лежал в нескольких сотнях метров от места преступления, и было крайне маловероятно, что у убийцы была с собой собака. Но было что-то такое в нарушениях законов, что они обычно были связаны. Нарушитель правил остаётся всегда

нарушителем правил. Серийный убийца-садист начинает с убийства мелких животных, таких как мыши и крысы. Потом разжигает небольшие костры. Затем пытает и убивает животных чуть покрупнее. Устраивает пожары в пустующих домах…

Сон Мин аккуратно сложил пакет.

— Дыра Сатаны! — закричала Мона До, уставившись на свой телефон.

— Что такое? — спросил Андерс из-за открытой двери ванной, чистя зубы.

— «Дагбладет»!

— Не нужно кричать. И у Сатаны нет..

— Чёрт! Воге пишет, что Бертина Бертильсен была найдена мёртвой. В Венггордене в Эстмарке, всего в нескольких километрах от того места, где они нашли Сюсанну.

— Оу.

— Да, оу. Оу, почему, чёрт их дери, у «Дагбладет» есть эта новость, а у «ВГ» — нет.

— Вряд ли они…

— ..имеют кого-то так много в своём аду? Нет, по-моему, там проходят те ещё порки. Я думаю, кто бы там ни был в этом аду, они имеют всех в рот, в нос и в уши, а те, кого они имеют, могут думать только об одной вещи хуже этого, и это

работа в «ВГ» и то, что Терри Воге трахает их в задницу. Чёрт!

Она бросила телефон на кровать, когда Андерс скользнул под одеяло и прижался к ней.

— Я говорил тебе, что меня немного возбуждает, когда ты…

Она толкнула его.

— Я не в настроении, Андерс.

— …не в настроении…?

Она оттолкнула его испытующую руку, но не смогла сдержать лёгкой улыбки, когда взяла свой телефон. Снова начала читать. По крайней мере, у Воге не было никаких подробностей с места преступления, так что маловероятно, что он разговаривал с кем-то, кто был там. Но как он так быстро узнал об обнаружении тела? Была ли у него нелегальная полицейская рация, могло ли всё быть так просто? Он понял, что происходит, прослушав те краткие, наполовину зашифрованные сообщения, которые использовала полиция, зная, что злоумышленники всегда подслушивают? А потом Воге просто выдумал остальное, основываясь на том, что он услышал, так что получилась подходящая смесь фактов и вымысла, которая почти могла сойти за настоящую журналистику? Во всяком случае, так было до сих пор.

— Кое-кто посоветовал мне попросить у тебя поделиться инсайдерской информацией, — сказала она.

— Да? А ты сказала им, что, к сожалению, я не занимаюсь этим делом, но что меня можно купить за необузданный секс?

— Прекрати, Андерс! Это моя работа.

— Значит, ты считаешь, что я должен дать тебе бесплатную информацию и подставить себя?

— Нет! Я просто имею в виду… это чертовски несправедливо! — Мона скрестила руки на груди. — У Воге есть кто-то, кто кормит его, пока я сижу здесь… умирая с голоду.

— Что действительно несправедливо, — сказал Андерс, садясь в постели, и его игривая весёлость улетучилась, — так это то, что девушки в этом городе не могут выйти на улицу, не рискуя быть изнасилованными и убитыми. Несправедливо, что Бертина Бертильсен лежит мёртвой в Эстмарке, в то время как два человека сидят здесь и думают, что мир несправедлив, потому что другой журналист раньше опубликовал новость или потому что уровень раскрываемости в департаменте снизится.

Мона сглотнула.

И кивнула.

Он был прав. Конечно, он был прав. Она снова сглотнула. Попыталась подавить вопрос, который так и рвался наружу: *«Можешь ли ты позвонить кому-нибудь и спросить, как всё выглядело на месте преступления?»*

Хелена Рё лежала в постели, уставившись в потолок.

Маркус хотел, чтобы у них была кровать в форме капли, три метра в длину и два с половиной метра в ширину. Он читал, что это была капля, из которой мы произошли, из воды, к которой мы бессознательно стремились вернуться, и поэтому эта форма дарует нам гармонию и более глубокий сон.

Ей удалось не только не рассмеяться, но и уговорить его согласиться на роскошную прямоугольную кровать размером метр восемьдесят в ширину на два метра десять в длину. Хватит на двоих. Слишком много для одного.

Маркус спал в пентхаусе во Фрогнере, как делал сейчас почти каждый день и ночь. Во всяком случае, так она предполагала. Не то чтобы она скучала по Маркусу в постели, прошло много времени с тех пор, как это было волнующе или даже особенно желанно. Чихание и сопение только усиливались, и он вставал по меньшей

мере четыре раза за ночь, чтобы помочиться. Увеличение простаты — не обязательно рак, но, по общему мнению, нечто, поражающее более половины мужчин старше шестидесяти. И, очевидно, дальше будет только хуже. Нет, она не скучала по Маркусу, но ей не хватало кого-то. Она не знала, кого именно, и это чувство было особенно сильным сегодня вечером. Для неё тоже должен был быть кто-то, кто любил бы её, и кого она могла бы любить в ответ. Это было так просто, не так ли? Или это было то, на что она надеялась?

Она перевернулась на бок. Со вчерашнего вечера её тошнило, и она плохо себя чувствовала. Его вырвало, была небольшая температура. Она сдала тест на вирус, но он оказался отрицательным.

Она посмотрела в окно, на заднюю часть недавно построенного музея Мунка. Никто из тех, кто купил свою квартиру до начала строительства в Ослобукте не думал, что это будет так массивно и уродливо. Людей ввели в заблуждение рисунки, на которых музей имел стеклянный фасад и был показан под углом, из-за чего было трудно понять, что он похож на ту стену на севере в «Игре престолов». Но так оно и есть, всё складывается не так, как было обещано или ожидалось, и вам остаётся только благодарить себя за то, что так

вышло. Теперь здание бросало тень на всех них, и было уже слишком поздно.

Она почувствовала новый приступ тошноты и поспешила встать с постели. Ванная находилась в другом конце комнаты, но всё равно это было так далеко! Хелена была в квартире Маркуса во Фрогнере всего один раз. Она была намного меньше, но Хелена предпочла бы жить там. Вместе с… кем-то. Ей удалось добежать до унитаза до того, как содержимое её желудка выплеснулось наружу.

Харри сидел в баре отеля The Thief, когда пришло текстовое сообщение.

«Спасибо за наводку. Искренне твой, Сон Мин».

Харри уже читал «Дагбладет». Это была единственная газета, опубликовавшая статью, что могло означать только одно: пресс-релиз ещё не был опубликован и что у этого журналиста, Терри Воге, был источник в полиции. Поскольку утечка информации не могла быть тактическим манёвром со стороны полиции, это означало, что кто-то получал деньги или другие услуги за информирование Воге. Это было не так необычно, как думали люди — в своё время журналисты неоднократно предлагали ему деньги. Причина, по которой такие сделки редко становились до-

стоянием общественности, заключалась в том, что журналисты никогда не печатали информацию, указывающую на информатора, что, в конце концов, было бы равносильно перепиливанию ветки, на которой сидели обе стороны. Но Харри прочитал большинство статей по этому делу, и что-то подсказывало ему, что этот Воге был слишком нетерпелив и рано или поздно это приведёт к неприятным последствиям. В этом случае Воге вышел бы сухим из воды, даже сохранив свои журналистские полномочия в неприкосновенности. А вот для его информатора всё будет гораздо хуже. Но тот, очевидно, не осознавал, насколько он или она уязвимы, поскольку продолжал снабжать Воге информацией.

— Ещё один? — бармен посмотрел на Харри и стоял наготове, держа бутылку над пустым стаканом из-под виски. Харри кашлянул. Один раз. Второй.

«Да, пожалуйста», — так было написано в сценарии. Том самом, для плохого фильма, в котором он снимался так много раз, сыграв единственную роль, на которую он действительно был способен.

Затем — как будто увидев мольбу о пощаде в глазах Харри — бармен повернулся к клиенту,

подавшему знак с другого конца стойки, взял бутылку и ушёл.

Где-то в темноте слышался перезвон колоколов городской ратуши. Скоро наступит полночь, и останется шесть дней плюс девятичасовая разница во времени с Лос-Анджелесом. Прошло не так много времени, но они нашли Бертину, и обнаружение тела означало новые зацепки и возможность решающего прорыва. Вот как он должен был думать. Положительно. Это было неестественно для него: думать так нереалистично позитивно вопреки обстоятельствам, но безнадёжность и апатия не были тем, что ему сейчас было нужно. И не в этом нуждалась Люсиль.

Когда Харри покинул бар и вышел в тёмный коридор, он увидел свет, как в туннеле. Подойдя ближе, он понял, что свет исходит из открытого лифта, и смог разглядеть человека, стоящего наполовину снаружи и придерживающего двери. Как будто он ждал Харри. Или кого-то другого — в конце концов, он уже стоял там, когда Харри появился в коридоре.

— Просто езжайте, — крикнул Харри, подавая сигнал взмахом руки. — Я поднимусь по лестнице. Мужчина попятился в лифт и скрылся из поля зрения. Прежде чем двери закрылись, Харри

успел увидеть воротничок священника, но не смог разглядеть его лицо.

Харри был весь мокрый от пота, когда отпирал дверь в свою комнату. Он повесил свой костюм и лёг на кровать. Попытался выбросить из головы мысли о том, как поживает Люсиль. Он решил, что сегодня ночью ему приснится приятный сон о Ракель. О том времени, когда они жили вместе и каждую ночь вместе ложились спать. О том времени, как он шёл по воде, ступая по льду, который был толстым и прочным. Всегда прислушиваясь к трещинам, всегда высматривая разломы, но также не забывая жить настоящим моментом. Они делали это. Как будто знали, что время, отведённое им для того, чтобы быть вместе, скоро закончится. Нет, они проживали каждый день не так, как если бы он был последним, а так, как если бы он был первым. Как будто они открывали друг друга снова и снова. Не преувеличивал ли он, не приукрашивал ли воспоминания о том, что у них было? Может быть. Ну и что? Что реальность когда-либо делала для него?

Он закрыл глаза. Попытался представить Ракель, её золотистую кожу на фоне белых простыней. Но вместо этого всё, что он мог видеть, — это её бледную кожу на фоне лужи крови на

полу гостиной. И он увидел Бьёрна Хольма в машине, который смотрел на него, в то время как на заднем сиденье ребёнок плакал. Харри открыл глаза. Да, действительно, что он должен сделать с реальностью?

Его телефон снова зазвонил. На этот раз сообщение от Александры.

«Анализ ДНК будет готов к понедельнику. Было бы неплохо сходить в спа-салон и поужинать в субботу. “Терсе Акто” — хороший ресторан».

Глава 20

Среда

— Что ж, здесь всё достаточно ясно, — сказал Эуне, кладя свою копию полицейского отчёта на одеяло. — Как по учебнику. Убийство на сексуальной почве, совершённое человеком, который, скорее всего, убьёт снова, если его не остановить.

Три человека вокруг кровати, всё ещё поглощённые распечатками отчёта, кивнули.

Харри закончил читать первым и поднял глаза, щурясь от резкого света утреннего солнца снаружи.

Затем с бумагами покончил Эйстейн и позволил своим солнцезащитным очкам снова соскользнуть со лба на глаза.

— Брось, Бернтсен, — сказал он. — Ты, должно быть, уже читал это.

Трульс что-то проворчал в ответ и отложил распечатку.

— Что нам делать, если это словно искать иголку в стоге сена? — спросил он. — Сложить лапки и предоставить всё Братт и Ларсену?

— Не совсем так, — сказал Харри. — На самом

деле это ничего не меняет. Мы и ранее предполагали, что Бертина была убита тем же способом, что и Сюсанна.

— Но мы должны честно признать, что это противоречит твоим интуитивным ощущениям, что это рационально мыслящий убийца с рациональным мотивом, — сказал Эуне. — Необязательно отрезать голову жертве или красть её мозг, чтобы ввести полицию в заблуждение и заставить её поверить, что это убийство на сексуальной почве со случайными жертвами. Есть способы нанесения увечий, которые требуют меньше усилий и точно так же оставляют впечатление об убийце, как о человеке, не имеющем никакой связи с жертвами.

— Хм.

— Не говори мне «хм», Харри. Слушай. Если цель убийцы — ввести нас в заблуждение, то он потратил слишком много времени на месте преступления, и тем самым подверг себя большему риску, чем нужно. Мозги — это его трофеи, и теперь мы наблюдаем типичные признаки того, что он совершенствует свой метод, отрезав полностью голову жертвы и забрав её с собой вместо того, чтобы разрезать и зашить скальп обратно прямо на месте преступления. Харри, всё

это двигается, звучит, пахнет и походит на ритуальное убийство с целым спектром сексуальных подтекстов и намёков. Вот что это такое!

Харри медленно кивнул. Повернулся к Эйстейну, который вскрикнул «Эй!», когда Харри снял с него солнцезащитные очки и надел их на себя.

— Не хочу ничего говорить, — сказал Харри, — но ты стащил их у меня. Я оставил их в кабинете после вечеринки в стиле пауэр-поп в баре «Ревность», на которой ты отказался играть «R.E.M.».

— Потому что мы должны были играть классику пауэр-попа. А что до очков, кто нашёл — тот и хозяин.

— Даже когда их «нашли» в ящике стола?

— Словно дети малые, — вздохнул Эуне.

Эйстейн попытался снять с Харри очки, но тот оказался быстрее и отодвинул голову назад.

— Успокойся, я верну их обратно, Эйстейн. Давай, лучше расскажи нам, что узнал.

Эйстейн вздохнул

— Итак, я поговорил с коллегой, который продаёт кокаин…

— Водители такси продают кокаин? — с удивлением спросил Эуне.

Эуне и Эйстейн посмотрели друг на друга.

— Есть что-то, о чём ты мне не говорил? — спро-

сил Эуне, переведя свой взгляд на Харри.

— Да, — ответил Харри. — Продолжай, Эйстейн.

— Он свёл меня с постоянным дилером Рё. Парнем, которого мы будем звать Эл. И он действительно был на той вечеринке. Но он сказал, что его опередил другой человек, у которого был такой «примо бланко»[29], что Элу просто пришлось тихо уйти в тень. Я спросил, кто это был, но Эл его не знал, на его лице была медицинская маска для лица и солнцезащитные очки. Самое странное, сказал Эл, что, несмотря на то, что у него была самая лучшая, чистейшая дурь, которую он когда-либо нюхал в Осло, парень вёл себя как любитель.

— Это как?

— Это сразу замечаешь. Профессионалы расслаблены, потому что знают, что делают, и в то же время постоянно мониторят, что происходит вокруг, как антилопы на водопое. Они знают, в каком кармане у них лежит товар, и, если появятся копы, могут избавиться от него за две секунды. Эл сказал, что этот парень нервничал, смотрел только на человека, с которым разговаривал,

[29] Примечания: 29

Primo blanco — с итальянского «первый белый», первоклассный товар.

и ему приходилось рыться в карманах, чтобы найти пакеты. Но самым дилетантским было то, что он мало разбавил продукт, если вообще это сделал. А ещё он раздавал бесплатные дозы.

— Всем подряд?

— Нет, нет. Я имею в виду, это же была шикарная вечеринка. Ну знаешь, там были люди из приличного общества. Некоторые из них употребляют кокаин, но не на глазах у соседей. Они пошли с Рё в его квартиру — парень в маске, две девушки и Эл. Парень выложил несколько дорожек на стеклянном столе в гостиной, что выглядело так, словно он учился этому по роликам на Ютубе, и сказал, что Рё должен это протестировать. Но Рё, будучи истинным джентльменом, сказал, что сначала должны попробовать его гости. Тогда Эл захотел сделать это, я имею в виду, он захотел затестить этот товар. Но парень в маске схватил Эла за руку и оттащил его от стола, расцарапал ему руку так сильно, что пошла кровь, похоже, совсем запаниковал. Элу пришлось успокоить парня. Парень сказал, что это только для Рё, но тот сказал, что в его доме люди должны вести себя прилично, и что девушки пробуют первыми, иначе он может убираться ко всем чертям. И тогда парень пошёл на попятную.

— Эл знал этих девушек?

— Нет. И да, я спросил у него, не те ли это две пропавшие девушки, но он даже не слышал о них.

— Вот как? — удивился Эуне. — О них говорят уже несколько недель во всех новостях.

— Да, но наркоманы живут — как бы это сказать? — в другом мире. Эти ребята не знают, кто премьер-министр Норвегии, например. Но, поверь мне, они знают цену в каждом норвежском городе за грамм каждого чёртова наркотика, которым наш господь благословил эту планету. Поэтому я показал Элу фотографии девушек, и ему показалось, что он узнал их. По крайней мере Сюсанну, которой, как он думает, он продавал раньше немного экстази и кокса, но он не был уверен. Как бы то ни было, каждая из девушек попробовала по очереди, а затем настала очередь Рё. Но потом вошла его жена и начала кричать о том, что он обещал завязать. А Рё пофиг, он уже засунул соломинку в нос, делает вдох, вероятно, планируя втянуть все оставшиеся дорожки за один присест, а потом… — Эйстейн начал хихикать. — Потом… — Он наклонился вперёд, не в силах удержаться от смеха, вытирая слёзы.

— А потом? — нетерпеливо сказал Эуне.

— А потом этот идиот *чихает*! Смахивает весь кокаин со стола, оставляя только слёзы и сопли по всему стеклянному столу. Он в отчаянии смотрит на парня в маске и просит добавить несколько новых дорожек? Но у парня больше ничего нет, это был весь его товар, и он тоже в отчаянии и бросается на колени, чтобы попытаться спасти то, что может. Но балконная дверь открыта, и дует сквозняк, и теперь порошок повсюду, и там, и тут. Ты можешь поверить в это дерьмо?

Эйстейн откинул голову назад и расхохотался. Трульс рассмеялся своим хриплым смехом. Даже Харри расплылся в улыбке.

— И Эл идёт с Рё на кухню, где жена их не увидит, открывает свою сумку и делает для Рё несколько дорожек из белого порошка. И да, я забыл сказать, что у парня в маске порошок был не совсем «бланко», не белого цвета, это был зелёный кокаин.

— Зелёный?

— Да, — сказал Эйстейн. — Вот почему Элу так хотелось его затестить. Я слышал, что в Штатах его можно найти на улице, но в Осло его никто никогда не видел. На улице в самом чистом «бланко», который вы можете купить, максимум сорок пять процентов кокаина, но, говорят, что

в зелёном его намного больше. Очевидно, цвет товара обусловлен содержанием в порошке листьев коки.

Харри повернулся к Трульсу.

— Зелёный кокаин?

— Не смотри на меня так, — сказал Трульс, — я понятия не имею, как он там оказался.

— Чёрт возьми, это был ты? — спросил Эйстейн. — Незнакомец в маске и солнцезащ…

— Заткнись! Из нас двоих ты чёртов толкач, а не я.

— Почему бы и нет? — сказал Эйстейн. — Это гениально! Ты конфискуешь товар, а затем разбавляешь его, как мы раньше наполняли водой бутылки с водкой из минибаров в отцовских кабинетах. А потом ты лично продаёшь товар, чтобы исключить…

— Я не конфисковал товар! — лоб Трульса стал темно-красным, глаза выпучились. — И я не разбавлял. Чёрт возьми, я даже не знаю, что такое левамизол!

— О? — сказал Эйстейн, светясь от удовольствия. — Тогда откуда ты знаешь, что его смешивали с левамизолом?

— Потому что так сказано в отчёте, а отчёты есть в электронной полицейской базе, — взревел

Трульс.

— Прошу прощения.

Они все повернулись к двери, в проёме которой стояли две медсестры.

— Приятно, что у Столе так много посетителей, но мы не можем допустить, чтобы его и Джибрана чрезмерно беспокоили…

— Извини, Кари, — сказал Эуне. — Понимаешь, ситуация может немного накалиться, когда обсуждаются наследственные дела. Ты так не думаешь, Джибран?

Джибран поднял голову и снял наушники.

— Что?

— Мы мешаем тебе?

— Вовсе нет.

Эуне улыбнулся старшей медсестре.

— Что ж, в таком случае… — сказала она, поджав губы, и укоризненно посмотрела на Трульса, Эйстейна и Харри, прежде чем закрыть за собой дверь.

Катрина посмотрела вниз, на тела Сюсанны и Бертины. И снова её поразило то, как выглядят лишённые жизни тела, лежащие на столах так, что можно поверить в существование души. В нечто такое, во что она определённо не верила, но на что надеялась. Это нечто, в конце концов,

является движущей силой всех религий и мистицизма. Две женщины были обнажены, их кожа имела оттенки белого, синего и даже чёрного, главным образом из-за того, что кровь и телесные жидкости осели в самых нижних частях тела. Началось разложение, и отсутствие головы у Бертины усиливало ощущение, что она смотрит на статуи, безжизненные предметы, которым что-то живое некогда придало форму. В комнате для вскрытия находилось семь живых людей: Катрина, патологоанатом, Скарре из отдела убийств, Сон Мин Ларсен, женщина-детектив из Крипоса, Александра Стурдза и её ассистент по судебно-медицинским экспертизам.

— Мы не обнаружили никаких признаков насилия или борьбы, предшествовавших смерти, — заговорила патологоанатом. — Причины смерти. Сюсанне перерезали горло, затронув сонную артерию. Бертина, вероятно, была задушена. Я говорю «вероятно», потому что многие признаки, которые мы могли обнаружить, будь у нас её голова, отсутствуют. Но следы на нижней части её шеи указывают на удушение ремнём или верёвкой, что привело к гипоксии. В их крови или моче не было обнаружено следов каких-либо веществ, свидетельствующих о том, что они были нака-

чаны наркотиками. На одном из сосков жертвы была обнаружена засохшая слюна и слизь.

Она указала на тело Сюсанны.

— Насколько мне известно, данное тело уже было исследовано…

— Да, — сказала Александра.

— Кроме того, мы не нашли материала чужеродного ДНК на телах жертв. Поскольку были версии об изнасиловании, мы уделили особое внимание поиску его следов. На руках, ногах или шеях нет следов от крепко сжимавших их пальцев, нет следов укусов или засосов. Никаких ран или кровоподтёков на запястьях или лодыжках. У одной жертвы нет головы, поэтому мы ничего не можем сказать о её ушных раковинах.

— Простите? — переспросила женщина-детектив из Крипоса.

— Жертвы насилия, — пояснила Александра, — часто получают ранения в области ушей.

— Также мы не можем ничего сказать о возможных петехиях, — сказала патологоанатом, указывая на голову Сюсанны. — У первой жертвы этого обнаружено не было.

— Маленькие бесцветные пятна вокруг глаз или нёба, разрывы артерий, — объяснила Александра.

— Ни у одной из жертв нет видимых повреждений labia minora, — продолжила патологоанатом.

— Малых половых губ, — перевела Александра.

— Также не было никаких следов от ногтей на шее или царапин на коленях, бёдрах или спине. В остальном, во влагалище Бертины есть микроскопические отметины, но они такого порядка, что вполне могли появиться из-за секса по обоюдному согласию. Словом, ни у одной из них нет никаких существенных доказательств, указывающих на изнасилование.

— Но это не значит, что изнасилования *не могло* быть, — добавила Александра.

Взгляд, которым патологоанатом одарила Александру, заставил Катрину заподозрить, что им, возможно, предстоит разговор о соблюдении субординации после того, как все разойдутся.

— Итак, никаких травм, — сказала Катрина. — И никакой спермы. Почему же тогда вы так уверены, что у них обоих был половой акт?

— Предохранение, — сказал другой ассистент по судебно-медицинским экспертизам, Хельге как-его-там, милый парень, который до сих пор молчал и который, как инстинктивно поняла Катрина, был в самом низу иерархии из трёх

присутствующих медиков.

— Был презерватив? — спросил Скарре.

— Да, — ответил Хельге. — Когда мы не находим сперму, мы ищем следы презерватива. В основном следы ноноксинола-9, вещества, содержащегося в смазке, но, очевидно, это был презерватив без смазки. Вместо этого мы обнаружили следы мелкодисперсного порошка с презерватива, который предотвращает слипание латекса. Состав порошка уникален для каждого производителя. Порошок этого бренда — «Бодифул» — был одинаков для Сюсанны и Бертины.

— Это один и тот же порошок? — уточнил Сон Мин.

— Нельзя утверждать наверняка, — сказал Хельге. — Конечно, вполне возможно, что у них не было полового акта с одним и тем же мужчиной, но…

— Понятно, — сказал Сон Мин. — Спасибо.

— Основываясь на данных результатах, есть ли какой-нибудь способ определить, когда произошёл половой акт? — спросила Катрина.

— Нет, — твёрдо сказала патологоанатом. — Всё, что мы вам рассказали, за вычетом подробностей о порошке для презервативов, вы можете найти в отчёте, который мы приложили к материалам

дела в базе BL96 непосредственно перед вашим прибытием.

Последовавшую паузу прервал Хельге, теперь его голос звучал более осторожно.

— Возможно, мы не сможем *точно* сказать, когда, но… — он бросил быстрый взгляд на патологоанатома, словно спрашивая разрешения, прежде чем продолжить, — кажется правильным предположить, что в обоих случаях половой акт произошёл незадолго до их смерти. Возможно, после.

— Продолжай.

— Если бы они были живы после полового акта, функции их организма уничтожили бы следы презервативов. Живое тело впитало бы их в течение нескольких дней, возможно, трёх. Но в мёртвом теле сперма и порошок презерватива хранятся дольше. Вот теперь… — он сглотнул и слегка улыбнулся, — всё.

— Ещё вопросы есть? — спросила патологоанатом. Она подождала пару секунд, прежде чем хлопнуть в ладоши. — Что ж. Как говорят в одном фильме: «Если найдёте ещё тела, просто позвоните нам»[30].

---

[30] Примечания: 30

Цитируется название норвежского фильма 1970 года «Skulle det dukke opp flere lik er det bare å ringe».

Только Скарре рассмеялся. Катрина не была уверена, было ли это потому, что он был единственным из них, кто был достаточно взрослым, чтобы помнить этот фильм, или же нездоровый юмор работал лучше всего, когда рядом не было трупов.

Она почувствовала, как завибрировал её телефон, и посмотрела на дисплей.

Глава 21

Среда
Напряжение возрастает

Катрине пришлось с силой повернуть руль пятидесятилетнего «Вольво-Амазона», когда она затормозила перед входом в клинику «Радиум».

Она припарковалась рядом с тем местом, где стоял высокий бородатый мужчина.

Видела, как Харри колеблется, прежде чем открыть дверь и сесть на пассажирское сиденье.

— Ты сохранила машину, — сказал он.

— Бьёрн её так любил, — сказала она, похлопав приборную панель. — Очень за ней ухаживал. Работает как часы.

— Это классический автомобиль, — сказал Харри. — К тому же опасный.

Она улыбнулась.

— Ты думаешь о Герте? Расслабься, я пользуюсь ей только в городе. Мой тесть заглядывает и возится с ней, и… она пахнет Бьёрном.

Она понимала, о чём он думает. *«В этой машине застрелился Бьёрн».* Да, так и было. На этом автомобиле, который Бьёрн так любил и на ко-

тором отправился за город, он выехал на прямой участок дороги вдоль поля в Тутене. Возможно, об этом месте у него были тёплые воспоминания. Была ночь, он перебрался на заднее сиденье. Некоторые считали, что он поступил так, потому что его кумир Хэнк Уильямс умер на заднем сиденье машины, но она подозревала, что это было потому, что он не хотел испортить водительское сиденье. Чтобы она могла и дальше ей пользоваться. Так что она *должна* ей пользоваться. Да, она знала, что это безумие. Но если она таким образом наказывала себя за то, что обманула хорошего человека, заставив его поверить, что её ребёнок от него, человека, который всегда был добр, слишком добр, что с того? Он любил её до безумия и всегда сомневался, что она и правда его любит, он даже дошёл до того, что прямо спросил её, почему она не выбрала равного себе мужчину. Нет, это наказание она с радостью принимала.

— Хорошо, что ты смогла так быстро добраться сюда, — сказал он.

— Я была неподалёку от Института судебной медицины. Так в чём дело?

— Я только что обнаружил, что мой водитель не совсем трезв, а мне нужно в одно место, куда ты можешь меня провести.

— Звучит не очень многообещающе. Куда бы ты хотел попасть?

— Места преступлений, — сказал он. — Я хочу их увидеть.

— Ни единого шанса.

— Ну давай же. Мы нашли вам Бертину.

— Я это понимаю, но я ясно дала понять, что мы не вознаграждаем за наводки.

— Да. Они всё ещё оцеплены?

— Да, так что нет, ты не можешь пройти туда сам.

Харри посмотрел на неё с чем-то вроде скрытого отчаяния. Она узнала этот взгляд, узнала эти чёртовы бледно-голубые глаза, сейчас чуть более широкие, чем обычно, тело, которое не могло долго усидеть на одном месте. Будто у него муравьи под кожей, будто у него мания. Или это было нечто большее? Она никогда раньше не видела его таким взволнованным, словно это дело было вопросом жизни и смерти. Так оно, конечно, и было, но не его жизни или смерти. Или?.. Нет, конечно, это была просто мания. Что означало, он должен — должен — охотиться.

— Мм. Тогда отвези меня к бару «Шрёдер».

Или должен выпить.

Она вздохнула. Проверила время.

— Как тебе удобно. Ничего, если по дороге я заберу Герта из детского сада?

Он поднял бровь. Взглянул на неё, как бы говоря, что подозревал, что у неё были скрытые мотивы. Которые, конечно, вполне могли у неё быть: никогда не повредит напомнить мужчине, что у него есть ребёнок. Она включила передачу и уже отпускала капризное сцепление, когда зазвонил её телефон. Она посмотрела на дисплей и снова вернула машину на нейтральную передачу.

— Извини, я должна ответить, Харри. Да, Братт на связи.

— Ты читала, что только что написал «Дагбладет»? — по меркам большинства людей главный суперинтендант совсем не казалась раздражённой. Но Катрина знала, что по меркам Бодиль Меллинг её босс в ярости.

— Если под «только что» ты имеешь в виду…

— Новость появилась на их сайте шесть минут назад, снова этот Воге. Он пишет, что судебно-медицинская экспертиза показала, что обе девушки занимались сексом незадолго до или после того, как их убили, и что при этом использовался презерватив, вероятно для того, чтобы не оставить следов ДНК. Откуда он это знает, Братт?

— Я не знаю.

— Что ж, тогда позволь мне тебе рассказать. Кто-то из наших сливает информацию Воге.

— Извини, — сказала Катрина. — Я неточно выразилась. Сливает — и *это* очевидно. Я хотела сказать, что не знаю — *кто* сливает.

— И когда ты планируешь это выяснить?

— Трудно сказать, босс. На данный момент мой приоритет —найти убийцу, который, насколько нам известно, может быть в поиске следующей жертвы.

На другом конце провода повисла тишина. Катрина закрыла глаза и мысленно прокляла себя. Она никогда не научится.

— Я только что разговаривала с Винтером по телефону, и он исключает из круга подозреваемых всех сотрудников Крипоса. Я склонна с ним согласиться. Таким образом, это ты должна найти человека, причастного к утечкам, и заткнуть ему рот, Братт. Ты слышишь меня? Из-за этого мы все выглядим круглыми идиотами. А теперь я собираюсь позвонить начальнику полиции, прежде чем он позвонит мне, чтобы задать вопросы. Держи меня в курсе.

Меллинг повесила трубку. Катрина перевела взгляд на телефон Харри, который он протягивал

ей. Это был сайт «Дагбладет». Она бегло прочитала комментарий Воге.

«Обнаружение Бертины указывало на убийство на сексуальной почве, но исследование, результаты которого представили сегодня в Институте судебной медицины, не подтверждает эту версию и не снимает подозрений с Маркуса Рё. Магнат недвижимости имел сексуальные отношения как с Сюсанной Андерсен, так и с Бертиной Бертильсен, и — насколько известно полиции — является единственным человеком, связывающим двух женщин вместе. Источники говорят, что следователи рассматривали версию, мог ли Рё заказать убийства с условием, чтобы они были похожи на нападения на сексуальной почве, а не на наёмные убийства».

— Этот парень и впрямь неравнодушен к Рё, — сказала она.

— А вы? — спросил Харри.

— Что мы?

— Предполагали, что убийства лишь внешне имитируют убийства на сексуальной почве?

Она пожала плечами.

— Не слышала о подобном. Бьюсь об заклад, это собственное предположение Воге, которое он

приписывает источнику, поскольку знает, что это невозможно проверить.

— Мм.

Они поехали вниз к автомагистрали.

— Что думают твои люди? — спросила она.

— Ну. Большая часть команды думает, что это насильник и серийный убийца, и что связь между двумя жертвами случайна.

— Потому что?..

— Потому что у Маркуса Рё есть алиби, а наёмные убийцы не занимаются сексом со своими жертвами. А что думают твои люди?

Катрина взглянула на дорогу в зеркало заднего вида.

— Хорошо, Харри, я скажу тебе кое-что. То, о чём Воге не пишет: один из ассистентов по вскрытию обнаружил при вскрытии в обеих девушках один и тот же тип порошка, которым покрывают презервативы. Что означает, что это один и тот же преступник.

— Интересно.

— Также Воге не упоминает в статье, что судмедэксперты не исключают изнасилования девушек, хотя явных признаков на телах найдено не было. По статистике, они присутствуют только в одном из трёх случаев. Мелкие травмы только

в половине изнасилований. В остальных случаях ничего не находят.

— Думаешь, это как раз такой случай?

— Нет. Я думаю, это потому, что жертвы были мертвы до того, как произошёл половой акт.

— Мм. Возбуждение начинается со смерти.

— Что?

— Кое-что, о чём говорил Эуне. У садистов сексуальное возбуждение возникает от страданий и пропадает, когда жертва умирает. У некрофилов же возбуждение возникает, когда жертва мертва.

— Итак, будем считать, что ты всё-таки вознаграждён.

— Спасибо. А что вы думаете о следах ботинок на месте происшествия?

— Кто сказал, что там были следы ботинок?

Харри пожал плечами.

— Места преступлений находятся в лесу, где, я полагаю, земля мягкая. За последние несколько недель практически не было дождя, так что очевидно, что следы от ботинок должны быть.

— У них одинаковый рисунок подошвы, — сказала Катрина после некоторого колебания. — Следы жертвы и предполагаемого преступника расположены близко друг к другу, как будто он

удерживал её или угрожал оружием.

— Мм. Или наоборот.

— Что ты имеешь в виду?

— Может быть, они шли обнявшись. Как пара. Или как два человека, которые собираются заняться сексом по обоюдному согласию.

— Ты серьёзно?

— Если бы я кому-то угрожал оружием, я шёл бы за ним.

— Ты веришь, что девушки знали своего убийцу?

— Может быть. А может и нет. Во что я не верю, так это в совпадения. Сюсанна пропала через четыре дня после вечеринки в доме Рё, а Бертина — неделей позже. Они встретили убийцу там. На вечеринке был мужчина, которого, я полагаю, нет в вашем списке гостей.

— М?

— Парень в медицинской маске и солнцезащитных очках, торгующий кокаином?

— Никто из опрошенных не упоминал о ком-то подобном. Впрочем, это и не удивительно, если он продавал гостям кокаин.

— Или это оттого, что безликие люди быстро забываются. Он не продавал, а раздавал нескольким гостям образцы чего-то, что, по нашему

мнению, похоже на чистый кокаин.

— Откуда вы знаете?

— Это не важно. Важно то, что он разговаривал и с Сюсанной, и с Бертиной. Ты знаешь кого-нибудь ещё, кто на вечеринке разговаривал с обеими девушками?

— Только Маркус Рё, — Катрина включила поворотник и снова посмотрела в зеркало. — Думаешь, этот парень подцепил их обеих на вечеринке и убедил отправиться с ним на прогулку по лесу?

— Почему нет?

— Я не знаю, но я не вижу в этом смысла. Одно дело, когда Сюсанна отправляется с парнем, которого только что встретила на вечеринке, искать приключения в лесу. Который ещё и торговал кокаином в придачу. Но то, что Бертина неделю спустя добровольно отправляется в лес в Скюллерюде с едва знакомым человеком, в то время как в газетах писали, что в последний раз Сюсанну видели в Скюллерюде? К этому моменту Бертина же должна была понимать, что все трое были на одной и той же вечеринке. Нет, Харри, я на это не куплюсь.

— Окей. Так что думаешь ты?

— Я думаю, мы ищем серийного насильника.

— Серийного убийцу.

— Совершенно верно. Быстрые убийства, некрофилия. Мозг вырезан, голова отрублена, тело подвешено, как туша убитого животного. Это я бы назвала ритуальным убийством, совершённым серийным убийцей.

— Мм, — ответил Харри. — Почему порошок от презерватива?

— Что?

— В преступлениях сексуального характера такого типа обычно ищут смазку, а не порошок, когда пытаются идентифицировать презерватив, не так ли?

— Да, но в данных случаях смазка не использовалась.

— Точно. Ты работала в отделе нравов. Разве серийные насильники — те из них, что достаточно умны, чтобы воспользоваться презервативом — не используют смазку?

— Да, но это насильники, Харри, они не действуют по одинаковому сценарию, а ты просто занудствуешь.

— Ты права, — сказал Харри. — Но пока я не увидел и не услышал ничего, что позволило бы нам исключить версию, что Бертина и Сюсанна занялись с убийцей сексом по взаимному согласию прямо перед тем, как он их убил.

— Помимо того, что это… крайне необычно. Не так ли? Ты здесь эксперт по серийным убийцам.

Харри потёр тыльную сторону шеи.

— Да, это необычно. Убийство после изнасилования не так уж необычно, будь то часть сексуальной фантазии убийцы или попытка избежать опознания. Но убийство после секса по взаимному согласию случается только в исключительных случаях. Нарцисс может убить, если он был каким-то образом унижен во время акта, например, если он оказался не в состоянии его совершить.

— Следы от презерватива указывают на то, что ему всё же удалось его совершить, Харри. Я скоро вернусь.

Харри кивнул. Они остановились в нижней части улицы Хегдехаугсвейнен, и он наблюдал, как Катрина быстро шла к воротам, где дети в зимних комбинезонах повисли на заборе, ожидая, когда их заберут.

Она исчезла за воротами, но через несколько минут появилась, держа за руку Герта. Он услышал звук нетерпеливого детского голоса. Сам Харри, судя по всему, был тихим ребёнком.

Дверь машины открылась.

— Пвивет, Хавви.

Герт наклонился вперёд с заднего сиденья и обнял Харри, прежде чем Катрина усадила его обратно в детское кресло.

— Привет, старина, — сказал Харри.

— Ставина? — спросил Герт, глядя на мать.

— Он прикалывается над тобой, — сказала Катрина.

— Ты пвикалываисся, Хавви!

Герт от души рассмеялся, и, взглянув в зеркало, Харри вздрогнул, увидев в этом смехе нечто знакомое. Не себя. Не своего отца. А свою мать. У него была улыбка матери Харри.

Катрина села за руль.

— К «Шрёдеру»? — спросила она.

Харри покачал головой.

— Я выйду у твоего дома, а потом прогуляюсь.

— Прогуляешься к «Шрёдеру»?

Харри не ответил.

— Я тут подумала, — сказала она. — Я хочу попросить тебя об услуге.

— Да?

— Знаешь этих лыжников и просто людей, которые отправляются на Южный полюс, а затем берут кучу денег за свои выступления для вдохновения людей?

Волна слегка покачивала паром до Несодде-

на[31].

Харри огляделся. Пассажиры на соседних сиденьях уставились в свои телефоны, надев наушники, читали книги или смотрели на фьорд Осло. В дороге домой с работы, колледжа или прогулки по магазинам в городе. Никто не выглядел так, будто они были на свидании со своим партнёром.

Харри посмотрел на свой телефон, на последний отчёт судмедэкспертов, снимки которого сделал Трульс и разослал всем им. Он прочитал его во время перекуса в столовой клиники «Радиум», после того как написал Катрине сообщение, с просьбой приехать и забрать его. Чувствовал ли он себя виноватым, делая вид, что ничего не знает о её посещении Института судебной медицины? Не особо. К тому же, ему не пришлось делать вид, что он не в курсе информации о порошке от презерватива и некрофилии, этого не было в отчёте. Не было этого и в статье Воге. Иными словами, информатор Воге не был из тех, кто находился в тот момент в институте, иначе в своём рассказе он упомянул бы то, чего не было в отчёте. Но Воге добавил, что некоторые следователи полагали,

---

[31] Примечания: 31

Несодден — коммуна, находящаяся на полуострове напротив Осло.

будто убийство было подстроено так, чтобы всё выглядело как работа серийного убийцы, чтобы скрыть то, чем оно было на самом деле.

Порошок от презерватива.

Харри задумался.

Затем напечатал букву «Т».

— Да?

— Привет, Трульс, это Харри.

— Да?

— Я не отниму у тебя много времени. Я разговаривал с Катриной Братт, и оказалось, что не всё, что обнаружил Институт судебной медицины, попало в отчёты.

— Вот как?

— Ага. Она поделилась со мной одной деталью, которую наверняка будет обсуждать следственная группа в полиции, но о которой не знаем мы.

— И это?

Харри колебался. Порошок от презерватива.

— Татуировка, — сказал он. — Убийца срезал татуировку «Луи Виттон», которая была у Бертины на лодыжке, и снова пришил её.

— Как скальп Сюсанны Андерсен?

— Ага, — ответил Харри. — Но не это главное. Важно, чтобы ты нашёл способ узнавать о таких вещах в будущем.

— Штуках, которых нет в отчётах? Тогда мне придётся общаться с людьми.

— Мм. Мы не хотим оставлять это на волю случая. Я не жду каких-либо предложений сходу, но подумай об этом, и поговорим завтра.

Трульс хмыкнул.

— Хорошо.

Они повесили трубку.

Когда судно пришвартовалось, Харри остался сидеть, наблюдая, как другие пассажиры выходят и сходят на берег.

— Не выходите? — спросил контролёр, осматривая пустой салон.

— Не сегодня, — ответил Харри.

— Повторите, — сказал Харри, указывая на бокал.

Бармен приподнял бровь, но взял бутылку «Джим Бима» и налил.

Харри опрокинул его.

— И ещё.

— Тяжёлый день? — спросил бармен.

— Пока нет, — ответил Харри, прежде чем взять стакан и пойти к тому же столу, за которым он видел сидящим вокалиста «Турбонегро». Заметил, что уже слегка нетвёрдо стоит на ногах. По пути он прошёл мимо мужчины, сидевшего к нему

спиной, и почувствовал запах, который напомнил ему о Люсиль. Он скользнул на диван. Был ранний вечер, гостей ещё немного. Люсиль, где она сейчас? Вместо того, чтобы выпить лишний бокал, он мог пойти в свою комнату перечитывать отчёты, выискивать ошибку, зацепку. Он посмотрел на стекло. Песочные часы. Пять дней плюс несколько часов до того, как он снова кого-нибудь подведёт. Да, это была история его жизни. Какого черта, скоро у него всё равно не останется никого, кого можно было бы подвести. Он поднял стакан.

В бар вошёл мужчина и огляделся. Увидел Харри. Они обменялись короткими кивками, затем мужчина направился в сторону Харри и сел на стул по другую сторону низкого стеклянного стола.

— Добрый вечер, Крон.

— Добрый вечер, Харри. Как идут дела?

— С расследованием? Всё идёт хорошо.

— Хорошо. Значит ли это, что у тебя есть зацепка?

— Нет. Что привело тебя сюда?

Адвокат выглядел так, будто собирался задать следующий уточняющий вопрос, но передумал.

— Я слышал, ты сегодня звонил Хелене Рё. Что

вы двое собираетесь поговорить.

— Так точно.

— Я просто хотел обратить твоё внимание на пару моментов до того, как этот разговор состоится. Прежде всего, её отношения с Маркусом не из лучших в данный момент. Тому может быть несколько причин. Например…

— Кокаиновая зависимость Маркуса?

— Я ничего об этом не знаю.

— Нет, ты знаешь.

— Я думал о том, что со временем они отдалились друг от друга. И что всё это общественное внимание, которое привлёк Маркус из-за этих убийств, особенно из-за статей «Дагбладет», не улучшило ситуацию.

— Что ты пытаешься сказать?

— Хелена находится в состоянии сильного стресса, и я не исключаю, что она может сказать что-то, что выставит её мужа в дурном свете. Как в отношении его личности в целом, так и в отношении его связи с мисс Андерсен и мисс Бертильсен в частности. Не то, чтобы это меняло факты дела, но, если эта информация попадёт в прессу, в «Дагбладет», это станет несчастьем для моего… или, вернее, для *нашего* клиента.

— Значит, ты пришёл предупредить меня, что-

бы я не слил возможные сплетни?

Крон слегка улыбнулся.

— Я просто говорю, что этот Терри Воге использует всё, до чего сможет дотянуться, чтобы очернить Маркуса.

— Потому что?..

Крон пожал плечами.

— Очень давняя история. Это было в те дни, когда Маркус просто вкладывал понемногу денег туда и сюда ради удовольствия. В то время он также был председателем правления одной бесплатной газеты, для которой писал Воге. Когда Комиссия по жалобам на прессу обнаружила, что газета нарушила кодекс поведения из-за историй, сочинённых Воге, правление уволило его. Это имело огромные последствия для его жизни и карьеры, и он, очевидно, так и не простил Маркуса.

— Мм. Я буду иметь это в виду.

— Хорошо.

Крон продолжал сидеть.

— Да? — сказал Харри.

— Я понимаю, если ты не хочешь это выкапывать, но есть тайна, связывающая нас с тобой.

— Ты прав, — сказал Харри, делая глоток своего напитка. — Я не хочу её выкапывать.

— Конечно. Я просто хотел сказать, что я всё

ещё верю, что мы поступили правильно.

Харри посмотрел на него.

— Мы позаботились о том, чтобы мир избавился от ужасного, злого человека, — сказал Крон. — Он был, впрочем, моим клиентом…

— И невиновным, — невнятно пробормотал Харри.

— В убийстве твоей жены — возможно. Но он был виновен в разрушении многих других жизней. Слишком многих. Молодых. Невинных людей.

Харри изучал Крона. Они вдвоём позаботились о том, чтобы Свейн Финне, человек с многочисленными судимостями за изнасилования, был убит, а убийство Ракель было повешено на него. Мотивом Крона были угрозы, которые Финне делал ему и его семье, в то время как мотивом Харри было желание, чтобы настоящий убийца Ракель, и причина, по которой он это сделал, так и не была раскрыта.

— В то время как Бьёрн Хольм, — сказал Юхан Крон, — был всего лишь хорошим человеком. Хорошим другом, хорошим мужем. Не так ли?

— Да, — сказал Харри, чувствуя, что начинает ощущать ком в горле. Он подал знак бармену, подняв пустой стакан.

Крон глубоко вздохнул.

— Причина, по которой Бьёрн Хольм убил женщину, которую ты любил, вместо тебя, заключалась в том, что это был единственный способ заставить тебя страдать так же, как страдал он.

— Довольно, Крон.

— Я пытаюсь сказать, Харри, что это одно и то же. Терри Воге хочет опозорить Маркуса Рё так же, как был опозорен он сам. Дать ему почувствовать общественное осуждение. Это может сломать человека, понимаешь? Заставить покончить с жизнью. У меня самого были клиенты, которые так поступали.

— Маркус Рё — это не Бьёрн Хольм, он нехороший человек.

— Возможно, нет. Но он невиновен. Во всяком случае, в этом деле.

Харри закрыл глаза. *«Во всяком случае, в этом деле».*

— Спокойной ночи, Харри.

Когда Харри открыл глаза, Юхан Крон уже покинул бар, а на столе стояла его выпивка.

Он попытался пить медленно, но этого было недостаточно, поэтому он опрокинул и этот стакан. Вскоре заказав ещё, всего ещё один.

Вошла женщина. Стройная, в красном платье, с

тёмными волосами, гибкой спиной. Было время, когда он повсюду видел Ракель. Но не теперь. Да, он скучал по ней, даже по ночным кошмарам. Словно почувствовав его взгляд на своей обнажённой пояснице, женщина у стойки обернулась и посмотрела в его сторону. Лишь на короткий миг, прежде чем отвернуться обратно. Но он успел увидеть. Взгляд лишённый интереса, лишь с лёгкой жалостью. Взгляд, говорящий о том, что сидящий на диване — одинокая душа. С таким вы не хотели бы иметь ничего общего.

Харри не мог вспомнить, как он попал в свою комнату, когда заползал в постель. Как только он закрыл глаза, в его голове закрутились всё те же две фразы.

«Заставить тебя страдать так же, как он».

«Невиновный. Во всяком случае, в этом деле».

Телефон зазвонил, и экран загорелся в темноте. Он повернулся и взял его с тумбочки. Это было MMS-сообщение с номера с префиксом +52. Он без труда догадался, что это Мексика, потому что на снимке было лицо Люсиль на фоне стены с облупившейся краской. Без макияжа она выглядела старше. Она повернула к камере одну сторону своего лица, которая, как она утверждала, была красивее. Несмотря на бледность, она улыбалась,

как будто утешая человека, который, как она понимала, получит этот снимок. И ему пришло в голову, что это такое же доброе сожаление, как и на лице его матери в тот раз, когда она стояла в дверях класса с его коробкой для завтрака.

Текст под фото был коротким.

«5 дней, отсчёт идёт».

Глава 22

Четверг
Долг

Было без пяти десять. Катрина и Сон Мин стояли у входа в конференц-зал, каждый с чашкой кофе в руках. Другие члены следственной группы бормотали приветствия, проходя мимо по пути на утреннее совещание.

— Верно, — сказал Сон Мин. — Итак, Холе считает, что преступник — торговец кокаином, который был на вечеринке?

— Похоже на то, — сказала Катрина, взглянув на часы. Он сказал, что приедет пораньше, а до встречи оставалось четыре минуты.

— Если кокаин был таким чистым, возможно, торговец сам ввёз его контрабандой. Вместе с другими вещами.

— Что ты имеешь в виду?

Сон Мин покачал головой.

— Просто предположение. Недалеко от места происшествия валялся пустой пакетик из-под антипаразитарного средства. Должно быть, его тоже провезли контрабандой.

— Вот как?

— Это средство запрещено. Оно содержит мощные токсины против целого ряда кишечных червей, включая опасные виды.

— Опасные?

— Это паразиты, которые могут убивать собак и заражать людей. Я слышал о паре владельцев собак, которые подхватили их. Поражают печень, очень неприятные последствия.

— Ты хочешь сказать, что убийцей мог быть владелец собаки?

— Который кормит своего питомца антипаразитарным средством на свежем воздухе, прежде чем убить и изнасиловать свою жертву? Нет, конечно.

— Так почему же…?

— Вот именно — почему. Потому что мы хватаемся за соломинку. Ты видела видео, где американские дорожные полицейские останавливают автомобилистов за то, что они немного превысили скорость, или за то, что у них не работает задняя фара? Насколько осторожно они подходят к машине, как будто нарушение правил дорожного движения резко увеличивает вероятность того, что перед тобой закоренелый преступник?

— Да, и я знаю почему. Потому что это действи-

тельно увеличивает вероятность того, что они окажутся преступниками. На эту тему проведено множество исследований.

Сон Мин улыбнулся.

— Вот именно. Нарушители правил. Вот и всё.

— Хорошо, — сказала Катрина, снова проверяя время. Что же произошло? Была опасность, что Харри полностью слетит с катушек. Она это видела по его глазам. Но обычно он всё равно держал своё слово. — Если у тебя с собой этот пакетик, ты должен отнести свою находку в лабораторию.

— Я нашёл его далеко от места происшествия, — сказал Сон Мин. — Мы могли обнаружить в этом радиусе тысячу вещей, которые, проявив немного воображения, могли бы связать с убийством.

Без одной минуты десять.

Она заметила офицера, которого отправила вниз в приёмную, чтобы встретить его. И возвышающегося на голову выше него Харри Холе. Он выглядел более помятым, чем его костюм, и ей показалось, что она уловила нотки алкоголя в его дыхании раньше, чем действительно почувствовала его запах. Катрина заметила, как стоящий рядом Сон Мин рефлекторно выпрямил спину и подтянулся.

Катрина допила остатки кофе.

— Ну что, начнём?

— Как вы можете видеть, у нас посетитель, — сказала Катрина.

Первая часть плана сработала. Усталость и апатия с лиц её коллег словно испарились.

— Он не нуждается в представлении, но для новичков, Харри Холе начинал работать детективом здесь, в отделе убийств, во… — она посмотрела на Харри.

Он скорчил гримасу под бородой.

— Во времена каменного века.

Послышался смех.

— Да, каменного века, — сказала Катрина. — Он сыграл важную роль в раскрытии некоторых из наших самых громких дел. Был преподавателем в Полицейской академии. Насколько мне известно, он единственный норвежец, посещавший курсы ФБР по расследованию серийных убийств в Чикаго. Я хотела включить его в состав этой следственной группы, но не получила разрешения. — Катрина посмотрела на присутствующих. Это был только вопрос времени, когда Меллинг пронюхает, что она ввела Харри в святая святых. — Итак, тем лучше, что Маркус Рё нанял его для расследования убийств Сюсанны и Бертины, а это значит, что задействовано больше специалистов,

даже без участия нашего начальства, — она увидела мягко предостерегающий взгляд Сон Мина и яростный взгляд Магнуса Скарре. — Я пригласила Харри рассказать о подобных убийствах в общих чертах, чтобы мы могли узнать ответы на свои вопросы.

— Первый вопрос! — это был Скарре. Его голос дрожал от негодования. — Почему мы должны слушать, как он рассказывает о серийных убийцах? Это материал для телешоу, а два убийства, совершённых одинаково, не означают…

— Означают, — Харри поднялся со стула в первом ряду, но не развернулся лицом к аудитории. На мгновение показалось, что он покачнулся, как будто мог упасть из-за внезапного перепада кровяного давления, пока не встал более прочно. — Да, это действительно означает, что это серийные убийства.

В конференц-зале воцарилась полная тишина, и Харри сделал два длинных, медленных шага к доске, прежде чем развернуться к аудитории. Слова произносились сначала медленно, затем постепенно начали набирать темп, как будто его губам требовалась разминка.

— Термин «серийное убийство» придумали в ФБР, и его официальное определение — «серия из

двух или более убийств, совершённых одним и тем же преступником в качестве отдельных событий», вот так просто, — он пристально посмотрел на Скарре. — Но хотя это дело по определению является серийным убийством, это не значит, что преступник должен обязательно соответствовать вашим представлениям о серийном убийце из телешоу. Ему не обязательно быть психопатом, садистом или сексуальным маньяком. Он может быть относительно нормальным человеком, как вы или я, с совершенно банальными мотивами, такими как деньги, например. На самом деле, именно корыстные мотивы являются вторыми по распространённости среди мотивов серийных убийц в США. Итак, серийный убийца не обязательно должен быть из тех, кому приказывают голоса в его голове или которыми овладевают неконтролируемое желание убивать снова и снова. Но он может быть таким. Я говорю «он», потому что серийные убийцы, за редким исключением, мужчины. Вопрос в том, может ли тот, кого мы сейчас ищем, быть таким типом серийного убийцы.

— Вопрос в том, — сказал Скарре, — что ты здесь делаешь, если работаешь на частного клиента. Почему мы должны верить, что ты хочешь нам

помочь?

— Ну, а почему бы мне не помочь тебе, Скарре? Мне поручили убедиться — или, по крайней мере, увеличить вероятность — в том, что это дело будет раскрыто. И совсем необязательно то, что именно я стану тем, кто его раскроет. Я вижу, что тебе немного сложно воспринять эту концепцию просто так, Скарре, поэтому позволь мне проиллюстрировать. Если мне поручено спасти людей от смерти во время пожара в здании, и это место уже охвачено пламенем, что мне делать? Воспользоваться своим ведром или позвонить в пожарную часть, расположенную за углом?

Катрина подавила улыбку, но заметила, что Сон Мин этого не сделал.

— Итак, вы пожарная команда, а я звоню вам по телефону. Моя работа состоит в том, чтобы рассказать вам всё, что я знаю об огне. И поскольку я немного разбираюсь в пожарах, я расскажу вам, что, по моему мнению, является особенным в этом конкретном пожаре. Хорошо?

Катрина увидела, как несколько человек кивнули головами. Остальные переглянулись, но никто не возразил.

— Переходим прямо к тому, что в этом деле особенного, — сказал Харри. — Головы. Или, ес-

ли быть более точным, отсутствующие мозги. И вопрос — как всегда — в том, почему? Зачем вскрывать или отрезать головы жертвам и извлекать мозги? Что ж, в некоторых обстоятельствах ответ прост. В Ветхом Завете есть история о бедной еврейской вдове Юдифи, которая спасает свой осаждённый город, соблазнив вражеского генерала и отрубив ему голову. Цель была даже не убить его, а показать его голову всем, продемонстрировать силу, напугать его войска, которые, конечно же, разбежались. Итак, это рациональный поступок с мотивом, встречаемым на протяжении всей истории войн и который мы наблюдаем по сей день, когда политические террористы распространяют видеозаписи обезглавливаний. Но нам трудно понять, зачем нашему подозреваемому нужно кого-то пугать? В племенах охотников за головами — или, по крайней мере, в мифах о них — мужчины часто хотят получить головы жертв в качестве трофеев или для изгнания злых духов. Или для поддержания бодрости духа. Племена в Новой Гвинее верили, что ты овладеваешь душами жертв, когда отрубаешь им головы. Это может приблизить нас к тому, что мы наблюдаем в этом деле.

Катрина заметила, что, несмотря на то, что Хар-

ри говорил нейтральным, почти ровным тоном, без мимики и драматических жестов, он полностью завладел вниманием присутствующих.

— История серийных убийц полна случаев обезглавливания. Эд Гин отрубал головы своим жертвам и вешал их на столбики кроватей. Эд Кемпер отрезал голову своей матери и занялся с ней сексом. Но, возможно, в нашем случае больше параллелей с Джеффри Дамером, который убил семнадцать мужчин и мальчиков в восьмидесятых годах. Он встречался с ними на вечеринках или в клубах, поил их или давал наркотики. Кое-что, к чему я ещё вернусь, возможно, имело место и в нашем случае. Затем Дамер вёз своих жертв домой. Убивал их, обычно с помощью удушения, пока они были одурманены наркотиками. Занимался сексом с трупами. Расчленял их. Просверливал отверстия в голове, заливал туда различные жидкости, типа кислоты. Отрезал голову. Съедал отдельные части тел. Он рассказал своему психологу, что сохранил головы, потому что боялся быть отвергнутым, и таким образом хотел добиться того, чтобы они никогда не смогли покинуть его. Отсюда и параллель с собирателями душ Новой Гвинеи. Но Дамер пошёл дальше, он верил, что жертвы останутся с ним,

если съесть часть их тела. К слову сказать, психологи полагали, что Дамер не был невменяемым для правосудия, они думали, что он всего лишь страдал некоторыми расстройствами личности. Как и большинство из нас, он мог бы нормально жить в обществе. Другими словами, Дамер был человеком, который мог бы сейчас сидеть среди нас, и совсем необязательно, что мы заподозрили бы его в чём-либо. У тебя вопрос, Ларсен?

— Наш преступник отнял у Сюсанны не голову, а её мозг. У Бертины он отнял и голову, и мозг. Получается, ему нужны мозги? И в этом случае, служат ли мозги трофеями?

— Мм. Мы различаем трофеи и сувениры. Трофеи — это символы того, что ты победил свою жертву, и в таких случаях часто используются головы. Сувениры используются как напоминание о половом акте и для последующего сексуального удовлетворения. Я не знаю, чем мозги отличаются в этом отношении. Но если нам надо делать выводы, основанные на том, что мы знаем о серийных сексуально озабоченных убийцах-психопатах, то есть множество причин для их действий, точно так же, как и для действий других обычных людей. И именно поэтому не существует общих моделей поведения, по крайней мере, настоль-

ко детально прописанных, что позволяли бы нам легко предсказать их следующий шаг. За исключением одной вещи, которую мы можем предположить с большой долей вероятности.

Катрина знала, что это не была драматическая пауза, просто Харри нужно было перевести дыхание и в то же время сделать почти незаметный шаг в сторону, чтобы обрести равновесие.

— Что они будут убивать снова.

В последовавшей тишине Катрина услышала тяжёлые, быстро приближающиеся шаги в коридоре снаружи. Она узнала их звук и поняла, кто это. Возможно, Харри тоже услышал их и догадался, что его время на исходе. Во всяком случае, он ускорился.

— Я думаю, что этот человек охотится не за головами, а скорее за мозгами жертв. Отрезание головы Бертины означает только то, что он совершенствует свой метод, что также является типичной чертой классического серийного убийцы-психопата. С прошлого раза он усвоил, что извлечение мозга на месте преступления требует времени и, следовательно, более рискованно. Кроме того, когда он увидел результат пришивания скальпа обратно и понял, что это будет обнаружено, он решил, что для того, чтобы

скрыть тот факт, что на самом деле ему нужен был мозг, было бы лучше взять всю голову целиком. Я не думаю, что он задушил Бертину в попытке ввести полицию в заблуждение, заставив её думать, что Сюсанну убил кто-то другой. Если бы это было важно, он бы не выбрал Скюллерюд второй раз и не оставил бы оба тела обнажёнными ниже пояса. Причина изменения метода убийства была прагматичная. Он испачкался кровью, когда перерезал горло Сюсанне, это видно по следам брызг крови. Кровь на его руках, лице и одежде означала, что его заметят, если он встретит кого-нибудь на обратном пути. И ещё ему нужно было выбросить одежду, помыть машину и так далее.

Дверь открылась. Конечно же, это была Бодиль Меллинг. Она заняла позицию в дверном проёме, скрестив руки на груди, устремив на Катрину взгляд, не предвещающий ничего хорошего.

— Также это было причиной того, что он привёл её на озеро. Так он меньше всего мог испачкаться кровью, удерживая её голову под водой и одновременно отрезая её. В этом смысле этот серийный убийца похож на большинство из нас. Чем чаще мы что-то делаем, тем лучше у нас получается. В данном случае это плохая новость для того, что может произойти в будущем.

Харри посмотрел на Бодиль Меллинг.

— Ты так не думаешь, главный суперинтендант?

Уголки её рта приподнялись в подобии улыбки.

— Что будет дальше, Холе, так это то, что ты немедленно покинешь это здание. Затем мы обсудим в своём кругу, как мы интерпретируем правила, касающиеся доступа частных лиц к информации без разрешения.

Катрина почувствовала, как у неё перехватило горло от смеси стыда и гнева, и поняла, что по её голосу это будет слышно.

— Я понимаю твоё беспокойство, Бодиль. Но само собой разумеется, Харри не был предоставлен доступ к…

— Как я уже сказала, мы разберёмся с этим в своём кругу. Не мог бы кто-нибудь, кроме Братт, сопроводить Холе к выходу? А ты, Братт, пойдёшь со мной.

Катрина бросила отчаянный взгляд на Харри, который в ответ лишь пожал плечами, а затем последовала за Бодиль Меллинг, прислушиваясь к дробному стуку каблуков по полу коридора.

— Честное слово, Катрина, — сказала Меллинг, когда они были в лифте, — я предупреждала тебя.

Не связывайся с Холе. И всё же ты это сделала.

— Мне не давали разрешения приглашать его в качестве члена группы, но здесь он в качестве консультанта, человека, который делится своим опытом и сведениями, ничего не получая взамен. Ни денег, ни информации. Я считаю, что это входит в сферу моей ответственности.

Лифт звякнул, сообщая, что они прибыли на свой этаж.

— Правда? — сказала Меллинг, выходя.

Катрина поспешила следом.

— Кто-то прислал тебе сообщение из конференц-зала?

Меллинг кисло улыбнулась.

— Ах, если бы нам нужно было беспокоиться о сознательном сливе информации такого рода.

Меллинг вошла в свой кабинет. Старший инспектор Крипоса Уле Винтер и руководитель пресс-службы Кедзиерски сидели за небольшим столом для совещаний, перед каждым из них стояла чашка кофе и лежал экземпляр газеты «Дагбладет».

— Доброе утро, Братт, — сказал глава Крипоса.

— Мы сидим здесь и обсуждаем утечки информации по делу о двойном убийстве, — сказала Меллинг.

— Без меня? — спросила Катрина.

Меллинг вздохнула, села и жестом пригласила Катрину последовать её примеру.

— Без кого-нибудь из тех, кто может теоретически стоять за утечками. Нет причин принимать это на свой счёт. Мы могли бы сейчас обсудить это непосредственно с тобой. Я полагаю, ты видела, что сегодня написал Воге?

Катрина кивнула.

— Это скандал, — сказал Винтер, качая головой. — Иначе не скажешь. У Воге были подробности расследования, которые могли быть получены только из одного источника — от нас. Я проверил своих людей, которые занимаются этим делом, и никто из них за этим не стоит.

— Как ты их *проверил*? — спросила Катрина.

Винтер проигнорировал это, просто продолжая качать головой.

— А теперь, Братт, ты приглашаешь конкурентов?

— Может, ты и конкурируешь с Холе, лично я — нет, — сказала Катрина. — А для меня кофе есть?

Меллинг удивлённо посмотрела на неё.

— Но вернёмся к утечкам, — продолжила Катрина. — Дай мне несколько советов о том, как *проверять* своих коллег, Винтер. Слежка? Перлю-

страция электронных писем? Допрос с помощью китайской пытки водой?

Винтер посмотрел на Меллинг так, словно взывал к здравому смыслу.

— Но я проверила кое-что ещё, — сказала Катрина. — Я проследила и проверила, что есть у Воге, а чего нет. И оказывается, что всё, что он, похоже, знает о деле, появилось в печати *после* того, как было занесено в отчёты, поданные в базе BL. Это означает, что утечка могла произойти от любого сотрудника полицейского управления, имеющего доступ к этим файлам. К сожалению, система не регистрирует, кто и какие файлы просматривал.

— Это неправда! — сказал Винтер.

— Правда, — сказала Катрина. — Я поговорила с нашими IT-специалистами.

— Я имел в виду ту часть, где ты говоришь, что всё написанное Воге было в отчётах. — Он схватил газету со стола и прочитал вслух, — *«Полиция отказалась обнародовать несколько гротескных деталей, таких как татуировка на лодыжке Бертины Бертильсен, которая была срезана и пришита снова».*

Он бросил газету обратно на стол.

— Этого не было ни в одном отчёте!

— Хотелось бы надеяться, что нет, — сказала Катрина. — Потому что это не соответствует действительности. Воге это выдумал. И, конечно же, это выходит за рамки того, в чём нас можно обвинять, Винтер?

— Спасибо, Анита, — сказал Харри, не сводя глаз с пива, которое пожилая официантка только что поставила перед ним.

— Ну что ж, — Анита вздохнула, как бы продолжая то, о чём она подумала, но не сказала. — Приятно снова тебя видеть.

— Что с ней? — спросил Трульс, который уже сидел за столиком у окна в баре «Шрёдер», когда Харри пришёл в условленное время.

— Ей не нравится обслуживать меня, — сказал Харри.

— Тогда «Шрёдер» — неподходящее для неё место работы, — хрипло рассмеялся Трульс.

— Может, и так, — Харри поднял кружку с пивом. — Может быть, ей просто нужны деньги.

Он поднёс стакан к губам и выпил, не сводя взгляда с Трульса.

— Чего ты хотел? — спросил Трульс, и Харри увидел, что у того подёргивается один глаз.

— А ты как думаешь?

— Не знаю. Снова мозговой штурм?

— Может быть. Что ты думаешь по поводу этого? — Харри вытащил из кармана пиджака газету «Дагбладет» и положил её перед Трульсом.

— По поводу чего?

— По поводу того, что Воге пишет о татуировке Бертины. Что её отрезали и пришили обратно.

— Что я думаю? Я думаю, он кажется хорошо информированным. Но, полагаю, это его работа.

Харри вздохнул.

— Я не спрашиваю просто так, не собираюсь тянуть резину, Трульс. Я делаю это для того, чтобы дать тебе шанс сказать всё раньше, чем это сделаю я.

Трульс положил руки на потёртую скатерть, по обе стороны от бумажной салфетки. Он ничего не заказывал. Ничего не хотел. Его руки были красными на фоне белой салфетки и казались раздутыми, распухшими. Как будто они уменьшились бы до размеров пары перчаток, если бы Харри воткнул в них булавку. Его лоб приобрёл темно-красный оттенок, цвета дьявола в комиксах.

— Понятия не имею, о чём ты говоришь, — сказал Трульс.

— Это ты. Ты тот, кто информирует Терри Воге.

— Я? Ты что, дурак? Я даже не вхожу в след-

ственную группу.

— Ты информируешь Воге тем же способом, что и нас: читаешь отчёты, как только они появляются на BL96. Ты уже делал это, до того когда я связался с тобой, так что ничего удивительного, что ты согласился на моё предложение. Тебе платят вдвое больше за одну и ту же работу. И Воге, вероятно, платит тебе ещё больше теперь, когда ты сообщаешь ему также и последние новости из группы Эуне.

— Что за хрень? Я не…

— Заткнись, Трульс.

— Отвали! Я не собираюсь…

— Заткнись! И сядь!

За несколькими столиками, где были посетители, воцарилась тишина. Они не пялились открыто, а смотрели в свои пивные бокалы, используя боковое зрение. Харри положил свою руку на руку Трульса и так сильно прижал её к столешнице, что Трульс был вынужден сесть обратно. Харри наклонился вперёд и продолжил тихим голосом.

— Как я уже сказал, я не собираюсь тянуть резину, так что слушай. У меня возникли подозрения, когда Воге написал о том, что следователи размышляли, не заказал ли Рё убийства, чтобы

они выглядели как нападения на сексуальной почве. Это то, что мы обсуждали в группе Эуне, и это настолько нестандартно, что я спросил у Катрины, не выдвигал ли эту идею кто-нибудь из их команды. Они этого не делали. Итак, я придумал эту историю о том, как татуировку Бертины пришили обратно, и рассказал тебе, и только тебе. Сказал, что это общеизвестно в полицейском управлении, чтобы ты чувствовал себя спокойно, передавая эту информацию, зная, что она не укажет на тебя. И действительно, через несколько часов Воге опубликовал это в печати. Итак, ты пойман с поличным, Трульс.

Трульс Бернтсен смотрел прямо перед собой, его лицо ничего не выражало, он взял бумажную салфетку и скомкал её так, как, по воспоминаниям Харри, он поступил с проигрышным билетом на ипподроме.

— Хорошо, — сказал Трульс. — Я передал немного информации. И вы все можете просто отвалить, потому что никакого ущерба нанесено не было. У Воге никогда не было ничего, что могло бы навредить расследованию.

— Это тебе так кажется, Трульс, но пока мы оставим этот разговор.

— Да, мы так и сделаем, потому что я ухожу,

адьос. И ты можешь взять эти деньги у Рё и вытереть ими свою задницу.

— Я сказал тебе сесть, — Харри позволил себе криво улыбнуться. — И спасибо, но туалетная бумага в отеле The Thief превосходная. На самом деле такая мягкая, что тебе хочется ещё раз посрать. Ты когда-нибудь испытывал подобное?

Трульс Бернтсен, похоже, не понял вопроса, но остался сидеть.

— Итак, вот тебе шанс ещё раз всё обосрать, — сказал Харри. — Ты скажешь Воге, что у тебя отобрали доступ к BL96, и ему придётся справляться самому. С этого момента ты также не проронишь ни слова о том, что происходит в группе Эуне. И ты расскажешь мне, насколько велики твои карточные долги.

Трульс в замешательстве уставился на Харри. Сглотнул. Поморгал пару раз.

— Триста тысяч, — сказал он наконец. — Плюс-минус.

— Мм… Это много. Когда должен быть произведён платёж?

— Должен был быть произведён давным-давно. Можно сказать, проценты накапливаются.

— Они горят желанием получить деньги?

Трульс фыркнул.

— Речь не просто о плоскогубцах, они угрожают всяким дерьмом. Я всё время хожу и оглядываюсь, чтоб ты знал.

— Чтоб я знал, да, — сказал Харри, закрывая глаза. Прошлой ночью ему приснились скорпионы. Они просачивались в комнату из-под двери и плинтусов, через щели в окнах и розетки на стенах. Он открыл глаза и уставился на своё пиво. Он одновременно и с нетерпением, и со страхом ждал следующих двух часов. Он был пьян вчера и собирался напиться сегодня. Теперь это был официальный загул.

— Хорошо, Трульс, я достану тебе деньги. Завтра, хорошо? Вернёшь деньги, когда сможешь.

Трульс Бернтсен продолжал моргать. Теперь его глаза увлажнились.

— Почему?.. — начал он.

— Не смущайся, — сказал Харри. — Это не потому, что ты мне нравишься. Это потому, что ты мне нужен.

Трульс пристально посмотрел на Харри, словно пытаясь понять, шутит он или нет.

Харри поднял кружку с пивом.

— Теперь ты можешь идти, Бернтсен.

Было восемь часов вечера.

Голова Харри поникла. Он заметил, что сидит

на стуле, и на его брюках от костюма была рвота. Кто-то что-то сказал. И теперь голос говорил что-то ещё.

— Харри?

Он поднял голову. Комната кружилась, и лица вокруг него были размыты. Но он всё равно узнал их. Знал их много лет. Надёжные лица. Группа Эуне.

— Быть трезвым на этих собраниях не обязательно, — сказал голос, — но лучше говорить чётко. Ты в состоянии это сделать, Харри?

Харри сглотнул. Ему вспомнились последние несколько часов. Ему хотелось пить и пить до тех пор, пока не останется ничего — ни спиртного, ни боли, ни самого Харри Холе. Никаких голосов в его голове, взывающих о помощи, которую он не смог бы оказать. Эти часы тикают всё громче и громче. Разве он не мог утопить их в алкоголе и оставить всё как есть, позволить времени уйти? Подводить людей, терпеть неудачу. Это было всё, что он умел делать. Так зачем же он достал свой телефон, позвонил по этому номеру и приехал сюда?

Нет, это была не группа Эуне, сидевшая на стульях в кругу, частью которого был и он сам.

— Привет, — сказал он таким скрипучим голо-

сом, что он был похож на звук сходящего с рельсов поезда. — Меня зовут Харри, и я алкоголик.

Глава 23

Пятница
Жёлтое бревно

— Выдалась тяжёлая ночь? — спросила женщина, придерживая дверь для Харри.

Хелена Рё оказалась меньше ростом, чем он ожидал. Она была одета в обтягивающие джинсы и чёрную водолазку. Её светлые волосы были собраны в хвостик обычной лентой для волос. Он пришёл к выводу, что она такая же хорошенькая, как на фотографиях.

— Неужели это так очевидно? — сказал он, заходя внутрь.

— Солнцезащитные очки в десять утра? — ответила она, проводя его в помещение, которое, как он уже понял, было огромной квартирой. — И этот костюм слишком хорош, чтобы так выглядеть, — бросила она через плечо.

— Спасибо, — ответил Харри.

Она рассмеялась и провела его в большую комнату, где расположились гостиная и зона для готовки с кухонным островом.

Дневной свет лился со всех сторон. Бетон, дере-

во, стекло — он предположил, что интерьер был сделан из материалов самого высокого качества.

— Кофе?

— Да, пожалуйста.

— Я подумывала спросить, какой именно кофе, но ты похож на человека, который выпьет любой.

— Да, любой, — сказал Харри, криво улыбнувшись.

Она нажала кнопку на блестящей металлической эспрессо-машине, которая начала перемалывать зёрна, пока она ополаскивала держатель фильтра под краном. Харри скользнул взглядом по вещам, прикреплённым магнитами к двойной двери холодильника. Календарик. Две фотографии лошадей. Билет с логотипом Национального театра.

— Собираешься завтра на «Ромео и Джульетту»? — спросил он.

— Да. Это фантастическая постановка! Я была на премьере с Маркусом. Не то чтобы он интересовался театром, но он спонсор представления, так что мы получаем много билетов. Я раздала кучу билетов на эту постановку на вечеринке, я считаю, люди просто *обязаны* это увидеть, но у меня всё ещё валяются два или три. Ты когда-ни-

будь был на «Ромео и Джульетте»?

— Да, видел вроде. Экранизацию.

— Тогда ты должен увидеть эту постановку.

— Я…

— Ты должен! Погоди секунду…

Хелена Рё исчезла, а Харри продолжил рассматривать остальную часть дверцы холодильника.

Фотографии двух детей с родителями, сделанные, похоже, на каникулах. Харри предположил, что Хелена приходится тётей этим детям. Ни одной фотографии самой Хелены или Маркуса, ни вместе, ни поодиночке. Он подошёл к панорамным окнам, от пола до потолка. Отсюда открывается вид на весь район Бьёрвика и залив Осло-фьорд, единственным препятствием на горизонте был музей Мунка. Он услышал, как Хелена быстрыми шагами приближается к нему.

— Прошу прощения за этот музей, — сказала она, протягивая Харри два билета. — Мы называем его Чернобылем. Не каждый архитектор способен разрушить целый городской район одним зданием, но архитектурному бюро «Эстудио Эррерос»[32] это удалось, надо отдать им должное.

---

[32] Примечания: 32

«Эстудио Эррерос» (*исп.* Estudio Herrero) — архитектурное бюро, по проекту которого в Осло построен 13-этажный музей Эдварда Мунка.

— Мм…

— Просто делай то, за чем пришёл, Холе, я могу делать много дел одновременно.

— Договорились. По большей части я бы хотел, чтобы ты рассказала мне о той вечеринке. О Сюсанне и Бертине, конечно. Но в особенности о человеке, который принёс кокаин.

— Хорошо, — ответила она. — Значит, ты знаешь о нём.

— Да.

— Полагаю, никто не отправится в тюрьму из-за пары дорожек кокаина на столе?

— Нет. В любом случае, я не полицейский.

— Совершенно верно. Ты человек Маркуса.

— Не совсем.

— Конечно, Крон сказал мне, что тебе дали карт-бланш. Но ты же знаешь, как это бывает. Кто платит, тот и заказывает музыку. — Она улыбнулась чуть презрительно, и Харри не был уверен, было ли это адресовано ему или человеку, который платил. Или, возможно, самой себе.

Хелена Рё рассказала ему о вечеринке, пока готовила кофе. Харри отметил, что её слова соответствовали рассказам её мужа и Эйстейна. Мужчина с зелёным кокаином появился практически из ниоткуда и подошёл к ней и Маркусу

на террасе на крыше. Если он и пришёл без приглашения, то так сделал не только он на той вечеринке.

— На его лице была медицинская маска, солнцезащитные очки, на голове — бейсболка, так что он действительно выглядел довольно подозрительно по сравнению с остальными. Он настоял, чтобы мы с Маркусом попробовали его порошок, но я сказала ему, что этого не произойдёт, что мы с Маркусом пообещали друг другу никогда больше не прикасаться к этой дряни. Затем, всего через несколько минут, я заметила, что Маркус и ещё несколько человек пропали. Я уже что-то подозревала, потому что на вечеринке был парень, у которого Маркус обычно покупает свою дурь. Я зашла в квартиру. Это было жалкое зрелище…

Она закрыла глаза и приложила ладонь ко лбу.

— Маркус склонился над столом, уже засунув соломинку в нос. Нарушая своё обещание прямо у меня на глазах. А потом его кокаиновый нос[33] именно в этот момент вынудил его чихнуть и всё испортил. — Она открыла глаза и посмотрела на Харри. — Жаль, что я не могла смеяться над этим…

---

[33] Примечания: 33

Кокаиновый нос — раздражение слизистой из-за употребления наркотических веществ, приводящее к сухости и заложенности носа.

— Насколько я понимаю, торговец в маске пытался собрать с пола немного порошка, чтобы сделать дорожку для Маркуса.

— Да. Или, может быть, он просто пытался прибраться. Он даже вытер сопли Маркуса со стола. — Она кивнула в сторону большого стеклянного стола, стоявшего перед диваном в гостиной. — Он, вероятно, хотел произвести хорошее впечатление, сделать Маркуса постоянным клиентом, а кто не захотел бы? Возможно, ты заметил, что Маркус не из тех, кто трясётся над каждой копейкой. Он предпочитает переплачивать, чем недоплачивать, это даёт ему ощущение власти. Или, скорее, это даёт ему власть.

— Ты хочешь сказать, что для него важна власть?

— Разве это не для всех важно?

— Ну, только не для меня. Конечно, это всего лишь моё мнение.

Они сели за обеденный стол, друг напротив друга. Хелена Рё смотрела на Харри так, что он подумал, будто она оценивает ситуацию. Прикидывая, как много ей следует сказать. Оценивает его.

— Почему у тебя металлический палец? — спросила она, кивая на его руку.

— Потому что один человек отрезал мне палец. Это долгая история.

Её взгляд не дрогнул.

— От тебя пахнет застоявшимся алкоголем, — сказала она. — И рвотой.

— Извини. У меня была тяжёлая ночь, и я не удосужился переодеться.

Она неопределённо улыбнулась, как бы самой себе.

— Ты знаешь разницу между красивым мужчиной и привлекательным, Харри?

— Нет. И в чём она?

— Я спрашиваю, потому что не знаю.

Харри встретился с ней взглядом. Она что, флиртовала?

Она перевела взгляд на стену позади него.

— Знаешь, что мне показалось привлекательным в Маркусе? Я имею в виду, кроме его фамилии и его денег.

— Нет.

— То, что он казался привлекательным и для других людей. Разве это не странно? То, что такого рода вещи имеют накопительный эффект?

— Понимаю, о чём ты говоришь.

Она покачала головой, будто признавая неизбежное.

— У Маркуса нет никаких талантов, кроме одного. Он умеет дать понять, что он здесь главный. Он похож на того мальчика или девочку в школе, которые, сами не понимая для чего, берут инициативу в свои руки и решают, кого взять в тусовку, а кого нет. Когда, как Маркус, сидишь на этом социальном троне, тогда у тебя есть власть, и она порождает ещё больше власти. И нет ничего, абсолютно ничего, более привлекательного, чем власть. Ты понимаешь, Харри? Не расчётливый оппортунизм заставляет женщин тянуться к власть имущим, а биология. Власть сексуальна, и точка.

— Понятно, — сказал Харри. Вероятно, она не флиртовала.

— И когда, подобно Маркусу, ты начинаешь любить эту силу, тогда ты начинаешь бояться потерять её. Маркус хорошо ладит с людьми, но из-за того, что он и его семья обладают властью, его, вероятно, больше боятся, чем любят. И это его беспокоит. Потому что для него важно, чтобы он нравился. Не тем людьми, которые для него ничего не значат, ему на них наплевать, а тем, с кем он хочет отождествлять себя, теми, кого он считает равными себе. Он поступил в норвежскую бизнес-школу BI, потому что хотел заняться

семейным бизнесом в сфере недвижимости, но там было больше вечеринок, чем учёбы, и в конце концов ему пришлось уехать за границу, чтобы получить квалификацию. Люди думают, что он хорош в своей работе, потому что накопил деньги, но если последние пятьдесят лет ты владел собственностью, то не зарабатывать деньги было невозможно. На самом деле Маркус был одним из немногих, кому всё-таки почти удалось разорить свою компанию, но банк выручал его по меньшей мере дважды. А деньги рассказывают единственную историю успеха, которую люди способны услышать. Я сама такая. — Она вздохнула. — У него был постоянный столик в клубе, где мужчины с деньгами подцепляют девушек, которым нравятся мужчины с деньгами и которые делают то, что им велят. Это звучит банально, и так оно и есть. Я знала, что Маркуса состоял в браке, но это было много лет назад, и с тех пор он был холост. Я решила, что он не встретил подходящую женщину. И ею была я.

— А так ли оно было?

Она пожала плечами.

— Полагаю, я ему подходила. Красотка на тридцать лет моложе его, умеющая себя показать, способная общаться с людьми его возраста, не

испытывая при этом неловкости, и поддерживающая порядок дома. Вопрос, вероятно, был скорее в том, подходит ли он мне. Прошло много времени, прежде чем я задала себе этот вопрос.

— И что?

— И теперь я живу здесь, а он живёт в мужской берлоге во Фрогнере.

— Мм. И всё же вы двое были вместе в оба вторника, когда пропали те девушки.

— Так ли это было?

Харри показалось, что он увидел в её глазах вызов.

— Это то, что вы сказали полиции.

Она коротко улыбнулась.

— Да, тогда, я полагаю, так оно и было.

— Ты пытаешься дать мне понять, что вы с Маркусом солгали?

Она покачала головой с покорным выражением лица.

— Кто больше нуждается в алиби — ты или Маркус? — спросил Харри и внимательно проследил за её реакцией.

— Я? Ты думаешь, я могла бы… — выражение удивления на её лице исчезло, и по комнате разнёсся её смех.

— У тебя есть мотив.

— Нет, — сказала она, — у меня нет мотива. Я разрешила Маркусу гулять налево, единственное условие, которое я поставила, чтобы он меня не позорил. И не позволял им забрать мои деньги.

— Твои деньги?

— Его, наши, мои, неважно. Я не думаю, что у этих двух девушек были какие-то подобные планы. Они не были слишком требовательны. В любом случае, ты достаточно скоро поймёшь, что на самом деле у меня нет никакого мотива. Сегодня утром мой адвокат отправил Крону письмо, в котором говорится, что я хочу развестись и хочу половину всего имущества. Видишь? Он мне не нужен. Кто бы это ни был, пусть забирают Маркуса. Я просто хочу свою школу верховой езды. — Она холодно рассмеялась. — Ты выглядишь удивлённым, Харри?

— Мм. Один кинопродюсер из Лос-Анджелеса сказал мне, что первый брак — это школа, преподносящая самые дорогие уроки. Что именно там можно научиться обеспечивать наличие брачного соглашения в следующем браке.

— О, у Маркуса есть брачный контракт. И со мной, и со своей бывшей. Он не дурак. Но из-за того, что я знаю, он даст мне то, о чём я прошу.

— И что же ты знаешь? — спросил я.

Она широко улыбнулась.

— Это мой козырь, Харри, так что я не могу тебе этого сказать. Скорее всего, я подпишу некое соглашение о неразглашении. Я молю бога, чтобы кто-нибудь узнал, что он натворил, но если они это и сделают, то без моей помощи. Я знаю, это звучит цинично, но прямо сейчас мне нужно спасать себя, а не мир. Извини.

Харри собирался что-то сказать, но передумал. Похоже она не собиралась поддаваться на манипуляции или убеждения.

— Почему ты согласились на эту встречу? — спросил он вместо этого, — если знала, что не станешь мне ничего рассказывать?

Она выпятила нижнюю губу и кивнула.

— Хороший вопрос. Ты должен сам на него ответить. Кстати, твой костюм придётся сдать в химчистку. Я дам тебе один из костюмов Маркуса, у вас примерно одинаковый размер.

— Что, извини?

Хелена уже поднялась на ноги и шла дальше по квартире.

— Я отложила несколько костюмов, в которые он больше не влезет, потому что он слишком растолстел, и собиралась отдать их Армии спасения, — крикнула она.

Пока её не было, он встал и подошёл к холодильнику. Теперь он увидел, что там всё-таки была фотография Хелены: она держала под уздцы одну из лошадей. Билет в театр был на следующий день. Он взглянул на календарь. Заметил, что на следующий четверг назначена конная прогулка Вальдреса. Хелена вернулась с чёрным костюмом и сумкой для одежды.

— Спасибо за заботу, но я предпочитаю сам покупать себе одежду, — ответил Харри.

— Мир нуждается, чтобы мы использовали вещи повторно, — сказала она. — А это костюм фирмы «Бриони Ванквиш II», было бы преступлением выбросить его. Давай, сделай одолжение планете.

Харри посмотрел на неё. Он сомневался. Но что-то подсказывало ему согласиться. Он снял свой пиджак и надел другой.

— Ну, ты стройнее его, даже в его лучшие времена, — сказала Хелена, склонив голову набок. — Но вы одинакового роста, и плечи у тебя такие же широкие, так что всё отлично.

Она протянула ему брюки. Не отвернулась, когда он переодевался.

— Отлично, — сказала она, вручая ему пакет с другим костюмом. — Я благодарю тебя от имени

будущих поколений. Если это всё, то у меня сейчас начнётся встреча в «Зуме».

Харри кивнул, принимая сумку с одеждой.

Хелена проводила его в холл и придержала для него дверь открытой.

— На самом деле, я только что вспомнила одну хорошую вещь о музее Мунка, — сказала она. — Это сам Эдвард Мунк. Тебе надо увидеть его картину «Жёлтое бревно». И хорошего тебе дня.

Тхань вышла и аккуратно вынесла рекламный щит из дверей зоомагазина «Монс». Она раздвинула ножки щита, расположив его так, чтобы он был хорошо виден рядом с витриной, но ничего не заслонял. Она не хотела испытывать доброжелательность Джонатана. В конце концов, щит рекламировал и её собственный бизнес — присмотр за домашними животными.

Она оторвала взгляд от рекламного щита и увидела своё отражение в витрине. Сейчас ей было двадцать три года, но она всё ещё не совсем понимала, каков её жизненный путь. Она знала, кем хочет быть — ветеринаром. Но требования к поступающим на ветеринарный факультет в Норвегии были просто невероятными: нужны были оценки получше, чем для поступления в медицинскую школу, а её родители не могли поз-

волить себе отправить её на учёбу за границу. Но они с матерью рассматривали курсы в Словакии и Венгрии, и это стало бы возможным, если бы Тхань проработала в «Монс» пару лет и присматривала за собаками до и после работы.

— Прости, ты здесь начальник? — произнёс голос у неё за спиной.

Она обернулась. Мужчина был азиатом по внешности, но не из Вьетнама.

— Он прибирает за прилавком, — сказала она, указывая на дверь.

Она вдохнула осенний воздух и огляделась. Вестканторгет. Прекрасные старые многоквартирные дома, деревья, парк. Подходящее место для жизни. Но ты должен был выбирать — профессия ветеринара не сделает тебя богатым. А она хотела стать ветеринаром.

Она вошла в маленький зоомагазин. Иногда люди — особенно дети — выражали разочарование, когда заходили и видели полки с кормами для животных, разнообразные клетки, поводки для собак и другое оборудование. «А где все животные?» — спрашивали они.

Потом она иногда водила их по окрестностям, чтобы показать, что у них есть. Рыбки в аквариумах, клетки с хомяками, песчанками и кролика-

ми, стеклянные террариумы с насекомыми.

Тхань подошла к аквариумам с сомиками-анцистрами. Они любили овощи, и она принесла из дома остатки ужина — горошек и огурец. Она слышала, как мужчина сказал владельцу, что он из полиции, что они нашли упаковку «Хиллман Пэтс», выпущенную после того, как она была запрещена, и спросил, известно ли ему что-либо об этом, поскольку «Монс» был импортёром и единственным продавцом этого средства.

Она увидела, что владелец просто молча покачал головой. Поняла, что полицейскому надо будет потрудиться, если хочет, чтобы Джонатан заговорил. Потому что её босс был молчаливым интровертом. Когда он всё-таки говорил, это были короткие предложения, немного похожие на текстовые сообщения от её бывшего парня, набранные строчными буквами, без знаков препинания или эмодзи. И он мог показаться вспыльчивым или раздражённым, как будто слова были для него ненужной помехой. В первые несколько месяцев своей работы в зоомагазине она задавалась вопросом, он ведёт ли он себя так, потому что она ему не нравится? Возможно, она недоумевала, потому что сама была из семьи, где все говорили одновременно. Постепенно она по-

няла, что дело не в ней, а в нём. И что это было не потому, что она ему не нравилась. Может быть, как раз наоборот.

— Я вижу в Интернете, что многим владельцам собак не нравится запрет на его ввоз, что «Хиллман Пэтс» намного эффективнее других продуктов, представленных на рынке.

— Так и есть.

— Тогда можно представить, что кто-то мог бы получить кругленькую прибыль, обойдя запрет и продавая его из-под прилавка.

— Я не знаю.

— Вот как? — Она увидела, что полицейский ждёт ответа, но его не последовало. — А ты сам не…?— неуверенно начал полицейский.

Тишина.

— …привозил его когда-нибудь? — закончил полицейский.

Когда Джонатан ответил, его голос был таким низким и глубоким, что это больше походило на вибрацию в воздухе.

— Ты спрашиваешь, привозил ли я контрабандой товары?

— Привозил?

— Нет.

— И ты не знаешь ничего, что, по твоему мне-

нию, могло бы помочь мне выяснить, кому удалось заполучить пакет «Хиллман Петс», срок годности которого истекает в следующем году?

— Нет.

— Нет, — повторил полицейский, покачался на каблуках и огляделся. Огляделся так, как будто не собирался сдаваться, подумала Тхань. Как будто просто обдумывал свой следующий шаг.

Джонатан прочистил горло.

— Я могу проверить в офисе, остались ли у меня записи о том, кто заказывал это последним. Подожди здесь.

— Спасибо.

Джонатан протиснулся мимо Тхань в узком проходе между аквариумами и клетками для кроликов. Она увидела в его глазах что-то, чего не замечала раньше, — беспокойство, да, тревогу. И от него пахло потом сильнее, чем обычно. Он вошёл в кабинет, но дверь осталась приоткрытой, и с того места, где она стояла, ей было видно, как он накрывает одеялом стеклянную клетку, которая у него там стояла. Она точно знала, что находится в стеклянной клетке. В тот единственный раз, когда она привела в офис нескольких детей и показала им это, он пришёл в ярость и сказал, что клиентам нечего делать в офисе, но она знала,

что причина была не в этом. Дело было в этом существе. Он не хотел, чтобы кто-нибудь его видел. Джонатан был вполне неплохим начальником. Ей предоставляли отгул, когда она нуждалась, и он даже повысил ей зарплату, хотя она не просила об этом. Но работать так тесно с другим человеком — их было двое на весь магазин — и всё ещё ничего не знать об этом человеке было странно. Иногда казалось, что она нравится ему слишком сильно, а иногда — что и вовсе нет. Он был старше неё, но не намного. По её подсчётам, ему было около тридцати, так что у них должно быть много общего, о чём можно поговорить. Однако любые усилия, которые она предпринимала, чтобы завязать разговор, вызывали лишь краткие ответы. Но иногда он пристально смотрел на неё, когда думал, что она этого не замечает. Была ли она ему интересна? Была ли эта угрюмая манера обусловлена его плохим характером, застенчивостью или попыткой скрыть то, что он чувствовал к ней? Может быть, ей это просто почудилось, полёт фантазии, который приходит в голову, когда тебе скучно, когда дни тянутся бесконечно, а вариантов занять себя мало. Иногда ей казалось, что он ведёт себя так же, как мальчики в начальной школе, которые бросались снежками

в девочек, которые им нравились. Только он был взрослым. Это было странно. *Он* был странным. Но она мало что могла с этим поделать, кроме как принимать его таким, какой он есть. В конце концов, ей нужна была эта работа.

Джонатан возвращался. Она отодвинулась в сторону, встав так близко к аквариуму, как только могла, и всё равно его тело касалось её.

— Извини, ничего не нашёл, — сказал Джонатан. — Это было слишком давно.

— Хорошо, — сказал полицейский. — Что ты накрыл там в кабинете?

— Что?

— Я думаю, ты слышал, что я сказал. Могу я взглянуть?

На тонкой белой шее Джонатана виднелась чёрная щетина, и Тхань иногда ловила себя на мысли, что ей хотелось бы, чтобы он брился чуть аккуратнее. И теперь она могла видеть, как поднимается и опускается его адамово яблоко на горле. Ей стало почти жаль его.

— Конечно, — сказал Джонатан. — Ты можешь посмотреть здесь всё, что тебе понравится. — И снова он заговорил тем же низким, глубоким голосом. — Единственное, что нужно сделать, это предъявить мне ордер на обыск.

Полицейский отступил на шаг и слегка склонил голову набок, как бы приглядываясь к Джонатану повнимательнее. Как бы заново его оценивая.

— Я запомню это, — сказал полицейский. — Спасибо за помощь.

Он повернулся и направился к двери. Тхань улыбнулась ему, но ответной улыбки не последовало.

Джонатан открыл коробку с кормом для рыб и начал развешивать пакеты за прилавком. Она направилась в туалет, расположенный за кабинетом, и когда выходила, Джонатан стоял, ожидая её выхода, прямо за дверью.

Он держал что-то в руке и проскользнул внутрь следом за ней, не закрыв за собой дверь.

Её взгляд автоматически упал на стеклянную клетку. Одеяла не было, и клетка была пуста.

Она услышала, как Джонатан потянул за цепочку над старым унитазом и спустил воду.

Она обернулась и увидела, что он стоит у маленькой раковины и тщательно намыливает руки. Затем он открыл кран с горячей водой. Он потёр руки под струёй воды, которая была такой горячей, что пар поднимался к его лицу. Она знала почему. Паразиты.

Тхань вздрогнула. Она любила животных, всех

животных. Даже тех — да, может быть, особенно тех, — которых другие люди считали отвратительными. Многие люди находили слизняков отвратительными, она помнила недоверчивые, взволнованные лица детей, когда она показала им большого ярко-розового слизняка и попыталась убедить их, что нет, он не разрисован, таким его создала природа.

Возможно, именно по этой причине внезапная волна ненависти захлестнула её. Ненависти к этому человеку, который не любил животных. Она подумала о милом диком лисёнке, которого кто-то принёс и за которого он получил плату. Она ухаживала за ним и хлопотала, любила одинокого, брошенного детёныша. Даже дала ему имя. Нхи, что означает «маленький». Но однажды, когда она пришла на работу, его не было в клетке. И нигде рядом. А когда она спросила о нём Джонатана, он только ответил в своей обычной грубоватой манере: «Его больше нет». И она больше ничего не спрашивала, потому что не хотела подтверждения того, что уже поняла.

Джонатан выключил кран, вышел и с лёгким удивлением посмотрел на Тхань, которая стояла посреди кабинета, скрестив руки на груди.

— Его больше нет? — спросила она.

— Его больше нет, — сказал он, садясь за стол, который всегда был завален кипами бумаг, с которыми они так и не разобрались.

— Утонул? — спросила она.

Он посмотрел на неё так, словно она наконец задала интересующий его вопрос.

— Возможно. У некоторых слизней есть жабры, но у слизней горы Капутар — лёгкие. С другой стороны, я знаю, что некоторые слизни с лёгкими могут продержаться под водой до двадцати четырёх часов, прежде чем утонуть. Ты надеешься, что он выживет?

— Конечно. А ты нет?

Джонатан пожал плечами.

— Я думаю, если ты оказался в незнакомой среде и далеко от себе подобных, то самое лучшее — это смерть.

— Вот как?

— Одиночество хуже смерти, Тхань.

Он уставился на неё с таким выражением в глазах, которое она не могла понять.

— С другой стороны, — сказал он, задумчиво почёсывая щетину на шее, — конкретно этот слизняк, возможно, не одинок, на самом деле он гермафродит. И он найдёт себе пропитание в канализации. Заведёт потомство… — он опустил

взгляд на свои только что вымытые руки. — Отравит всё остальное, что там живёт, крысиным лёгочным червем и в конечном итоге захватит всю канализационную систему Осло.

Возвращаясь к аквариумам, Тхань слышала смех Джонатана из кабинета. Это был смех, который она слышала так редко, что он звучал незнакомо, странно, почти неприятно.

Харри стоял, глядя на картину перед собой. На ней было изображено срубленное бревно, лежащее жёлтым концом к зрителям, а остальная его часть уходила вглубь лесистого ландшафта. Он прочитал табличку рядом с картиной: «Жёлтое бревно», Эдвард Мунк, 1912 год.

— Почему ты спрашивал именно об этой картине? — спросил юноша в красной футболке, которая означала, что он сотрудник музея.

— Ну, — сказал Харри, взглянув на пару из Японии, стоявшую рядом с ними, — почему люди хотят увидеть именно эту картину?

— Из-за оптической иллюзии, — сказал юноша.

— Правда?

— Давай немного отойдём. Извините!

Пара с улыбкой освободила место для них обоих, отступив в сторону.

— Видишь? — сказал юноша. — Кажется, что конец бревна указывает прямо на нас, независимо от того, откуда мы смотрим на картинку.

— Мм. Значит, смысл его…?

— Ты должен сам ответить на этот вопрос, — ответил юноша. — Возможно, что не всегда вещи такие, какими кажутся.

— Да, — сказал Харри. — Или что вам нужно двигаться и смотреть на вещи под другим углом, чтобы увидеть картину целиком. В любом случае, спасибо тебе.

— Не за что, — ответил юноша и ушёл.

Харри продолжал смотреть на картину. В основном для того, чтобы остановить свой взгляд на чём-то прекрасном после того, как он постоял на эскалаторах в здании, которое даже изнутри заставляло штаб-квартиру полиции казаться человечным и тёплым помещением.

Он достал свой телефон и позвонил Крону.

Ожидая, когда тот возьмёт трубку, он почувствовал, как пульсирует жилка у него на виске, что было обычным явлением на следующий день после пьянки. И он вспомнил, что частота сердечных сокращений составляет около 60 в состоянии покоя. И если бы он остался стоять здесь и смотреть на произведения искусства,

другими словами, его сердце бы сделало чуть меньше четырёхсот тысяч ударов, прежде чем Люсиль будет убита. Значительно меньше, если бы он запаниковал и поднял тревогу в надежде, что полиция сможет найти её … где? Где-нибудь в Мексике?

— Крон.

— Это Харри. Мне нужен аванс в размере трёхсот тысяч.

— На что?

— Непредвиденные расходы.

— Ты не мог бы выразиться более конкретно?

— Нет.

На линии воцарилась тишина.

— Хорошо. Заходи в офис.

Когда Харри положил телефон обратно в карман пиджака, он заметил, что там уже что-то есть. Он вынул эту вещь. Оказалось, это была маска. Точнее это была полумаска кота, должно быть, с бала-маскарада, на котором присутствовал Маркус Рё. Он порылся в другом кармане, и, конечно же, там тоже что-то было. Он вытащил ламинированную карточку. Она была похожа на членскую карту какого-то заведения под названием «Вилла Данте», но вместо имени там было написано «Псевдоним». А псевдоним на карточке

был «Кэтмен».

Харри снова посмотрел на фотографию.

«Посмотри на вещи под другим углом».

«Я молю бога, чтобы кто-нибудь узнал, что он натворил».

Хелена Рё не забыла вытряхнуть содержимое карманов. Возможно, она и положила туда эти предметы.

Глава 24

Пятница
Каннибал

— Я могу выдать тебе ордер, только если есть веские основания для подозрений.

— Я это знаю, — сказал Сон Мин, тихо проклиная сто девяносто вторую статью Уголовного кодекса, держа трубку телефона у уха и глядя на стену офиса без окон. Как Холе выносил работу здесь все эти годы? — Но я думаю, что вероятность того, что мы найдём там что-то незаконное, выше пятидесяти процентов. Он весь вспотел, избегал смотреть мне в глаза, а потом накрыл одеялом нечто, что определённо хотел спрятать в своём кабинете.

— Я понимаю, но одного твоего подозрения недостаточно. В статье говорится, что должны быть конкретные доказательства.

— Но…

— Тебе также известно, что как прокурор я могу выдать ордер на обыск только если есть опасность в случае промедления. Она есть? И сможешь ли ты впоследствии объяснить эту

спешку?

Сон Мин тяжело вздохнул.

— Нет.

— Есть какие-нибудь доказательства других правонарушений, которые можно было бы использовать в качестве предлога?

— Никаких.

— Имеет ли лицо, о котором идёт речь, судимость?

— Нет.

— У тебя вообще есть что-нибудь на него?

— Послушай. Слово «контрабанда» всплывает как в связи с вечеринкой у Рё, так и в связи с местом преступления, где я нашёл этот пакет. Ты знаешь меня, и знаешь, что я не верю в совпадения. Я нутром чувствую, в этом что-то есть. Мне подать письменный запрос?

— Я избавлю тебя от такой необходимости и скажу «нет» прямо здесь и сейчас. Но ты сначала позвонил, так что, вероятно, уже знал, каким будет исход разговора. Это на тебя не похоже. Говоришь, совсем ничего нет? Просто шестое чувство?

— Шестое чувство.

— И давно с тобой такое?

— Я пытаюсь научиться.

— Подражать нам, простым смертным, ты имеешь в виду?

— Аутизм и признаки аутизма — две разные вещи, Крис.

Полицейский юрист рассмеялся:

— Хорошо. Ты придёшь завтра на ужин?

— Я купил бутылку «Шато Кантмерль» 2009 года.

— Твой вкус слишком возвышен, а манеры слишком утончённы для меня, дорогой.

— Но ты тоже можешь этому научиться, милый.

Они закончили разговор. Сон Мин заметил, что пришло сообщение от Катрины со ссылкой на «Дагбладет». Он нажал на ссылку и откинулся на спинку кресла, ожидая загрузки. Стены офиса были настолько толстыми, что ухудшали покрытие сети. И почему Холе не заменил это сломанное кресло? У него уже болела спина.

Каннибал

По словам источника, есть явные доказательства того, что убийца употребил в пищу мозг и глаза своих жертв, Сюсанны Андерсен и Бертины Бертильсен.

Сон Мин почувствовал желание выругаться и

подумал, какая жалость, что он не имеет к этому привычки. Ему пришло в голову, что пора бы начать.

Дыра Сатаны!

Мона До была на беговой дорожке.

Она ненавидела бегать на дорожке.

И прямо сейчас именно по этой причине она бежала по ней. Она чувствовала, как пот стекает по её спине, и видела свои покрасневшие щёки в зеркале на стене спортзала. В наушниках играла музыка группы «Каркасс» из плейлиста, составленного Андерсом, и, по его словам, эти песни были созданы ими в начале карьеры, когда они играли грайндкор, а не то мелодичное дерьмо, которое стали выпускать позже. Для неё их музыка звучала как яростный шум, и в данный момент это было именно то, что ей нужно. Её ноги стучали по крутящемуся под ней резиновому ремню, который всё надвигался и надвигался на неё, снова и снова.

Воге сделал это снова. Каннибал. Господи Боже! Господи, чёрт тебя дери, Иисусе! Она увидела, что кто-то приближается сзади.

— Привет, До.

Это был Магнус Скарре. Детектив из отдела убийств.

Мона выключила дорожку и вытащила наушники.

— Чем я могу помочь полиции?

— Помочь? — Скарре раскинул руки. — Я что не могу просто заскочить?

— Никогда тебя здесь раньше не видела, и на тебе нет спортивного костюма. Хочешь что-то узнать или что-то подбросить?

— Эй, эй, полегче, — рассмеялся Скарре. — Я просто подумал, что введу тебя в курс событий. Всегда выгодно иметь хорошие отношения с прессой, верно? Практика «давай и бери» и всё в таком роде.

Мона осталась стоять на беговой дорожке, ей нравилась разница в росте.

— В таком случае, я хотела бы узнать, что ты хочешь взять, прежде чем отдашь, Скарре.

— На этот раз ничего. Но нам может пригодиться услуга в будущем.

— Спасибо, но в таком случае ответ — нет. Что-нибудь ещё?

Скарре выглядел как маленький мальчик, у которого отобрали игрушечный пистолет. Мона поняла, что в этой игре высокие ставки. Или, скорее, что она была так зла, что не могла ясно мыслить.

— Извини, — сказала она. — Плохой день. Что такое?

— Харри Холе, — сказал он. — Он позвонил свидетелю, представился вымышленным именем и заявил, что работает в полиции Осло.

— Оу.

Она передумала и спустилась с беговой дорожки.

— Откуда ты знаешь?

— Я брал показания у свидетеля. Того парня с собакой, учуявшей запах тела Бертины. Он сказал, что перед нашим визитом кто-то из наших звонил, чтобы проверить наводку, офицер Ханс Хансен. Только вот у нас нет никого с таким именем. Так что я взял номер телефона, который всё ещё был у фермера, и проверил. И представь себе, мне даже не пришлось связываться с телефонной компанией, это оказался номер Харри Холе. Как говорится, пойман с поличным, а? — Скарре ухмыльнулся.

— И я могу процитировать эти твои слова?

— Нет, конечно, ты с ума сошла? — он снова засмеялся. — Я «надёжный источник», ведь вы так это называете?

Да, подумала Мона. За исключением того, что тебя не назовёшь ни надёжным, ни источником.

Мона знала, что Скарре не питал тёплых чувств к Харри Холе. По словам Андерса, разгадка была не особенно сложной. Скарре всегда работал в тени Холе, а Холе никогда не пытался скрыть тот факт, что считает Скарре придурком. Но похоже личная неприязнь переросла в настоящую вендетту.

Скарре переступил с ноги на ногу, бросая взгляды на девочек на велотренажёрах в соседнем зале.

— Но, если тебе требуется подтверждение тому, что ты раскопала, можешь связаться с главным суперинтендантом.

— Бодиль Меллинг?

— Именно. Я полагаю, она тоже могла бы дать тебе комментарий.

Мона До кивнула. Это хорошо. Хорошо и грязно. Но какая разница, ведь у неё наконец-то появилось то, чего не было у Воге, и она не могла позволить себе привередничать. Не сейчас.

Скарре ухмылялся. Как клиент в борделе, подумала Мона. И попыталась не думать о том, какая роль в этом случае отведена ей.

Глава 25

Пятница
Кокаиновый блюз

Группа Эуне собралась, но сам Эуне сообщил, что его семья приедет к трём, так что к тому времени все должны были уйти. Харри рассказал им о своём визите к Хелене Рё.

— Итак, теперь ты ходишь в костюме своего босса, — сказал Эйстейн. — И носишь солнцезащитные очки своего приятеля.

— Кроме того, у меня есть это, — сказал Харри, поднимая полумаску кота. — А ты так ничего и не нашёл о «Вилле Данте» в интернете?

Трульс уставился на свой телефон, хмыкнул и покачал головой. С тем же каменным лицом, как тогда, когда он принял коричневый конверт с деньгами, который Харри осторожно вручил ему, когда пришёл.

— Что меня интересует, так это откуда Воге взял этот каннибализм? — сказал Эуне.

Харри увидел, как Трульс поднял глаза, встретился с ним взглядом и незаметно покачал головой.

— Я сам об этом думал, — сказал Эйстейн. — В отчётах об этом ничего нет.

— У меня такое чувство, что Воге потерял свой источник информации, — сказал Харри. — И начал выдумывать. Например, то, что Бертине вырезали татуировку, а потом пришили обратно, — это было неправдой.

— Возможно, и так, — сказал Эуне. — Воге действительно прибегал к выдумкам ранее в своей карьере, и в этом заключается странность того, насколько мы, люди, не меняемся. Даже будучи наказанными за модель поведения и вроде бы усвоив урок, мы всё равно склонны прибегать к привычной, плохой, казалось бы, тактике в случае возникновения проблем. Не исключено, что внимание, которое он к себе привлёк в последнее время, настолько опьянило Воге, что он не желает терять его и прибегает к тому, что уже срабатывало в прошлом. Или работало какое-то время, по крайней мере. Хотя я не сбрасываю со счетов возможность, что Воге может быть прав насчёт каннибализма. Но учитывая обстоятельства, очевидно, что он всё выдумывает и знакомится с литературой о серийных убийцах.

— Разве он не намекает… — начал Эйстейн, пробежав глазами по статье Воге снова на экране

его телефона.

Остальные посмотрели на него.

— Разве он на самом деле не подразумевает, что источником является сам убийца?

— Это смелая, но интересная интерпретация, — сказал Эуне. — Но наш рабочий день окончен и впереди выходные, господа. Мои жена и дочь скоро будут здесь.

— Что мы будем делать на выходных, босс? — спросил Эйстейн.

— У меня нет для вас заданий, — сказал Харри. — Но я взял ноутбук Трульса и собираюсь просмотреть полицейские отчёты.

— Думал, ты их уже читал.

— Просмотрел. Теперь буду их изучать. Давай, пошли.

Эуне попросил Харри подождать, и он остался стоять у кровати, пока другие вышли.

— Эти отчёты, — сказал он. — Это работа скольких людей? Сорока, пятидесяти? Все они занимались делом более трёх недель. Сколько там страниц? Тысячи? Ты собираешься прочитать все эти страницы, потому что думаешь, будто решение можно найти там?

Харри пожал плечами.

— Его нужно хоть где-то найти.

— Разум тоже нуждается в отдыхе, Харри. Я с самого начала заметил, что ты более напряжённый. Ты кажешься… можно я употреблю слово «отчаянным»?

— Наверно.

— Ты о чём-то не договариваешь?

Харри опустил голову и провёл рукой по затылку.

— Ага.

— Ты хочешь сказать мне, что это такое?

— Ага, — он прямо поднял голову. — Но я не могу.

Эуне и Харри переглянулись. Тогда Эуне закрыл глаза и кивнул.

— Спасибо, — сказал Харри. — Поговорим в понедельник.

Эуне облизнул губы, и Харри понял по усталой бодрости на губах и глазах, что он собирался сформулировать остроумный ответ. Но передумал и просто кивнул.

Харри уже выходил из больницы, когда понял, какой ответ обдумывал Эуне. *«Если я буду жив в понедельник».*

Эйстейн ехал по выделенной для общественного транспорта полосе к центру города. Харри расположился на пассажирском сиденье.

— Довольно круто для часа пик в пятницу, а? — ухмыльнулся Эйстейн в зеркало.

Трульс хмыкнул с заднего сиденья.

У Харри зазвонил телефон. Это была Катрина.

— Да?

— Привет, Харри, я быстро. У нас с Арне сегодня свидание в том ресторане, в котором ему наконец удалось забронировать столик. Но моя свекровь болеет и…

— Посидеть с ребёнком?

— Только скажи слово, если неудобно, и тогда я могу отменить всё это, я немного устала. Но, по крайней мере, тогда я смогу сказать ему, что пыталась кого-то найти.

— Но я могу. И я хочу. Когда?

— Да чтоб тебя, Харри. В семь.

— Окей. Убедись, что в духовке есть замороженная пицца «Грандиоза».

Харри повесил трубку, но телефон тут же зазвонил.

— Необязательно «Грандиоза», — сказал Харри.

— Это Мона До из «ВГ».

— Ой…

По полному представлению Харри понял, что звонит не Мона, девушка Андерса, а Мона-журналист. Это означало, что всё, что он скажет, могло

и будет использовано против него.

— Мы работаем над статьёй о… — начала она. Это было введение, служащее сигналом того, что колёса уже пришли в движение, и их не остановить, а местоимение первого лица во множественном числе немного уменьшало ответственность за неприятные вопросы, которые она собирается задать. Харри понял, что речь идёт о Габриэле Венге и о самом Харри, изображающем из себя полицейского. Что они будут цитировать главного суперинтенданта Бодиль Меллинг, которая сказала, что за попытку выдать себя за сотрудника правоохранительных органов может быть наказание в виде заключения до полугода, и что она надеется, что министр юстиции по следам этого дела положит конец сомнительным и несанкционированным частным расследованиям, и, кроме того, чрезвычайно важно, чтобы это было сделано немедленно в связи с ведущимся сейчас расследованием убийства.

Мона звонила, чтобы предложить ему возможность ответить в соответствии с Кодексом журналистской этики. Мона До была напористой и жёсткой, но всегда справедливой в этом плане.

— Без комментариев, — сказал Харри.

— Да? Означает ли это, что ты не оспариваешь

факты этой истории?

— Я почти уверен, что это означает, что у меня нет комментариев.

— Хорошо, Харри, но тогда мы вынуждены напечатать «без комментариев». — Он услышал быстрый стук клавиш в трубке телефона на фоне.

— Вы всё ещё говорите «напечатать»?

— Это одна из тех вещей, которые не стареют.

— Действительно. Вот почему я называю «повесить трубку» то, что собираюсь сейчас сделать. Окей?

Он услышал вздох Моны До.

— Окей. Хороших выходных, Харри.

— И тебе. И…

— Да, я передам привет Андерсу.

Харри положил телефон во внутренний карман пиджака слишком мешковатого костюма Рё.

— Проблемы?

— Да, — сказал Харри.

С заднего сиденья снова послышалось ворчание, на этот раз громче и злее.

Харри полуобернулся, увидел свет дисплея телефона и понял, что Мона сидела с пальцем на кнопке «Опубликовать».

— Что они написали?

— Что ты лжёшь.

— Справедливо, в конце концов, это правда, и у меня нет репутации, которую нужно защищать.

Харри покачал головой.

— Хуже всего то, что они прикроют наше расследование.

— Нет, — сказал Трульс.

— Нет?

— Что ещё хуже, так это то, что они арестуют тебя.

Харри поднял бровь.

— За то, что помог им найти тело, которое они пытались найти более трёх недель?

— Дело не в этом, — сказал Трульс. — Ты не знаешь Меллинг. Она бежит впереди паровоза. И ты ей мешаешь.

— Я?

— Если мы раскроем это дело раньше полиции, она будет выглядеть дилетанткой, не так ли?

— Хм… Ладно. Но арестовывать меня кажется крайней мерой.

— Это обычные игры силовиков, вот почему эти коварные ублюдки там, где они есть. Вот таким способом ты становишься… ну, министром юстиции, например.

Харри ещё раз взглянул на Трульса. Его лоб

был таким же красным, как сигнал светофора, на котором они остановились.

— Я выйду здесь, — сказал Харри. — Отдохните на выходных, но не выключайте телефоны и не покидайте город.

В семь часов Катрина открыла перед Харри входную дверь.

— Да, я читала «ВГ», — сказала она, подойдя к комоду в коридоре, чтобы надеть серёжки.

— Мм. Как думаешь, Меллинг бы понравилось, если бы она узнала, что её главный враг работает нянькой у её ведущего детектива?

— О, ты, вероятно, не будешь представлять большой угрозы с понедельника.

— Ты, кажется, чертовски уверена в этом?

— Меллинг не предоставила министру юстиции особого выбора. Со своими аргументами о сомнительных частных расследованиях.

— Да, скорее всего.

— Позор, мы могли бы использовать тебя. Все знали, что ты срезал углы, но в этот раз облажался из-за чего-то столь незначительного.

— Я переусердствовал и сделал неверный выбор.

— Ты такой предсказуемо непредсказуемый. Что у тебя там?

Она указала на полиэтиленовый пакет, который он положил поверх своих туфель, которые он снял.

— Ноутбук. Мне нужно немного поработать после того, как он уснёт. Он там…?

— Ага.

Харри прошёл в гостиную.

— Мамочка, пахнет хавасо, — сказала Герт, сидя на полу с двумя плюшевыми игрушками.

— Духи, — сказал Харри.

— Хавасо, — сказала Герт.

— Смотри, что у меня есть, — Харри осторожно вынул из кармана плитку шоколада.

— Саха-ка.

— Сахарный кайф? — Харри улыбнулся. — Тогда мы сохраним это в тайне.

— Мама! У дяди Хавви саха-ка!

После того, как Катрина ушла, Харри попал в волшебный мир, где лучше всего идти в ногу с творческими переходами мысли трёхлетнего ребёнка и вносить свой вклад в промежутках между ними.

— Ты отвично игваешь, — похвалил его Герт. — Где двакон?

— В пещере, конечно, — сказал Харри, указывая под диван.

— Угу, — сказал Герт.

— Дважды угу, — сказал Харри.

— Саха-ка?

— Хорошо, — сказал Харри и сунул руку в карман пиджака, накинутый на стул.

— Сто это? — спросил Герт, указывая на маску, которую держал Харри.

— Кот, — сказал Харри, надев полумаску на лицо.

Лицо Герта исказилось, а в голосе внезапно прозвучали слёзы.

— Нет, дядя Хавви! Ствашно!

Харри быстро снял маску.

— Хорошо, без кота. Просто драконы. Всё в порядке?

Но слёзы уже потекли, и Герт зарыдал. Харри проклял себя, ещё одно неверное решение. Кошки страшные. Мамы нет рядом. Пришло время спать. Как тут не расплакаться?

Герт протянул руки к Харри, и он, прежде чем успел подумать, прижал мальчика к себе. Гладя его по голове, он чувствовал подбородок на своём плече и его тёплые слёзы сквозь рубашку.

— Немного саха-ка, почистить зубы и колыбельную?

— Ага! — всхлипнул Герт.

После сеанса чистки зубов, который Катрина, как подозревал Харри, не очень одобрила бы, он одел Герта в пижаму и уложил под одеяло.

— Буман, — скомандовал Герт.

— Я такую не знаю, — сказал Харри. Его телефон завибрировал, и он увидел, что получил MMS от Александры.

Герт посмотрел на него с плохо скрываемым неодобрением.

— Но я знаю и другие хорошие песни.

— Пой, — сказал Герт.

Харри понял, что это должно быть что-то медленное и напевное. Попробовал песню «Wild Horses» группы «Роллинг стоунз». Его остановили после одного куплета.

— Двугую песню.

Песня Хэнка Уильямса «Your Cheatin' Heart» получила отрицательные отзывы после двух первых строчек.

Харри долго думал.

— Хорошо. Закрой глаза.

Он начал петь. Если это можно назвать пением. Это был более низкий, медленный напев грубым голосом, который то и дело попадал в ноты старого блюза о вреде кокаина. Когда он закончил, дыхание Герта стало более глубоким

и спокойным.

Харри открыл MMS, к которому был приложен какой-то текст. Фотография была сделана в зеркале прихожей в её квартире. Александра стояла в сливочно-жёлтом платье, которое как хорошая дорогая одежда демонстрировало тело в таком выгодном свете, что ни на секунду не подумаешь, что всё дело в платье. В то же время он понимал, что Александре не нужно было платье. И что она это знала.

«Это стоило ползарплаты. С нетерпением жду завтра!»

Харри закрыл сообщение и поднял голову. Увидел широко открытые глаза Герта.

— Ещё.

— Ещё… последнюю?

— Ага.

Глава 26

Пятница
Цемент

Было девять часов вечера, когда Микаэль Бельман открыл дверь своего дома в Хойенхоле[34]. Этот красивый дом он построил на склоне холма, чтобы они с Уллой и своими тремя детьми могли любоваться открывающимся отсюда видом на весь город до самых Бьёрвики и Осло-фьорда.

— Привет! — крикнула Улла из гостиной. Микаэль повесил своё новое пальто и прошёл в гостиную, где его миниатюрная красавица-жена, его любовь с детства, смотрела с младшим сыном телевизор.

— Извини, встреча затянулась! — он не слышал подозрения в её голосе и не видел его в её глазах. Да и сейчас для этого не было никаких оснований: в настоящее время Улла действительно была единственной женщиной в его жизни. Если не считать ту молодую репортёршу с канала TV2, но и в отношениях с ней было поставлено что-то вро-

---

[34] Примечания: 34
Хойенхол — юго-восточный жилой район в Осло.

де точки. Хотя он и не исключал приключений в будущем, они должны были быть гарантированно безопасными для него. Возможно, замужняя женщина, облечённая властью. Которой будет что терять, как и ему самому. Говорят, власть развращает, но его она сделала только более осторожным.

— Трульс здесь.

— Что?

— Он зашёл поговорить с тобой. Он на террасе.

Микаэль закрыл глаза и вздохнул. По мере того как он поднимался по служебной лестнице, от главы отдела по борьбе с организованной преступностью до начальника полиции и далее до министра юстиции, он постепенно увеличивал дистанцию между собой и своим другом, бывшим подельником. Он был очень осторожным.

Микаэль вышел на большую террасу и закрыл за собой раздвижную дверь.

— Отличный вид открывается отсюда, — сказал Трульс. Его лицо было красным в свете инфракрасных ламп. Он поднёс бутылку пива ко рту.

Микаэль сел рядом с ним и взял бутылку, которую Трульс открыл и протянул ему.

— Как продвигается расследование?

— То, которое ведётся в отношении меня? —

спросил Трульс. — Или то, которое веду я сам?

— Ты работаешь над каким-то делом?

— Ты не знал? Хорошо, значит, по крайней мере, у нас нет утечки. Я работаю с Харри Холе.

Микаэль обдумал услышанное.

— Ты отдаёшь себе отчёт в том, что, если выяснится, что ты пользуешься своим служебным положением, чтобы помочь…

— Да-да-да… Но это не будет иметь большого значения, если кто-то свернёт наше расследование. И это, кстати, будет позором. Холе — хороший детектив. Ты же знаешь, шансы на то, что этого психа поймают, возрастут, если позволить Холе продолжать копать. — Трульс застучал ботинками по бетонному полу террасы.

Микаэль не знал, действительно ли замёрзли ноги его друга, или это было непреднамеренным напоминанием об их общем прошлом и общих секретах.

— Тебя прислал Холе?

— Нет, он понятия не имеет, что я здесь.

Микаэль кивнул. Для Трульса было необычно самому проявлять инициативу. Микаэль всегда принимал решение, что они будут делать, но сейчас по голосу Трульса он слышал, что тот говорит правду.

— Речь идёт о чём-то большем, чем задержание одного отдельного преступника, Трульс. Это имеет отношение к политике. К общей ситуации. Есть принципы, понимаешь?

— Такие люди, как я, не разбираются в политике, — сказал Трульс, незаметно икнув. — Не понимаю, почему министр юстиции предпочёл бы позволить кровавому серийному убийце разгуливать на свободе, чем спустить с рук самому известному детективу Норвегии безобидную ложь о том, что он — офицер полиции по имени Ханс, мать его, Хансен. Особенно если именно эта ложь привела к тому, что Бертина Бертильсен была найдена.

Микаэль сделал глоток из бутылки. Возможно, когда-то он любил пиво, но теперь, по правде говоря, оно ему не нравилось. Однако сторонники Рабочей партии и рабочего движения обычно с подозрением относились к людям, которые не пили пиво.

— Ты знаешь, Трульс, как стать министром юстиции и сохранить эту должность? — Микаэль продолжил, не дожидаясь ответа. — Ты должен слушать. Ты слушаешь тех, кто, как ты уверен, действуют в твоих интересах. Слушаешь тех, у кого есть опыт, которого нет у тебя. У меня

есть хорошие люди, которые представят всё дело в верном свете. Они расскажут, что ведомство министра юстиции помешало миллионеру сколотить свою собственную частную армию следователей и адвокатов. Это покажет, что мы не допускаем историй в американском стиле, где богатые пользуются всевозможными привилегиями, где выигрывают только самые дорогие адвокаты, где утверждение о том, что все равны перед законом, является просто какой-то патриотической чушью. Здесь, в Норвегии, равенство существует не только на бумаге. И ради этого мы будем продолжать работать. — Микаэль мысленно запомнил пару фраз, которым, вероятно, можно найти применение во время будущих выступлений, хотя и придав более возвышенный стиль.

Трульс рассмеялся тем хрюкающим смехом, который всегда казался Микаэлю поросячьим.

— Что? — Микаэль услышал, что в его голосе прозвучало больше раздражения, чем он хотел продемонстрировать. Это был долгий день. Серийные убийцы и Харри Холе может и светились вовсю в СМИ, но это были не единственные проблемы, с которыми имел дело министр юстиции.

— Я просто думаю о том, как здорово, что у

нас все равны перед законом, — сказал Трульс. — Представь себе, в этой стране даже министр юстиции не смог бы помешать полиции провести расследование в отношении себя, если бы они получили наводку. Ведь может выясниться, что на его террасе в бетон замуровано тело человека. Не то чтобы общество действительно скучало по нему, это просто член банды байкеров, который занимался контрабандой героина и был связан с двумя грязными копами. Равенство перед законом означает, что возможное расследование покажет, что министр юстиции когда-то был молодым полицейским, больше думающим о деньгах, чем о власти. И что его немного наивный друг детства однажды ночью помог спрятать улики в новом доме своего гораздо более умного друга. — Трульс снова топнул ногой по цементу.

— Трульс, — медленно произнёс Микаэль. — Ты мне угрожаешь?

— Вовсе нет, — сказал Трульс, ставя пустую бутылку из-под пива рядом со стулом и поднимаясь на ноги. — Я просто думаю, что твои слова об умении слушать кажутся отличной идеей. Слушать тех, кто действует в твоих интересах. Спасибо за пиво.

Катрина стояла в дверях детской и смотрела

на них.

Герт спал в своей постели, а Харри — на стуле, прислонившись лбом к спинке кровати. Она присела на корточки, чтобы видеть лицо Харри. И пришла к выводу, что сходство между ними ещё более выраженное, когда они спят. Она легонько потрясла Харри за плечо. Он причмокнул губами, моргнул и посмотрел на часы, прежде чем подняться на ноги и последовать за ней на кухню, где она поставила чайник.

— Ты рано вернулась, — сказал он, усаживаясь за кухонный стол. — Хорошо провела время?

— Да. Он выбрал ресторан, потому что там было вино «Монраше»[35], о котором я, по-видимому, сказала на первом свидании, будто оно мне нравится. Но ужин не может длиться вечно.

— Но вы могли бы пойти ещё куда-нибудь. Выпить.

— Или поехать к нему домой, чтобы перепихнуться по-быстрому, — сказала она.

— Да?

Она пожала плечами.

— Он милый. Он до сих пор не пригласил меня

---

[35] Примечания: 35

Вино «Монраше» (Montrachet) — белое вино из Бургундии, название произошло от одноимённого виноградника, на котором сорт Шардоне вызревает лучше любых других мест.

к себе домой. Он хочет подождать с сексом до тех пор, пока мы не будем уверены, что созданы друг для друга.

— Но ты…

— Хочу трахаться как можно больше, прежде чем мы поймём, что не созданы друг для друга.

Харри рассмеялся.

— Сначала я думала, что он прикидывается недотрогой, — она вздохнула. — И это действительно притягивает меня.

— Хм. Даже когда ты знаешь, что это лишь способ привлечь тебя?

— Конечно. Меня возбуждает всё, чего я не могу получить. Как тебя в тот раз.

— Я был женат. Тебя заводят все женатые мужчины?

— Только те, которых я не могу получить. Таких не так уж много. Ты был раздражающе верен жене.

— Мог бы быть ещё более верным.

Она приготовила растворимый кофе для Харри и чай для себя.

— Я соблазнила тебя, когда ты был пьян и в отчаянии. Ты был очень уязвим в тот момент, и я никогда себе этого не прощу.

— Нет!

Это произошло так быстро и резко, что она вздрогнула, а её чай расплескался.

— Нет?

— Нет, — сказал он. — Я не позволю тебе снять с меня это чувство вины. Это… — он сделал глоток, скривившись, как будто обжёгся, — всё, что у меня осталось.

— Всё, что *у тебя* осталось? — она почувствовала, как одновременно подступают слёзы и гнев. — Бьёрн покончил с собой не потому, что ты подвёл его, Харри, а потому что это сделала я, — она уже почти кричала и, остановившись и прислушавшись к звукам из детской, понизила голос. — Мы с ним жили вместе, он считал себя счастливым отцом нашего ребёнка. Да, он знал, что я чувствую к тебе. Мы это не обсуждали, но он знал. Он также знал — или думал, что знает, — что может доверять мне. Спасибо за предложение разделить вину, Харри, но это касается только меня. Понятно?

Харри уставился в свою чашку. Он явно не планировал затевать этот спор. Хорошо. В то же время что-то было не так. *«Чувство вины — это всё, что у меня осталось».* Было ли здесь что-то, что она поняла неправильно? Или он чего-то недоговаривал?

— Разве это не трагично? — сказал он. — Что любовь убивает тех, кто нам дорог.

Она медленно кивнула.

— Звучит по-шекспировски, — ответила она, изучая его лицо, — «…тех, кто нам дорог». Почему в форме множественного числа?

— Послушай, я лучше вернусь в отель и поработаю, — сказал он, и ножка стула царапнула пол. — Спасибо, что позволила мне… — он кивнул в сторону детской.

— Тебе спасибо, — сказала она тихо, задумчиво.

Прим лежал под одеялом, уставившись в потолок.

Было уже близко к полуночи, и на полицейской волне сообщениями обменивались с регулярным, обнадёживающим жужжанием. И всё равно он не мог заснуть. Отчасти потому, что он боялся завтрашнего дня, но главным образом потому, что был взволнован. Он был вместе с Ней. И теперь он был почти уверен. Она тоже любила его. Они говорили о музыке. Она проявляла интерес к этому. А также к его сочинениям, как сказала она. Но они избегали разговоров о двух мёртвых девушках. Это была тема, которую, вероятно, обсуждали все остальные вокруг них. Конечно,

никто из них не обладал той же информацией, которой владели они вдвоём. Если бы только они были в курсе! Если бы только *она* была в курсе, что он знает больше неё. В какой-то момент у него действительно возникло искушение рассказать ей всё, искушение, похожее на непреодолимое желание броситься в пропасть с моста, которое чувствуешь стоя у его перил. Например, с моста, ведущего с материка на остров Несейю[36] в три часа ночи в одну из суббот в мае, когда ты только что понял, что та, кого ты считал Ею, не хочет тебя. Но это было давным-давно, он пережил это, и теперь двигается дальше. Продвинулся дальше, чем она. В последний раз, когда он слышал о ней, её жизнь зашла в тупик, как и её брак. Возможно, скоро она прочтёт о нём, прочтёт всех тех, кто восхваляет его, и тогда, возможно, она подумает, что вот он, он мог бы быть моим. Да, тогда она пожалеет.

Но до этого нужно было кое-что сделать.

Например, позаботиться о делах, которые надо сделать завтра.

Она станет третьей.

Нет, он не ждал этого с нетерпением. Только

---

[36] Примечания: 36

Несейя — небольшой остров в муниципалитете Аскер, Норвегия.

сумасшедший ждал бы. Но это нужно было сделать. Ему нужно было преодолеть сомнения, моральное сопротивление, которое испытывает любой нормальный человек, сталкиваясь с такой задачей. Говоря о чувствах, ему нужно было помнить, что не месть была его целью. Если он об этом забудет, то может сбиться с пути и потерпеть неудачу. Месть была всего лишь наградой, которую он сам себе назначал, побочным продуктом истинной цели. И когда всё будет закончено, они будут целовать ему ноги. Наконец-то.

Глава 27

Суббота

— Значит, полицейские работают и по выходным, — сказал Венг, изучая пустой пакет.

— Не все, — ответил Сон Мин, присев у корзины в углу и потрепав за ухом бульдога.

— «Хиллман Пэтс», — прочитал вслух фермер. — Нет, не могу сказать, что я даю это своей собаке.

— Хорошо, — вздохнул Сон Мин, поднимаясь на ноги. — Я просто должен был проверить.

Крис предложил сегодня прогуляться у озера Согнсванн и был возмущён, когда Сон Мин сказал, что ему нужно работать. Поскольку Крис знал, что это неправда, ему не нужно работать. Иногда такие вещи бывает трудно объяснить другим людям. Венг вернул пакет Сон Мину.

— Но я уже видел этот пакет раньше, — сказал Венг.

— Видел? — удивлённо спросил Сон Мин.

— Да. Пару недель назад. Вот там в лесу, на краю луга, на стволе упавшего дерева сидел какой-то парень, — он указал на кухонное окно. — И держал такой пакет.

Сон Мин выглянул в окно. До опушки леса было не менее ста метров.

— Я воспользовался этим, — сказал Венг, заметив явный скептицизм Сон Мина, и взял бинокль фирмы «Цейс», лежавший на стопке автомобильных журналов на кухонном столе. — Увеличивает в двадцать раз. Как если бы я стоял рядом с ним. Я узнал этот пакет из-за эрдельтерьера на упаковке, хотя в тот момент я не знал, что это антипаразитарное средство. Тот парень ел его.

— Он его *ел*? Ты уверен?

— О, да. Съел всё до остатка, очевидно, потому что потом он скомкал пакет и бросил его на землю. Подонок. Я вышел, чтобы высказать ему всё, что о нём думаю, но он встал и ушёл, как только я вышел на улицу. Я дошёл до того места, но в этот день дул порывистый северный ветер, так что пакет, должно быть, уже унесло ветром в лес.

Сон Мин почувствовал, как учащается его пульс. Полицейская работа такого плана окупалась в одном случае из ста, но когда это случалось, ты мог сорвать джекпот, позволяющий раскрыть всё дело, в котором до сих пор не было ни единой зацепки. Он сглотнул.

— То есть, Венг, ты можешь описать этого человека?

Фермер посмотрел на Сон Мина. Потом грустно улыбнулся и покачал головой.

— Но ты же сам сказал, что видел его так хорошо, как будто стоял рядом с ним.

Сон Мин мог слышать разочарование в своём голосе.

— Да-а-а. Но пакет был прямо на линии моего обзора, а когда он его выбросил, то надел маску, прежде чем я успел его хорошенько рассмотреть.

— Он был в маске?

— Ага. И в солнцезащитных очках и бейсболке. На самом деле я почти не видел его лица.

— Тебе не показалось странным, что человек в одиночестве в лесу носит маску, хотя все остальные уже давно перестали это делать?

— Да. Но здесь, в лесу, полно странных людей, не так ли?

Сон Мин понимал, что в этих словах Венга была самоирония, но был не в настроении улыбнуться.

Харри стоял перед надгробием и чувствовал, как дождевая вода с мягкой земли просачивается в его ботинки. Серый утренний свет пробивался сквозь облака. Он не спал до пяти утра, читая отчёты. Поспал три часа, затем продолжил чтение. И понял теперь, почему расследование зашло в

тупик. Проделанная работа казалась хорошей, тщательной, но в ней не было ничего. Абсолютно ничего. Он пришёл сюда, чтобы проветрить голову. Он не просмотрел и трети всех отчётов.

Её имя было высечено белым на сером камне. Ракель Фёуке. Он не совсем понимал почему, но прямо сейчас был рад, что она не взяла его фамилию.

Он огляделся. У других могил тоже были люди. Вероятно, их было больше, чем обычно, поскольку была суббота. Но они были так далеко, что он решил, что может говорить вслух, и они его не услышат. Он рассказал ей, что говорил с Олегом по телефону. Что тот в порядке, ему нравится там на севере, но он подумывает подать заявку на работу в полиции.

— СБП[37], — сказал Харри. — Хочет пойти по стопам своей матери.

Харри также рассказал ей, что звонил Сес. У неё были небольшие проблемы со здоровьем, но сейчас ей лучше, и она вернулась к работе в супермаркете. Хотела, чтобы он приехал навестить их с парнем в Кристиансанн.

— Я сказал, что посмотрю, получится ли у меня

---

[37] Примечания: 37
Служба безопасности полиции Осло.

прежде… чем станет слишком поздно. У меня есть небольшие проблемы с кое-какими мексиканцами. Они собираются убить меня и женщину, похожую на мою мать, если только я или полиция не раскроем эти убийства в течение следующих трёх дней. — Харри посмеялся. — У меня грибковая инфекция ногтей, а в остальном я в порядке. Так что, с твоими людьми всё хорошо. Это всегда было самым важным для тебя. Ты сама была не так важна. Ты бы даже не захотела, чтобы за твою смерть отомстили, если бы это зависело от тебя. Но это не зависело. И я хотел мести. Это, без сомнения, делает меня худшим человеком, чем ты, но я был бы таковым даже без чёртовой жажды мести. Это как сексуальное желание. Пусть ты разочаровываешься каждый раз, когда мстишь, даже зная, что будешь разочарован и в следующий раз, тебе просто необходимо довести дело до конца. И когда я чувствую это, это грёбаное желание, мне кажется, что я в шкуре серийного убийцы. Потому что это чувство отмщения за то, что у меня отняли, настолько хорошо, что иногда хочется что-то потерять, что-то, что я люблю. Только затем, чтобы мстить. Понимаешь?

Харри почувствовал ком в горле. Конечно, она понимала. Это было то, чего ему больше всего не

хватало. Его женщины, Ракель, которая понимала и принимала практически всё в своём странном муже. Не всё. Но многое. Чертовски многое.

— Проблема, — сказал Харри, прочищая горло, — разумеется, в том, что после тебя мне уже нечего терять. Больше не за что мстить, Ракель.

Харри стоял неподвижно. Посмотрел вниз на свои ботинки, утопающие в траве, кожа потемнела там, где пропиталась водой. Он поднял глаза. Возле церкви, на ступеньках, он увидел фигуру, которая просто стояла и смотрела. Было в этой фигуре что-то знакомое, и он понял, что это священник. Казалось, он смотрит в сторону Харри.

Зазвонил телефон. Это был Юхан Крон.

— Говорите, — сказал Харри.

— Мне только что позвонили. И не кто попало. Сам министр юстиции.

— Страна маленькая, так что не говори мне, что был так уж ошеломлён. Ну что, нам конец?

— Я думал, что он звонит, чтобы сообщить мне именно об этом, после той статьи в «ВГ». И, естественно, я был удивлён тем, что Бельман звонит лично. Такие вещи обычно сообщаются по формальным каналам. То есть люди, с которыми я ожидал связаться…

— Не то чтобы я был чересчур занят субботним

утром, Крон, но не мог бы ты перемотать вперёд до того, что сказал Бельман?

— Верно. Он сказал, что не видит законных оснований у министерства юстиции для закрытия нашего расследования, и поэтому в отношении этого дела никаких действий предпринято не будет. Однако, в свете нарушения, которое, по-видимому, имело место, они будут внимательно следить за нами, и в следующий раз, когда произойдёт нечто подобное, полиция *примет* меры.

— Хм.

— Да, и это не преувеличение. Очень удивительно — я был уверен, что они положат конец нашему расследованию. С точки зрения политики это почти непостижимо, Бельману теперь придётся иметь дело со своими людьми и СМИ. У тебя есть этому объяснение?

Харри задумался над вопросом. Навскидку у него на примете был только один человек на их стороне, который мог бы оказать давление на Бельмана.

— Нет, — сказал он.

— Ну, в любом случае, теперь ты знаешь, что мы всё ещё в игре, — сказал Крон.

— Спасибо.

Харри повесил трубку и задумался. Они могли

продолжать. У него впереди ещё три дня и ни единой стоящей зацепки. Как там говорят? *«Кому суждено быть повешенным, тот не утонет?»*

— Видишь ли, у твоей матери был талант.

Дядя Фредрик шёл по узкой тропинке на Слемдалсвейен, будто не обращая внимания на то, что люди, идущие в противоположном направлении, вынуждены были сходить на проезжую часть, чтобы пропустить их. Кроме этого, сегодня он казался в здравом уме.

— Вот почему было так грустно видеть, как она отказывается от своей карьеры и бросается в объятия первого попавшегося покровителя. И хотя я и говорю «покровителя», но твой отчим ненавидел театр, он ходил туда лишь раз в пятилетку, чтобы показаться — у семьи Рё была традиция финансировать Национальный театр. Нет, он видел Молле на сцене всего один раз. По иронии судьбы она играла главную роль — Гедду Габлер[38]. Молле была привлекательной женщиной, прямо-таки небольшой знаменитостью в то время. Идеально подходит для мужчины, чтобы похвастаться перед окружающими.

---

[38] Примечания: 38

«Гедда Габлер» — пьеса Генрика Ибсена. Для актрисы в Норвегии сыграть Гедду всё равно, что для актёра сыграть Гамлета.

Прим уже слышал эту историю, но всё равно попросил дядю рассказать её. Не столько для того, чтобы проверить, сохранилась ли она в чертогах больного разума его дядюшки, сколько потому, что ему необходимо было услышать её снова, чтобы ещё раз убедиться, что принятое им решение было правильным. Он не знал, почему прошлой ночью его вера вдруг пошатнулась, но, видимо, это было обычным делом перед важными моментами в жизни. Например, когда приближается день твоей свадьбы. И это — месть — ведь было тем, о чём он думал, о чём мечтал с тех пор как был мальчиком, поэтому не так уж и странно, что его мысли и чувства играют с ним злые шутки по мере приближения к цели.

— Таковы были их отношения, — сказал его дядя. — Она жила за его счёт. А он — за её. Она была прекрасной молодой матерью-одиночкой, которая не требовала многого. А он — беспринципным приятелем, у которого было достаточно денег, чтобы дать ей всё, кроме одной вещи, в которой она нуждалась. Любви. Поэтому она и стала актрисой: как все актёры, больше всего на свете она хотела быть любимой. И когда она не получила этой любви ни от него, ни, с течением времени, от публики, она сломалась. Конечно,

сказывалось ещё и то, что ты был гиперактивным, испорченным маленьким засранцем. Когда её покровитель в конце концов бросил вас обоих, твоя мать осталась подавленной, измученной алкоголичкой, больше не получавшей ролей, для которых был предназначен её талант. Я не думаю, что она любила его. Обычно, когда тебя кто-то бросает — да кто угодно — это становится последним гвоздём в крышку твоего гроба. Психика твоей матери всегда была хрупкой, но, признаюсь, я не ожидал, что она подожжёт дом.

— Ты не можешь знать наверняка, была ли это она, — сказал Прим.

Дядя остановился, выпрямился и широко улыбнулся идущей им навстречу молодой женщине.

— Побольше! — крикнул он, указывая на свою грудь для иллюстрации. — Могла бы прикупить и парочку побольше!

Женщина испуганно посмотрела на него и поспешила пройти мимо.

— О да, — сказал дядя. — Это она устроила пожар. Да-да, всё началось в её спальне, а в её крови обнаружили высокую концентрацию алкоголя — в отчёте говорилось, что причиной пожара, вероятно, стало курение в постели в состоянии алкогольного опьянения. Но можешь мне пове-

рить, она подожгла дом, желая сжечь вас обоих заживо. Родители обычно берут детей с собой на тот свет для того, чтобы избавить их от сиротской доли. Я знаю, что тебе больно это слышать, но в случае с твоей матерью причина заключалась в том, что она считала вас обоих ничтожными.

— Это неправда, — сказал Прим. — Она сделала это, чтобы меня не передали ему.

— Твоему отчиму? — его дядя рассмеялся. — Ты дурак? Он и не хотел тебя, он был счастлив избавиться от вас обоих.

— Хотел, — сказал Прим настолько тихим голосом, что его заглушил шум поезда метро, проходящего рядом с ними. — Он хотел меня. Только не в том смысле, в котором думаешь ты.

— Например, он когда-нибудь дарил тебе какие-нибудь подарки?

— Да, — сказал Прим. — Однажды на Рождество, когда мне было десять, он подарил мне книгу о методах пыток команчей[39]. Они в этих делах крайне преуспели. Например, на деревьях они подвешивали своих жертв вниз головой и разжигали под ними костры, так что в конце концов их мозги закипали.

---

[39] Примечания: 39
Команчи — индейский народ в США.

Его дядя рассмеялся.

— Неплохо. В любом случае, моё нравственное негодование имеет пределы как в отношении команчей, так и в отношении твоего отчима. Твоя мать должна была обращаться с ним получше, в конце концов, он был её покровителем. Так же как паразит, которым является человечество, должен лучше относиться к этой планете. Что ж, не стоит сожалеть и об этом. Люди считают, что мы, биологи, хотим сохранить природу неизменной, как органический музей. Но, кажется, мы единственные, кто понимает и принимает, что природа постоянно изменяется, что всё умирает и исчезает, *это* естественно. Не длительное существования вида, а его уничтожение.

— Может, повернём и пойдём назад?

— Назад? Куда?

Прим вздохнул. Разум его дяди явно снова затуманивался.

— В дом престарелых.

— Я просто тебя подкалываю, — ухмыльнулся его дядя. — Та медсестра, которая провела тебя в мою палату. Спорим на купюру в тысячу крон, что я трахну её к понедельнику. Что скажешь?

— Каждый раз, когда мы спорим, и ты проигрываешь, то утверждаешь, что не помнишь о споре.

Зато когда ты выигрываешь…

— Не будь несправедливым, Прим. У деменции должны быть свои преимущества.

После того, как они завершили свою короткую прогулку, и Прим вернул дядю обратно на попечение упомянутой выше медсестры, он пошёл тем же путём. Пересёк Слемдалсвейен, продолжая двигаться на восток к жилому району с виллами на просторных участках. Дома в этом районе были дорогими, но дома, расположенные рядом с Третьей кольцевой магистралью, были более доступными в цене из-за шума автострады. Там и находились руины дома.

Он поднял задвижку на ржавых железных воротах и пошёл по каменистому склону к берёзовой роще. На другой стороне холма, спрятавшись за деревьями, стояла сгоревшая вилла. Тот факт, что дом был скрыт от соседей, помогал ему на протяжении многих лет в его тактике затягивания спора с городским советом, который хотел снести эти развалины. Он отпер дверь и вошёл внутрь. Лестница на второй этаж обрушилась. Там была спальня матери. Он жил на первом этаже. Возможно, именно это делало происходившее возможным. Отдалённость. Не то чтобы она не знала, но это давало ей возможность

делать вид, что она не знает. Сгорели и все несущие внутренние перегородки, весь первый этаж представлял собой одну большую комнату, покрытую ковром из пепла. Кое-где пробилась растительность и произрастала в пепле. Куст. Саженец, который, возможно, вырастет в дерево. Он подошёл к обгоревшей железной кровати в его бывшей комнате. Бездомный болгарин как-то раз вломился в дом и некоторое время жил здесь. Если бы его присутствие неизбежно не привело к жалобам соседей и новым хлопотам по поводу сноса, Прим разрешил бы бедолаге остаться. Он дал болгарину немного наличных, и тот мирно ушёл с теми немногим пожитками, что у него были, оставив пару сырых шерстяных носков с дырками и матрас на кровати. Прим сменил замок на входной двери и прибил новые доски на окна.

Металлические пружины заскрипели, когда он всем своим весом опустился на грязный матрас. Он вздрогнул. Это был звук его детства, звук, застрявший в его сознании, столь же явный, как паразиты, которых он выращивал.

Но по иронии судьбы эта кровать и стала его спасением, когда он забрался под неё во время пожара.

Хотя бывали и дни, когда он проклинал своё спасение.

Одиночество в учреждениях для сирот. Одиночество в многочисленных домах приёмных родителей, от которых он сбегал. Не потому, что они не были хорошими, благонамеренными людьми, а потому, что в те годы он не мог спать в незнакомой комнате, и всегда лежал без сна, прислушиваясь. В ожидании. Огня. Хозяина дома. И в конце концов не мог больше этого вынести и сбегал. Вскоре его поместят в новое учреждение, где дядя Фредрик будет навещать его время от времени, примерно так же, как он теперь навещает дядю Фредрика. Его дядя, который ясно дал понять, что он, в конечном счёте, был всего лишь дядей, а поскольку он жил один, был не в том положении, чтобы взять к себе мальчика. Лжец. Позаботиться о скромном наследстве, оставленном мальчику его матерью, он был в состоянии. Так что Приму мало что из него досталось. Кроме вот этого, недвижимости. Это была лишь одна из причин, по которой он был против продажи — он знал, что все вырученные средства уйдут в карман его дяди.

Прим покачался вверх и вниз на кровати. Пружины протестующе взвизгнули, и он закрыл

глаза. Вернулся к звукам, запахам, боли и стыду. Сейчас они были нужны ему, чтобы быть уверенным. В конце концов, он пересёк все границы, зашёл настолько далеко, так откуда же эти постоянные сомнения? Говорят, отнять чью-то жизнь тяжелее всего в первый раз, но он уже не был в этом так уверен. Он раскачивался взад и вперёд на кровати. Размышляя. Потом, наконец, нахлынули воспоминания, ощущения были такими ясными, как будто всё это происходило здесь и сейчас. Да, он был уверен.

Он открыл глаза и взглянул на часы.

Он собирается пойти домой, принять душ и переодеться. Нанести свой собственный парфюм. А затем он отправится в театр.

Глава 28

Суббота
Последний акт

Единственным источником света были софиты на дне бассейна, от которых в полумраке мерцали блики на стенах и потолке помещения. Разум Харри в конце концов перестал размышлять о деталях в отчётах, когда он увидел её. Цельный купальник Александры, казалось, обнажал её тело больше, чем если бы она была совершенно голой. Он опёрся локтями о край бассейна, когда она вошла в воду, которая, по словам администратора спа-салона отеля The Thief, была нагрета ровно до тридцати пяти градусов. Александра заметила, что он наблюдает за ней, и улыбнулась той загадочной улыбкой, которая появляется у женщин, когда им известно — и лестно, — что мужчинам нравится то, что они видят.

Она подплыла к нему. Если не считать пары, наполовину погружённой в воду в дальнем конце, бассейн был в их полном распоряжении. Харри достал бутылку шампанского из ведёрка со льдом, стоящего у бассейна, налил бокал и

протянул ей.

— Спасибо, — сказала она.

— Спасибо, в смысле, мы квиты? — сказал он, наблюдая, как она пьёт.

— Вовсе нет, — сказала она. — После публикаций в «ВГ» было бы очень прискорбно, если бы все узнали, что я втайне делаю для тебя анализы ДНК. Поэтому я хочу, чтобы и ты рассказал мне кое-что по секрету.

— Мм. Например, что?

— Это зависит от тебя, — она придвинулась к нему поближе. — Но это должно быть что-то скрытое от всех в самых тёмных уголках памяти.

Харри посмотрел на неё. У неё был такой же взгляд, как у Герта, когда тот потребовал колыбельную «Блюмен». Александра знала, что Харри был отцом Герта, и теперь его осенила безумная мысль. Он захотел рассказать ей остальное. Он посмотрел на бутылку шампанского. Когда он заказывал его — пусть и с одним бокалом, — то уже понял, что это была плохая идея. Точно так же, как было бы плохой идеей рассказать ей о том, что знали только он и Юхан Крон. Он прочистил горло.

— Я сломал кадык одному парню в Лос-Анджелесе, — сказал Харри. — Я почувствовал это

костяшками своих пальцев, почувствовал, как он поддаётся. И мне это понравилось.

Александра уставилась на него широко раскрытыми глазами.

— Ты подрался с ним?

— Да.

— Почему?

Харри пожал плечами.

— Потасовка в баре. Из-за женщины. Я был пьян.

— А как насчёт тебя? Тебя не ранили?

— Со мной всё было в порядке. Я ударил его только один раз, а потом всё было кончено.

— Ты ударил его по горлу?

— Да. Мой кулак как стамеска, — он поднял руку, демонстрируя ладонь. — Меня учил специалист по рукопашному бою, который тренировал норвежских коммандос[40] в Афганистане. Суть в том, чтобы ударить в определённую точку горла противника, тогда всякое противодействие немедленно прекратится, потому что его мозг будет жаждать только одного — побыстрее набрать воздух в лёгкие.

— Вот так? — спросила она, прижимая друг к

---

[40] Примечания: 40

Коммандос Норвегии (Forsvarets Spesialkommando, FSK) — норвежское вооружённое формирование специального назначения.

другу выпрямленные пальцы.

— И вот так, — сказал Харри, выпрямляя её большой палец и прижимая его к указательному. — А потом целишься сюда, в гортань. — Он стукнул её указательным пальцем по своему горлу.

— Эй! — крикнул он, когда она без предупреждения ткнула его.

— Стой спокойно! — рассмеялась она, снова ударив его.

Харри отскочил в сторону.

— Я не думаю, что ты правильно поняла. Ты рискуешь убить, если попадёшь в ту самую точку. Допустим, это гортань, — он указал на один из своих сосков. — И тогда тебе нужно встать так… — он взял её за бёдра под водой и показал, как развернуться, чтобы усилить удар. — Готова?

— Готова.

После четырёх попыток она нанесла два удара, достаточно сильных, чтобы Харри застонал.

Пара на другом конце бассейна притихла и наблюдала за ними с озабоченным выражением лиц.

— Откуда ты знаешь, что не убил его? — сказала Александра, занимая позицию для нового удара.

— Я не знаю наверняка. Но если бы он умер, я не думаю, что его друзья после этого оставили бы

меня в живых.

— Задумывался ли ты, что если бы ты убил его, это поставило бы тебя на один уровень с теми, за кем ты охотился всю свою жизнь?

Харри поморщился.

— Может быть.

— Может быть? И всё это из-за женщины, думаешь, это благородно?

— Давай будем считать это самообороной.

— Есть много вещей, которые можно классифицировать как самооборону, Харри. Убийства чести[41] — это самооборона. Преступления в состоянии аффекта — это самооборона. Люди убивают, чтобы защитить своё самоуважение и достоинство. Разве у тебя не было расследований, когда люди убивали, чтобы спастись от унижения?

Харри кивнул. Посмотрел на неё. Поняла ли она? Поняла ли, что Бьёрн отнял не только свою собственную жизнь? Нет, её взгляд был обращён внутрь себя, речь шла о её собственном опыте. Харри собирался что-то сказать, когда она резко выбросила руку. Он не пошевелился. Она стояла неподвижно, и торжествующая улыбка расплы-

[41] Примечания: 41

Убийство чести — преступление, убийство члена семьи, совершённое родственниками за навлечение на семью позора (бесчестие).

лась по её лицу. Её рука, сжатая в кулак, почти коснулась кожи на его горле.

— В этот раз я могла убить тебя, — сказала она.

— Да.

— У тебя не было времени среагировать?

— Не было.

— Или ты полагал, что я не раздавлю тебе гортань?

Он слегка улыбнулся и ничего не ответил.

— Или… — она нахмурилась, — тебе наплевать?

Улыбка Харри стала шире. Он нащупал бутылку за своей спиной и наполнил её бокал. Посмотрел на бутылку, представил, как подносит её ко рту, запрокидывает голову и слышит низкий булькающий звук, когда алкоголь наполняет его, затем опускает бутылку, теперь уже пустую, вытирает рот тыльной стороной ладони, а Александра смотрит на него широко раскрытыми глазами. Вместо этого он поставил почти полную бутылку обратно в ведёрко для шампанского и откашлялся.

— Пойдём в сауну?

Вместо классических пяти актов постановка шекспировской пьесы «Ромео и Джульетта» в Национальном театре Норвегии состояла из двух

актов длиной около часа с пятнадцатиминутным антрактом между ними.

Во время антракта в зале зажёгся свет, и зрители хлынули наружу, заполнив фойе и буфет, где можно было заказать лёгкие закуски и напитки. Хелена присоединилась к очереди в баре, краем уха прислушиваясь к разговорам вокруг неё. Как ни странно, никто не говорил о пьесе, будто это было слишком пафосно или вульгарно. Она что-то почувствовала, аромат, который навёл её на мысль о Маркусе, и обернулась. Позади неё стоял мужчина, и он едва успел улыбнуться ей, прежде чем она снова быстро повернулась вперёд. Его улыбка была… Да, что это было? В любом случае, её сердце забилось быстрее. Ей вдруг стало смешно. Должно быть, это всё из-за пьесы, которая подталкивала её к психологической иллюзии, что она, встретив незнакомого мужчину, нашла своего Ромео. Потому что мужчина, стоявший позади неё, ни в коем случае не был привлекательным. Возможно, он и не был уродлив — по крайней мере, его улыбка показала, что у него красивые зубы, — но был совсем неинтересен. Тем не менее её сердце продолжало биться, и она почувствовала желание — желание, которого не испытывала уже много лет, — снова обернуться.

Посмотреть на него. Понять, что именно заставило её захотеть обернуться.

Она сумела сдержаться, заказала белое вино и отнесла свой пластиковый стаканчик к одному из маленьких круглых столиков, расположенных вдоль стен буфета. Она наблюдала за этим мужчиной, который теперь пытался расплатиться наличными за бутылку воды, в то время как женщина за прилавком указывала на табличку с надписью «Только безналичный расчёт». К своему удивлению, она поймала себя на том, что испытывает желание подняться и заплатить за него. Но он отказался от своей попытки купить что-нибудь и повернулся к Хелене. Их глаза встретились, и он снова улыбнулся. Затем он направился к её столику. Её сердце бешено колотилось. Что же это? Это был не первый раз, когда мужчина действует так прямолинейно, пытаясь познакомиться с ней.

— Можно присесть? — спросил он, кладя руку на пустой стул.

Она одарила его быстрой и, как она полагала, пренебрежительной улыбкой, и, в то время, как её мозг приказывал сказать «Я бы предпочла, чтобы ты этого не делал», она ответила:

— Да ради бога. Конечно.

— Спасибо, — он сел и перегнулся через стол, как будто они были в середине долгого разговора. — Я не хотел бы убивать интригу, — сказал он почти шёпотом. — Но она выпила яд и скоро умрёт.

Его лицо было так близко, что она чувствовала запах его одеколона. Нет, он сильно отличался от того, который использовал Маркус, был более грубым.

— Насколько мне известно, она пьёт яд в последнем акте, — сказала Хелена.

— Все так думают, но она уже отравлена. Поверь мне, — он улыбнулся. Белые зубы. Как у хищника. У неё возникло искушение предложить себя, почувствовать, как они прокусывают её кожу, когда она вонзает ногти ему в спину. Господи, что это было? Часть её хотела убежать, другая часть — броситься ему на шею. Она поменяла положение ног, отмечая — как это возможно? — что взмокла.

— Положим, я не знакома с этой пьесой, — сказала она. — Тогда почему ты хочешь испортить мне восприятие концовки?

— Потому что я хочу, чтобы ты была готова. Смерть — неприятная штука.

— Да, это так, — сказала она, не сводя с него глаз. — Но разве сумма всех неприятностей не

становится ещё больше, когда тебе вдобавок приходится готовиться к смерти?

— Необязательно, — он откинулся на спинку стула. — Нет, если радость жизни возрастает от осознания того, что она не длится вечно.

В нём было что-то смутно знакомое. Он был на вечеринке на террасе на крыше? Или в ресторане «Даниэль»?

— Memento mori[42], — сказала она.

— Да. Но сейчас мне нужно выпить немного воды.

— Я это заметила.

— Как тебя зовут?

— Хелена. А тебя?

— Зови меня Прим. Хелена?

— Да, Прим? — она улыбнулась.

— Не хочешь ли отправиться со мной туда, где подают воду?

Хелена рассмеялась, отхлебнула вина. Она собиралась сказать, что у них здесь есть вода, что она может заплатить. Или ещё лучше, он мог бы одолжить у неё стакан и налить немного воды из-под крана в туалете. Проточная вода в Осло лучше, чем та, что наливают в бутылки, и

---

[42] Примечания: 42

Memento mori — крылатое выражение, на латыни —«помни о смерти».

вдобавок более экологична.

— О каком месте ты говоришь? — спросила она.

— А это имеет значение?

— Нет, — она не могла поверить собственным ушам.

— Хорошо, — он сложил ладони вместе. — Тогда пошли.

— Сейчас? Я думала, после последнего акта.

— Мы уже знаем, чем всё закончится.

Ресторан «Терсо Акто», находящийся в районе Вика[43], очевидно, был недавно открыт, и в нём подавали тапас по самым высоким ценам.

— Вкусно? — спросила Александра.

— Очень, — сказал Харри, промокая рот салфеткой и стараясь не смотреть на её бокал с вином.

— Мне нравится думать, что я знаю Осло, но я никогда не слышала об этом месте. Именно Хельге порекомендовал забронировать нам столик здесь. Геи всегда знают лучше всех.

— Он гей? Я не улавливал от него таких флюидов.

— Это потому, что ты утратил свою привлека-

---

[43] Примечания: 43

Вика — район в центре Осло, к северу от залива Пипервика, от которого он получил своё название.

тельность.

— Ты хочешь сказать, что на каком-то этапе она у меня была?

— У тебя? Ещё как была. Конечно, она действовало не на всех. По правде говоря, и не на многих, — она задумчиво склонила голову набок. — Если подумать, она, вероятно, подействовала лишь на некоторых из нас, — она рассмеялась, подняла бокал с вином и чокнулась с его стаканом воды.

— Итак, ты думаешь, Терри Воге потерял свой источник, впал в отчаяние и начал всё выдумывать?

Харри кивнул.

— Узнать то, что, по его словам, ему известно, он мог только, если находится в непосредственном контакте с убийцей. И я не вижу оснований верить, что это так.

— Что если он сам и есть источник?

— Хм… Ты имеешь в виду, что Воге — убийца?

— Я читала о китайском писателе, который убил четырёх человек, посвятил этому несколько книг и был осуждён только через двадцать лет.

— Лю Юнбяо, — сказал Харри. — А ещё Ричард Клинкхамер. Его жена исчезла, и вскоре после этого он написал роман о человеке, убившем свою жену и закопавшем её в саду. И именно там

они её нашли. Оба этих парня убивали не для того, чтобы написать об этом. Полагаю, ты на это намекаешь?

— Да, но Воге мог бы это сделать. Главы государств развязывают войны для того, чтобы быть переизбранными или войти в историю. Почему журналист не может сделать то же самое, чтобы стать «королём горы»? Тебе следует проверить, есть ли у него алиби.

— Кстати, о том, чтобы всё проверить. Ты говоришь, что знаешь Осло. Слышала о месте под названием «Вилла Данте»?

Александра засмеялась.

— Да, конечно. Ты хочешь отправиться туда и посмотреть, на месте ли твоя привлекательность? Хотя я сомневаюсь, что они впустят тебя туда. Даже в костюмах, которые ты сейчас носишь.

— Что ты имеешь в виду?

— Это … как бы это сказать… очень эксклюзивный гей-клуб.

— Ты там была?

— Нет, ты с ума сошёл, но у меня есть друг-гей, Питер. На самом деле он — один из соседей Рё, и он приглашал меня на ту вечеринку на террасе.

— Тебя приглашали туда?

— Официальных приглашений же не было, это

было больше похоже на вечеринку, на которую люди просто приходят парами. Я планировала взять Хельге, чтобы свести его с Питером, но в тот вечер мне нужно было работать. Хотя я несколько раз ходила с Питером в МВК.

— МВК?

— Ты совершенно не в теме, Харри. «Мальчики в коже». Гей-клуб для широких масс. Там тоже нужно соблюдать дресс-код, а в подвале есть тёмные комнаты и тому подобное. Полагаю, это немного вульгарно для клиентов «Виллы Данте». Питер сказал мне, что пытался получить там членство, но это нереально сложно. Ты должен принадлежать к некоему узкому кругу, своего рода гейский Опус Деи[44]. По-видимому, там очень стильно. Думаю, как в фильме «С широко раскрытыми глазами». Клуб работает всего один вечер в неделю, там устраивают бал-маскарад для геев в дорогих костюмах. Все ходят в масках животных и имеют соответствующие прозвища, строго соблюдается полная анонимность. Всевозможные сюрпризы и официанты, которые… назовём их *молодыми людьми.*

— Совершеннолетние?

---

[44] Примечания: 44

Опус Деи — иерархическое учреждение Католической церкви, персональная прелатура.

— Теперь, вероятно, так оно и есть. По этой причине клуб прикрыли, когда он назывался «Вторники». Работавший там четырнадцатилетний подросток обвинил одного из гостей в изнасиловании. Мы взяли образец спермы, но, конечно, совпадений в базе данных не обнаружили.

— Что значит — «конечно»?

— У клиентов «Вторников», как правило, не было судимостей. Как бы то ни было, теперь клуб вновь открыт под названием «Вилла Данте».

— О котором, похоже, никто не слышал.

— Они работают скрытно, им не нужна шумиха. Вот почему такие люди, как Питер, так одержимы идеей заполучить туда допуск.

— Ты сказала, что раньше клуб назывался «Вторники».

— Да, вечеринки в клубе были по вторникам.

— И они всё ещё так делают?

— Если хочешь, могу спросить об этом Питера.

— Хм. Как ты думаешь, что мне потребуется, чтобы получить доступ?

Она рассмеялась.

— Постановление суда, возможно, ордер на обыск. Именно его, кстати, я предоставляю тебе в отношении себя самой на эту ночь.

Харри потребовалось мгновение, прежде чем он понял, что она имела в виду. Он приподнял бровь.

— Да, — сказала она, поднимая свой бокал. — Всё по закону.

— Ты здесь живёшь? — спросила Хелена.

— Нет, — сказал мужчина, назвавшийся Примом. Он вёл машину между новыми, современными коммерческими зданиями, разбросанными на ровном, открытом ландшафте по обе стороны дороги, направляясь к оконечности Снаройи[45]. — Я живу в центре города, но после закрытия аэропорта я выгуливал здесь свою собаку по вечерам. Тогда здесь никого не было, и я мог позволить своей собаке побегать на свободе. Вон там, — он указал на запад в сторону моря и съел из пачки ещё немного чипсов или чего-то в это роде. Во всяком случае, ей он ничего не предложил.

— Но это же заповедник на болотах, — сказала Хелена. — Ты не боялся, что собака нападёт на гнездящихся там птиц?

— Конечно, и это случалось пару раз. Я утешал себя, говоря, что это естественный порядок вещей

---

[45] Примечания: 45

Снаройя — густонаселённый полуостров, недалеко от Осло, здесь находится некогда главный для города, ныне закрытый аэропорт Форнебу.

и что мы не можем этому противостоять. Но, естественно, это неправда.

— Неправда?

— Нет. Человечество тоже является продуктом природы, и мы не единственный организм, делающий всё возможное, чтобы уничтожить планету такой, какой мы её знаем. Но точно так же, как мать-природа наделила нас разумом для совершения коллективного самоубийства, она одарила нас способностью к саморефлексии. Возможно, это сможет спасти нас. Я надеюсь, что это так. В любом случае, я подчинился законам природы и начал ими пользоваться.

Он указал на поручень над дверью с её стороны, и Хелена заметила собачий поводок-рулетку с болтающейся на конце застёжкой для ошейника.

— Он был хорошим псом, — сказал он. — Я мог сидеть в машине и читать с включёнными фарами и открытым окном, в то время как он свободно пробегал по пятьдесят метров в каждом направлении. Собакам — и людям — большего и не нужно. Многие люди и не хотят большего.

Хелена покачала головой.

— Всё равно, когда-нибудь они, возможно, захотят большего и проявят желание сбежать. Что тогда делать владельцу собаки?

— Понятия не имею. Моя собака никогда не хотела большего, — он свернул с главной дороги на лесную тропинку. — А что бы ты сделала на моём месте?

— Отпустила бы её на свободу, — сказала Хелена.

— Даже если бы ты знала, что она не выживет там в одиночку?

— Мы все когда-то умрём.

— Верно, — сказал он.

Он сбавил скорость. Дорога закончилась. Он выключил двигатель и фары, и вокруг них воцарилась кромешная тьма. Она слышала, как ветер шелестит в тростниках, а между деревьями они могли видеть море и огни островов и мыса вдалеке.

— Где мы находимся?

— Рядом с болотами, — сказал он. — Вон на том берегу мыс Хёвикодден, а те два острова называются Борейя и Остейя. С тех пор как здесь построили жилые дома, это популярное место для прогулок. Днём здесь много отдыхающих семейств. Но в данный момент мы с тобой полностью предоставлены сами себе, Хелена.

Он отстегнул ремень безопасности и повернулся к ней.

Хелена глубоко вздохнула, закрыла глаза и стала ждать.

— Это безумие, — сказала она.

— Безумие?

— Я замужняя женщина. Это… крайне неподходящее время.

— Почему?

— Потому что я в процессе развода со своим мужем.

— По-моему, это как раз подходящее время.

— Нет, — она покачала головой, не открывая глаз. — Нет, ты не понимаешь. Если Маркус узнает об этом до того, как мы обсудим условия…

— Тогда ты получишь от него на несколько миллионов меньше.

— Да. То, что я сейчас делаю, просто глупо.

— Так зачем же ты это делаешь, как ты думаешь?

— Я не знаю, — Хелена прижала ладони к вискам. — Как будто кто-то или что-то завладело моим разумом, — как раз в этот момент её осенила другая мысль. — С чего ты взял, что у него миллионы? — она открыла глаза и посмотрела на него. Да, в нём было что-то знакомое. Что-то было в его глазах. — Ты был на той вечеринке? Ты его знаешь?

Он не ответил. Просто слегка улыбнулся и включил музыку погромче. Поставленный голос пел с эффектом вибрато что-то о страшных монстрах. Хелена слышала эту песню раньше, но не могла вспомнить, где именно.

— Мартини, — сказала она с неожиданной уверенностью. — Ты был в «Даниэле». Это ведь ты прислал тот напиток, не так ли?

— И что заставляет тебя так думать?

— Стоять позади меня в очереди, подойти и сесть рядом — это не то, что обычно делают во время антракта в театре. Это было не случайно.

Прим провёл рукой по волосам и взглянул в зеркало.

— Признаюсь, — сказал он. — Я наблюдал за тобой некоторое время. Я хотел побыть с тобой наедине. И теперь я с тобой. Итак, что мы будем делать?

Она глубоко вздохнула и сама отстегнула ремень безопасности.

— Мы будем трахаться, — сказала она.

— Несправедливо, не так ли? — спросила Александра. Они покончили с едой и переместилась в бар ресторана. — Я всегда хотела ребёнка, но у меня его так и не было. В то время как ты, который никогда этого не хотел… — она щёлкнула паль-

цами над своим коктейлем «Белый русский»[46].

Харри сделал глоток воды.

— Жизнь редко бывает справедливой.

— И вот так *случайно*, — добавила она, — Бьёрн Хольм отправил анализ ДНК, чтобы проверить, он ли отец… Напомни, как зовут мальчика?

— Герт.

Александра видела по лицу Харри, что это было не то, о чём он хотел говорить. Тем не менее — возможно, потому что она выпила чуть-чуть лишнего, — она продолжила.

— Оказалось, что он *не был* отцом. И сразу после этого я провожу анализ ДНК, как позже выяснилось, твоей крови, по ошибке прогоняю его по всей базе данных тестов на отцовство, и выясняется, что *ты* отец Герта. Если бы не я…

— Ты не виновата.

— В чём я не виновата?

— Ни в чём. Забудь об этом.

— В том, что Бьёрн Хольм покончил с собой?

— Что он… — Харри остановился.

Александра увидела, как он скривился, словно ему было где-то больно. О чём он ей недоговаривал? Что же такого он *не мог* ей сказать?

---

[46] Примечания: 46

«Белый русский» — коктейль со сливками, на основе водки и кофейного ликёра.

— Харри?

— Да? — его взгляд, казалось, был прикован к ряду бутылок на полке за спиной бармена.

— Твою жену ведь *убил тот* насильник, верно? По имени Финне.

— Спроси его.

— Финне мёртв. Если бы это был не он, тогда…

— Тогда?

— Ты был бы подозреваемым.

Харри кивнул.

— Мы всегда подозреваем партнёра. И обычно оказываемся правы.

Александра сделала глоток из своего бокала.

— Это был ты, Харри? Ты убил свою жену?

— Двойную вот этого, — сказал Харри, и Александре потребовалось мгновение, чтобы понять, что он обращается не к ней.

— Вот этого? — спросил бармен, указывая на квадратную бутылку, висящую вверх донышком на кронштейне.

— Да, пожалуйста.

Харри молчал до тех пор, пока перед ним не оказался стакан с золотисто-коричневой жидкостью.

— Да, — сказал он, поднимая стакан. Подержал его мгновение, как будто страшась этого. — Я

убил её.

Затем он одним глотком опустошил стакан и заказал ещё порцию, прежде чем этот стакан вернулся на стойку.

Хелена восстановила дыхание, но осталась сверху.

Она усадила его на пассажирское сиденье, откинула спинку сиденья, пока он включал верхний свет и надевал презерватив. Потом оседлала его, как одну из своих лошадей, хотя и не ощущала знакомое чувство полного контроля. Он кончил, не издав ни звука, но она почувствовала, как напряглись, а потом расслабились его мышцы.

Она тоже кончила. Не потому, что он был искусным любовником, а потому, что она была уже так возбуждена до того, как сняла свои брюки и трусики, что хватило бы чего угодно.

Теперь она чувствовала, как его член обмягает внутри неё.

— Так почему же ты преследовал меня? — спросила она, глядя на него сверху вниз, лежащего на откидном сиденье, такого же обнажённого, как и она сама.

— А ты как думаешь, почему? — спросил он, закидывая руки за голову.

— Ты влюбился в меня.

Он улыбнулся и покачал головой.

— Я не влюблён в тебя, Хелена.

— Нет?

— Я влюблён, но в другую.

Хелена почувствовала, что начинает раздражаться.

— Ты что, в игры играешь?

— Нет, я просто рассказываю тебе всё как есть.

— Тогда что ты делаешь здесь, со мной?

— Я даю тебе то, что ты хочешь. Или, скорее, то, чего хотят твои тело и разум. То есть меня.

— Тебя? — она фыркнула. — Почему ты так уверен, что это не мог быть какой-нибудь другой мужчина?

— Потому что я тот, кто посеял в тебе это желание. И теперь это ползает и крадётся в твоём теле и разуме.

— Желание именно тебя?

— Да, меня. Или, если точнее, то, что ползает у тебя внутри, желает проникнуть в мой кишечный тракт.

— Как мило. Ты имеешь в виду, что я хочу оттрахать тебя страпоном? Мой муж однажды хотел, чтобы я сделала это, когда мы начали встречаться.

Человек, называвший себя Прим, покачал го-

ловой.

— Я имею в виду тонкий и толстый кишечник. Бактериальная флора. Чтобы они могли размножаться. Что касается твоего мужа, то для меня это новость, что он хочет, чтобы проникли в его задний проход. Когда я был маленьким мальчиком, он был тем, кто проникает.

Хелена в замешательстве уставилась на него сверху вниз, но она знала, что не ослышалась.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве ты не знала, что твой муж трахается с мальчиками?

— Мальчиками?

— Маленькими мальчиками.

Она сглотнула. Конечно, ей приходило в голову, что ему нравятся мужчины, но она никогда не спорила с ним по этому поводу. Будь Маркус бисексуалом или — что более вероятно — скрытым геем, это не было извращением. Отвратительно, что Маркус Рё — один из самых богатых и влиятельных людей в городе, человек, которого пресса обвиняла в жадности, уклонении от уплаты налогов, дурном вкусе и кое-чём похуже — не осмеливался признаться миру в одной человеческой черте, которая могла бы помочь ему дышать свободнее. Вместо этого он стал хрестоматийным

примером гомосексуалиста-гомофоба, ненавидящего себя нарцисса и ходячего парадокса. Но маленькие мальчики? Дети? Нет. В то же время теперь, когда это предположение было озвучено ей, и она поразмыслила над ним, всё казалось слишком логичным. Она вздрогнула. Ещё одна мысль пришла ей в голову: это может оказаться полезным в её разводе.

— Откуда ты это знаешь? — спросила она, не двигаясь с места и оглядываясь в поисках своих трусиков.

— Он был моим отчимом. Он насиловал меня с тех пор, как мне исполнилось шесть лет. Я говорю «шесть», потому что самое раннее воспоминание о том, что он делал это, относится к тому дню, когда он подарил мне велосипед. Три раза в неделю. Три раза в неделю он трахал мою маленькую попку. Может, это началось годом раньше, годом позже.

Хелена глубоко дышала ртом. Воздух в машине был насыщен запахом секса и этим необычным мускусным ароматом. Она сглотнула.

— Твоя мать, она знала о…?

— Всё было как обычно. Я полагаю, она подозревала, но ничего не сделала, чтобы убедиться в этом. Она была безработной алкоголичкой, кото-

рая боялась потерять его. И всё же это случилось.

— Тот, кто боится, всегда в конечном итоге остаётся ни с чем.

— А ты не боишься?

— Я? С чего бы мне бояться?

— Ведь теперь ты понимаешь, почему мы здесь с тобой.

Ей показалось, или его член снова становился твёрдым внутри неё?

— Сюсанна Андерсен? — спросила она наконец. — Это сделал ты?

Он кивнул.

— А Бертина?

Он снова кивнул.

Может быть, он блефовал, а может быть, и нет. В любом случае Хелена знала, что ей следует бояться. Так почему же это было не так? Почему вместо этого она начала двигать бёдрами вверх-вниз? Сначала медленно, затем более интенсивно.

— Не надо… — сказал он, внезапно побледнев.

Но она снова оседлала его. Это было так, как будто её тело обладало собственной волей, и она приподнялась на его члене и снова опустилась с полной силой. Почувствовала, как у него свело живот, услышала приглушённый стон, подумала, что он вот-вот кончит снова. Затем она увидела,

как из его рта хлынул каскад жёлто-зелёной рвоты. Она попала ему на грудь, пролилась на сиденье и спустилась к животу, направляясь к ней. Запах был таким едким, что Хелена почувствовала, как у неё самой скрутило желудок, и зажала нос большим и указательным пальцами, задержав дыхание.

— Нет, нет, нет, — простонал он, не двигаясь и ощупывая пол в поисках чего-то. Он нашёл свою рубашку и начал вытираться ею. — Это из-за этого дерьма, — сказал он, указывая на лежащую в центральной консоли автомобиля пачку, похожую на обычную упаковку из-под чипсов. Хелена разглядела на ней надпись «Хиллман Пэтс».

— Мне нужно есть это, чтобы регулировать популяцию паразитов, — сказал он, вытирая футболкой живот. — Но мне трудно найти баланс. Если я ем слишком много, мой желудок с этим не справляется. Надеюсь, ты понимаешь. Или, может, сочувствуешь.

Хелена и не понимала, и не сочувствовала, она просто сосредоточилась на том, чтобы не дышать, зажимая нос. И почувствовала, как с ней произошла странная перемена. Это было так, как если бы желание и вожделение постепенно утихали и заменялись другой эмоцией — страхом.

Сюсанна. Потом Бертина. И теперь настала её очередь.

Ей нужно было выбраться, убраться отсюда, немедленно!

Он посмотрел на неё так, словно почувствовал её страх. Она сделала над собой усилие, чтобы улыбнуться. Её левая рука была свободна, она могла открыть ею дверь, выскочить и убежать. До тех таунхаусов, мимо которых они проезжали, до места, где начиналась лесная тропа, было не больше трёхсот-четырёхсот метров. Хорошо. Четыреста метров были её лучшей беговой дистанцией, и босиком она пробежит быстрее, чем в обуви. Более того, она догадывалась, что он не решится последовать за ней, поскольку они оба были обнажённые, а этого было достаточно, чтобы дать ей необходимую фору. У него также не было бы времени развернуть машину и догнать её, а если бы он попытался сделать это, она могла бы просто срезать, побежав по лесу. Просто нужно было его немного отвлечь, чтобы её левая рука нащупала дверную ручку. Хелена уже собиралась оторваться от своего носа, чтобы прикрыть правой рукой его глаза, изображая нежность, когда ей в голову пришла другая мысль. Что перемена произошла, когда она не дышала и не чувствова-

ла запаха. Что здесь есть какая-то связь.

— Я понимаю, — заискивающе прошептала она. — Такие вещи случаются. Теперь всё чисто. Давай снова выключим свет, — она старалась не вдыхать воздух и надеялась, что он не услышит дрожи в её голосе. — Где светильник?

— Спасибо, — сказал он, едва улыбнувшись, и указал на потолок машины.

Она нащупала выключатель и погасила свет. В темноте она левой рукой вцепилась в внутреннюю сторону пассажирской двери. Нащупала дверную ручку, с усилием открыла её и широко распахнула дверь. Её кожа ощутила холодный ночной воздух. Она оттолкнулась, чтобы убежать. Но он был быстрее. Его руки сомкнулись на её горле, усиливая хватку. Хелена ударила его обеими руками в грудь, но хватка на её горле стала ещё крепче. Она оперлась одним коленом на сиденье, а другим двинула вперёд в надежде ударить его в промежность. Она не ощутила, ударила ли куда-нибудь, но он отпустил её, и она вылезла, почувствовала гравий под босыми ногами, упала, но снова поднялась и побежала. Было трудно дышать, как будто он всё ещё держал её мёртвой хваткой, но она должна была не обращать на это внимания, должна была уйти.

И теперь она вдохнула немного свежего воздуха. Она увидела огоньки внизу, у главной дороги. Они были меньше чем в четырёхстах метрах. Да, даже в трёхстах. Всё должно было быть хорошо. Хелена ускорилась, она действительно сорвалась с места. Он ни за что не смог бы догнать её…

И словно кто-то появился перед ней из темноты и так сильно ударил её по горлу, что она упала на землю. Она приземлилась на спину, ударившись головой о гравий.

Должно быть, она была без сознания несколько секунд, потому что, снова открыв глаза, она услышала шаги идущего к ней по гравию человека.

Хелена попыталась закричать, но хватка снова усилилась.

Она поднесла пальцы к горлу и поняла, что это было.

Ошейник.

Он пристегнул к её шее собачий ошейник, позволил ей убежать, вытянуть поводок из рулетки, спокойно ожидая, пока она не достигнет границы своих пятидесяти метров свободы.

Шагов уже не было слышно, когда её пальцы нащупали застёжку. Она сжала её и освободилась от ошейника. Ей не хватило времени подняться на ноги, её снова повалили на гравий.

Его обнажённое тело казалось мерцающе белым, когда он стоял над ней в темноте, поставив одну ногу ей на грудь. Хелена уставилась на то, что он держал в правой руке. В темноте тускло блестел металл. Это был нож. Большой нож. И всё же она не была напугана. По крайней мере, ей было не так страшно, как тогда, когда она задержала дыхание в машине. Дело было не в том, что она не боялась умереть, а в том, что её похоть была сильнее страха. Она просто не могла объяснить это по-другому.

Он присел на корточки, приставил лезвие к её горлу, наклонился вперёд и прошептал ей на ухо:

— Закричишь, сразу зарежу. Кивни, если поняла.

Она молча кивнула. Он откинулся назад, всё ещё сидя на корточках. И она по-прежнему чувствовала холодную сталь на своей шее.

— Мне жаль, Хелена, — в его голосе звучали слёзы. — Это несправедливо, что ты должна умереть. Ты не виновата, не ты моя цель. Тебе просто ужасно не повезло быть необходимым орудием.

Она закашлялась.

— Не… Необходимым для чего?

— Чтобы унизить и уничтожить Маркуса Рё.

— Потому что он…

— Да, потому что он трахал меня. А когда он этого не делал, мне приходилось сосать его уродливый грёбаный член на ужин и завтрак, а иногда и на обед. Ты можешь это понять, Хелена? Разница в том, что в моём случае не было никаких поощрений. Не считая велосипеда в тот единственный раз. И того, что он, конечно, оставался с моей матерью. Ужасно, не так ли? Я боялся, что он бросит нас. Не знаю, я или моя мать стали слишком стары для него, но он ушёл от нас к более молодой женщине с маленьким сыном. Всё это было задолго до тебя, так что я не думаю, что ты знаешь об этом.

Хелена покачала головой. Она могла видеть себя со стороны, лежащую обнажённой и замерзающую на гравийной дорожке с ножом у горла. Она чувствовала, как камни впиваются в её кожу. Она не видела выхода, возможно, именно сейчас пришёл конец её жизни. И всё же она хотела быть здесь, всё же она хотела его. Неужели она сошла с ума?

— Моя мать впала в депрессию, — сказал он дрожащим голосом, и она увидела, что теперь ему тоже стало очень холодно. — Только когда она снова пришла в себя, у неё нашлись силы сде-

лать то, что она столько раз обещала мне, когда была пьяна. Она покончила с собой и пыталась отнять мою жизнь. Пожарная команда квалифицировала это как несчастный случай из-за курения в кровати. Ни я, ни её брат, дядя Фредрик, не видели причин сообщать им или страховой компании, что она не курила, что найденная ими пачка сигарет принадлежала Маркусу Рё.

Он замолчал. Что-то тёплое коснулось её груди. Слеза.

— Ты собираешься убить меня прямо сейчас? — спросила она.

Он прерывисто вздохнул.

— Как я уже сказал, мне жаль, но жизненный цикл паразитов должен быть завершён. Чтобы они могли размножаться, понимаешь. Мне понадобятся новые, свеженькие паразиты, когда нужно будет заразить новую особь. Ты понимаешь?

Хелена покачала головой. Она хотела погладить его по щеке, ей казалось, что она испытала экстаз, любовь была всеобъемлющей. Но это была не любовь, это была похоть, она просто была чертовски возбуждена.

— И, конечно, есть преимущество в том, что мёртвые ничего не рассказывают, — сказал он.

— Конечно, — сказала она. Она дышала всё тяжелее. Как будто она знала, что это её последние вздохи.

— Но скажи мне, Хелена, пока мы занимались сексом, ты хоть ненадолго почувствовала себя любимой?

— Я не знаю, — сказала она, устало улыбаясь. — Да, я так думаю.

— Хорошо, — сказал он, беря её руку своей свободной от ножа рукой. Сжимая её. — Я хотел дать тебе это как подарок перед тем, как ты умрёшь. Потому что это единственное, что имеет значение, не так ли? Чувствовать себя любимым?

— Может быть, — прошептала она, закрывая глаза.

— Помни об этом, Хелена. Скажи это себе: «Я любима».

Прим посмотрел на неё сверху вниз. Увидел, как шевелятся её губы, формируя слова. *«Я любима».* Затем он поднял нож, направил остриё к её сонной артерии, наклонился вперёд, навалившись на неё всем своим весом, и позволил лезвию погрузиться внутрь. Тёплая струйка крови на его ледяной коже заставила его содрогнуться от восторга и ужаса.

Он крепко держался за рукоятку ножа. Дрожа-

ние тела дало ему понять, что жизнь покидает её. Кровь брызнула в третий раз и начала течь. Через несколько секунд нож подсказал ему, что Хелена Рё мертва.

Он вытащил нож и сел на землю рядом с ней. Вытер слёзы. Он дрожал от холода, страха и угасающего напряжения. Легче не становилось, становилось только хуже. Это были невинные люди. А виновный был жив. С ним всё было бы совершенно иначе. Лишить жизни Маркуса Рё было бы радостью. Но сначала ублюдок будет так сильно страдать, что смерть придёт как избавление.

Прим почувствовал что-то на своей коже. Небольшой дождь. Он поднял глаза. Чёрное небо. Сегодня вечером по прогнозу погоды ожидался сильный дождь. Он смоет большую часть следов, но ему всё ещё предстояло поработать. Он посмотрел на свои часы, которые были единственной вещью, которую он не снял. Половина десятого. Если он хорошо поработает, то сможет вернуться в центр города к половине одиннадцатого.

Глава 29

Суббота
Tapetum lucidum

До полуночи оставался час, и мокрые дорожки блестели под светом фонарей в Парке Королевского дворца.

Харри был в состоянии приятного онемения, а реальность вокруг была соответствующим образом искажена. Словом, он был в той сладкой точке опьянения, когда ещё сознавал обман, но всё же не чувствовал душевной боли. Они с Александрой шли по парку. Лица идущих навстречу проплывали мимо. Чтобы поддержать его, она положила его руку себе на плечо, а своей обняла его за талию. Она всё ещё злилась.

— Одно дело — отказаться обслуживать нас, — прошипела она.

— Отказаться обслуживать *меня*, — сказал Харри, его дикция была значительно твёрже походки.

— Другое дело — вышвырнуть нас.

— Вышвырнуть *меня*, — сказал Харри. — Я заметил, что бармены не любят, когда клиенты

засыпают, положив голову на стойку.

— Не важно. Всё дело в том, *каким образом* они это сделали.

— Бывает гораздо хуже, Александра. Поверь мне.

— Ах, да?

— Угу. Это был один из самых тактичных методов, которыми меня вышвыривали. Я думаю, он мог бы пробраться в мой список пяти самых приятных вышвыриваний.

Она рассмеялась, прижавшись головой к его груди. В результате Харри свернул с дорожки на королевскую лужайку, где пожилой мужчина, державший на поводке свою собаку, пока та справляла нужду, неодобрительно уставился на них.

Она вернула Харри на ровный киль.

— Давай остановимся в «Лорри» и выпьем кофе, — предложила она.

— И пиво, — сказал Харри.

— Кофе. Если только ты не хочешь, чтобы тебя снова выбросили на улицу.

Харри обдумал это.

— Хорошо.

«Лорри» был переполнен, но они нашли места рядом с двумя франкоговорящими мужчинами

в третьей кабинке слева от входной двери, и им подали большие чашки горячего кофе.

— Они обсуждают убийства, — прошептала Александра.

— Нет, — сказал Харри, — они говорят о гражданской войне в Испании.

В полночь, напившись кофе и чуть протрезвев, они покинули «Лорри».

— Ко мне или к тебе? — спросила Александра.

— А есть другие альтернативы?

— Нет, — сказала она. — Значит, ко мне. И мы прогуляемся. Свежий воздух.

Квартира Александры находилась в доме у ворот Маркуса Трейнса, на полпути между Сент-Хансхаген и площадью Александра Килландса.

— Ты переехала с тех пор, как я был у тебя в последний раз, — сказал Харри, стоя в спальне, слегка покачиваясь, пока она пыталась его раздеть. — Но кровать всё та же, я вижу.

— Хорошие воспоминания?

Харри сделал паузу, чтобы подумать.

— Идиот, — сказала Александра, толкая его на кровать и вставая на колени, чтобы расстегнуть его брюки.

— Александра… — сказал он, положив свою руку на её.

Она остановилась и посмотрела на него.

— Я не могу, — сказал он.

— Слишком пьян, ты имеешь в виду?

— Это тоже, наверное. Но сегодня я был на её могиле.

Он ждал гнева и насмешек. Холодности. Презрения. Вместо этого в её глазах читалась лишь усталое смирение. Она затолкала его под одеяло в брюках, выключила свет и заползла следом за ним. Прижалась к нему.

— Всё ещё больно? — спросила она.

Харри попытался придумать другой способ описать это чувство. Пустота. Потеря. Одиночество. Страх. Даже паника. Но на самом деле она попала в самую точку, всеобъемлющим чувством была боль. Он кивнул.

— Тебе повезло, — сказала она.

— Повезло?

— Любить кого-то так сильно, что это причиняет такую боль.

— Мм.

— Извини, если это прозвучало банально.

— Нет, ты права. Наши эмоции банальны.

— Я не имела в виду, что любить кого-то банально. Или желать быть любимым.

— И я не имел.

Они обняли друг друга. Харри уставился в темноту. Затем закрыл глаза. У него осталась половина отчётов. Ответ мог быть там. В противном случае ему придётся испробовать отчаянный план, от которого он отказался, но который снова и снова приходил ему в голову после разговора с Трульсом в «Шрёдере». Он отключился.

Он скакал верхом на механическом быке. Его тело бросало из стороны в сторону, пока он крепко держался и пытался заказать выпивку. Он пытался сфокусироваться на бармене за стойкой, но рывки были слишком резкими, а черты лица перед ним расплывались.

— Чего бы ты хотел, Харри? — это был голос Ракель. — Скажи мне, чего ты хочешь.

Была ли это действительно она? *«Я хочу, чтобы бык остановился. Я хочу, чтобы мы были вместе».* Харри пытался прокричать это, но не мог издать ни звука. Он нажимал кнопки на задней части шеи быка, но подбрасывания и вращения только усиливались и ускорялись.

Он услышал звук, словно нож разрезает плоть, и раздался её крик.

Бык стал двигаться медленнее. Пока совсем не остановился.

Он не видел никого за барной стойкой, но кровь

стекала по зеркальным полкам, бутылкам и стаканам. Он почувствовал, как что-то твёрдое прижимается к его виску.

— Я могу сказать, что ты в долгу, — прошептал голос позади него. — Да, ты должен мне жизнь.

Он посмотрел в зеркало. В конусе света, льющегося сверху, он увидел собственную голову, ствол пистолета и руку, держащую палец на курке. Лицо человека, в чьей руке был пистолет, скрывала темнота, но он мог видеть мерцание чего-то белого. Он был голым? Нет, это был белый воротничок.

— Подожди! — сказал Харри и обернулся. Это был не мужчина из лифта. И не человек за тонированным стеклом «Камаро». Это был Бьёрн Хольм. Его рыжеволосый коллега прижал пистолет к собственному виску и нажал на курок.

— Нет!

Харри обнаружил, что сидит в постели.

— Господи! — пробормотал голос, и он увидел чёрные волосы на белой подушке рядом с собой. — Что происходит?

— Ничего, — хрипло ответил Харри. — Это просто сон. Мне пора идти.

— Почему?

— Мне надо прочесть отчёты. И я обещал рано

утром пойти погулять в парке с Гертом.

Он вылез из постели, нашёл свою рубашку на стуле, надел её и начал застёгивать. Почувствовал, как поднимается тошнота.

— Ты взволнован перед встречей с ним?

— Я просто хочу прийти вовремя. — Он наклонился и поцеловал её в лоб. — Спокойной ночи и спасибо за прекрасный вечер. Я найду выход.

Когда Харри добрался до внутреннего двора, его вырвало. Ему удалось протиснуться между двумя зелёными мусорными баками на колёсах у стены, прежде чем его желудок скрутило узлом, и содержимое выплеснулось на грязные булыжники. Пока он стоял, приходя в себя, он увидел что-то светящееся красным в темноте у стены на другой стороне двора. Это были кошачьи глаза. Tapetum lucidum, как объяснила ему Люсиль, слой в задней части глаза, который теперь отражал свет от одного из окон на первом этаже. Он также мог различить кошку, которая тихо сидела и смотрела на него. Вернее, когда глаза Харри привыкли к темноте, он увидел, что её внимание привлёк не он, а мышь между ним и кошкой. Мышь медленно двинулась от мусорных баков к кошке. Это было похоже на дежавю того последнего утра в бунгало на Дохени Драйв. Она

волочила за собой свой длинный блестящий хвост, как приговорённый к смерти вынужден тащить верёвку на виселицу. Кошка слегка наклонилась вперёд и быстрым манёвром вонзила зубы в шею грызуна. Харри снова вырвало, он опирался о стену, когда кошка бросила уже мёртвую мышь на землю перед ним. Светящиеся глаза смотрели на Харри, словно ожидая аплодисментов. Это театр, подумал Харри. Чёртов театр, где мы недолгое время просто играем роли, которые кто-то написал для нас.

Глава 30

Воскресенье

Утреннее солнце ещё не высушило залитые дождём улицы, когда Тхань прибыла в «Монс».

У неё не было с собой ключей от зоомагазина. Было воскресенье, и магазин являлся лишь местом встречи для передачи собак, которых она выгуливала. Клиент был новым, он позвонил накануне. Для людей было необычно пользоваться её услугами по присмотру за собаками в выходные: обычно в эти дни у них было время самим присматривать за своими питомцами. Тхань с нетерпением ждала возможности прогуляться и надела спортивную форму на случай, если собака захочет немного побегать. Вчера они с матерью готовили еду. Её отец вернулся домой из больницы, и, хотя врач дал ему строгие указания не переедать и избегать острой пищи, он, к удовольствию её матери, с энтузиазмом набросился на все блюда, которые она подала.

Тхань увидела человека с собакой, приближающегося через усыпанный гравием парк Вестканторгет. Собака — лабрадор — судя по

походке, страдала дисплазией тазобедренного сустава. Когда они подошли ближе, она увидела, что это был полицейский, заходивший в магазин два дня назад. Её первой мыслью — возможно, потому, что он был одет в костюм, — было то, что он идёт на воскресную службу или конфирмацию, и поэтому его собаке нужен присмотр. Но, когда она впервые встретилась с ним, он также был одет в костюм. Может, это был его рабочий костюм. В таком случае она была рада, что не взяла с собой ключи, если его план состоял в том, чтобы убедить её впустить его в магазин.

— Привет, — сказал он, улыбаясь. — Меня зовут Сон Мин.

— Тхань, — сказала она и погладила виляющую хвостом собаку.

— Тхань. А его зовут Каспаров. Как можно оплатить?

— «Виппс»[47]. Если у тебя есть приложение. Могу выдать чек, если хочешь.

— Ты имеешь в виду, что не будешь работать мимо кассы ради полицейского? — он рассмеялся. — Извини, неудачная шутка, — сказал он, понимая, что она не рассмеялась вместе с ним. — Не

---

[47] Примечания: 47

«Виппс» («Vipps») — мобильное платёжное приложение для смартфонов.

возражаешь, если я пройдусь с вами часть пути?

— Конечно, нет, — сказала она и взяла поводок, отметив, что ошейник Каспарова был фирмы «Уильям Уокер». Это была марка дорогих, но мягких и нежных для собачьей шеи поводков. Она хотела включить их в ассортимент магазина, но Джонатан отказался.

— Обычно я гуляю во Фрогнер-парке, — сказала она.

— Хорошо.

Они пошли на юг и свернули на улицу Фуглехауггата в сторону парка.

— Я вижу, ты в спортивной форме, но боюсь, для Каспарова пробежки уже в прошлом.

— Я заметила. Ты рассматривал операцию?

— Да, — сказал он. — Несколько раз. Но ветеринар был против. Однако я думаю, что мы на верном пути, с правильным питанием и — в периоды обострений — с обезболивающими и противовоспалительными средствами.

— Похоже, ты заботишься о своей собаке.

— О, да. У тебя самой есть собака?

Она покачала головой.

— Я больше за мимолётные интрижки. Как сейчас с Каспаровым.

Теперь они рассмеялись оба.

— Боюсь, на днях мне не очень удалось поладить с твоим боссом, — сказал он. — Он всегда такой угрюмый?

— Не знаю, — сказала Тхань.

Полицейский молчал, и она понимала, что он ждёт разъяснений. Конечно, она не была обязана ничего говорить, но такие молчаливые паузы могли лишь подчеркнуть нежелание сказать больше, как будто происходит что-то подозрительное.

— Я не так хорошо его знаю, — сказала она, хотя теперь сказанные ею слова прозвучали так, будто она хотела дистанцироваться от Джонатана, что могло выставить его в невыгодном свете, а это определённо не входило в её намерения.

— Странно, — сказал полицейский. — То, что вы мало знаете друг друга, когда оба являетесь единственными сотрудниками магазина.

— Да, — ответила она. Они остановились на красный свет на пешеходном переходе через Киркевейен. — Это может быть немного странно. Но в действительности тебя интересует, известно ли мне, не провозил ли он чего в страну контрабандой. А мне неизвестно.

Боковым зрением она могла видеть, как он смотрит на неё, и когда свет сменился на зелё-

ный, она пошла так быстро, что он остался стоять на тротуаре позади неё.

Сон Мин поспешил за девушкой из зоомагазина.

Он был раздражён. Ясно, что это ни к чему не приведёт, она насторожена и не собирается ничего говорить. Это был зря потраченный выходной, и его настроение не улучшилось из-за вчерашней ссоры с Крисом.

У монументальных главных ворот Фрогнерпарка стоял продавец цветов, предлагая туристам свой печальный товар.

— Роза для прекрасной возлюбленной.

Продавец сделал шаг вперёд, так что он заблокировал один из небольших боковых входов, к которому направлялись Сон Мин и Тхань.

— Нет, спасибо, — сказал Сон Мин.

Продавец повторил своё предложение на ломаном норвежском языке, будто Сон Мин не расслышал в первый раз.

— Нет, — сказал Сон Мин и последовал за Тхань и Каспаровым, которые обошли человека и прошли через ворота.

Но продавец последовал за ним.

— Роза для прекрасной…

— Нет!

Мужчина явно подумал, что Сон Мин, судя по его одежде, может себе это позволить, и что они с Тхань — пара, поскольку оба были азиатской внешности. Конечно, небезосновательное предположение, и в другой день оно не побеспокоило бы Сон Мина. Он редко, если вообще когда-либо, позволял предубеждениями окружающих спровоцировать себя, они были лишь частью того, как люди справляются со сложным миром. На самом деле Сон Мина чаще раздражали люди, которые были настолько эгоистичны, что обижались каждый раз, когда считали себя жертвой даже самого безобидного предубеждения.

— Роза для…

— Я гей.

Продавец остановился и какое-то время тупо глазел на Сон Мина. Затем он облизнул губы и протянул один из обёрнутых в целлофан бледных цветов.

— Роза для пре…

— Я гей! — взревел Сон Мин. — Понимаешь? В полном смысле этого слова!

Продавец попятился, и Сон Мин увидел, что люди, входящие и выходящие из ворот, оборачиваются, чтобы посмотреть на них. Тхань остановилась с испуганным лицом, а Каспаров

коротко гавкнул и потянул поводок, чтобы прийти на помощь своему хозяину.

— Прости, — вздохнул Сон Мин. — Вот, — он взял цветок и вручил продавцу банкноту в сто крон.

— У меня нет… — начал было мужчина.

— Ничего страшного, — Сон Мин подошёл к Тхань и протянул ей розу.

Сначала она просто смотрела на него с удивлением. Затем начала смеяться.

Сон Мин на мгновение замешкался, прежде чем увидел забавную сторону ситуации, затем тоже рассмеялся.

— Мой папа говорит, что это в большей степени европейская традиция — дарить цветы своей возлюбленной, — сказала Тхань. — Так делали греки в древности, французы и англичане в средние века.

— Да, но розы родом с того же континента, что и мы, — сказал Сон Мин. — Там, откуда я родом, в Южной Корее, в городе Самчхок, проходит очень известный фестиваль роз. А мугунхва, роза Шарона, является национальным символом Кореи[48].

— Да, но строго говоря, разве мугунхва — роза?

---

[48] Примечания: 48

Мугунхва (Роза Шарона) — гибискус сирийский, национальный цветок Южной Кореи.

Прежде чем они добрались до Монолита, разговор перешёл от цветов к домашним животным.

— Я не знаю, любит ли вообще Джонатан животных, — сказала она, когда они стояли в верхней части парка и смотрели вниз на Скёйен. — Я думаю, что он просто случайно оказался в этом бизнесе. С тем же успехом это мог быть продуктовый магазин или магазин электроники.

— Но ты ничего не знаешь о том, чтобы он продолжал закупать «Хиллман Пэтс» после запрета на ввоз?

— Почему ты считаешь, что он этим занимается?

— Он был очень напряжён, когда я заходил в магазин.

— Может быть, он боялся…

— Да?

— Нет, ничего.

Сон Мин глубоко вздохнул.

— Я не таможенник. И не собираюсь выдвигать ему обвинения в незаконном ввозе. Я отрабатываю зацепку, которая окольными путями может помочь нам задержать человека, убившего двух исчезнувших девушек. И предотвратить новые смерти.

Тхань кивнула. Казалось, она немного колеб-

лется, прежде чем принять решение.

— Единственное, что сделал Джонатан на моей памяти незаконно, — это согласился взять лисёнка, которого кто-то привёз с собой из Лондона — видимо, там в городе живут лисы. Провозить лис в страну, конечно, является нарушением, и я думаю, когда эти люди об этом узнали, то испугались. Они не решались пойти к ветеринару, чтобы его усыпить, и не могли сделать это сами, поэтому вместо этого отдали лисёнка Джонатану. И, без сомнения, им пришлось щедро заплатить ему, за то что он снял с них этот груз.

— Люди делают такие вещи?

— Ты и половины не знаешь. Дважды я сталкивалась с владельцами, которые не удосуживались забрать своих собак и растворялись в воздухе.

— И что ты делала?

— Брала их домой. Но у нас не так много места, поэтому в итоге мне приходилось отвозить их в приют для животных. Это так грустно.

— А что случилось с лисёнком?

— Я не знаю и не уверена, что хотела бы знать. Я любила этого лисёнка, — Сон Мин видел, что у неё глаза на мокром месте. — Вдруг в один прекрасный день он исчез. Наверное, его смыли в унитаз…

— В унитаз?

— Нет, конечно, нет. Но, как я уже сказала, я не хочу знать, как он избавился от Нхи.

Они продолжали гулять, пока Тхань рассказывала ему о своих планах, о своей мечте стать ветеринаром. Сон Мин слушал. Эта девушка не могла не нравиться. Кроме того, она была сообразительна, поэтому больше не было никаких причин притворяться, будто он обратился к ней действительно за присмотром за своей собакой, так что он сопровождал её всю дорогу. Его расспросы оказались бесплодными, но он утешал себя тем, что, по крайней мере, провёл время с кем-то, кто ценит четвероногих друзей так же сильно, как и он.

— Ой, — сказала Тхань, когда они снова подошли к «Монс». — Это Джонатан.

Дверь магазина была открыта, а снаружи был припаркован универсал «Вольво». Мужчина склонился к открытой со стороны пассажира двери. Вероятно, он не мог их слышать из-за шума пылесоса. У его ног стояло ведро с водой, пена переливалась через край, а машина была мокрой и блестящей. Вода всё ещё сочилась из шланга, лежащего на асфальте.

Сон Мин взял поводок Каспарова и подумал, не

ускользнуть ли ему незамеченным и оставить Тхань решать самой, хочет ли она рассказать об их встрече. Но прежде чем он успел принять решение, владелец магазина выпрямился и повернулся в их сторону.

Сон Мин видел, как загорелись глаза мужчины, когда он всё понял и, несомненно, правильно истолковал ситуацию.

— Как-то это не по-христиански мыть машину в часы церковной службы, разве нет? — сказал Сон Мин, прежде чем остальные успели что-нибудь вымолвить.

Глаза мужчины сузились.

— Мы только что прогулялись в парке, — быстро добавила Тхань. — Присмотр за собакой.

Сон Мину хотелось бы, чтобы её голос звучал менее тревожно. Как будто это у них была причина занять оборонительную позицию, а не у него.

Не говоря ни слова, мужчина понёс пылесос и шланг в магазин. Он появился снова, взял ведро и вылил его содержимое на тротуар. Мыльная пена и грязная вода образовали лужи вокруг ботинок Сон Мина ручной работы.

Сон Мин этого не замечал, лишь сосредоточился на мужчине, идущем в магазин с пустым ведром. Гнев, который он увидел, был вызван

только тем, что полицейский был надоедливой неприятностью? Или это потому, что он испугался? Сон Мин не знал точно, на какую мозоль он наступил, но то, что он это сделал, было несомненным. Мужчина вернулся и запер дверь магазина, затем подошёл к машине, не удостоив их взглядом. Сон Мин увидел остатки комьев земли в воде, которая стекала с шин на крышку канализационного люка.

— Ездил в лес? — спросил Сон Мин.

— Идёшь по ложному следу? — спросил владелец магазина, садясь на водительское сиденье, закрывая дверь и запуская двигатель.

Сон Мин наблюдал, как «Вольво» умчался по спокойной в воскресенье улице Нойберггате.

— Что было у него в багажнике?

— Клетка, — сказала Тхань.

— Клетка, — повторил Сон Мин.

— Ох, — прошептала Катрина, убирая из-под руки Харри свою.

— Что случилось? — спросил он.

Она не ответила.

— Што свутивось, мамотька? — спросил Герт, державший Харри за руку.

— Мне просто показалось, что я кое-кого увидела, — сказала Катрина, покосившись на

возвышенность за Монолитом.

— Опять Сон Мин? — спросил Харри. Катрина рассказала ему, что, пока они с Гертом ждали у ворот, видели, как Сон Мин входил в парк с девушкой.

Катрина не стала привлекать его внимание: ей не хотелось, чтобы коллеги видели её в компании Харри. В этом смысле Фрогнер-парк в солнечное воскресенье был рискованным выбором, внутри уже было много людей, некоторые даже сидели на траве, которая, должно быть, была ещё влажной после вчерашнего ночного дождя.

— Нет, мне показалось, что это… — Она сделала паузу.

— Парень, с которым ты ходила на свидания? — спросил Харри, в то время как одетый в зимний комбинезон Герт тянул его за рукав, чтобы дядя Харри поднял его с земли и покрутил ещё разок.

— Может быть. Бывает думаешь о ком-нибудь, а потом внезапно начинаешь видеть его лицо повсюду, куда бы ни пошёл, понимаешь?

— Ты имеешь в виду, что видела его вон там?

— Нет, это не мог быть он, он собирался сегодня поработать. Но я всё равно не могу разгуливать с тобой под руку, Харри. Если бы мы встретили кого-то из коллег и они увидели бы нас двоих…

— Я понимаю, — сказал Харри, проверяя время. Оставалось целых два дня. Он объяснил Катрине, что у него есть всего пара часов, прежде чем ему нужно будет вернуться в отель и продолжить работу. Но он знал, что это только для того, чтобы дать себе ощущение, что он что-то предпринимает, но было нереалистично полагать, что он найдёт что-то в отчётах. Что-то должно было *произойти*.

— *Не тудя, вот сюдя!* — сказал Герт, уводя Харри с дорожки на тропу, ведущую между деревьями к детской площадке и замку Фрогнер, деревянной крепости в миниатюре, на которую дети вбирались, чтобы поиграть.

— Как, ты сказал, он называется? — невинно спросил Харри.

— Замак Флогнол!

Харри увидел предупреждающий взгляд Катрины и изо всех сил постарался не рассмеяться. Что, чёрт возьми, с ним происходит? Он слышал, что недостаток сна может вызывать у людей психоз, но находился ли он сам в этой стадии?

У него зазвонил телефон, он взглянул на дисплей.

— Я должен ответить. Идите вперёд, я вас догоню.

— Спасибо за прекрасную ночь, — сказал он в трубку, оказавшись вне зоны слышимости.

— Нет, это *тебе* спасибо, — сказала Александра. — Но я звоню не поэтому. Я на работе.

— В воскресенье?

— Если ты покидаешь тёплые объятия девушки в её постели посреди ночи ради того, чтобы читать отчёты, значит и я могу позволить себе немного поработать.

— Справедливо.

— На самом деле я пришла, чтобы позаниматься своей диссертацией, но оказалось, что анализ ДНК с кухонного бумажного полотенца, о котором ты просил, готов, поэтому я подумала, что ты захочешь сразу же узнать результаты.

— Мм.

— Профиль ДНК совпадает со слюной, которую мы нашли на соске Сюсанны Андерсен.

Утомлённый мозг Харри не сразу воспринимал информацию, а сердцебиение учащалось. Он только что хотел, чтобы что-то произошло, и вот это случилось. Некоторые обращались в веру и за меньшее. Но он подумал, что не стоит так удивляться. Подозрение относительно того, чья слюна на груди Сюсанны, в конце концов было достаточно сильным, чтобы он постарался

заполучить ДНК Маркуса Рё.

— Спасибо, — сказал он и повесил трубку.

Добравшись до детской площадки, он обнаружил Катрину, стоящую на четвереньках на песке перед замком. Она подражала ржанию, в то время как Герт, сидевший у неё на спине, упирался пятками ей в бока. Она объяснила, всё ещё стоя на четвереньках, что Герт увидел фильм о рыцарях и настоял на том, чтобы приехать в замок верхом на лошади.

— Слюна, обнаруженная на Сюсанне, принадлежит Маркусу Рё, — сказал Харри.

— Откуда ты знаешь?

— Я заполучил ДНК Рё и отправил Александре.

— Чёрт побери.

— Мама…

— Да, мама будет следить за своим языком. Но если ДНК получена таким образом, то это вне правил, поэтому не может быть использована в суде.

— Это было сделано не в установленном полицией порядке, но именно об этом мы с тобой и говорили. Ничего не мешает тебе и твоим людям использовать информацию, полученную другими.

— Можешь…?

Она кивнула в сторону своего всадника. Харри снял Герта с «лошади», несмотря на его протесты, и Катрина поднялась на ноги.

— Жена Рё всё ещё обеспечивает ему алиби. Тем не менее этого может быть достаточно для его ареста, — сказала она, смахивая песок с колен брюк и наблюдая за Гертом, подбежавшим к спускающейся с одной из башен горке.

— Мм. Я думаю, что Хелена Рё может немного колебаться в этом вопросе.

— Да?

— Я общался с ней. Алиби — её разменная монета в предстоящем разводе.

Катрина нахмурилась и достала свой зазвонивший телефон. Посмотрела на экран.

— Братт.

«Её рабочий голос», — подумал Харри. И судя по изменению выражения её лица, мог догадаться об остальном.

— Я скоро буду, — сказала она и прервала связь. Взглянула на Харри.

— Тело найдено. Лиллёйпласен.

Харри на мгновение задумался. Разве это не было на окраине Снаройи, среди заболоченных земель?

— Хорошо, — сказал он. — Но зачем торопиться

с привлечением тактических следователей? Разве тебе не следует сосредоточиться на аресте Рё?

— Это то же самое дело. Девушка. Обезглавлена.

— Дерьмо.

— Ты можешь пока поиграть с ним? — она кивнула в сторону Герта.

— Ты будешь занята до конца дня, — сказал Харри. — И весь вечер. Рё нужно…

— От ворот и от квартиры, — она вытащила из связки два ключа. — В холодильнике есть еда. И избавь меня от скептического взгляда, ты отец, в конце концов.

— Хм. По всей видимости, я отец, когда тебе это удобно.

— Ага. А ты сейчас говоришь в точности как одна из тех жён полицейских, которые вечно жалуются, — она протянула ему ключи. — Позже мы возьмёмся за Рё. Я буду держать тебя в курсе.

— Разумеется, — сказал Харри, стиснув зубы.

Он смотрел, как Катрина подошла к горке, сказала Герту несколько слов и обняла его, и провожал взглядом, пока она трусцой выбегала из парка с телефоном у уха. Он почувствовал, как его тянут за руку, и посмотрел на обращённое к нему лицо Герта.

— Восадка.

Харри улыбнулся и сделал вид, что не услышал.

— Восадка!

Улыбка Харри стала ещё шире, он посмотрел на брюки своего костюма и понял, что ему придётся сдаться.

Глава 31

Воскресенье
Крупные млекопитающие

Было одиннадцать часов утра. Солнце припекало, но как только оно спряталось за облако, Катрина поёжилась. Она стояла у рощицы и смотрела на пляж, покрытый высокой жёлтой травой, а дальше раскинулось сверкающее море, по которому взад и вперёд ходили парусные лодки. Она повернулась в другую сторону. Носилки с телом женщины несли к машине скорой, от которой к Катрине шёл Сон Мин.

— Ну как? — сказал он.

— Она лежала в высокой траве прямо на берегу. — Катрина тяжело вздохнула. — В очень плохом состоянии, худшем, чем у двух других девушек. Здесь гуляют в основном семьи с маленькими детьми, которые рано встают, конечно, кто-то из них должен был найти её.

— О боже, — покачал головой Сон Мин. — Есть идеи, кто это?

— Она была без одежды, её голова — отрублена. Сообщений о пропаже без вести не было. Пока

не было. Но, предполагаю, она была молода и красива, так что…

Она не закончила фразу. Это ненадолго. Как показывал опыт, о пропаже молодых и красивых сообщали быстрее всего.

— Полагаю, следов нет.

— Нет, преступнику повезло, прошлой ночью шёл дождь.

Сон Мин вздрогнул от внезапного порыва холодного ветра.

— Я не думаю, что это удача, Братт.

— И я.

— Мы в силах что-нибудь сделать, чтобы тело быстрее опознали?

— Ага. Я думала позвонить Моне До в «ВГ». Предоставить ей эксклюзивную информацию об убийстве, а в ответ они усердно поработают над материалом и представят его так, как надо нам. Это не слишком много и не слишком мало. Тогда остальные журналисты смогут процитировать её статью и потом жаловаться, что у полиции есть любимчики в прессе.

— Неплохая идея. Мона До согласится на это хотя бы для того, чтобы заполучить то, чего нет у Воге.

— Читаешь мои мысли.

Они молча наблюдали за тем, как криминалисты продолжали фотографировать и тщательно прочёсывать оцепленную территорию в поисках улик.

Сон Мин покачивался на каблуках.

— Тебе на кажется, что её, как и Бертину, привезли сюда на машине?

Катрина кивнула.

— Сюда не ходят автобусы, а в фирмах такси, которые мы проверили, вчера вечером не было заказов в этот район, так что ты, по всей вероятности, прав.

— Ты не знаешь, есть ли рядом гравийные или грунтовые дороги?

Катрина внимательно посмотрела на него.

— Ты имеешь в виду следы от шин? Я видела здесь только асфальтированные дороги. Но все следы от шин, вероятно, уже смыло дождём.

— Конечно, я просто…

— Что «просто»..?

— Пустяки, — сказал Сон Мин.

— Тогда я позвоню в «ВГ», — сказала Катрина.

Было без четверти двенадцать. Прим медленно развернул лист пергаментной бумаги.

Его захлестнула новая волна гнева. Он ощущал подобные эмоции время от времени с тех пор,

как он увидел их двоих вместе. Идущих, как двое влюблённых. Её, Женщину, которую он любил, и того парня. Когда мужчина и женщина вот так гуляют в парке, мало кто сомневается в происходящем. Ему была нужна она. А ещё полицейский! У Прима не было времени придумать план, как избавиться от этого неожиданного соперника, но скоро он это сделает.

Перед ним был развёрнут лист пергаментной бумаги, сверху которого лежал человеческий глаз.

Прим почувствовал, как пересохло во рту.

Но он должен.

Он взял глаз двумя пальцами, чувствуя, как нарастает тошнота. Его не может опять стошнить, иначе всё прошло бы впустую. Он снова перевёл взгляд на лист и попытался дышать глубоко и спокойно. Снова проверил сайты газет на своём телефоне. Наконец-то, вот оно! На первой странице «ВГ». Самая первая была опубликована статья, с большой иллюстрацией, на которой были изображены болота. В материале, автором которого была указана Мона До, он прочитал, что тело пока ещё неопознанной женщины было найдено у усадьбы Лиллёйпласен, расположенной на полуострове Снаройя. Тело снова было обезглав-

лено, и «ВГ» призывало читателей обращаться в полицию, если у них есть какая-либо информация о том, кем могла быть убитая женщина. А также всех тех, кто был в этом районе накануне вечером, вне зависимости от того, видели они что-нибудь или нет. Мона До написала, что полиция пока отказывается комментировать, было ли это убийство связано с убийствами Сюсанны Андерсен и Бертины Бертильсен, но очевидно, что дело обстоит именно так.

Прим посмотрел на статью. Она была размещена над несколькими статьями о политике, который мошенничал с налогами, о сегодняшнем решающем матче между футбольными клубами «Будё-Глимт» и «Молде», а также о войне на Востоке.

Он чувствовал странное опьянение от того, что находится там, в центре внимания, в главной роли. Не так ли чувствовала себя мамочка перед заворожённой, затаившей дыхание публикой, когда она в роли рассказчика размахивала волшебной палочкой? Неужели в нём наконец проснулись её гены и страсть?

Он достал другой телефон, предоплаченный, купленный в онлайн-магазине, с латвийской сим-картой, зарегистрированной на вымышлен-

ное имя. Набрал номер телефонной линии «ВГ». Сказал, что дело касается мёртвой женщины у Лиллёйпласен, и попросил соединить с Моной До.

Когда линию переключили на Мону, её приветствие прозвучало как приказ.

— До.

Прим придал своему голосу более глубокий тембр, по которому, как он знал по опыту, никто не мог его опознать.

— Кто я такой, не имеет значения, но я очень волнуюсь. Я должен был сегодня встретиться с Хеленой Рё во Фрогнер-парке. Она так и не появилась, на звонки не отвечает, дома её тоже нет.

— Кто…

Прим завершил разговор. Посмотрел на лист пергаментной бумаги. Поднял глаз и внимательно его осмотрел его. Положил себе в рот. И разжевал.

В половину первого дня Юхан Крон позвонил Харри Холе.

Он сошёл с веранды, где сидела с чашкой кофе его жена, повернув лицо к солнцу. Она сказала, что не доверяет метеосводкам, согласно которым ожидается более тёплая погода. Он застегнул пальто, ожидая ответа. Наконец он услышал

запыхавшийся голос Харри.

— Извини, я мешаю тренировке?

— Нет, я играю.

— Играешь?

— Я дракон, атакующий замок.

— Понятно, — сказал Юхан Крон. — Я звоню, потому что со мной только что связался Маркус. Его помощник сообщил, что был звонок из Института судебной медицины. Они хотят, чтобы Рё пришёл к ним и опознал тело. — Он глубоко вздохнул. — Они думают, что это может быть Хелена.

— Хм.

Юхан Крон не мог понять, был шокирован Холле или нет.

— Я подумал, что ты, возможно, захочешь составить ему компанию. Тогда и ты сможешь осмотреть тело. Хелена это или нет, убийца, вероятно, один и тот же.

— Хорошо, — сказал Холе. — Можешь ли ты подъехать в течение нескольких минут и присмотреть за трёхлетним ребёнком?

— Трёхлетним?

— Ему понравится, если ты притворишься животным. Предпочтительно крупным млекопитающим.

Юхан Крон второй раз нажал кнопку вызова,

на которой было написано «Институт судебной медицины».

— Сегодня воскресенье — ты уверен, что кто-то работает?

— Они сказали, что я должен прийти как можно скорее и позвонить в эту дверь, — сказал Маркус Рё, оглядев фасад здания.

Вскоре они увидели, что внутри здания кто-то в зелёной форме идёт к стеклянной двери и, наконец, открывает её.

— Извините, мой коллега сегодня не работает, — сказал он из-под хирургической маски. — Я Хельге, ассистент по судебно-медицинским экспертизам.

— Юхан Крон, — адвокат инстинктивно протянул руку для рукопожатия, но судмедэксперт покачал головой, подняв руки в перчатках.

— А мертвецы могут быть инфицированы? — саркастически спросил Рё сзади.

— Нет, но они могут заразить живых, — сказал ассистент.

Они последовали за ним через пустой коридор в комнату с окном, через которое было видно помещение, где, как предположил Крон, проводились вскрытия.

— Кто из вас будет проводить опознание?

— Он, — сказал Крон, кивнув в сторону Маркуса Рё.

Мужчина вручил Рё маску, форму и шапочку, как у него.

— Могу ли я спросить, кем ты приходишься человеку, который может оказаться умершим?

Рё на мгновение выглядел растерянным.

— Мужем, — сказал он. Саркастический тон исчез, как будто в его сознание начала проникать мысль о том, что здесь действительно может лежать Хелена.

— Перед тем, как ты наденешь маску, я бы хотел предложить тебе выпить воды, — сказал ассистент по судебно-медицинским экспертизам.

— Спасибо, но в этом нет необходимости, — сказал Рё.

— Опыт подсказывает, что наличие жидкости в организме действует очень благоприятно, когда мы имеем дело с таким случаем. — Ассистент налил воду из графина в стакан. — Поверь мне, ты поймёшь это, когда мы войдём.

Рё посмотрел на него, быстро кивнул и осушил стакан.

Ассистент оставил дверь открытой, и они с Рё вошли внутрь.

Крон подошёл к окну. Они стояли по обе сторо-

ны от тележки, где под белой простынёй были видны очертания лежащей женской фигуры. Без головы. Очевидно, в помещении были установлены микрофоны, и Крон мог слышать их голоса через динамики, размещённые над окном.

— Ты готов?

Рё кивнул, и ассистент убрал простыню.

Крон отпрянул от окна. По своей работе ему приходилось видеть трупы, но ничего подобного он ещё не встречал. Голос ассистента звучал в динамике сухо и буднично.

— Мне очень жаль, но похоже, что преступник подверг её жестокому насилию. Например, то, что ты видишь здесь, это колото-резаные раны по всему телу и разрезанный живот. Но больше всего, вероятно, досталось области вокруг ануса, где мы видим, что преступник, должно быть, использовал что-то другое, не нож и не руки, чтобы нанести такие серьёзные травмы. Вся прямая кишка разорвана, и увечья идут выше, поэтому он, должно быть, использовал трубку, толстую ветку или что-то подобное. Прошу прощения, если сказал больше, чем тебе бы хотелось услышать, но необходимо объяснить уровень применённого насилия, чтобы ты понял, что она больше не та женщина, которую ты знал или

привык видеть. Так что не торопись и постарайся смотреть не только на травмы.

Из-за маски на лице Крон не мог видеть выражение лица Рё, но заметил, как дрожит его тело.

— Он сделал это, пока… пока она была жива?

— Я с радостью сказал бы тебе, что в тот момент она была мертва, но не уверен в этом.

— Значит, она страдала? — голос Рё звучал пискляво и плаксиво.

— Как я уже сказал, мы не знаем. Мы можем установить, что часть повреждений была нанесена после остановки сердца, но не все. Мне жаль.

Рё всхлипнул. Юхан Крон никогда, ни на каком этапе их отношений, не жалел Маркуса Рё. Ни на секунду — его клиент был слишком большим ублюдком для этого. Но только сейчас он почувствовал сострадание, может быть, потому, что на мгновение неизбежно представил свою жену на каталке, а себя — на месте Рё.

— Я знаю, что это болезненно, — сказал ассистент по судебно-медицинским экспертизам, — но я должен попросить тебя не торопиться. Посмотри на неё и сделай всё возможное, чтобы убедиться, что это именно Хелена Рё.

Крон предположил, что звучание её имени рядом с изуродованным телом заставил Рё судо-

рожно зарыдать.

Крон услышал, как позади него открылась дверь.

Вошёл Харри Холе в сопровождении темноволосой женщины.

Холе коротко кивнул.

— Это Александра Стурдза. Она работает здесь. Мы встретились по дороге.

— Юхан Крон, адвокат Рё.

— Я знаю, — сказала Александра, подойдя к раковине и начав мыть руки. — Я была здесь ранее сегодня, но, очевидно, всё пропустила. Её опознали?

— Как раз сейчас они этим занимаются, — сказал Крон. — Это не совсем… э-э… простая задача.

Холе подошёл к окну, где уже стоял Крон, и теперь тоже рассматривал то помещение.

— Ярость, — просто сказал он.

— Прости?

— То, что он сделал с ней, не похоже на то, что он сделал с двумя другими девушками. Это ярость и ненависть.

Во рту Крона пересохло, он сглотнул.

— Ты имеешь в виду, что это сделал тот, кто ненавидит Хелену Рё?

— Может быть. Или он ненавидит то, что она

представляет. Или он ненавидит себя. Или он ненавидит того, кто любит её.

Как юрист Крон слышал такие заявления раньше. Это были более или менее стандартные для судебных психологов формулировки в делах о насилии и убийствах на сексуальной почве, кроме последней фразы, о ненависти к тому, кто любил жертву.

— Это она, — зазвучавший через динамик шёпот Рё заставил замолчать их троих, стоящих у входа в помещение для вскрытий.

Темноволосая женщина выключила кран и повернулась к смотровому окну.

— Извини, но я должен спросить тебя, уверен ли ты, — раздался голос ассистента по судебно-медицинским экспертизам.

Из губ Рё вырвался новый судорожный всхлип. Он кивнул. Указал на одно плечо.

— Этот шрам. Она получила его, когда мы были в индийском городе Ченнаи, и она каталась на лошадях на пляже. Я нанял скаковую лошадь, которая на следующий день должна была участвовать в гонке. Они были так прекрасны вместе. Но лошадь не привыкла бегать по песку и не заметила яму, образовавшуюся после прилива. Они были так прекрасны, когда они… — Он замолчал

и закрыл лицо руками.

— Должно быть, чертовски хорошая лошадь, раз его так пробрало, — сказала темноволосая женщина. Крон с недоумением повернулся к ней, встретил её холодный взгляд и проглотил выговор, вертевшийся на кончике его языка. Вместо этого он раздражённо повернулся к Харри.

— Она проанализировала материал ДНК Рё, — сказал Харри. — Он соответствует слюне, найденной на груди Сюсанны Андерсен.

Харри изучал лицо Юхана Крона, пока произносил эти слова. Ему показалось, что он увидел искреннее удивление, как будто адвокат действительно верил в невиновность своего клиента. Но то, во что верили юристы и полицейские, на самом деле не имело значения. Как показали исследования, способности отличить правду ото лжи примерно у всех людей одинаковые. Или, другими словами, что все мы примерно так же безнадёжны в этом, как детектор лжи Джона Ларсона. Тем не менее, Харри было трудно поверить, что удивление Крона или слёзы Рё были игрой. Конечно, мужчина может оплакивать женщину, которую он убил своими руками или за убийство которой он заплатил кому-то другому. Харри видел достаточно виновных в убийстве мужей,

которые плакали, вероятно, от осознания вины, смешанной с потерей любви и того ревнивого разочарования, которое привело к внезапному насилию и убийству. Господи, неужели он сам не поверил на какое-то время, что он, посреди алкогольного тумана, убил Ракель? Но Маркус Рё действительно *не был похож* на человека, убившего женщину, лежащую перед ним, хотя Харри не мог объяснить, почему и как. Слёзы были какие-то слишком искренние. Харри закрыл глаза. *Слёзы слишком искренние?* Он вздохнул. К чёрту эту эзотерическую чепуху, доказательства налицо, и они рассказывают свою собственную историю. Чудо, которое спасёт и его, и Люсиль, вот-вот должно было произойти, так почему бы не приветствовать его с распростёртыми объятиями?

В комнате послышался звонок.

— Кто-то у главной двери, — сказала Александра.

— Вероятно, полиция, — сказал Харри.

Александра пошла открывать дверь.

Юхан Крон посмотрел на него.

— Это ты их вызвал?

Харри кивнул.

Рё вышёл из помещения для вскрытий, снял

форму, маску и шапочку.

— Когда мы сможем перевезти её в похоронное бюро? — спросил он, обращаясь к Крону и игнорируя Харри. — Невыносимо видеть её такой, — его голос был хриплым, а глаза влажными и красными. — И голова. Нам нужно сделать ей голову. У нас есть куча фотографий. Нужен скульптор. Лучший, Юхан. Он должен быть лучшим. — Он снова заплакал. Харри отошёл в угол комнаты, где внимательно наблюдал за Рё.

Он отметил недоумение на лице Маркуса, когда открылась дверь и вошли четверо полицейских: трое мужчин и одна женщина. Двое из них схватили Рё за руки, третий надел на него наручники, а четвёртая объяснила, почему он арестован.

На пути к двери Рё повернул голову, как будто желая в последний раз увидеть тело женщины, лежащей в окне позади него, но сумел повернуть её только так, чтобы заметить Харри.

Взгляд, который он бросил на него, напомнил Харри о лете, когда он работал на литейном заводе, где расплавленный металл заливали в форму и за секунды он превращался из горячего, красного и жидкого, в холодный, серый и твёрдый.

Потом они ушли.

Вошёл ассистент по судебно-медицинским экс-

пертизам и снял маску.

— Привет, Харри.

— Привет, Хельге. Позволь спросить у тебя кое-что.

— Да? — он повесил халат.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы кто-нибудь из виновных так плакал?

Хельге задумчиво надул щёки и медленно выпустил воздух.

— Проблема эмпирического познания в том, что мы не всегда с его помощью понимаем, кто виновен, а кто нет, не так ли?

— Мм. Хорошо замечено. Могу я…? — он кивнул в сторону комнаты для вскрытий.

Он видел, как Хельге колебался.

— Тридцать секунд, — сказал Харри. — И я никому не скажу. По крайней мере, не тому, кто может навлечь на тебя неприятности.

Хельге улыбнулся.

— Хорошо. Поторопись, пока кто-нибудь не пришёл. И ничего не трогай.

Харри вошёл в помещение для вскрытий. Взглянул на то, что осталось от жизнерадостного человека, с которым он разговаривал всего два дня назад. Она ему понравилась. И он ей нравился, он не ошибался в тех немногих случаях,

когда замечал подобные вещи. В другой жизни он мог бы пригласить её на кофе. Он изучил раны и порез на месте обезглавливания. Вдохнул слабый, едва различимый запах, который ему что-то напомнил. Поскольку из-за паросмии он не мог воспринимать запах трупа, аромат явно возник не из-за разложения. Ну конечно же! Это был запах мускуса, который напомнил ему Лос-Анджелес. Харри выпрямился. Время — для него и для Хелены Рё — вышло.

Харри и Хельге вышли из здания вместе и заметили уезжающую полицейскую машину. Александра стояла, прислонившись к стене, и курила сигарету.

— Вот это я называю «два милых мальчика», — сказала она.

— Спасибо, — сказал Харри.

— Не вы, а те двое. — Она кивнула в сторону автостоянки, где стоял старый «Мерседес» с табличкой «Такси», а перед ним стоял клон Кита Ричардса с трёхлетним ребёнком на плечах. Клон держал руку как продолжение своего носа, издавая звук, который, как предположил Харри, был трубным «приветствием» слона, и пошатывался, как Харри надеялся, намеренно.

— Ага, — сказал он, пытаясь разобраться в ха-

осе своих мыслей, подозрений и впечатлений. — Милые.

— Эйстейн спросил, не пойду ли я завтра с ним и с тобой в бар «Ревность», чтобы отпраздновать раскрытие дела, — сказала она, протягивая сигарету Харри. — Пойти?

Харри сделал долгую затяжку.

— Ты пойдёшь?

— Да, я пойду, — сказала она, забирая обратно сигарету.

Глава 32

Воскресенье
Орангутан

Пресс-конференция началась в четыре часа.

Катрина оглядела конференц-зал. Он был заполнен людьми, и атмосфера была очень напряжённой. Очевидно, имена жертвы и мужчины, заключённого под стражу, становились известными всё большему количеству людей. Она подавила зевок, когда Кедзиерски рассказывал присутствующим, как велось расследование. Воскресенье и так оказалось долгим, и оно ещё не закончилось. Она отправила сообщение Харри, чтобы узнать, как дела, и получила его ответ: *«Мы с Гертом собираемся выпить. Какао».* Она написала ему *«Ха-ха»,* добавив изображавший суровое лицо смайлик, и постаралась не думать о них, освобождая место в сознании, чтобы сосредоточиться на насущных проблемах. Кедзиерски закончил и разрешил журналистам задавать вопросы. Они посыпались один за другим.

— Норвежская вещательная компания, пожалуйста, — сказал руководитель пресс-службы,

пытаясь навести порядок.

— Как вы получили материал ДНК Маркуса Рё, когда мы знаем, что он отказался пройти тест ДНК?

— Анализ ДНК проводила не полиция, — сказала Катрина. — Человек, не работающий в полиции, получил материал ДНК и провёл его анализ, подтвердив, таким образом, совпадение с ДНК на месте преступления.

— Кто был этот человек? — спросил чей-то голос, перекрывая шум голосов присутствующих в зале.

— Частный детектив, — ответила Катрина.

Шум внезапно прекратился. И в этой недолгой тишине она произнесла его имя. И получила огромное наслаждение. Потому что она знала, что Бодиль Меллинг — как бы сильно той ни хотелось получить голову Катрины на блюдечке — не сможет преследовать её за то, что она рассказала всё как есть, рассказала, что Харри Холе фактически раскрыл дело за них.

— Каков был мотив Рё для убийства Сюсанны Андерсен и Берти…

— Мы не знаем, — перебил журналиста Сон Мин.

Катрина искоса взглянула на него. Это было

правдой: они не знали. Но у них было время обсудить это, и именно Сон Мин упомянул старое дело об убийстве, которое тоже вёл Харри Холе, где ревнивый муж, убив свою жену, начал лишать жизни случайных женщин и мужчин, чтобы создать видимость, что это дело рук серийного убийцы, и отвлечь внимание от самого себя.

— «ВГ», — указал Кедзиерски.

— Если Харри Холе раскрыл это дело за вас, почему его здесь нет? — спросила Мона До.

— Это пресс-конференция с представителями полиции, — сказал Кедзиерски. — Вы можете сами поговорить с Холе.

— Мы пытались связаться с ним, но он не отвечает.

— Мы не можем… — начал Кедзерски, но Катрина перебила его.

— У него, вероятно, полно других дел. Как и у нас, так что, если больше нет вопросов, относящихся к делу…

По залу прокатился шквал протестов.

Было шесть часов вечера.

— Пива, — сказал Харри.

Официант кивнул.

Герт оторвал взгляд от стакана с какао и убрал соломинку изо рта.

— Бабуська говолит, что люди, котолые пьют пиво, не попадают в рай. И они не встлетятся с моим папой, потому что он мёлтв.

Харри посмотрел на мальчика, и его осенила мысль. Если одна кружка пива отправит его в ад, то именно там он встретит Бьёрна Хольма. Он огляделся по сторонам. За несколькими столиками сидели одинокие мужчины, и их поллитровые кружки пива были их единственной компанией и собеседниками. Они не помнили его, и он не помнил их, хотя они были неотъемлемой частью «Шрёдера», как запах табака, который он всё ещё ощущал на стенах и мебели, спустя поколение после введения запрета на курение. Они были старше Харри, но у них на лбу словно была запечатлена надпись, размещённая над скелетами в Крипте капуцинов[49]: *«Мы были тем, что вы есть сейчас, вы станете тем, что мы есть».* Харри, конечно, всегда знал о своей наследной тяге к алкоголю, тянущейся нитью сквозь его родословную, о сидящем внутри и требующем сахара с алкоголем маленьком демоне-кровососе, которого нужно было накормить, проклятом

[49] Примечания: 49

Крипта капуцинов — часовни с захоронениями монахов, расположенные под церковью Санта-Мария-делла-Кончеционе-деи-Каппучини в Риме.

паразите, передающемся через гены.

Зазвонил телефон. Это был Крон. В его голосе слышалось больше смирения, чем гнева.

— Поздравляю, Харри. Я видел в новостях, что это из-за тебя арестовали Маркуса.

— Я заранее предупредил вас обоих.

— Ты использовал методы, к которым полиция сама не смогла бы прибегнуть.

— Это и было причиной, по которой вы меня наняли.

— Прекрасно. В контракте указано, что три юриста полиции должны признать высокую вероятность того, что Рё будет осуждён.

— Мы разберёмся с этим до завтрашнего дня. И тогда же должны быть переведены те деньги.

— Кстати, об этом. Тот счёт на Каймановых островах, который ты мне предоставил…

— Не спрашивай меня об этом, Крон.

Наступила пауза.

— Я вешаю трубку, Харри. Надеюсь, ты сможешь спокойно спать.

Харри опустил телефон обратно во внутренний карман костюма Рё. Обратил своё внимание на Герта, чьё внимание в тот момент было полностью поглощено своим какао и украшавшими стены ресторана большими картинами с видами

старого Осло. Когда официант вернулся с поллитровой кружкой, Харри заплатил и попросил отнести её обратно. Очевидно, это был не первый опыт официанта с алкоголиком, который в последний момент сдержался, поэтому он исчез с пивом, не подняв брови и не сказав ни слова. Харри посмотрел на Герта. Подумал о нити в родословной.

— Бабушка права, — сказал он. — Пиво никому не приносит пользы. Запомни это.

— Окей.

Харри улыбнулся. Мальчик перенял это «Окей!» от Харри, которому оставалось только надеяться, что тот больше ничего не позаимствует. У него вовсе не было желания иметь потомка, созданного по его собственному образу и подобию, скорее наоборот. Почти непроизвольная нежность и любовь, которые он испытывал к мальчику по другую сторону стола, объяснялись тем, что тот был счастлив больше, чем когда-то был Харри. Из соломинки в стакане с какао донёсся хлюпающий звук, и в этот момент телефон Харри завибрировал.

Сообщение от Катрины.

«Я дома. Где вы оба?»

— Пора возвращаться домой к маме, — сказал

Харри, набирая сообщение о том, что они уже в пути.

— Куда ты пойдёшь? — спросила Герт, пнув ножку стола.

— Я пойду в отель, — сказал Харри.

— Нееет. — Мальчик положил маленькую тёплую ладонь на его руку. — Ты будешь петь ту песню, когда я лягу спать. О напивке.

— Напитке?

— Кока-он… — пропел Герт.

Харри хотел рассмеяться, но вместо этого ему пришлось проглотить комок в горле. Чёрт возьми. Что именно это было? Было ли это тем, что Столе называл праймингом, психологической подпиткой некой установки? Неужели Харри чувствовал эту любовь только потому, что в нём была заложена уверенность в том, что он отец ребёнка? Или это было что-то более телесно или биологически обусловленное, что-то в крови, зовущее, безудержно притягивающее двух людей друг к другу?

Харри поднялся на ноги.

— Какое ты живовное? — спросила Герт.

— Орангутан, — сказал Харри, поднял Герта со стула и закружил его так, что заслужил аплодисменты одного из одиноких мужчин. Харри

опустил Герта на землю, и они рука об руку направились к двери.

Было десять часов вечера, и Прим только что покормил Босса и Лизу. Он сел перед телевизором, чтобы снова посмотреть новости. Чтобы ещё раз насладиться результатами того, что устроил. Хотя полиция не говорила об этом прямо, но он мог судить по общим фразам, которые они извергали, что они не нашли никаких улик на месте происшествия. Он принял правильное решение: когда Хелена вышла из машины, ему пришлось убить её на гравийной дороге. Не оставить там свою ДНК — волосы, фрагменты кожи или следы пота — было невозможно, и, поскольку он не смог бы провести тщательную уборку на дороге, где могли появиться свидетели, ему пришлось позаботиться о том, чтобы это место не посчитали местом преступления. Итак, он погрузил тело в машину и увёз его на другую сторону полуострова, где, как он мог быть совершенно уверен, никого не было той осенней поздней ночью, и где он мог спокойно работать, скрытый высокими камышами. И также он мог быть совершенно уверенным в том, что тело Хелены на следующий день будет найдено, когда в это место приедут семьи с детьми. Сначала он отрезал ей голову,

затем обработал её тело, отмывая и соскабливая свою собственную ДНК из-под ногтей, которые она вонзила в его бёдра, когда занималась с ним сексом в машине. Необходимо было соблюдать осторожность, потому что, хотя он никогда ни в чём не был осуждён, в полицейской базе был его ДНК-профиль.

На экране телевизора ведущая новостей говорила по телефону с юристом из полиции, чья фотография вместе с именем — Крис Хинной — виднелись в правом верхнем углу экрана. Они обсуждали заключение Рё под стражу. Неудивительно, что у них начали заканчиваться интересные поводы для обсуждения этого известия. Информационные каналы весь день были в основном заполнены новостями об аресте Маркуса Рё и убийстве его жены, даже победа с незначительным перевесом клуба «Будё-Глимт» над «Молде» осталась в тени. То же самое и на информационных сайтах: всё было посвящено Маркусу Рё. А значит, речь шла о нём, о Приме. Конечно, теперь, когда в интернете разместили так много фотографий Маркуса Рё, начали появляться и фотографии Харри Холе. Писали, что именно он, чужак, частный детектив, связал ДНК Маркуса Рё со слюной на груди Сюсанны.

Как будто это что-то потрясающее! Как будто полиции не следовало давным-давно самой выяснить что-то подобное. На самом деле он начинал изрядно раздражать, этот Харри Холе. Что он сделал, чтобы оказаться в центре внимания? На первом плане должно быть само дело, загадка, тайна. *Его* тайна. Им следует сосредоточиться на том, что Маркус Рё, богач, считавший себя выше закона, теперь был чудесным образом разоблачён и посажен за решётку. Людям нравятся подобные вещи. Приму точно нравится, это прямо бальзам на душу. И всё же, надо признать, публика уже получила изрядную дозу бальзама. Он надеялся, что его отчим, где тот сейчас ни находился, мог читать новости, и что у него сейчас было достаточно поводов для страданий. Надеялся, что это публичное унижение стало для него кислотной ванной, приготовленной Примом. Какие смятение, отчаяние и страх, должно быть, испытывает Маркус Рё. Приходила ли уже ему в голову мысль покончить с собой? Прим задумался. Нет, толчком к самоубийству, причиной, подтолкнувшим к этому его мать, была безнадёжность, а у его отчима всё ещё была надежда. От его имени действовал сам Юхан Крон, и единственной уликой, которой располагала полиция, была частичка

слюны. Им предстояло сопоставить её с ложным алиби, которое Хелена предоставила Маркусу на те ночи, когда исчезли Сюсанна и Бертина. Но то, что только что сказал юрист по телевизору, встревожило Прима.

Этот Крис Хинной объяснил, что завтра состоится предварительное слушание, на котором судья, несомненно, предоставит полиции право посадить Рё на обычные четыре недели предварительного заключения и, учитывая улики и серьёзный характер преступления, продлит последующее содержание под стражей, если потребуется. В норвежском законодательстве нет временных ограничений для содержания человека под стражей, так что, получается, могут пройти годы. И для полиции особенно важно иметь возможность задерживать людей с положением и средствами, которые в противном случае могли бы использовать свои финансы или влияние для уничтожения улик, воздействия на свидетелей, и да, были даже примеры того, как они пытались повлиять на следователей.

— Например, на Харри Холе? — спросила ведущая, как будто это имело какое-то отношение к делу!

— Рё оплачивает гонорар Холе, — ответил

юрист. — Но Холе получил образование и опыт работы в норвежской полиции и явно обладает честностью, которую мы ожидаем от сотрудников полиции как в прошлом, так и в настоящем.

— Спасибо, что присоединились к нам, Крис Хинной…

Прим убавил громкость. Выругался, пока обдумывал ситуацию. Если юрист был прав, то Маркус Рё может находиться за решёткой в течение неопределённого срока, в безопасной камере, где он не мог до него добраться. Это не входило в план.

Он попытался собраться с мыслями.

Нуждался ли план — великий план — в изменении?

Он посмотрел на ползущего по кофейному столику розового слизня. На скользкий след, который тот оставил после получасовых усилий. Куда он направлялся? Был ли у него какой-то план? Охотился ли он на кого-нибудь? Или он убегал? Знал ли он, что рано или поздно слизни-каннибалы найдут его след и пустятся в погоню? Знает, что промедление означает смерть?

Прим прижал пальцы к вискам.

Харри бежал, чувствуя, как его сердце перекачивает кровь по всему телу, и наблюдая, как

Хинной принимает благодарности от ведущей новостей.

Крис Хинной был одним из полицейских юристов, с которыми Харри и Юхан Крон связались пару часов назад, чтобы попросить их предоставить субъективную и неофициальную оценку вероятности признания Маркуса Рё виновным с учётом имеющихся в деле доказательств. Двое из них хотели ответить сразу, но Крон попросил их «переспать» с этой мыслью до утра.

В новостях началось интервью с тренером «Будё-Глимта», и Харри перевёл взгляд с экрана телевизора, прикреплённого к беговой дорожке, на зеркало перед ним.

В его полном распоряжении был небольшой тренажёрный зал отеля. Он оставил свой костюм в номере и надел гостиничный халат, который теперь висел на крючке у него за спиной. Зеркало напротив занимало всю стену. Он бежал в нижнем белье, футболке и своих ботинках ручной работы от Джона Лобба, которые на удивление хорошо подходили в качестве кроссовок для бега. Конечно, он выглядел нелепо, но ему было наплевать. Спускаясь в зал, он в этом наряде даже подошёл к стойке регистрации и сказал, что встретил в баре приветливого священника, но

забыл его имя. Чернокожая женщина-администратор кивнула и улыбнулась.

— Он не постоялец отеля, но я знаю, кого вы имеете в виду, мистер Холе. Потому что он тоже был здесь и расспрашивал о вас.

— Правда? Когда?

— Вскоре после того, как вы зарегистрировались, точной даты я не помню. Он спросил номер вашей комнаты. Я сказала ему, что мы не разглашаем эту информацию, но что я могу позвонить в ваш номер. Он отказался и ушёл.

— Хм. Он сказал, чего ему надо?

— Нет, кажется, ему было… любопытно. — Последнее слово она произнесла по-английски. И снова улыбнулась. — Люди, как правило, говорят со мной по-английски.

— Но он американец, не так ли?

— Может быть.

Харри прибавил скорость на беговой дорожке. Он сохранял хороший темп. Но достаточно ли хорошо он бежал? Сможет ли он, в конечном итоге, убежать от всего? Всего, что осталось позади? Тех, кто охотился за ним? Интерпол имел доступ к спискам постояльцев каждого отеля в мире, как и любой мало-мальски приличный хакер. Предположим, священник был здесь, чтобы при-

сматривать за ним, предположим, он был тем, кто через два дня, когда истечёт крайний срок, а долг так и не будет выплачен, «позаботится» о Харри. Ну и что? Сборщики долгов не убивают своих должников до тех пор, как исчезнет всякая надежда получить их деньги, и то только в качестве предупреждения другим должникам. И вот теперь Рё был арестован. Есть слюна на соске жертвы. Ты не можешь иметь, чёрт побери, лучших улик для суда, чем эта. Утром три юриста полиции скажут то же самое, деньги переведут, долг будет погашен, и они с Люсиль будут свободны. Так почему же его разум всё ещё бурлил? Может, так происходило, потому что ему казалось, что есть что-то ещё, от чего он пытается убежать, что-то, имеющее отношение к этому делу?

Телефон, который Харри положил в нишу для бутылок на беговой дорожке, зазвонил. Никаких инициалов на экране не появилось, но он узнал номер и ответил.

— Говорите.

В ответ он услышал смех. Затем тихий голос.

— Не могу поверить, Харри, что ты всё ещё употребляешь то же выражение, что и во времена, когда мы работали вместе.

— Хм. Не могу поверить, что ты пользуешься тем же номером.

Микаэль Бельман снова рассмеялся.

— Поздравляю с Рё.

— С чем именно?

— О, и с работой на него, и с его арестом.

— Что ты хочешь, Бельман?

— Сейчас, сейчас. — Он снова рассмеялся тем очаровательным, сердечным смехом, который так эффективно заставлял мужчин и женщин верить в то, что Микаэль Бельман доброжелательный, искренний человек, которому они могут доверять. — Я должен признать, что становишься немного избалованным будучи министром юстиции. Привыкаешь к тому, что обычно у тебя самого мало времени, а не у того человека, с которым ты разговариваешь.

— У меня нет недостатка во времени. Больше нет.

Последовавшая за этим пауза была долгой. Когда Бельман продолжил, сердечность прозвучала чуть более наигранно.

— Я позвонил, чтобы сказать, что мы ценим то, что ты сделал в этом деле, это демонстрирует твою добросовестность. Мы в Рабочей партии заботимся о равенстве перед законом, и именно

поэтому я сегодня дал зелёный свет этому аресту. Важно дать понять, что в хорошо работающем государстве, основанном на принципе верховенства закона, нет никаких преимуществ в том, чтобы быть богатым и знаменитым.

— Возможно, как раз наоборот, — сказал Харри.

— Прошу прощения?

— Я не знал, что министр юстиции санкционирует аресты.

— Это не просто какой-то обычный арест, Харри.

— Именно это я и имею в виду. Некоторые из них более важны. И Рабочей партии точно не повредит, если её увидят охотящейся за состоятельным подонком.

— Я хочу сказать, Харри, что это я уговорил Меллинг и Винтера, и они хотят, чтобы ты принял участие в этом ещё неоконченном расследовании. Осталось проделать кое-какую работу, прежде чем мы предъявим обвинения. Теперь, когда твой работодатель арестован, я полагаю, ты остался не у дел. Твой вклад важен для нас, Харри.

Харри замедлил беговую дорожку до скорости пешехода.

— Они хотели бы, чтобы ты был завтра утром на допросе Рё.

«Для тебя важно, чтобы всё выглядело так, будто герой дня в твоей команде», — подумал Харри.

— Ну, что ты на это скажешь?

Харри обдумал услышанное. Почувствовал неприязнь и недоверие, которые всегда вызывал в нём Бельман.

— Хм. Я буду там.

— Хорошо. Братт будет держать тебя в курсе событий. Мне нужно бежать. Спокойной ночи.

Харри бегал ещё час. Когда он понял, что ему не удастся убежать от того, что его беспокоило, он сел в одно из кресел, позволяя поту просачиваться сквозь чехол подушки, и позвонил Александре.

— Ты скучал по мне? — проворковала она.

— Мм… Тот клуб, «Вторники»…

— Да?

— Каждый вторник у них были вечеринки. Разве твой друг не говорил о том, что «Вилла Данте» не изменяет традициям?

Глава 33

Понедельник

Главный редактор Уле Солстад почесал щёку кончиком своих очков для чтения. Посмотрел через свой стол, заваленный бумагами в кофейных пятнах, на Терри Воге. Воге сидел, ссутулившись, в кресле для посетителей, всё ещё в своём шерстяном пальто и шляпе-пирожке, как будто ожидал, что встреча займёт всего несколько минут. И, наверно, так оно и будет. Потому что Солстад боялся этой встречи. Ему следовало прислушаться к своему коллеге из газеты, где Воге работал раньше, который взял цитату из фильма «Фарго»[50], сказав: «Я за него не ручаюсь».

Солстад и Воге обменялись несколькими общими словами об аресте Рё. Воге ухмыльнулся и заявил, что они взяли не того человека. Солстад не заметил в Воге недостатка самоуверенности, но, вероятно, так было со всеми мошенниками, они почти так же искусно обманывали и самих себя.

---

[50] Примечания: 50
«Фарго» — фильм братьев Коэн, чёрная комедия.

— Итак, мы решили больше не заказывать тебе статьи, — сказал Солстад, понимая, что ему следует быть осторожным и не употреблять такие слова, как «отпускаю тебя», «расторгаю договор» или «увольняю», ни устно, ни письменно. Хотя Воге работал всего лишь по договору фриланса, хороший юрист мог бы использовать это фактически увольнение против них в суде по трудовым спорам. Формулировки, которые Солстад сейчас использовал, означали только то, что они не будут печатать тексты Воге, и в то же время не исключали, что Воге будут поручены другие задачи, предусмотренные договором, например, проведение исследований для других журналистов. Но трудовое законодательство было сложным, как ясно дал ему понять адвокат «Дагбладет».

— Почему? — сказал Воге.

— Потому что события последних нескольких дней поставили под сомнение правдивость твоих недавних статей, — и добавил, поскольку кто-то недавно сказал ему, что выговор всегда более эффективный, если в нём упоминалось имя адресата, — Воге.

Как только он заговорил, Солстаду пришло в голову, что использовать назидательный тон вряд ли было подходящей тактикой, учитывая,

что цель состояла не в том, чтобы Воге дал обещание исправиться, а в том, чтобы избавиться от парня, создав как можно меньше шума. С другой стороны, Воге нужно было понять, что они пошли на такой решительный шаг, так как речь шла о доверии читателей к «Дагбладет».

— Вы можете это доказать? — спросил Воге, не моргнув глазом и даже позволив себе подавить зевок. Демонстративный и ребяческий, но, тем не менее, провокационный зевок.

— Вопрос в том, сможешь ли ты доказать правдивость того, что написал. Это выглядит, пахнет и звучит как вымысел. Если только ты не назовёшь мне свой источник…

— Господи, Солстад как редактор этой газетёнки ты должен знать, что я должен защищать…

— Я не говорю, что ты должен предавать его огласке, просто назови его мне. Я твой главный редактор. Человек, ответственный за то, что ты пишешь, а мы публикуем. Понимаешь? Если ты назовёшь мне источник, то я буду обязан защищать его так же, как и ты. В той мере, в какой закон допускает конфиденциальность источников. Ты понимаешь?

Терри Воге издал протяжный стон.

— А *ты* понимаешь, Солстад? Ты понимаешь,

что тогда я пойду в другую газету, скажем, «ВГ» или «Афтенпостен», и сделаю для них то, что я делал для «Дагбладет»? Например, сделаю их первыми среди других изданий, пишущих о преступлениях.

Уле Солстад и другие редакторы, конечно, понимали это, когда принимали данное решение. У Воге было больше читателей, чем у любого другого журналиста — количество кликов на его материалы было просто огромным. И Солстаду не хотелось бы, чтобы эти цифры перешли к конкурентам. Но, как сказал кто-то из сотрудников редакции, если бы они благоразумно представили публике дело так, будто избавились от Терри Воге по тем же причинам, что и в прошлый раз, когда его уволили из другой газеты, Воге был бы таким же привлекательным для конкурентов «Дагбладет», каким Лэнс Армстронг был для конкурентов команды «Ю Эс постал» после допингового скандала[51]. Это была политика выжженной земли, и они отправляли Терри Воге в огонь, но в эпоху, когда уважение к правде шло на убыль, старые бастионы, такие как «Дагбладет»,

[51] Примечания: 51

В 2012 году шестикратный чемпион велосипедной гонки «Тур де Франс» Лэнс Армстронг из команды «Ю Эс постал» был лишён всех своих наград за применение допинга.

должны были подавать пример. Они всегда могли извиниться, если окажется, что Воге — вопреки всему — был невиновен.

Солстад поправил очки.

— Я желаю тебе всего наилучшего у наших конкурентов, Воге. Либо ты человек исключительной честности, либо как раз наоборот, и мы не можем рисковать в последнем случае. Я надеюсь, ты понимаешь. — Солстад поднялся из-за стола. — Наряду с оплатой твоей последней статьи редакция хотела бы выплатить тебе небольшой бонус за твой вклад в наше общее дело.

Воге тоже встал, и Солстад попытался понять по движениям его тела, откажется ли тот пожать ему руку при прощании. Воге сверкнул белозубой улыбкой.

— Ты можешь подтереть свою задницу этой премией, Солстад. А потом ты сможешь протереть свои очки. Потому что все, кроме тебя, знают, что они настолько запачканы дерьмом, что неудивительно, что ты видишь всякую ерунду.

Уле Солстад ещё несколько секунд стоял, уставившись на дверь, которую Воге захлопнул за собой. Затем он снял очки и внимательно их изучил. Дерьмо?

Харри стоял в помещении рядом с небольшой

комнатой для допросов и смотрел на Маркуса Рё, который сидел по другую сторону стеклянной стены. Вместе с Маркусом там были ещё три человека: ведущий интервьюер, его помощник и Юхан Крон.

Это было напряжённое утро. Харри встретился с Юханом в офисе Крона на улице Розенкранц в восемь часов, где они позвонили трём юристам из полиции, которые, в свою очередь, заявили, что «весьма вероятно», что Рё будет признан виновным в суде, при условии, что другие существенные факторы не будут иметь значения. Крон почти ничего не говорил, но повёл себя профессионально. Без возражений он немедленно связался с банком и, действуя на основании ранее выданной доверенности на представительство, поручил им перевести предусмотренную договором сумму на банковский счёт на Каймановых островах. По данным банка, получатель увидит деньги на своём счёте в тот же день. Они были спасены. То есть он и Люсиль были спасены. Так почему же он стоял здесь? Почему он ещё не был в баре, не продолжал то, что начал в «Тварях»? Хорошо. Почему люди дочитывают книги, которые, как они уже поняли, им не нравятся? Почему одинокие люди застилают свои постели? Прос-

нувшись в то утро, он понял, что это была первая ночь за несколько недель, когда ему не снилась его мать, стоящая в дверях классной комнаты. Он обрёл покой. Или нет? Вместо этого ему приснилось, что он всё ещё бежит, но что всё, на что приземляются его ноги, превращается в беговые дорожки, и что он не в состоянии убежать от… от чего?

«Это мой долг». Он словно услышал голос своего дедушки, доброго алкоголика, которого вырвало на рассвете, перед тем как он вытащил вёсельную лодку из лодочного сарая, поднял Харри на борт, а Харри спросил, почему они собираются забрасывать сети сейчас, когда дедушка болен. Но у Харри не осталось никаких чёртовых обязательств, от которых можно было бы убегать. Или осталось? Очевидно, он думал, что они есть. В любом случае, он стоял здесь. Харри почувствовал, что у него начинает болеть голова, и отогнал эти мысли прочь. Он сконцентрировался на простых, конкретных и понятных вещах. Например, пытался интерпретировать выражение лица и язык тела Рё, когда тот сидел и отвечал на вопросы. Харри попытался, не вслушиваясь в ответы, решить, считает ли он Маркуса Рё виновным или нет. Иногда казалось, что весь опыт, накопленный

Харри за всю его работу в должности детектива, был бесполезен, что его способность читать мысли других людей была всего лишь иллюзией. В то время как в других случаях эти предчувствия были единственной истиной, единственным, на что он всегда мог рассчитывать. Сколько раз у него не было вещественных доказательств или косвенных улик, но он знал и в конце концов оказывался прав? Или это была просто когнитивная предвзятость, предвзятость подтверждения? Приходила ли ему мысль, что он мог столь же часто ошибаться в своих предчувствиях, но предал эти случаи забвению? Почему он был так уверен, что Маркус Рё не убивал этих женщин, и одновременно был уверен, что он не был невиновным? Неужели он заказал убийства, обеспечил себе алиби и был настолько самонадеян, считая, что его невиновность будет доказана, что заплатил Харри и другим за это? Если это было так, почему бы не обеспечить себе алиби получше, чем утверждать, что был дома с женой, когда были совершены первые два убийства? А теперь у него даже алиби не было, Маркус Рё утверждал, что в ту ночь, когда была убита Хелена, он был дома один. Она — свидетель, который мог бы спасти его, если бы состоялся суд. Что-то не сходилось.

И всё же …

— Он что-нибудь говорит? — прошептал чей-то голос рядом с Харри. Это была Катрина, которая вошла в полумрак комнаты и встала между Харри и Сон Мином.

— Да, — прошептал Сон Мин. — «Не знаю. Не могу вспомнить. Нет».

— Ага. Улавливаешь что-нибудь?

— Я пытаюсь, — сказал Харри.

Сон Мин не ответил.

— Сон Мин? — спросила Катрина.

— Я могу ошибаться, — сказал Сон Мин, — но я думаю, что Маркус Рё — скрытый гей. Подчёркиваю, скрытый.

Двое других посмотрели на него.

— Почему ты так думаешь? — спросила Катрина.

Сон Мин криво улыбнулся.

— Я мог бы прочитать целую лекцию об этом, но давайте просто скажем, что это вывод из большого количества едва видных деталей, которые я замечаю, а вы нет. Но я, конечно, могу ошибаться.

— Ты не ошибаешься, — сказал Харри.

Теперь они смотрели на него.

Он прочистил горло.

— Помнишь, я спрашивал, слышали ли вы о «Вилле Данте»?

Катрина кивнула.

— На самом деле это клуб под названием «Вторники», просто теперь работает под другой вывеской.

— Звучит знакомо, — сказала она.

— Эксклюзивный гей-клуб, который был на слуху несколько лет назад, — сказал Сон Мин. — Его закрыли, когда там изнасиловали несовершеннолетнего мальчика. Его сравнивали со «Студией 54», с гей-баром в Нью-Йорке. Потому что он работал ровно столько же, 33 месяца.

— Теперь я вспомнила, — сказала Катрина. — Мы назвали это «делом бабочки», потому что мальчик сказал, что на маске насильника была изображена бабочка. Но разве они закрылись не из-за того, что официанты, разносившие алкоголь, были младше восемнадцати лет?

— Это была официальная причина, — сказал Сон Мин. — Суд не был готов признать, что деятельность клуба подпадает под сферу частных функций, и, следовательно, постановил, что они нарушили законы о лицензировании.

— У меня есть основания полагать, что Маркус Рё часто посещал «Виллу Данте», — сказал Харри.

— Я нашёл членскую карточку и кошачью маску в карманах этого костюма. Который принадлежал ему.

Сон Мин приподнял бровь.

— Ты… э-э, носишь его костюм?

— К чему ты клонишь, Харри? — голос Катрины стал резким, взгляд жёстким.

Харри глубоко вздохнул. Он всё ещё мог оставить всё как есть.

— Похоже, на «Вилле Данте» по-прежнему проводятся вечеринки по вторникам. Если Рё так обеспокоен, чтобы никто не знал о его ориентации, как вы полагаете, у него может быть алиби на те ночи, когда были убиты Сюсанна и Бертина, просто это не то алиби, которое он нам предоставил.

— Ты хочешь сказать, — медленно произнесла Катрина, в то время как Харри чувствовал, что её глаза сверлят его насквозь, — что мы арестовали человека с более надёжным алиби, чем то, что ему предоставила жена. Что он был в гей-клубе. Но не хочет, чтобы кто-нибудь знал об этом?

— Я просто говорю, что это возможно.

— Ты хочешь сказать, что, возможно, Рё предпочёл бы рискнуть тюрьмой, чем раскрыть свою сексуальную ориентацию? — её голос был моно-

тонным, но в нём слышалось нечто, о чём Харри мог догадаться: чистый, неподдельный гнев.

Харри посмотрел на Сон Мина, который кивнул.

— Я встречал людей, которые скорее умерли бы, чем решились бы на каминг-аут, — сказал Сон Мин. — Мы могли бы полагать, что в этом плане наше общество стало прогрессивным, но, к сожалению, это не так. Стыд, отвращение к себе, осуждение — всё это не осталось в прошлом. Особенно для представителей поколения Рё.

— И учитывая историю и положение его семьи, — добавил Харри. — Я видел фотографии его предков. Они не были похожи на мужчин, которые передали бы бразды правления бизнесом кому-то, кто занимается сексом с мужчинами.

Катрина всё ещё не сводила глаз с Харри.

— Так скажи мне, что бы ты сделал?

— Я?

— Да, ты. Ты ведь не просто так нам это рассказываешь, верно?

— Что ж. — Он сунул руку в карман и протянул ей записку. — Я бы воспользовался возможностью этого допроса, чтобы задать ему эти два вопроса.

Он наблюдал, как Катрина читает записку, пока они слушали голос Крона, доносящийся из

громкоговорителя.

— …прошло больше часа, и мой клиент ответил на все ваши вопросы, на большинство из них по два-три раза. Либо мы можем остановиться на этом, либо я хотел бы, чтобы моё возражение было занесено в протокол.

Главный интервьюер и её коллега посмотрели друг на друга.

— Хорошо, — сказала ведущий интервьюер, посмотрела на настенные часы и заметила Катрину, которая стояла у приоткрытой двери комнаты для допросов. Она подошла к Братт, взяла записку и выслушала. Харри заметил вопросительный взгляд Крона. Затем ведущий интервьюер вернулась за стол и откашлялась.

— Два последних вопроса. Был ли ты в клубе «Вилла Данте» в то время, когда, как считается, были убиты Сюсанна и Бертина?

Рё обменялся взглядом с Кроном, прежде чем ответить.

— Я никогда не слышал об этом клубе, и я просто повторю, что я был дома со своей женой.

— Спасибо. Другой вопрос к тебе, Крон.

— Ко мне?

— Да. Знал ли ты, что Хелена Рё требовала развода и что, если её требования по соответству-

ющему соглашению не будут удовлетворены, она планировала отказаться от алиби, которое она предоставила своему мужу на ночи убийств?

Харри увидел, как покраснело лицо Крона.

— Я … Я не вижу причин отвечать на этот вопрос.

— Не можешь даже просто ответить «нет»?

— Это в высшей степени необычно, и я думаю, мы будем считать этот допрос оконченным. — Крон поднялся на ноги.

— Это говорит о многом, — сказал Сон Мин, покачиваясь на каблуках.

Харри собрался уходить, но Катрина удержала его.

— Не пытайся делать вид, что ты не знал всего этого до того, как мы арестовали Рё, — сердито прошептала она. — Хорошо?

— Он только что лишился своего заявленного алиби, — сказал Харри. — Это единственное, что у него было. Так что давайте просто надеяться, что никто на «Вилле Данте» не сможет подтвердить, что он там был.

— И на что именно ты надеешься, Харри?

— На то же, что и всегда.

— Что именно?

— Что виновные будут пойманы.

Харри пришлось идти быстрыми шагами, чтобы догнать Юхана Крона на холме, вниз по пути от полицейского управления в сторону улицы Грёнландслейрет.

— Это ты подал им идею задать мне тот последний вопрос? — сказал Крон, нахмурившись.

— С чего ты это решил?

— Потому что я точно знаю, что Хелена Рё рассказала полиции, и она поведала им совсем немного. И когда я устроил тебе беседу с Хеленой, я был достаточно глуп, чтобы сказать ей, что она может тебе доверять.

— Ты знал, что она воспользуется алиби, чтобы шантажировать Маркуса?

— Нет.

— Но ты получил письмо от её адвоката, в котором она требовала половину всего, несмотря на брачный контракт, и мог сложить два плюс два.

— Возможно, у неё были другие рычаги воздействия, которые не имели никакого отношения к этому делу.

— Например, рассказать, что он гей?

— Похоже, нам больше нечего обсуждать, Харри. — Крон предпринял безуспешную попытку остановить проезжающее такси, но тут припаркованное на другой стороне улицы так-

си развернулось и подъехало к ним. Стекло со стороны водителя опустилось, и знакомое лицо ухмыльнулось, сверкая плохими зубами.

— Тебя подвезти? — спросил Харри.

— Нет, спасибо, — сказал Крон и зашагал по улице Грёнландслейрет.

Эйстейн наблюдал, как адвокат удаляется.

— Немного разозлился?

Было шесть часов, и под низким, плотным покровом облаков в домах уже зажигался свет.

Харри уставился в потолок. Он лежал на спине на полу рядом с кроватью Столе Эуне. По другую сторону от кровати в такой же позе лежал Эйстейн.

— Итак, твоя интуиция подсказывает тебе, что Маркус Рё одновременно и виновен, и невиновен, — сказал Эуне.

— Да, — сказал Харри.

— Это как?

— Ну, например, он заказывает оба убийства, но не совершает их. Или первые два убийства совершены сексуальным маньяком, и Рё использует свой шанс, чтобы убить свою жену, копируя серийного убийцу, так что никто не считает его виновным.

— Особенно, если у него есть алиби на первые

два убийства, — сказал Эйстейн.

— Кто-нибудь из вас верит в эту теорию? — спросила Эуне.

— Нет, — хором ответили Харри и Эйстейн.

— Это сбивает с толку, — сказал Харри. — С одной стороны, у Рё был мотив убить свою жену, если она его шантажировала. С другой стороны, его алиби сильно пошатнулось теперь, когда она не может подтвердить свои показания полиции под присягой в суде.

— Что ж, тогда, может быть, Воге прав, — сказал Эйстейн, когда дверь открылась. — Даже несмотря на то, что его выпнули из газеты. На свободе разгуливает каннибал и серийный убийца, и точка.

— Нет, — сказал Харри. — Тип серийного убийцы, который описывает Воге, не убивает трёх человек из одной группы.

— Воге что-то выдумывает, — сказал Трульс, ставя на стол три большие коробки из-под пиццы и срывая крышки. — Вот что недавно опубликовали на сайте «ВГ». У них есть источники, утверждающие, что Воге был уволен из «Дагбладет» за то, что сочинял истории. Я бы и сам им это сказал.

— Ты бы так сказал? — Эуне удивлённо посмот-

рел на него.

Трульс только ухмыльнулся.

— О, пахнет пепперони и человеческим мясом, — сказал Эйстейн, поднимаясь на ноги.

— Джибран, ты должен помочь нам это съесть, — крикнул Эуне в сторону соседней кровати, где лежал ветеринар в наушниках.

Пока остальные четверо столпились вокруг стола, Харри сидел на полу, прислонившись спиной к стене, и читал сайт «ВГ». И размышлял.

— Кстати, Харри, — сказал Эйстейн с набитым пиццей ртом, — я сказал той девушке из Института судебной медицины, что мы встретимся в «Ревности» в девять вечера, хорошо?

— Хорошо. Сон Мин Ларсен из Крипоса тоже приедет.

— А как насчёт тебя, Трульс?

— А что насчёт меня?

— Идём в «Ревность». Сегодня 1977 год.

— А?

— 1977 год. В баре будут играть только лучшие мелодии 1977 года.

Трульс жевал, недоверчиво хмурясь на Эйстейна. Как будто он не мог решить то ли над ним смеются, то ли кто-то на самом деле приглашает его потусоваться.

— Ладно, — сказал он наконец.

— Отлично, мы будем командой мечты. Эта пицца быстро заканчивается, Харри. Что ты там делаешь?

— Забрасываю сети, — сказал Харри, не поднимая глаз.

— А? — спросил Эйстейн.

— Я вот думаю, не попробовать ли мне обеспечить Маркусу Рё то алиби, которое ему не нужно.

Эуне подошёл к нему.

— Кажется, ты испытываешь облегчение, Харри.

— Облегчение?

— Я не буду спрашивать, но предполагаю, что это как-то связано с тем, о чём ты не хотел говорить.

Харри поднял глаза. Улыбнулся. Кивнул.

— Хорошо, — сказал Эуне. — Хорошо, тогда я тоже испытываю некоторое облегчение. Он зашаркал к своей кровати.

В семь часов приехала Ингрид Эуне. Эйстейн и Трульс были в кафетерии, и когда Столе пошёл в туалет, Ингрид и Харри остались сидеть в комнате одни.

— Мы сейчас уходим, чтобы вы двое могли

немного отдохнуть, — сказал Харри.

Ингрид, маленькая, коренастая женщина с седыми, как сталь, волосами, пристальным взглядом и остатками нурланнского акцента, выпрямилась в кресле и глубоко вздохнула.

— Я только что из кабинета главного врача. Он получил от старшей медсестры доклад, в котором выражено беспокойство. О трёх мужчинах, которые утомляют Столе Эуне своими многочисленными и продолжительными визитами. Поскольку пациентам, как правило, трудно сказать это самим, он поинтересовался, могу ли я попросить вас сократить визиты с этого момента, поскольку у Столе наступает терминальная стадия болезни.

Харри кивнул.

— Я понимаю. Это то, чего ты хочешь?

— Ни в коем случае. Я сказала консультанту, что он вам нужен. И… — она улыбнулась. — Что ты ему нужен. «Нам всем нужно ради чего-то жить» — сказала я ему. И иногда за что-то умереть. Консультант сказал, что это мудрые слова, а я сказала ему, что они принадлежат не мне, а Столе.

Харри улыбнулся в ответ.

— Старший врач сказал что-нибудь ещё?

Она кивнула. Перевела взгляд на окно.

— Помнишь тот раз, когда ты спас Столе жизнь, Харри?

— Нет.

Она коротко рассмеялась.

— Столе попросил меня спасти ему жизнь. Вот как он это сформулировал, кретин. Он попросил меня раздобыть шприц. Он предложил морфий.

В наступившей тишине единственным звуком в комнате было ровное дыхание спящего Джибрана.

— Ты собираешься это сделать?

— Да, — сказала она. Её глаза наполнились слезами, а голос стал хриплым. — Но я не думаю, что смогу с этим справиться, Харри.

Харри положил руку ей на плечо. Почувствовал, как Ингрид слабо задрожала. Её голос превратился в шёпот.

— И я знаю, что *из-за этого* я буду чувствовать себя виноватой всю оставшуюся жизнь.

Глава 34

Понедельник
Трансъевропейский экспресс

Прим ещё раз перечитал статью на сайте «ВГ».

В ней прямо не говорилось, что Воге выдумывал истории для своих статей, но это читалось между строк. Тем не менее, даже если они не говорили этого прямо, это не значит, что у них нет доказательств. Только он, Прим, мог подтвердить, рассказать всем, что произошло на самом деле. И снова это вселило в него тёплое, опьяняющее чувство контроля, ощутить которое он не планировал и которое стало прекрасным бонусом.

Он думал об этом снова и снова с самого утра, с тех пор как прочитал заметку в «Дагбладет» о том, что Терри Воге отстранён от работы в отделе криминальной хроники издания. Прим сразу всё понял. Понял не только причину отстранения Воге, но и почему «Дагбладет» само привлекло внимание к этому факту, а не позволило оставить это событие без внимания. В редакции знали, что должны сами активно дистанцироваться от Воге, прежде чем другие газеты обвинят их во

лжи, которую «Дагбладет» раньше публиковал о каннибализме и заново пришитых татуировках.

И вот что было интересно: теперь Воге можно было использовать для решения возникшей проблемы. Проблемы сидящего в безопасности в тюрьме Маркуса Рё, находящегося вне пределов досягаемости Прима в течение неопределённого времени. Этого времени у него не было, потому что у биологии свои законы, естественный цикл имеет свой ритм. Но это был серьёзный шаг, значительное отклонение от первоначального плана, а последний раз, когда ему пришлось импровизировать, уже доказал, что за это приходится платить. Так что ему придётся хорошенько подумать. Он ещё раз обдумал все детали.

Он посмотрел на предоплаченный телефон и на записку с номером Терри Воге, который нашёл в телефонном справочнике. Почувствовал нервозность шахматиста, у которого заканчивается время, отведённое на принятие решения о ходе, осознающего, что сейчас он либо выиграет, либо проиграет всю партию, но ему ещё предстоит передвинуть свою фигуру. Прим ещё раз продумал варианты, когда что-то могло пойти не так. И о том, что не должно пойти не так. Напомнил себе, что он может отступить в любой момент,

не оставляя каких-либо следов, ведущих к нему. *Если* он всё сделает правильно.

Затем он набрал номер. Его охватило ощущение свободного падения, чудесная дрожь волнения.

На звонок ответили после третьего гудка.

— Терри.

Прим попытался расслышать, было ли в голосе Воге что-нибудь, выдающее отчаяние, которое он, должно быть, испытывал. Человек на самом дне. Человек, который никому не был нужен. Человек без альтернатив. Человек, который уже однажды сумел вернуться и был готов сделать всё возможное, чтобы повторить это снова и вернуть свой трон. Чтобы утереть всем нос. Прим перевёл дыхание и заговорил более низким голосом.

— Сюсанне Андерсен нравилось получать пощёчины во время секса, полагаю, её бывшие бойфренды могут подтвердить это. От Бертины Бертильсен пахло потом, как от мужчины. У Хелены Рё был шрам на плече.

В последовавшей паузе Прим слышал дыхание Воге.

— Кто ты?

— Единственный человек, который находится на свободе и который мог бы обладать всеми этими знаниями.

Ещё одна пауза.

— Чего ты хочешь?

— Спасти невиновного человека.

— Какого невиновного?

— Маркуса Рё, конечно.

— Потому что?

— Потому что я тот, кто убил девушек.

Терри Воге знал, что ему следовало нажать «Отклонить», когда на дисплее высветилось «Неизвестный абонент», но, как обычно, он ничего не мог с собой поделать, взяло верх его чёртово любопытство. Вера в то, что внезапно может произойти что-то хорошее, что однажды женщина его мечты может просто позвонить ему, например. Почему он не может усвоить урок? Сегодня были звонки от журналистов, которые хотели услышать его комментарий по поводу увольнения из «Дагбладет», и от пары преданных фанатов, давших ему понять, насколько, по их мнению, несправедливо с ним поступили. Среди них была одна девушка, которая по телефонному разговору казалась подходящей, но он нашёл её страницу в Фейсбуке и обнаружил, что она намного старше, чем казалось по её голосу, и уродливее свиньи. А теперь этот звонок, ещё один псих. Почему нормальные люди не могут ему

позвонить? Друзья, например? Хотя, возможно, они не звонили, потому что у него их больше не было? Его мать и сестра поддерживали связь с ним, но не брат и не отец. То есть однажды ему позвонил отец — он, вероятно, подумал, что успех в «Дагбладет» в какой-то степени возместил скандал, опозоривший семейное имя. В прошлом году было несколько звонков от девушек. Они всегда появлялись, когда он находился в центре внимания. То же самое было, когда он был музыкальным журналистом. Конечно, к рок-музыкантам шло гораздо больше кисочек, но и ему досталось всё же больше, чем парням за микшерным пультом. Лучшей стратегией было держаться поближе к рок-музыкантам — пара положительных отзывов всегда вознаграждалась пропуском за кулисы, — и можно надеяться на небольшие выгоды. Лучшей стратегией, чем эта, было бы обратное решение: самому собрать рок-группу и пожинать плоды. Как криминальный журналист он больше не использовал концерты в качестве охотничьего угодья, но компенсировал это стилем гонзо, которого придерживался ещё будучи музыкальным журналистом. Он был *на острие* событий, он был уличным военным корреспондентом. Если твоё имя и фотография

публикуется рядом со статьёй, всегда найдётся женщина, которая тебе позвонит. Именно по этой причине он сохранил свой номер в справочной службе — не для того, чтобы люди звонили ему в любое время суток со всевозможными идиотскими советами и историями.

Ответить на этот анонимный звонок — это одно, а не вешать трубку — совсем другое. Почему он этого не сделал? Возможно, дело было не в словах этого человека о том, что именно он убил девушек. Всё дело было в том, как он это сказал. Без фанфар, просто спокойно заявил об этом.

Терри Воге откашлялся.

— Если ты действительно убил тех девушек, разве ты не должен радоваться, что полиция подозревает кого-то другого?

— Всё верно, у меня нет желания быть пойманным, но мне не доставляет удовольствия, когда невиновный человек искупает мои грехи.

— Грехи?

— Согласен, звучит немного по-библейски. Я звоню, потому что думаю, что мы можем помочь друг другу, Воге.

— А мы можем?

— Я хочу, чтобы полиция поняла, что они взяли не того человека, чтобы Рё был немедленно

освобождён. А ты хочешь вернуть себе место на вершине успеха после твоих попыток проложить туда дорогу фейками.

— Что ты можешь об этом знать?

— Твоё желание вернуться на вершину — это всего лишь догадки с моей стороны, но что касается твоей последней статьи, я знаю, что всё в ней выдумка.

Воге на мгновение задумался, и его взгляд стал блуждать по комнате, которую с большой натяжкой можно было бы назвать холостяцкой берлогой, но по сути следовало назвать её дырой. При том уровне дохода, который он получал работая в «Дагбладет», он мечтал, что через год сможет переехать в место попросторнее, где будет больше воздуха и света. Меньше грязи. На выходные к нему приезжала погостить Дагния, его латышская подружка — во всяком случае, она считала себя таковой. Уборкой в том доме могла бы заняться она.

— Я, конечно, для начала должен проверить то, что ты рассказал об этих девушках, — сказал Воге. — Предположим, что твои слова правдивы, каково твоё предложение?

— Я бы предпочёл назвать это ультиматумом, поскольку либо всё происходит в точности так,

как я хочу, либо не происходит вообще.

— Продолжай.

— Встретимся завтра вечером на южной стороне крыши Оперного театра. Я предоставлю тебе доказательства того, что это я убил девушек. Ровно в девять. Ты не должен никому говорить о нашей встрече, и, естественно, ты должен прийти один. Понял?

— Понятно. Не мог бы ты рассказать мне немного о…

Воге уставился на телефон. Его собеседник завершил разговор.

Что, чёрт возьми, это было? Это было слишком безумно, чтобы быть реальностью. Номер не определился, так что нельзя было узнать, кто звонил.

Он посмотрел на время. Без пяти восемь. Ему захотелось пойти выпить пива. Не в «Стопп Прессен» или похожее на этот бар место, а туда, где не было риска столкнуться с коллегами. Он с тоской подумал о тех временах, когда он мог посещать концерты, на которых звукозаписывающие компании раздавали журналистам пивные бонги[52] в надежде на благоприятный отзыв, и где не было

[52] Примечания: 52

Пивной бонг — устройство, состоящее из воронки, прикреплённой к трубке, используемой для быстрого употребления пива.

ничего необычного, когда с той же целью его симпатии искала какая-нибудь молодая артистка.

Он снова посмотрел на телефон. Слишком безумно. Или нет?

На часах было полдесятого, и из динамиков битком набитого бара «Ревность» лилась песня «Jamming» Боба Марли и его группы «Вейлерс». Казалось, что все хипстеры среднего возраста в Грюнерлокке[53] собрались здесь выпить пива и высказать своё мнение о звучавшей музыке. Каждый раз, когда звучала новая песня, мнения разнились от одобрительных возгласов и до свиста.

— Я просто говорю, что Харри неправ! — Эйстейн крикнул Трульсу и Сон Мину. — «Остаться в живых» ничуть не лучше, чем «Трансъевропейский экспресс», и это так ясно!

— Спорят о песнях групп «Би Джиз» и «Крафтверк», — перевёл Харри для Александры, пока они впятером расправлялись с четырьмя поллитровыми кружками пива и одним бокалом с минеральной водой. Они заполучили себе отдельную кабинку, где было не так шумно.

---

[53] Примечания: 53

Грюнерлокка (Grünerløkka) — район Осло со барами, ночными клубами.

— Приятно быть в одной команде со всеми вами, — заявил Сон Мин, поднимая свою кружку для тоста. — И поздравляю со вчерашним арестом.

— Который Харри собирается завтра попытаться отменить, — сказал Эйстейн, чокаясь своей кружкой с остальными.

— Прошу прощения?

— Он сказал, что собирается обеспечить Рё алиби, которое тот не желает иметь.

Сон Мин посмотрел через стол на Харри, который пожал плечами.

— Я собирался попытаться проникнуть на «Виллу Данте» и найти свидетелей, которые могут подтвердить, что Рё был там во вторник вечером, когда были убиты Сюсанна и Бертина. Если я найду свидетелей, их слова будут гораздо убедительнее, чем показания умершей жены.

— Зачем ты туда идёшь? — спросила Александра. — Почему полиция не может просто провести облаву на это место и допросить посетителей?

— Потому что, — сказал Сон Мин, — во-первых, нам нужен ордер на обыск, а мы его не получим, поскольку нет причин подозревать, что в клубе происходит что-то криминальное. Во-вторых, мы бы никогда не смогли убедить ни одного чело-

века из клуба выступить в качестве свидетеля, учитывая, что вся фишка «Виллы Данте» в полной анонимности. Но мне интересно, так это как ты собираешься проникнуть внутрь и заставить кого-нибудь заговорить, Харри.

— Что ж. Во-первых, я больше не полицейский, и мне не нужно беспокоиться об ордерах на обыск. Во-вторых, у меня есть вот это. — Харри сунул руку во внутренний карман пиджака и вытащил кошачью полумаску и членскую карточку «Виллы Данте». — К тому же, на мне костюм Рё, мы оба одного роста, одна и та же маска…

Александра рассмеялась.

— Харри Холе намерен пойти в гей-клуб и выдать себя за… — она выхватила карточку и прочитала, — Кэтмена[54]>? В этом случае сначала позволь дать тебе несколько советов.

— Вообще-то, я хотел спросить, не согласишься ли ты пойти со мной, — спросил Харри.

Александра покачала головой.

— Ты не можешь взять женщину с собой в гей-клуб, это нарушает правила, никто не будет с тобой болтать. Единственный вариант — я могла бы изобразить из себя драг-квин.

---

[54] Примечания: 54
Кэтмен (Catman) — дословно «человек-кот».

— Не выйдет, дорогая, — вмешался Сон Мин.

— Послушайте, вот что там происходит, — сказала Александра, и её озорная ухмылка заставила остальных наклониться поближе, чтобы лучше слышать. Пока она рассказывала, они попеременно то восклицали от удивления, то недоверчиво смеялись. Когда Александра закончила, она посмотрела на Сон Мина, ожидая подтверждения.

— Я нечасто бываю в такого рода клубах, дорогая. Мне интересно, откуда *ты* так много знаешь?

— В клубе «Мальчики в коже» один раз в году разрешается приводить с собой женщин, — сказала она.

— И ты всё ещё хочешь пойти туда? — спросил Эйстейн, тыча Харри в рёбра. Трульс хрюкнул от смеха.

— Больше беспокоюсь о том, как надо себя вести, а не о том, что ко мне будет кто-то приставать, — ответил Харри. — И сомневаюсь, что меня изнасилуют.

— Никто точно не собирается насиловать тебя, дядечку ростом почти в два метра, — сказала Александра. — Но там, вероятно, найдутся геи, которые будут приставать к тебе.

— Геи?

— Симпатичные худощавые мальчики, которые хотят, чтобы с ними был кто-то повыше. И, как я уже сказала, остерегайся «медведей»[55] и будь осторожен в тёмных комнатах.

— Кто ещё по одной? — спросил Эйстейн. Он насчитал три поднятых пальца.

— Я помогу тебе их донести, — сказал Харри.

Они протиснулись к бару и стояли в очереди, когда зазвучал гитарный рифф песни Дэвида Боуи «Heroes», вызвавший всеобщие одобрительные возгласы.

— Мик Ронсон[56] — бог, — сказал Эйстейн.

— Да, но есть ещё Роберт Фрипп[57], — сказал Харри.

— Верно, Харри, — произнёс голос позади них. Они обернулись. На говорящем была плоская кепка, многодневная щетина и тёплые, слегка грустные глаза. — Все думают, что Фрипп использовал электронный смычок, но это всего лишь отзвук со студийных колонок. — Он протянул

---

[55] Примечания: 55

«Медведи» в гей-культуре — волосатые или плотного телосложения люди.

[56] Примечания: 56

Майкл (Мик) Ронсон — британский гитарист, один из участников группы Дэвида Боуи «Спайдерз фром Марс».

[57] Примечания: 57

Роберт Фрипп — музыкант, участник группы «Кинг Кримсон».

руку. — Арне, парень Катрины. — У него была приятная улыбка. «Как у старого друга», — подумал Харри. За исключением того, что этот парень был, судя по всему, по крайней мере на десять лет моложе их.

— Ага, — сказал Харри и пожал ему руку.

— Большой поклонник, — сказал Арне.

— Мы тоже, — сказал Эйстейн, тщетно пытаясь привлечь внимание занятых барменов.

— Я имел в виду не Боуи, а тебя.

— Меня? — удивился Харри.

— Его? — переспросил Эйстейн.

Арне рассмеялся.

— Не смотри так потрясённо. Я думал о тех невероятных вещах, сделанных тобой для города в должности полицейского.

— Хм. Это Катрина рассказывала тебе эти байки?

— Нет, нет, послушай, я знал о Харри Холе задолго до того, как встретил её. Должно быть, мне было лет пятнадцать, когда я читал о тебе в газетах. Ты знаешь, я даже подал заявление в полицейский колледж из-за тебя. — Смех Арне был счастливым, беззаботным.

— Мм. Но ты не поступил?

— Меня пригласили сдавать вступительные

экзамены. Но тем временем меня приняли в университет на образовательную программу, знания по которой, как я думал, пригодились бы, если бы я стал следователем.

— Понятно. Катрина с тобой?

— Она здесь?

— Я не знаю, она прислала мне сообщение, что, возможно, заглянет, но здесь так людно, и она, возможно, столкнулась с кем-то из своих приятелей. Кстати, как ты её нашёл?

— Она рассказала, что это я нашёл её?

— Разве это не так?

— Ты делаешь предположение?

— Обоснованное предположение.

Арне мгновение смотрел на Харри с притворной серьёзностью. Затем его лицо расплылось в мальчишеской улыбке.

— Ты, конечно, прав. Первый раз я увидел её в теленовостях, но не говори ей, пожалуйста, об этом. И вскоре после этого она случайно зашла туда, где я работаю. И я подошёл к ней, сказал, что видел её по телевизору, и что она показалась мне чертовски привлекательной женщиной.

— Ну, то есть поступил так, как действуешь сейчас.

Ещё больше беззаботного смеха.

— Я понимаю, почему ты решил, что я фанат, Харри.

— А ты нет?

Арне, казалось, обдумывал это.

— Да, ты снова прав, наверное, так оно и есть. Хотя ты с Катриной не самые большие мои кумиры.

— Приятно слышать. Тогда кто твой самый большой кумир?

— Боюсь, тебе это будет неинтересно.

— Возможно, но давай попробуем.

— Хорошо. Сальмонелла тифимуриум[58]. — Арне произнёс это медленно и благоговейно, чётко произнося по буквам.

— Хм… Сальмонелла — это бактерия?

— Точно.

— И почему она твой кумир?

— Потому что «тифимуриум» — выдающийся. Она может выжить в чём угодно и где угодно, даже в космосе.

— И почему она тебе интересна?

— Она — часть моей работы.

— И какой именно?

— Я ищу частицы.

---

[58] Примечания: 58

Сальмонелла — вид палочковидных грамотрицательных бактерий со жгутиками. Сальмонелла тифимуриум — серотип данной бактерии.

— Те, что внутри нас или снаружи?

— Это одно и то же, Харри. Это материал, из которого сделана жизнь. И смерть.

— Вот как?

— Если бы я собрал всех микробов, бактерий и паразитов внутри тебя, угадай, сколько бы это весило?

— Хм.

— Два килограмма. — Эйстейн протянул Харри две пол-литровые кружки пива. — Прочёл об этом в журнале «Иллюстрированная наука». Страшно представить.

— Да, но было бы ещё страшнее, если бы их не существовало, — сказал Арне. — Тогда бы нас тоже не было в живых.

— Хм. И они выживут в открытом космосе?

— Некоторым микробам даже не нужен свет звезды или доступ к кислороду. Как раз наоборот. Во время исследований на борту космических станций обнаружили, что Сальмонелла тифимуриум даже более опасна и эффективна в космосе, чем на поверхности Земли.

— Судя по тому, как ты говоришь, ты много знаешь о таких вещах… — Эйстейн слизнул пену с одной из кружек, которые держал в руках. — Это правда, что гром бывает только во время дождя?

Арне был слегка ошарашен вопросом.

— Э-э… нет.

— Вот именно, — сказал Эйстейн. — Слушайте.

Они прислушались. Песня «Dreams» группы «Флитвуд Мак» дошла до припева, где солистка Стиви Никс поёт о том, что гром бывает только тогда, когда идёт дождь.

Все трое рассмеялись.

— Ошибка Линдси Бакингема[59], — сказал Эйстейн.

— Нет, — сказал Харри. — На самом деле эту песню написала Стиви Никс.

— Ну, во всяком случае, это лучшая песня с двумя аккордами из всех, когда-либо существовавших, — сказал Арне.

— Нет, лучшая у «Нирваны», — быстро сказал Эйстейн. — Песня «Something in the Way».

Они посмотрели на Харри. Он пожал плечами.

— Группа «Дженс Эддикшн», песня «Jane Says».

— Делаешь успехи, — сказал Эйстейн, причмокивая губами. — И худшая песня с двумя аккордами всех времён?

Они посмотрели на Арне.

— Ну, — ответил тот, — песня «Born in the U.S.A.»

---

[59] Примечания: 59

Линдси Бакингем — гитарист, вокалист группы «Флитвуд Мак».

Брюса Спрингстина, может быть, и не самая худшая, но точно самая переоценённая.

Эйстейн и Харри кивнули в знак согласия.

— Сядешь за наш столик? — спросил Эйстейн.

— Спасибо, но у меня там приятель, и мне нужно составить ему компанию. В другой раз.

Удерживая кружки, полные пива, они обменялись осторожными рукопожатиями и попрощались друг с другом, прежде чем Арне исчез в толпе, а Харри и Эйстейн направились обратно к своей кабинке.

— Хороший парень, — сказал Эйстейн. — Думаю, возможно, Братт, нашла что-то стоящее.

Харри кивнул. Его мозг пытался что-то осознать, он что-то зафиксировал, но не обратил должного внимания. Они подошли к столу с четырьмя пол-литровыми кружками, и, поскольку остальные пили медленно, Харри сделал глоток из одной. А потом ещё один.

Когда наконец заиграла песня «God Save the Queen» группы «Секс Пистолз», они вскочили на ноги в своей кабинке и принялись танцевать пого[60], подпрыгивая вверх и вниз вместе со всей толпой.

---

[60] Примечания: 60

Пого — танец-слэм, ассоциирующийся с ранним панк-роком.

В полночь в баре «Ревность» всё ещё было полно народа, и Харри был пьян.

— Выглядишь счастливым, — прошептала Александра ему на ухо.

— Правда?

— Да, я не видела тебя таким с тех пор, как ты вернулся домой. И ты хорошо пахнешь.

— Хм… Тогда, наверное, это правда.

— Что именно является правдой?

— Что от тебя лучше пахнет, когда ты никому не должен.

— Не поняла, о чём ты. Кстати, о доме. Проводишь меня?

— Проводить тебя домой или пойти с тобой?

— Мы можем разобраться с этим по ходу дела.

Харри понял, насколько он был пьян, когда обнимал остальных на прощание. Сон Мин, пахнувший лавандой или чем-то подобным, пожелал ему удачи на «Вилле Данте», но добавил, что притворится, будто ничего не слышал о таких неправомерных планах Харри.

Может быть, из-за разговоров о запахе долгов и лаванды Сон Мина, но по пути к выходу Харри понял, какая деталь ускользнула от него. Этот запах. Он вдохнул его в какой-то момент вечером, здесь, в этом баре. Он вздрогнул, повернулся и

окинул взглядом толпу. Аромат мускуса. Тот же самый запах, который он уловил, когда был в прозекторской, где лежала Хелена Рё.

— Харри?

— Я иду.

Прим шёл по улицам Осло. Шестерёнки в его голове вращались всё быстрее и быстрее, словно пытаясь измельчить тягостные мысли на мелкие кусочки.

Тот полицейский был в баре «Ревность», и это разозлило Прима. Ему следовало бы сразу уйти, избежать встречи с полицейским, но его как будто тянуло к нему, будто он был мышью, а полицейский — котом. Он также искал Её, и, может быть, она была там, а может быть, и нет. Там было так людно, что большинство посетителей стояло на ногах, и это затрудняло обзор. С ней он встретится завтра. Должен ли он спросить, была ли она в баре? Нет, она заговорит об этом, если захочет. Ему о многом надо подумать в данный момент, ему нужно было отодвинуть это на задний план, завтра ему нужна ясная голова. Он продолжал идти. Улица Нурдаля Бруна. Улица Тора Олсена. Фреденсборгвейен. Его каблуки ритмично стучали по асфальту, когда он мурлыкал мелодию «Heroes» Дэвида Боуи.

Глава 35

Вторник

Во вторник температура резко упала. Вдоль улиц Операгаты и Королевы Евфимии дул сильный ветер, и своими порывами сносил штендеры возле ресторанов и магазинов одежды.

В пять минут десятого, когда Харри забирал свой костюм из химчистки в Грёнланне, он спросил, не могут ли они погладить костюм, в котором он был сейчас, пока он ждёт. Азиатская женщина за стойкой с сожалением покачала головой. Харри ответил, что это печально, поскольку в тот вечер он собирался на бал-маскарад. Он видел, как она слегка колебалась, прежде чем улыбнуться в ответ на его улыбку, и сказала, что, уверена, что он прекрасно проведёт время.

— Сьесье[61], — сказал Харри по-китайски, слегка поклонившись, а затем повернулся, чтобы уйти.

— Хорошее произношение, — сказала женщина прежде, чем он успел положить руку на дверную

---

[61] Примечания: 61
Хièхiè — спасибо, с китайского.

ручку. — Где ты учил китайский?

— В Гонконге. Я знаю совсем немного.

— Большинство иностранцев в Гонконге не знают вообще ничего. Сними костюм, я быстренько пройдусь по нему утюгом.

В четверть девятого Прим стоял на автобусной остановке и смотрел через дорогу на привокзальную площадь Йернбанеторгет. Изучал людей, которых видел: тех, кто шёл по привокзальной площади, и тех, кто слонялся без дела. Был ли кто-то из них полицейским? У него был с собой кокаин, поэтому он не осмеливался ступить на площадь, пока не почувствует полной уверенности. Но никогда нельзя быть уверенным до конца, надо просто решиться и отбросить свой страх. Вот так просто. И так невозможно. Он сглотнул. Пересёк улицу, вышел на площадь и подошёл к статуе тигра. Почесал его за ухом. Вот и всё, приручи страх и сделай его своим союзником. Он сделал глубокий вдох и коснулся пакетика с кокаином в кармане. Со ступенек на него уставился человек. Прим узнал его и неспешно подошёл.

— Доброе утро, — сказал он. — У меня есть кое-что, что ты, вероятно, захочешь попробовать.

Дневной свет рано померк, и уже казалось на-

ступила глубокая ночь, когда Терри Воге пересёк улицу Операгата и ступил на каррарский мрамор[62]. Выбор итальянских плит вызвал горячие споры во время строительства здания оперного театра на набережной в Бьёрвике, но критика вскоре утихла, однако жители до сих помнили эти дебаты. Здесь было полно посетителей даже сентябрьским вечером.

Воге проверил время. Без шести минут девять. Будучи музыкальным журналистом, он обычно приходил минимум на полчаса позже, чем артистам полагалось выйти на сцену. Иногда какая-нибудь странная группа выходила точно в объявленное время, и он пропускал первые несколько песен, но тогда он просто спрашивал у фанатов, какой был вступительный номер, как отреагировала толпа, а затем немного приукрашивал. Всегда всё шло хорошо. Но сегодня вечером он не собирался полагаться на случай. Терри Воге принял решение. С этого момента больше никаких опозданий и выдумок.

Он воспользовался боковой лестницей вместо того, чтобы пройти прямо по гладкой наклонной мраморной крыше, как на его глазах делала

[62] Примечания: 62

Каррарский мрамор — мрамор, добываемый в Апуанских Альпах в Италии. Считается одним из ценнейших сортов мрамора.

молодёжь. Потому что Воге был уже не молод и больше не мог позволить себе оступиться.

Достигнув вершины, он подошёл к южной стороне, как и велел ему парень по телефону. Встал у стены между двумя парами и смотрел на фьорд, по которому от порывов ветра ходили белые барашки волн. Он огляделся вокруг. Вздрогнул и проверил время. Увидел приближающегося к нему из мрака человека. Мужчина поднял что-то и направил на застывшего Терри Воге.

— Извините, — сказал мужчина с акцентом, похожим на немецкий, и Воге подвинулся, чтобы дать ему возможность сделать снимок.

Мужчина нажал кнопку спуска затвора камеры, которая гулко щёлкнула, поблагодарил и исчез. Воге снова поёжился. Перегнулся через край и посмотрел на людей внизу, идущих по мрамору. Ещё раз посмотрел на часы. Две минуты десятого.

В окнах виллы горел свет, и ветер шелестел каштанами вдоль боковой дороги, идущей от улицы Драмменсвейен. Харри поручил Эйстейну высадить его чуть вдали от «Виллы Данте», даже несмотря на то, что приезд на такси вряд ли вызвал бы подозрение. В конце концов, припарковать свой автомобиль перед виллой всё равно

что назвать своё настоящее имя.

Харри вздрогнул от холода, пожалев, что не взял с собой пальто. Оказавшись в пятидесяти метрах от виллы, он надел кошачью маску и берет, позаимствованный у Александры.

У входа в большое здание из жёлтого кирпича мерцали на ветру два факела.

— Необарокко с окнами в стиле ар-нуво, — заметил Эуне, когда они нашли фотографии в Гугле. — Я бы сказал, построен примерно в 1900 году. Вероятно, судовладельцем, торговцем или кем-то в этом роде.

Харри толкнул дверь и вошёл внутрь.

Стоявший за небольшой стойкой молодой человек в смокинге улыбнулся ему, и Харри показал ему членскую карту.

— Добро пожаловать, Кэтмен. Мисс Аннабелль будет выступать в десять часов.

Харри молча кивнул и прошёл к открытой двери в конце коридора, откуда доносилась музыка. Звучал Малер[63].

Харри вошёл в комнату, освещённую двумя огромными хрустальными люстрами. Барная стойка и мебель были из светло-коричневого

---

[63] Примечания: 63

Густав Малер (1860—1911) — австрийский композитор, оперный и симфонический дирижёр.

дерева, возможно, из гондурасского махагони[64]. В комнате находились тридцать-сорок мужчин, все в масках, тёмных костюмах или смокингах. Между столиками прохаживались молодые официанты без масок в облегающих костюмах с напитками на подносах. Однако, не было ни танцоров гоу-гоу, как описывала Александра, ни обнажённых мужчин, сидящих в клетке на полу со связанными за спиной руками, чтобы гости при желании могли толкнуть их, пнуть или каким-либо ещё образом унизить. Судя по бокалам гостей, предпочтение отдавалось мартини или шампанскому. Харри облизал губы. Тем утром на обратном пути от Александры он выпил пива у «Шрёдера», но пообещал себе, что это будет единственный алкоголь на сегодня. Несколько гостей обернулись и украдкой взглянули на него, прежде чем вернуться к своим разговорам. За исключением одного худощавого, явно молодого и женоподобного парня, который продолжал наблюдать за Харри, пока тот направился к незанятой части барной стойки. Харри надеялся, это не означало, что его прикрытие уже раскрыто.

— Как обычно? — спросил бармен.

---

[64] Примечания: 64

Махагони — название, используемое для обозначения различных тропических пород древесины, имеющих красноватый цвет.

Харри чувствовал взгляд того голубка на своей спине. Кивнул.

Бармен повернулся, и Харри наблюдал, как он достаёт высокий стакан и наливает в него водку «Абсолют», добавляет соус табаско, вустерширский соус и что-то похожее на томатный сок. Наконец он положил в стакан палочку сельдерея и поставил перед Харри.

— Сегодня у меня только наличные, — сказал Харри и увидел ухмылку бармена, будто он только что отпустил остроту. В тот же момент осознав, что наличные, вероятно, были единственной валютой в таком месте, где требовалась и соблюдалась анонимность.

Харри напрягся, почувствовав, как рука скользнула по его спине. Он был к этому готов: Александра сказала, что обычно всё начинается со взгляда, затем переходит в прикосновение, зачастую прежде, чем произнесено хотя бы одно слово. А дальше произойти может всё что угодно.

— Давно не виделись, Кэтмен. У тебя тогда не было бороды, да?

Это был тот голубок. Его голос был высоким, таким высоким, что Харри задумался, не специально ли он так говорит. Животное, которое

символизировала его маска, было не столь очевидно, в любом случае это была не мышь. Зелёный цвет с чешуйчатым узором и узкими глазами скорее указывали в сторону змеи.

— Не было, — сказал Харри.

Парнишка поднял стакан и вопросительно посмотрел на Харри, когда увидел, что тот колеблется.

— Устал от «Цезаря»[65]?

Харри медленно кивнул. «Цезарь» был коктейлем номер один для геев в ресторане «Дэн Тана» в Лос-Анджелесе, очевидно, это было что-то канадское.

— Может быть, нам стоит заказать что-нибудь бодрящее?

— Например? — спросил Харри.

Парнишка склонил голову набок.

— Ты какой-то другой, Кэтмэн. Дело не только в бороде, но и твоем голосе и…

— Рак горла, — сказал Харри. Это было предложение Эйстейна. — Лучевая терапия.

— О боже, — ответил парнишка немного равнодушно. — Ну, тогда понятно, откуда эта уродливая шляпа, и ты так похудел. Пагубно для организма,

---

[65] Примечания: 65

Цезарь (или Кровавый Цезарь) — коктейль, рецепт которого создали в Канаде, где этот напиток и употребляют преимущественно.

надо отметить.

— Так и есть, — сказал Харри. — Сколько именно времени прошло с тех пор, как мы виделись?

— Это ты мне скажи. Месяц. Или два? Время летит, ты точно давненько не появлялся.

— Если я не ошибаюсь, я был здесь во вторник пять недель назад, не так ли? И во вторник перед этим?

Парнишка слегка откинул голову назад, как будто хотел посмотреть на него с чуть большего расстояния.

— Почему такой интерес?

Харри услышал подозрение в его голосе и понял, что слишком поторопился.

— Это всё опухоль, — сказал он. — Врач говорит, что она давит на мозг и вызывает частичную потерю памяти. Извини, просто пытаюсь восстановить события последних месяцев.

— Ты уверен, что помнишь *меня*?

— Немного, — сказал Харри. — Но не всё. Извини.

Парень обиженно фыркнул.

— Можешь мне помочь? — спросил Харри.

— Если ты поможешь мне.

— С чем?

— Допустим, ты заплатишь за мой порошок

немного больше, чем обычно. — Он высунул что-то наполовину из кармана куртки, и Харри увидел маленький пластиковый пакетик с белым порошком. — Тогда я смогу подать его тебе так же, как и в прошлый раз.

Харри кивнул. Александра рассказывала ему, что наркотики — кокаин, спиды, попперс[66], мисс Эмма[67] — покупались и продавались более или менее открыто в гей-клубах, в которых она бывала.

— И как ты подал мне его в прошлый раз? — спросил Харри.

— Господи, я думал, это ты запомнишь. Я вдул его в твою прелестную, узкую медвежью норку вот этим… — Парень поднял короткую металлическую соломинку. — Может, спустимся вниз?

Харри вспомнил о предупреждении Александры относительно тёмных комнат. Комнат, где кто угодно мог стать чьей-то законной добычей.

— Окей.

Они встали и пошли по комнате. Глаза следили за ними из-за звериных масок. Парень

---

[66] Примечания: 66

Попперс — сленговое название группы химических веществ — алкилнитритов в случае употребления их ингаляционным путём.

[67] Примечания: 67

Мисс Эмма — сленговое название морфина, сильного опиата.

открыл дверь в дальнем конце зала, и Харри последовал за ним в темноту, вниз по крутой узкой лестнице. Уже на полпути он услышал звуки. Стоны и крики и — когда он спустился в подвал — шлепки плоти о плоть. На стенах горели маленькие голубые огоньки, и когда его глаза наконец достаточно привыкли к полутьме, он смог детально рассмотреть, что происходит вокруг него. Мужчины занимались сексом всеми возможными способами: кто-то обнажённым, кто-то полуодетым, а у кого-то была расстёгнута только ширинка. Те же звуки он услышал за дверями кабинок. Харри встретился глазами с человеком в золотой маске. Он был большим и мускулистым. Совершал ритмичные толчки над человеком, перегнувшимся через скамью. Зрачки за золотой маской были расширенными и чёрными в широко открытых глазах, устремлённых на Харри, который инстинктивно вздрогнул, когда мужчина хищно оскалил зубы с вожделением во взгляде. Харри позволил своему взгляду блуждать дальше. В комнате стоял запах, от которого он едва не задохнулся. Нечто иное, кроме смеси запахов хлора, секса и тестостерона, едкий запах, напоминающий бензин. Он никак не мог понять, что же это такое, пока не увидел обнажённого

мужчину, который открыл маленький ярко-жёлтый флакон и понюхал. Конечно, это был запах попперса. Этот стимулятор был популярен в клубах Осло, которые Харри часто посещал, когда ему было чуть больше двадцати. Тогда это называли «приливом», вероятно, потому что это было именно так: прилив на несколько секунд, когда сердце адски бьётся, на короткое время увеличивается кровообращение и обостряются все чувства. Лишь позже он узнал, что геи — находящиеся в пассивной позиции — используют его для усиления удовольствия от анального секса.

— Привет.

Это был мужчина в золотой маске. Он подошёл к Харри и положил руку ему на промежность. Хищная улыбка стала шире, и Харри почувствовал его дыхание на своём лице.

— Он мой, — сказал голубок резким голосом, схватив Харри за руку и утаскивая его за собой. Харри услышал смех качка позади.

— Кажется, все кабинки заняты, — сказал парень. — Может, нам…?

— Нет, — сказал Харри. — Наедине.

Парнишка вздохнул.

— Возможно, там дальше есть свободные. Пойдём.

Они прошли мимо комнаты с открытой дверью, из которой доносился плеск, похожий на звук льющегося душа. Харри заглянул внутрь, когда они проходили мимо.

Двое обнажённых мужчин сидели в ванне с открытыми ртами, в то время как другие мужчины, некоторые в одежде, стояли и мочились на них.

Они прошли через большую освещённую стробоскопами комнату, в которой грохотала песня «She's Lost Control» группы «Джой Дивижн». В центре комнаты находились качели, прикреплённые к потолку цепями. Мужчина, вытянувшись всем телом, летал на качелях, как Питер Пэн, раскачиваясь взад и вперёд в кругу мужчин, которые имели его по очереди, будто передавали косяк.

Харри с голубком вышли в другой коридор с несколькими кабинками, и снова по звукам можно было догадаться на том, что происходит за раздвижными дверями. Двое мужчин вышли из одной кабинки, и парнишка поспешил занять её. Харри последовал за ним, и парень закрыл за ними дверь. Комната была размером примерно два на два метра. Без предисловий парень начал расстёгивать рубашку Харри.

— Может быть, рак не так уж и плох, Кэтмен, сейчас ты на ощупь скорее спортсмен, чем мед-

ведь.

— Подожди, — сказал Харри. Он повернулся к нему спиной и полез в карман костюма. Когда он обернулся, в одной руке у него был бумажник, а в другой — телефон.

— Ты хотел продать мне немного кокаина, верно?

Голубок улыбнулся.

— Если ты заплатишь цену.

— Тогда давай сначала заключим сделку.

— О, вот теперь это больше похоже на тебя, Кэтмен. Коксмен, — он засмеялся и достал пакетик с порошком.

Харри взял пакетик и протянул ему бумажник.

— Теперь я получил от тебя кокаин, и ты можешь взять из моего бумажника столько, сколько тебе причитается за него.

Глаза голубка с сомнением уставились на него из-под маски.

— Ты сегодня ужасно щепетильный, — ответил он, затем открыл бумажник, заглянул внутрь и вытащил две банкноты по тысяче крон.

— На данный момент этого будет достаточно, — сказал он, положив бумажник обратно в карман костюма Харри, и начал расстёгивать его брюки. — Хочешь, чтобы я отсосал твой медвежий член?

Извини, твой *спортивный* член?

— Нет, спасибо, я получил то, что хотел, — ответил Харри, положив руку, свободную от телефона, за голову парня, будто чтобы приласкать, а вместо этого стягивая с него змеиную маску.

— Какого чёрта, Кэтмен! Это… ладно-ладно, для меня это не имеет большого значения.

Он хотел было продолжить расстёгивать брюки Харри, но тот остановил его и застегнул их обратно.

— А, понимаю, сначала кокаин.

— Не совсем, — сказал Харри, снимая берет и собственную маску.

— Ты… блондин, — удивился парень.

— Важнее, — ответил Харри, — я полицейский, который только что сделал аудио- и видеозапись того, как ты продаёшь мне кокаин. Что влечёт за собой наказание вплоть до десяти лет лишения свободы.

В синем свете невозможно было разглядеть побледнел ли его собеседник, поэтому Харри не был уверен, что блеф сработал до тех пор, пока не услышал рыдания.

— Чёрт, я *знал*, что это не ты! У тебя другая походка и акцент восточного Осло, и я чувствовал, что у тебя не рыхлая задница, как у него. Я такой

идиот. Чёрт тебя подери! И Кэтмена!

Он схватился за дверь, чтобы выйти, но Харри удержал его.

— Я арестован?

Что-то в интонации и взгляде этого голубка заставило Харри задуматься, не нравится ли парню его затруднительное положение.

— Ты собираешься… надеть на меня наручники?

— Это не игра, — Харри вытащил из внутреннего кармана парня визитницу с именем «Филип Кесслер».

Филип закрыл лицо руками и заплакал.

— Однако есть способ решить эту проблему, — сказал Харри.

— Есть? — Филип взглянул на него заплаканными глазами.

— Мы можем уйти и отправиться в приятное и тихое место, где ты расскажешь мне всё, что знаешь о Кэтмене. Договорились?

Терри Воге ещё раз проверил время. Девять часов тридцать шесть минут. Никто не попытался заговорить с ним. Он снова перечитал сообщение и пришёл к тому же выводу, что и прежде: он не мог перепутать время и место. Он дал парню дополнительные полчаса в качестве широкого

жеста, так как раньше сам он позволял себе получасовое опоздание. Но сорок минут было уже слишком. Парень не пришёл. Блеф. Возможно, розыгрыш. Может быть, прямо сейчас кто-то стоит среди туристов этажом ниже и смеётся над ним. Смеётся над опозоренным, презираемым журналистом-шарлатаном. Быть может, это было его наказанием. Он плотнее закутался в шерстяное пальто и начал спускаться по покатой крыше. К чёрту их, к чёрту их всех!

Прим пробирался среди туристов по мраморным плитам. Он видел, как прибыл Терри Воге, узнал его по фотографии и другим изображениям, которые нашёл в Интернете. Смотрел, как он стоит на крыше и ждёт. Прим не видел, чтобы кто-то следовал за Воге или прохожих, похожих на полицейских, заранее расположившихся на месте. Он прошёлся вокруг, обращая внимание на большинство людей, которые там находились, и через полчаса пришёл к выводу, что уже не видит ни одного из тех лиц, которые были здесь с момента его появления. Без двадцати десять он увидел, как Воге спускается с крыши: он сдался. Но Прим теперь был уверен. Терри Воге пришёл один.

Прим напоследок ещё раз осмотрелся. Затем

отправился домой.

Глава 36

Среда

— И что он здесь делает? — пробормотал Маркус Рё, указывая на Харри. — Он тот, кому я заплатил миллион долларов, чтобы он отправил меня в тюрьму, хотя я невиновен, кстати!

— Как я тебе уже говорил, — сказал Крон, — он здесь, потому что на самом деле не считает тебя виновным, он думает, что ты был…

— Я слышал, что он думает! Но я не был ни в каком чёртовом… *гей-клубе.*

Последние два слова он буквально выплюнул. Харри почувствовал, как капля слюны упала на тыльную сторону его ладони, пожал плечами и посмотрел на Юхана Крона. Комната, которую им троим выделили для встречи, на самом деле была комнатой для свиданий заключённых со своими семьями. Там было решётчатое окно, занавешенное шторами с рисунком роз, сквозь которые пробились лучи утреннего солнца, из мебели — стол с вышитой скатертью, четыре стула и диван. Харри избегал садиться на диван и заметил, что Крон тоже обошёл его своим вниманием. Он,

вероятно, знал, что диван наверняка пропитан жидкостями от отчаянного и быстрого секса.

— Не мог бы ты объяснить? — Харри обратился к Юхану.

— Конечно, — сказал Крон. — Филип Кесслер рассказал, что в те два вторника, когда были убиты Сюсанна и Бертина, он был с человеком в маске, которую ты видишь здесь.

Крон указал на кошачью маску, лежащую на столе рядом с членской картой.

— У этого человека было прозвище Кэтмен. Оба предмета были в твоём костюме, Маркус. И описание Филипа внешности того человека также соответствует твоему облику.

— Правда? Тогда о каких отличительных чертах он вам рассказывал? Татуировки или шрамы? Родимые пятна? Какие-нибудь особые приметы? — Рё переводил взгляд с одного на другого.

Харри покачал головой.

— Что? — Рё сердито рассмеялся. — Ничего?

— Он ничего подобного не помнит, — сказал Харри. — Но он почти уверен, что узнал бы тебя, если бы дотронулся до тебя.

— Господи, чёрт тебя дери, Иисусе, — сказал Рё с таким видом, словно его вот-вот стошнит.

— Маркус, — сказал Крон, — это алиби. Алиби,

которое мы можем использовать, чтобы немедленно освободить тебя, и которое мы можем предъявить как доказательство твоей невиновности, если они всё же решат возбудить уголовное дело. Понимаю, что ты беспокоишься о том, как это алиби повлияет на твой имидж, но…

— Ты понимаешь? — взревел Рё. — *Понимаешь*?! Нет, ты ни хрена не *понимаешь*, каково это — сидеть здесь, подозреваться в убийстве собственной жены. А потом вдобавок ко всему быть обвинённым в этой грязи. Я никогда раньше не видел этой маски. Ты хочешь знать, что я думаю? Думаю, Хелена получила эту маску и карточку от какого-то педика, похожего на меня, и отдала их тебе, чтобы использовать их против меня при разводе. Что касается того парня Филипа, то у него на меня ничего нет, он просто видит возможность быстро подзаработать. Так что узнай, сколько он хочет, заплати ему и убедись, что он держит рот на замке. Это не предложение, Юхан, это приказ. — Рё громко чихнул, прежде чем продолжить. — И вы оба по контракту связаны соглашениями о конфиденциальности. Если кто-нибудь из вас расскажет хоть слово об этом, я подам на вас в суд.

Харри откашлялся.

— Дело не в тебе, Рё.

— А в чём?

— На свободе бродит убийца, который, по всей вероятности, убьёт снова. Ему будет легче это сделать, если полиция будет убеждена, что виновный, то есть ты, уже находится под стражей. Если мы утаим информацию о том, что ты был на «Вилле Данте», это сделает нас соучастниками, когда он убьёт свою следующую жертву.

— *Нас*? Неужели ты искренне считаешь, что всё ещё работаешь на меня, Холе?

— Я намерен соблюдать условия контракта и не считаю это дело раскрытым.

— Правда? Тогда верни мне мои деньги!

— Нет, пока три юриста из полиции придерживаются мнения, что тебе грозит обвинительный приговор. Что сейчас важно, так это заставить полицию обратить внимание на другие факты, а это значит, что мы должны предоставить им это алиби.

— Говорю вам, меня там не было! Чёрт побери, я ничего не могу поделать, если полиция не в состоянии выполнять свою работу. Я невиновен, и они это выяснят, пользуясь своими обычными способами, а не с помощью этой… гейской лжи. Нет причин для паники или необдуманных

действий.

— Ты идиот, — сказал Харри со вздохом, как будто это был печальный факт, который он просто констатировал. — Есть все основания для паники.

Он поднялся на ноги.

— Куда ты направляешься? — спросил Крон.

— Сообщить в полицию, — сказал Харри.

— Ты не посмеешь, — прорычал Рё. — Если ты сделаешь это, я позабочусь о том, чтобы ты и все, кто тебе дорог, сгнили в аду. Не думай, что я на это не способен. И ещё кое-что. Возможно, ты считаешь, что я не могу отменить банковский перевод на Каймановы острова через два дня после своего указания банку оплатить его. Ты ошибаешься.

Словно что-то щёлкнуло в Харри, возникло знакомое чувство свободного падения. Он сделал шаг к стулу Рё, и не успел тот опомниться, как рука Харри схватила магната за горло и сдавила его. Рё откинулся на спинку стула, схватил Харри за предплечье обеими руками и попытался освободиться. Лицо Маркуса стало красным от нарушения кровотока.

— Сделаешь это, и я убью тебя, — прошептал Харри. — Убью. Тебя.

— Харри! — Крон тоже поднялся на ноги.

— Сядь, я отпущу, — прошипел Харри, глядя в выпученные, умоляющие глаза Маркуса Рё.

— Сейчас же, Харри!

Рё булькал и брыкался, но Харри удерживал его на стуле. Он сжал ещё сильнее, ощущая власть и возбуждение от мысли, что может выжать все соки из этого недочеловека. Да, возбуждение и то самое чувство свободного падения, которое охватило его, когда он поднял бокал со своим первым алкогольным напитком после нескольких месяцев трезвости. Но он уже осознавал, что возбуждение спадает, сила в его хватке ослабевает. Потому что за это свободное падение не было никакой награды, длилось оно совсем недолго и, к тому же, вело только в одно направление. Вниз.

Харри отпустил его, и Рё с протяжным хрипом втянул воздух, а потом наклонился вперёд в приступе кашля.

Харри повернулся к Крону.

— Полагаю, что *теперь-то* я уволен?

Крон кивнул. Харри разгладил галстук и вышел.

Микаэль Бельман стоял у окна и с тоской смотрел вниз, на центр города, где виднелся небоскрёб в правительственном квартале. Ближе, у моста Гуллхауг, он мог видеть качающиеся верхушки

деревьев. Ожидали, что скорость ветра увеличится. Говорили, что ночью будет сильный шторм. Ещё кое-что предсказывали: какое-то лунное затмение в пятницу. Эти события не были, очевидно, связаны между собой. Он поднял руку и посмотрел на свои часы — классические «Омега Симастер». Без одной минуты два часа. Почти весь этот день он мысленно решал дилемму, которую поставил перед ним начальник полиции. По идее, частное дело, подобное этому, конечно, не должно находиться на рассмотрении министра юстиции, но Бельман сделал это своим делом, вмешавшись ранее, и теперь он не мог просто от него отказаться. Он чертыхнулся.

Вивиан тихонько постучала и открыла дверь. В качестве своей личной помощницы он нанял её не только потому, что она имела степень магистра политологии, говорила по-французски после двух лет работы моделью в Париже и была готова делать всё — и готовить кофе, и встречать посетителей, и расшифровывать его речи. Она была хорошенькой. Многое можно сказать о роли внешности в современном мире, и многое уже сказано. Так много, что одно было ясно наверняка: внешность так же важна, как и всегда была. Он сам был красивым мужчиной и не пи-

тал иллюзий, что это не сыграло свою роль в его карьерном росте. Несмотря на карьеру модели, Вивиан не была выше его ростом, и поэтому он мог брать её с собой на встречи и ужины. У неё был парень, с которым она жила, но он рассматривал это скорее как вызов, а не недостаток. На самом деле, это было даже преимуществом. Этой зимой был запланирован визит в страны Южной Америки, главным вопросом для обсуждения были заявлены права человека, другими словами, будет чисто увеселительная поездка. И, как он говорил себе, присмотра и надзора гораздо меньше за министром юстиции, чем за премьер-министром.

— Это шеф полиции, — тихо сказала Вивиан.

— Впусти его.

— Он подключился онлайн через программу «Зум», — сказала она.

— О? Я думал, он приедет…

— Да, но он только что позвонил и сказал, что добираться до Нидалена слишком долго, и после этого у него ещё одна встреча в центре города. Он прислал ссылку. Давай я открою…? — она подошла к столу с компьютером. Быстрые пальцы, намного шустрее, чем его собственные, забегали по клавиатуре. — Вот, — она улыбнулась и доба-

вила, как бы желая уменьшить его раздражение, — сидит и ждёт тебя.

— Спасибо. — Бельман продолжал стоять у окна, пока Вивиан не вышла из комнаты. А потом подождал ещё немного. Пока ему не надоело собственное ребячество, и он не подошёл и не сел перед компьютером. Начальник полиции выглядел загорелым, вероятно, провёл недавний осенний отпуск где-нибудь за границей. Но это не очень помогло: ракурс камеры был неудачным, в центре экрана оказался его двойной подбородок. Очевидно, он поставил ноутбук не на стопку книг, а прямо на стол, за которым когда-то сидел и сам Бельман, когда был начальником полиции.

— По сравнению с тем местом, где ты сейчас, здесь почти нет пробок на дороге, — сказал Бельман. — Я доберусь домой в Хойенхол за двадцать минут. Тебе стоит попробовать.

— Прошу прощения, Микаэль, меня вызвали на экстренное совещание по поводу одного официального визита на следующей неделе.

— Ладно, давай сразу перейдём к делу. Кстати, ты один?

— Совершенно один, давай начнём.

Микаэль почувствовал снова прилив раздражения. Небрежное обращение по имени и призывы

типа «давай начнём» должны быть прерогативой министра юстиции. Особенно в том случае, когда шестилетний срок полномочий начальника полиции подходит к концу, и уже не комиссар Национальной полиции, а Король в Совете[68] — а фактически министр юстиции — будет решать, кто останется на своём посту, а кто нет. И Бельман мало что потеряет в политическом плане, если отдаст бразды правления Бодиль Меллинг. Во-первых, потому что она была женщиной, а во-вторых, потому что разбиралась в политике, понимала, кто здесь главный.

Бельман глубоко вздохнул.

— Просто чтобы мы поняли друг друга. Ты хочешь получить мой совет по поводу того, следует ли освобождать Маркуса Рё из-под стражи или нет. И ты также уверен, что оба варианта возможны для вас.

— Да, — сказал начальник полиции. — У Холе есть свидетель, который говорит, что был с Рё в те ночи, когда были убиты первые две девушки.

— Надёжный свидетель?

— Надёжный в том плане, что, в отличие от

---

[68] Примечания: 68

Король в совете (по-норвежски: Kongen i statsråd) — совместные заседания короля и государственного совета (кабинета министров), на которых принимаются важнейшие для страны решения.

Хелены Рё, у этого человека нет очевидного мотива предоставлять Рё алиби. Его надёжность ослабляют данные Отдела по борьбе с наркотиками: упомянутый человек значится в их базе как продавец кокаина в Осло.

— Но не осуждён?

— Мелкий дилер, которого заменили бы в одночасье.

Бельман кивнул. Тем, над кем имели контроль, они не мешали вести свою деятельность. Лучше тот дьявол, которого ты знаешь.

— И какие сомнения? — сказал Бельман, взглянув на свои часы «Омега». Они были непрактичными и громоздкими, но подавали правильные сигналы. В данный момент они сигнализировали начальнику полиции поторопиться, ведь не у него одного был напряжённый график.

— С другой стороны, у Сюсанны Андерсен на груди была обнаружена слюна Маркуса Рё.

— Полагаю, это довольно весомый аргумент в пользу того, чтобы и дальше держать его под стражей.

— Да. Конечно, но существует вероятность, что он и Сюсанна встретились ранее в тот день и занимались сексом — проследить все её передвижения не представляется возможным. Но если

они это сделали, то странно, что Рё не упоминал об этом на допросе. Вместо этого он отрицает, что когда-либо был близок с ней, и утверждает, что не виделся с ней после той вечеринки.

— Другими словами, он лжёт.

— Да.

Бельман забарабанил пальцами по столу. Премьер-министры переизбирались только в случае хорошего урожая, образно говоря. Его советники не раз подчёркивали, что он как министр юстиции всегда будет в какой-то мере разделять вину или заслуги за последующие события во всей своей структуре, независимо от того, были ли ошибки или верные решение приняты людьми, которые были в этой же должности при предыдущем управлении. Если бы избиратели подумали, что такое богатое, привилегированное ничтожество, как Рё, легко сорвался с крючка, это косвенно повлияло бы на Бельмана, несмотря ни на что. Он принял решение.

— У нас достаточно оснований держать его под стражей с этой спермой.

— Слюной.

— Да. И я уверен, ты согласен, что совсем ни к чему, чтобы Харри Холе решал, когда Рё следует арестовать, а когда отпустить.

— Не могу не согласиться.

— Хорошо. Тогда, думаю, ты услышал мой совет… — Бельман ждал, пока имя начальника полиции всплывёт в его памяти, но когда по какой-то причине этого не произошло, а интонация начатого им предложения требовала окончания, он вставил, —…не так ли?

— Да, конечно, услышал. Большое спасибо, Микаэль.

— Спасибо, шеф полиции, — сказал Бельман, мгновение повозился с мышкой, прежде чем ему удалось отключить связь, откинулся на спинку стула и прошептал: «*Покидающий свой пост* шеф полиции».

Прим посмотрел на Фредрика Штайнера, сидящего на кровати. Его глаза были по-детски ясны, но взгляд был пустым, как будто внутри был задёрнут занавес.

— Дядя, — сказал Прим, — ты меня слышишь?

Нет ответа.

Он мог сказать ему всё, что угодно, но это не вошло бы в сознание дяди. Следовательно, и ничего не вышло бы. Во всяком случае, не так, чтобы кто-нибудь поверил бы услышанному.

Прим закрыл дверь в коридор и снова сел у кровати.

— Ты очень скоро умрёшь, — сказал он, наслаждаясь звучанием этих слов. Выражение лица дяди не изменилось, он пристально смотрел на что-то очень далёкое, видимое только ему.

— Ты умрёшь, и, полагаю, в каком-то смысле мне должно быть грустно. Я имею в виду, в конце концов, я твой… — он на всякий случай взглянул на дверь, — биологический сын.

Единственным звуком, который был сейчас слышен, был тихий свист ветра из водосточного жёлоба дома престарелых.

— Но мне не грустно. Потому что я ненавижу тебя. Не в той степени, в какой я ненавижу его. Того человека, который взял на себя твои проблемы, который взял на себя заботу о маме и обо мне. Я ненавижу тебя, потому что ты знал, что замышлял мой отчим, что он делал со мной. Я знаю, что ты спорил с ним по этому поводу, я слышал тебя той ночью. Слышал, ты угрожал разоблачить его. И как он угрожал в ответ разоблачить тебя. Вы двое оставили всё как есть. Ты пожертвовал мной, чтобы спасти себя. Спасти себя, маму и семейную фамилию. То, что от неё осталось, — в конце концов, ты даже сам её больше не носил.

Прим полез в пакет, достал печенье, и оно захрустело на его зубах.

— А теперь ты умрёшь, безымянный и одинокий. Ты будешь забыт и исчезнешь. В то время как я, порождение твоих чресел, греховный плод твоей похоти, увижу, как моё имя воссияет на небесах. Ты слышишь меня, дядя Фредрик? Разве это не звучит поэтично? Я записал всё это в своём дневнике, важно дать биографам какой-нибудь материал для работы, не так ли?

Он встал.

— Сомневаюсь, что я вернусь. Так что это прощание, дядя. — Он подошёл к двери, обернулся. — Я, конечно, не желаю тебе «*Всех благ*». Надеюсь, что твоё путешествие в ад будет далеко не благостным.

Прим закрыл за собой дверь, улыбнулся идущей навстречу медсестре и покинул дом престарелых.

Медсестра вошла в палату старого профессора. Тот сидел на краю кровати с отсутствующим выражением лица, но по его щекам текли слёзы. Так часто бывает с пожилыми людьми, когда они теряют контроль над своими эмоциями. Особенно часто так делают маразматики. Она принюхалась. Неужели он испачкался? Нет, просто воздух здесь был спёртый, и стоял запах тела и… мускуса?

Она открыла окно, чтобы проветрить комнату.

Было восемь часов вечера. Терри Воге был слышен металлический скрежет, доносившийся из внутреннего двора, где усиливающийся ветер крутил общедомовую вращающуюся сушилку для белья. Он решил возродить свой криминальный блог. Ему было о чём в нём писать. Несмотря на это, он сидел, уставившись на пустое белое окно на экране компьютера.

Зазвонил телефон.

Может, это была Дагния, они поссорились прошлой ночью, и она сказала, что не приедет на выходные. Теперь, вероятно, сожалеет об этом, как обычно. Он ощутил, что хочет, чтобы это была она.

Он посмотрел на мобильный. Неизвестный номер. Если это был тот самый вчерашний шарлатан, ему не следует отвечать. От психов, которым ты ответил один-два раза, было почти невозможно избавиться. Однажды он написал правду о том, что «Вар он Драгз» — самая скучная группа в мире как на концертах, так и в записи, и был настолько безрассуден, что один раз ответил разозлённому фанату. В итоге нарвался на зануду, который стал звонить, писать по электронной почте и даже приставал к нему на концертах, и

пришлось два года его игнорировать, чтобы от него избавиться.

Телефон продолжал звонить.

Терри Воге бросил ещё один взгляд на пустой экран. Затем он нажал на «Ответить».

— Да?

— Спасибо, что вчера пришёл один и ждал на крыше до 21:40.

— Ты… был там?

— Я наблюдал. Надеюсь, ты понимаешь, что я должен быть уверен, что ты не попытаешься меня обмануть.

Воге заколебался.

— Да, да, хорошо. Но у меня больше нет времени на игры в прятки.

— О, да, это так. — Он услышал тихий смешок. — Но мы оставим это, Воге. На самом деле, ты отложишь все дела… прямо сейчас.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты должен как можно быстрее доехать до конца дороги, называемой Топпасвейен, это в районе Колсаса[69]. Я позвоню тебе, не скажу когда, это может случиться и через две минуты.

---

[69] Примечания: 69

Колсас (Kolsås) — холм на западе от Осло. Высотой 156 м. Упоминается в норвежских сказках. Тренировочная база альпинистов. Жилой район, расположенный рядом с холмом, носит то же название.

Если я услышу, что линия занята, это будет наш с тобой последний контакт. Понятно?

Воге сглотнул.

— Да, — ответил он. Потому что он понял. Понял, что это было для того, чтобы помешать ему связаться с кем-нибудь, например, с полицией. Понимал, что это не было бессмысленным сумасшествием. Сумасшедший, да, но не чокнутый.

— Захвати фонарик и фотоаппарат, Воге. И оружие, если это поможет тебе чувствовать себя в безопасности. Ты найдёшь осязаемые, неопровержимые доказательства того, что ты разговаривал с убийцей, и впоследствии сможешь свободно написать об этом. В том числе и об этом разговоре. Потому что мы же хотим, чтобы на этот раз люди поверили тебе, верно?

— Что будет…?

Но его собеседник уже завершил разговор.

Харри лежал в кровати Александры, его босые ноги торчали чуть дальше края.

Александра тоже была обнажена и лежала поперёк, положив голову ему на живот.

Они занимались любовью в ту ночь, когда были в баре «Ревность», и теперь снова делали это. Сейчас было лучше.

Он думал о Маркусе Рё. О страхе и ненависти

в его глазах, отразившихся во время борьбы за глоток воздуха. Страх был сильнее. Но остался ли страх после того, как Рё снова смог дышать? В таком случае — если Рё не отменил денежный перевод — они, должно быть, уже освободили Люсиль. Поскольку ему было приказано не пытаться найти её или связаться с ней до того, как долг будет выплачен, он решил подождать пару дней, прежде чем звонить ей. У неё не было его номера телефона или других его контактов, так что не было ничего странного в том, что он не получил от неё вестей. Он погуглил «Люсиль Оуэнс» в интернете, и единственными результатами поиска были старые статьи в газете «Лос-Анджелес таймс» о фильме «Ромео и Джульетта». Никаких сообщений о том, что она пропала без вести или что её похитили. И он понял, что у них было общего, что их связывало. Это была не внешняя угроза после событий на парковке. И дело было не в том, что он видел в Люсиль свою мать — ту женщину в дверях школьного класса, женщину на больничной койке — и у него появился шанс спасти её. Их связывало одиночество. Они были двумя людьми, которые могли исчезнуть с лица земли, и никто этого не заметил бы.

Александра передала ему сигарету, которую

они курили на двоих, и Харри затянулся и посмотрел на дым, поднимающийся к потолку. Из маленькой аудиоколонки «Женева», стоявшей на прикроватном столике, доносилась песня Леонарда Коэна «Hey, That's No Way to Say Goodbye».

— Похоже, это о нас, — сказала она.

— Хм… О любовниках, которые расстаются?

— Да. Как поёт Коэн, чтобы не говорить о любви или оковах.

Харри не ответил. Держал сигарету и смотрел на дым, но сознавал, что она всё ещё лежит, повернувшись к нему лицом.

— Неправильный порядок, — сказал он.

— Неправильный, потому что Ракель уже была в твоей жизни, когда мы встретились?

— Я просто подумал о том, что сказала мне одна женщина. Как нас обманывают, когда автор меняет порядок предложений. — Он снова затянулся сигаретой. — Но, да, наверное, это и о Ракель тоже.

Через некоторое время он почувствовал тепло её слёз на своём животе. Ему самому хотелось плакать.

Окно скрипнуло, как будто что-то снаружи хотело проникнуть к ним внутрь.

Глава 37

Среда
Рефлекс

Дорога Топпасвейен, означающая «путь на верх холма», не совсем соответствовала своему названию. Она петляла между коттеджами, поднимаясь довольно высоко, но заканчивалась, когда до вершины холма Колсас было ещё довольно далеко. Терри Воге припарковался на обочине. Над ним стоял лес. В темноте он мог разглядеть что-то более светлое выше по склону. Он знал, это были скалы, любимое место альпинистов и других придурков.

Он повозился с чехлом для ножа, который взял с собой, посмотрел на фонарик и фотоаппарат «Никон» на пассажирском сиденье. Секунды шли. Минуты шли. Он посмотрел вниз, на огни в темноте внизу. Школа «Рузенвильде» была где-то там, внизу. Он знал об этом, потому что в этой школе училась Джини, когда он сделал её знаменитой. Это сделал именно он, Терри Воге, который использовал своё влияние музыкального критика, чтобы вывести Джини и её бездарную группу

из андеграунда на свет, в мейнстрим, к деньгам. Ей было восемнадцать, она ходила в эту школу, и он пару раз приезжал сюда на машине, потому что ему было любопытно увидеть её в школьной обстановке. Что в этом плохого? Он просто побродил по школьному двору, чтобы мельком увидеть созданную им звезду. Даже не сделал ни одной фотографии, хотя легко мог бы. Телеобъектив, который он взял с собой, позволил бы получить в высоком разрешении снимки Джини, непохожие на её облик в роли опасной соблазнительницы. Снимки невинности, снимки юной девушки. Но если бы его обнаружили, подобное шатание по школьному двору легко могло быть неправильно понято, поэтому он приехал сюда всего два раза и потом стал искать её на концертах.

Он уже хотел проверить время, когда зазвонил телефон.

— Да?

— Я вижу, ты на месте.

Воге огляделся. Его машина была единственной припаркованной на дороге, и, если кто-то находился бы совсем рядом, в свете уличного фонаря он бы его увидел. Может быть, этот парень наблюдал за ним откуда-нибудь из леса? Рука Воге сжала рукоятку ножа.

— Возьми фонарик и фотоаппарат, иди по дороге, которая начинается за шлагбаумом, и внимательно смотри налево. Примерно через сто метров увидишь пятно светоотражающей краски на стволе дерева. Сойди с дороги и следуй дальше по мазкам этой краски. Запомнил?

— Да, — ответил Воге.

— Ты поймёшь, когда доберёшься до места. Как только ты это сделаешь, у тебя будет две минуты, чтобы сделать фото. Затем ты возвращаешься назад, садишься в свою машину и едешь прямо домой. Если ты не уйдёшь по истечении этих ста двадцати секунд, я приду за тобой. Ты понял?

— Да.

— Тогда пришло время пожинать плоды, Воге. Торопись.

Связь прервалась. Терри Воге глубоко вздохнул, и его осенила мысль. Он всё ещё может повернуть ключ в замке зажигания и убраться отсюда ко всем чертям. Он может пойти выпить пива в бар «Стопп Прессен!». Рассказать всем, кто согласится слушать, что он разговаривал по телефону с серийным убийцей и они договорились о встрече, но Терри струсил в последнюю минуту.

Воге услышал свой собственный лающий смех, схватил фотоаппарат и фонарик и вышел из

машины.

Возможно, это была подветренная сторона холма, потому что, как ни странно, ветер здесь не был таким сильным, как внизу или в центре города. Он заметил тропу в лесу в нескольких метрах от дороги. Он прошёл мимо шлагбаума, в последний раз оглянулся в сторону уличного фонаря, потом включил свой фонарик и продолжил путь в темноту. Ветер шумел в верхушках деревьев, и гравий хрустел под его ботинками, пока он считал шаги и поочерёдно светил фонариком то на землю, то на стволы деревьев с левой стороны. Он отсчитал сто пять шагов, когда заметил первое пятно отражающей краски, блеснувшее в луче от фонарика. Дальше в чаще леса виднелось второе пятно.

Воге снова прикоснулся к ножнам в кармане куртки, прежде чем закинуть ремень фотоаппарата через плечо, перепрыгнуть через канаву и начать пробираться между деревьями. Это был сосновый лес, и пространство между деревьями давало возможность передвигаться без особых усилий и видеть небольшое пространство перед собой. Краска была нанесена на уровне глаз на стволы деревьев, расположенных в десяти-пятнадцати метрах друг от друга. Местность посте-

пенно становилась всё круче. В одном месте он остановился, чтобы перевести дыхание, и провёл пальцем по пятну на дереве. Оглядел свой палец. Свежая краска. Он стоял на ковре из сосновых иголок среди могучих сосен. Издалека с верхушек деревьев доносился шелест, только усиливающий впечатление от треска и поскрипывания чуть-чуть покачивающихся стволов деревьев. Звуки доносились со всех сторон, как будто шёл разговор, как будто они обсуждали между собой, что делать со своим ночным гостем.

Воге пошёл дальше.

Лес становился всё гуще, видно было всё меньше, а расстояние между пятнами краски уменьшалось, и теперь земля была неровной и так круто подымалась вверх, что больше не было смысла считать шаги.

Затем — внезапно — он выбрался на полянку, и лес расступился. Луч его фонарика осветил небольшую поляну, и ему пришлось внимательно осмотреться, прежде чем он нашёл ещё пятна краски. На этот раз это было не просто округлое пятно, оно имело Т-образную форму. Он подошёл ближе. Нет, пятно имело форму креста. В центре полянки он поднял фонарь. Он больше не видел никаких отражающих пятен за крестом из

краски. Он достиг цели своего путешествия. Он затаил дыхание. Послышался звук, похожий на тот, когда бьёшь двумя деревяшками друг о друга, но он ничего не мог разглядеть.

Затем, словно желая помочь ему, между плывущими облаками появилась луна, заливая поляну мягким жёлтым светом. И он увидел их.

Он вздрогнул. Первое, что пришло ему в голову, была старая песня Билли Холидей «Странный фрукт»[70]. Потому что именно так они выглядели — две человеческие головы, свисающие с ветки берёзы. Длинные волосы на обеих головах развевались на ветру, и когда они ударялись друг о друга, то издавали глухой звук.

Ему сразу пришло в голову, что это, должно быть, Бертина Бертильсен и Хелена Рё. Не то чтобы он узнал застывшие, похожие на маски лица, а просто на одной голове были тёмные волосы, а на другой — светлые.

Его пульс участился, когда он вытащил камеру из-за спины и снова начал считать. На этот раз считал не шаги, а секунды. Он нажимал на спуск

---

[70] Примечания: 70

Песня Билли Холидей «Странный фрукт» (Strange Fruit) содержит строчки «На южных деревьях вырастают невиданные плоды, кровь на листьях и кровь у корней, чёрные тела качаются от южного ветра, невиданные фрукты висят на тополях».

затвора снова и снова, вспышка раз за разом срабатывала и гасла, пока луна снова не скрылась за облаками. Он досчитал до пятидесяти, подошёл ближе, настроил фокус и продолжил фотографировать. Скорее взволнованный, чем поражённый ужасом, он думал о двух головах не как о людях, которые не так давно были живы, а как о доказательстве. Доказательстве того, что Маркус Рё был невиновен. Доказательстве того, что он, Терри Воге, не был мошенником, а разговаривал с убийцей. Доказательстве того, что он был лучшим криминальным журналистом Норвегии, человеком, заслуживающим всеобщего уважения: своей семьи, Солстада, Джини и этой её дерьмовой группы. И — самое главное — уважение и восхищение Моны До. После увольнения он старался выбросить из головы мысль о том, как он, должно быть, упал в её глазах. Но теперь всё перевернётся с ног на голову, все любят, когда герои возвращаются. Он не мог дождаться, когда они снова встретятся. Нет, он буквально не мог ждать, поэтому ему *надо сделать всё*, чтобы они действительно встретились, и он пообещал себе, что это произойдёт, как только Дагния уедет в Латвию.

Девяносто. У него оставалось тридцать секунд.

«Я приду за тобой».

Как тролль в народной сказке.

Воге опустил фотоаппарат и стал снимать видео на свой телефон. Повернул камеру к себе, чтобы у него было доказательство того, что именно он был там и делал снимки.

«Пришло время пожинать плоды», — сказал тот парень. Не потому ли у Воге возникла ассоциация с песней Билли Холидей, когда он увидел головы на деревьях? Речь в песне шла о линчевании чернокожих американцев на юге США, а не о … вот этом. Говоря «пожинать», имел ли он в виду, что можно забрать головы с собой? Воге подошёл на шаг ближе к берёзе. Остановился. Он сошёл с ума? Это были трофеи убийцы. И время истекло. Воге закинул камеру за спину и поднял руки вверх, чтобы показать всем наблюдающим в лесу, что он закончил и уходит.

Обратный путь был более трудным, учитывая, что у него не было светоотражающей краски, по которой можно было ориентироваться, и, несмотря на то, что он торопился, прошло почти двадцать минут, прежде чем он снова нашёл тропу в лесу. Когда он вернулся в машину и завёл двигатель, ему в голову пришла одна мысль.

Он не взял головы, но хоть что-то он должен

был взять. Прядь волос. Как бы то ни было, у него были всего лишь фотографии двух голов, по виду которых даже он, видевший бесчисленное множество фотографий Бертины Бертильсен и несколько фотографий Хелены Рё, не мог с уверенностью утверждать, что это они. И что эти головы настоящие. Чёрт! Если бы ему не пришлось прибегнуть к небольшой выдумке после того, как Трульс Бернтсен подвёл его, и Воге разоблачили, они бы безоговорочно поверили в убедительные графические доказательства, подобные этому. Теперь он рисковал, что это будет расценено как новый обман, и тогда ему действительно конец. Должен ли он немедленно позвонить в полицию? Успеют ли они добраться сюда до того, как убийца скроется?

Он уже вёл машину по дороге Топпасвейен, когда вспомнил, что сказал тот парень. *«Садись в свою машину и поезжай прямо домой».*

Парень беспокоился о том, что Воге мог ждать его. Но почему? Возможно, это была единственная дорога, ведущая из леса вниз.

Он притормозил и достал свой смартфон. Не спуская глаз с дороги, он открыл приложение с картой, которое использовал по дороге сюда. Сверившись с ней, он пришёл к выводу, что если

парень приехал на машине, то он мог припарковаться только вдоль двух дорог. Воге проехал весь путь по Топпасвейен и поднялся по объездной дороге, которая заканчивалась там, где начиналась лесная тропа. На этих дорогах не было припаркованных машин. Ладно, тогда, возможно, он прошёл весь путь пешком от главного шоссе. Шёл под уличными фонарями по тихому району, и жители не сводили с него глаз, пока он нёс в рюкзаке пару голов и банку краски. Может быть. Может быть, и нет.

Воге ещё немного изучил карту. Подъём на вершину горы и к главной дороге, расположенной за ней, казались крутыми и трудными для пешего прохода, и он не мог разглядеть никаких троп, обозначенных на карте. Но там была отмечена стена для скалолазания с дорогой у подножия горы. И там, на западе, это дорога вела вниз, к жилому району и футбольному полю. Оттуда можно было проехать мимо торгового центра «Колсас» к главной дороге, не приближаясь к Топпасвейен.

Воге на мгновение задумался.

Если бы этот парень был в лесу, и если бы Воге был на его месте, он не сомневался бы, какой маршрут отступления выбрать.

Харри внезапно проснулся. Он не собирался

засыпать. Его разбудил какой-то звук? Может быть, во дворе что-то шумело от порывов ветра? Или виноват сон, кошмар, из которого он с трудом выбрался? Он повернулся и в полумраке увидел затылок головы, чёрные волосы каскадом рассыпались по белой подушке. Ракель. Она пошевелилась. Может быть, тот же самый звук разбудил её, может быть, она почувствовала, что он проснулся, как обычно.

— Харри, — сонно пробормотала она.

— Мм.

Она повернулась к нему.

Он погладил её по волосам.

Она потянулась к прикроватной лампочке.

— Не надо, — прошептал он.

— Хорошо. Давай я…

— Тише. Просто… помолчи немного. Всего несколько секунд.

Они молча лежали в темноте, и он провёл рукой по её шее, плечам и волосам.

— Ты представляешь, что я Ракель, — сказала она.

Он не ответил.

— Знаешь что? — сказала она, поглаживая его по щеке. — Всё в порядке.

Он улыбнулся. Поцеловал её в лоб.

— Спасибо тебе. Спасибо, Александра. Но с этим покончено. Хочешь сигарету?

Она потянулась к прикроватному столику. Обычно она курила сигареты другой марки, но сегодня купила пачку «Кэмел», потому что он курил именно их, а у неё не было особых предпочтений. Что-то загорелось на прикроватном столике. Она протянула ему телефон, и он посмотрел на дисплей.

— Извини. Мне нужно ответить.

Она устало улыбнулась и щёлкнула зажигалкой, разжигая огонёк.

— У тебя и не бывает звонков, на которые не нужно отвечать, Харри. Попробуй сделать так, чтобы они появились, это довольно приятно.

— Крон?

— Эм… добрый вечер, Харри. Речь идёт о Рё. Он хочет пересмотреть своё заявление.

— Вот как?

— Теперь он утверждает, что тайно встречался с Сюсанной Андерсен ранее в тот же день в своей другой квартире, на улице Томаса Хефти. И что они занимались сексом, и он целовал её грудь. Он говорит, что не хотел ничего говорить раньше, потому что боялся, что это свяжет его с убийством, а также хотел скрыть это от своей

жены. Он говорит, что понимал, что дал ложные показания и может быть разоблачён, но беспокоился, что возникнет ещё больше подозрений, если он изменит показания. Кроме того, у него не было ни свидетелей, ни других доказательств того, что Сюсанна приходила к нему. Поэтому он по глупости утверждал, что не встречался с ней, ожидая, что ты или полиция найдёте настоящего преступника или другие улики, которые вернут его доброе имя. Так он говорит.

— Хм… Может быть, на него повлияло пребывание в кутузке?

— Если интересно моё мнение, на него повлиял ты. Думаю, когда тебя хватают за горло, поневоле задумаешься. Он понимает, что есть такая вещь, как наказание. И он понимает, что в расследовании нет никаких подвижек, и что он не выдержит четырёх недель содержания под стражей.

— Ты имеешь в виду четыре недели без кокаина?

Крон не ответил.

— Что он говорит о «Вилле Данте»?

— Он до сих пор всё отрицает.

— Ладно, — сказал Харри. — Полиция не собирается его отпускать. У него нет свидетелей, и он прав в том, меняя свою версию событий,

только становится похожим на червяка, пытающегося сорваться с крючка.

— Я согласен, — сказал Крон. — Я просто хотел, чтобы ты был в курсе.

— Ты ему веришь?

— Это так важно?

— Я тоже нет. Но он довольно хороший лжец. Спасибо за информацию.

Они разъединились. Харри лежал с телефоном в руке, уставившись в темноту и пытаясь сложить части пазла воедино. Потому что они должны были сложиться. Они всегда складывались. Так что проблема была в нём самом, а не в частях.

— Что ты делаешь? — спросила Александра, затягиваясь сигаретой.

— Я пытаюсь разглядеть, но здесь так чертовски темно.

— Ты ничего не видишь?

— Да нет, что-то виднеется, но я не могу разобрать, что именно.

— Уловка для наблюдения в темноте заключается в том, чтобы смотреть надо не прямо на предмет, а немного со стороны. Тогда ты действительно увидишь предмет более отчётливо.

— Да, и это то, что я делаю. Но такое ощущение, что сам предмет находится именно там.

— Немного в стороне?

— Да. Кажется, что человек, которого мы ищем, находится в поле нашего зрения. Будто мы смотрим на его, но не понимаем, что это тот, кого мы пытаемся разглядеть.

— Как ты это объяснишь?

— Это, — вздохнул он, — нечто такое, в чём я не разбираюсь, и не буду пытаться объяснить.

— Есть вещи, которые мы просто знаем?

— В этом нет никакой тайны, просто есть какие-то истины, которые мозг вычисляет, собирая воедино доступную информацию, но не сообщает нам подробности, а просто предлагает нам результат.

— Да, — тихо сказала она, снова затягиваясь сигаретой и передавая её ему. — Например, я знаю, что Бьёрн Хольм убил Ракель.

Из рук Харри на одеяло выпала сигарета. Он схватил её и снова поднёс к губам.

— Просто знаешь? — спросил он, затягиваясь.

— Да. И нет. Всё так, как ты сказал. Информация, которую мозг накапливает неосознанно или даже без нашего желания. И тогда у тебя появляется ответ, но нет логического обоснования, и тебе надо сделать расчёт в обратном порядке, чтобы увидеть, что обрабатывал твой мозг, пока

ты обдумывал что-то совсем другое.

— И что обрабатывал твой мозг?

— Когда Бьёрн обнаружил, что ты отец ребёнка, которого он считал своим, ему нужно было отомстить. Он убил Ракель и оставил улики, указывающие на тебя. Ты сказал мне, что это ты убил Ракель. Потому что ты чувствуешь, что в этом была твоя вина.

— В этом была моя вина. *Есть* моя вина.

— Бьёрн Хольм хотел, чтобы ты почувствовал ту же боль, что и он, верно? И ты потерял человека, которого любишь больше всего на свете. И винишь себя в этом. Иногда я думаю о том, как, должно быть, вам обоим было одиноко. Два друга без любых других друзей. Разделённые… тем, что происходит. И в итоге оба остались без женщин, которых любили.

— Хм.

— Насколько это было больно?

— Это было больно. — Харри отчаянно затянулся сигаретой. — Я собирался поступить так же, что и он.

— Лишил бы себя жизни?

— Я бы скорее назвал это покончить со своей жизнью. В моей жизни осталось не так уж много, чего можно лишиться.

Александра взяла у него сигарету, которая была докурена почти до фильтра, затушила её в пепельнице и прижалась к нему.

— Я могу побыть Ракель ещё немного, если хочешь.

Терри Воге пытался не замечать раздражающий шум, который издавал на ветру непрерывно хлопающий по флагштоку фал[71]. Он припарковался на автостоянке перед скромным торговым центром «Колсас». Магазины были закрыты, поэтому машин там было немного, но их было достаточно, чтобы его собственный автомобиль не бросался в глаза водителям, направляющимся со стороны жилой застройки. Он сидел там уже полчаса и, по его подсчётам, мимо проехало всего сорок машин. Не используя вспышку, он сфотографировал каждую машину, когда они въезжали в зону света уличного фонаря, стоявшего всего в сорока-пятидесяти метрах от того места, где Воге находился. Снимки были достаточно чёткими, чтобы он смог разобрать регистрационные знаки машин.

Прошло уже почти десять минут, как проехала последняя машина. Было поздно, и люди, веро-

---

[71] Примечания: 71
Фал — верёвка, держащая флаг, парус, сети.

ятно, предпочли бы при возможности остаться дома в такую погоду. Воге прислушался к хлопающим звукам фала и решил, что ждал достаточно долго. Кроме того, ему нужно было опубликовать фотографии.

У него было не так много времени, чтобы продумать, как лучше это сделать. Публикация в своём блоге, конечно, вернула бы его к жизни. Но если он хочет не просто заново запустить блог, а подняться с колен, то ему нужна помощь более крупного издания.

Он улыбнулся, представив, как Солстад поперхнётся своим утренним кофе.

Затем он повернул ключ в замке зажигания, открыл отделение для перчаток и вытащил старый, поцарапанный компакт-диск, который он сто лет не слушал, и вставил его в старый проигрыватель. Сделал громче приятный гнусавый голос Джини и нажал ногой на акселератор.

Мона До не верила своим ушам. Не верила ни в саму историю, ни мужчине, который её рассказал. Но она не могла не поверить своим глазам. Именно поэтому сейчас она пересматривала своё мнение об истории Терри Воге. Когда он позвонил, она почти случайно сняла трубку, чтобы избавить себя от ещё одного пафосного монолога

Изабель Мэй в телесериале «1883»[72], оставила Андерса на диване и ушла в спальню. Уменьшить её раздражение от наполненных мудростью слов Мэй не помогало предположение, что Андерс был влюблён в эту актрису.

Но теперь она забыла об этом.

Она уставилась на фотографии, которые прислал Воге в подтверждение своей истории и своего предложения. Он использовал вспышку, и, несмотря на то, что было темно и головы раскачивались на ветру, снимки получились очень чёткими.

— Я также отправил видео, так что ты можешь убедиться, что там был только я, — сказал Воге.

Она открыла видео, и у неё больше не было никаких сомнений. Даже Терри Воге не был настолько сумасшедшим, чтобы сотворить такую возмутительную ложь.

— Тебе нужно позвонить в полицию, — сказала она.

— Я позвонил, — сказал Воге. — Они уже в пути, и они найдут светоотражающие знаки, я сомневаюсь, что у него было время их убрать. Насколько я знаю, он оставил головы висеть там.

---

[72] Примечания: 72

«1883» — американский сериал в жанре вестерн, приквел сериалов «Йеллоустон» и «1923». Изабель Мэй — рассказчик и герой сериала.

Что бы они ни нашли, они предадут это огласке, а это значит, что у тебя и твоей газеты не так много времени на принятие решения, будете ли вы это публиковать.

— И какова цена?

— Я обговорю это с твоим редактором. Как я уже сказал, ты можешь использовать только одну выбранную мной фотографию, которая немного не в фокусе, и в первом предложении после лида должна быть размещена ссылка на мой блог. Также должно быть чётко сказано, что в блоге по ссылке размещено больше фотографий и видео. Нормальная формулировка? О да, ещё кое-что. Авторство материала твоё и только твоё, Мона. Я буду ни при чём.

Она снова посмотрела на фотографии и содрогнулась. Не из-за того, что она увидела, а из-за того, как он произнёс её имя. Одна половина её сознания хотела крикнуть «Нет» и прекратить разговор. Но это была не та половина, которая являлась сотрудником газеты. Она *не могла* ничего сделать. И, в конечном счёте, слава богу, не она должна была принимать решение. Это входило в сферу ответственности редактора.

— Хорошо.

— Отлично. Попроси редактора позвонить мне

через пять минут, договорились?

Мона завершила разговор и набрала Джулию. Ожидая, пока Джулия ответит на звонок, она почувствовала, как сильно бьётся её сердце. И слышала семь слов, эхом отдающихся в её голове: *«Авторство материала твоё и только твоё, Мона».*

Глава 38

Четверг

Александра передвигала лупу миллиметр за миллиметром по всей голове Хелены Рё. Она занималась этим с самого утра, а уже приближалось время обеда.

— Ты можешь подойти сюда на секунду, Алекс?

Александра сделала перерыв в своих поисках улик и подошла к дальнему концу стола, где Хельге работал с головой Бертины Бертильсен. Она не позволяла никому, кроме него, сокращать своё имя до мужского варианта, возможно, потому, что в его устах оно звучало так естественно, почти ласково, как будто она была его сестрой.

— Что такое?

— Вот это, — сказал Хельге, опуская разлагающуюся нижнюю губу на лице Бертины и держа увеличительное стекло перед зубами на нижней челюсти. — Вон там. Похоже на кожу.

Александра наклонилась пониже. Это было едва заметно невооружённым глазом, но под увеличительным стеклом сомнений не остава-

лось. Белая засохшая чешуйка, торчащая между двумя зубами.

— Господи, Хельге, — сказала она. — *Это* кожа.

Было без одной минуты двенадцать. Катрина оглядела публику в конференц-зале в главном здании полиции и пришла к выводу, что, как и в прошлый раз, пресса была во всеоружии. Она увидела Терри Воге, сидящего рядом с Моной До. Не так уж и странно, учитывая, что ту историю он подал «ВГ» на блюдечке. Тем не менее, ей показалось, что До выглядела немного не в своей тарелке. Она бросила взгляд в задние ряды, заметив мужчину, которого раньше не видела, и предположила, что он, скорее всего был из церковного журнала или христианской газеты, поскольку на нём был белый воротничок священнослужителя. Он сидел с очень прямой спиной, глядя прямо на неё, как выжидающий, внимательный школьник. Его постоянная улыбка на лице и немигающие глаза напомнили ей о кукле чревовещателя. В самом конце зала она увидела Харри, прислонившегося к стене со скрещёнными руками. Затем началась пресс-конференция.

Кедзиерски рассказал о том, что произошло: полиция, действуя на основании информации,

полученной от журналиста Терри Воге, прибыла на вершину холма Колсас, где были найдены головы Бертины Бертильсен и Хелены Рё. Что Воге дал показания, и в настоящее время полиция не планирует выдвигать ему какие-либо обвинения за его поступок. Конечно, они не могут исключать сговор двух или более людей для совершения убийств, но при нынешних обстоятельствах Маркус Рё будет освобождён.

После этого — как эхо прошлой ночи — последовал шквал вопросов.

Бодиль Меллинг сидела на трибуне, чтобы отвечать на вопросы более общего характера. И — она предупредила об этом Катрину — чтобы отвечать на любые вопросы о Харри Холе.

— Я думаю, было бы лучше всего, если бы ты вообще не упоминала Холе в своих ответах, — сказала главный суперинтендант. Не следует также касаться нового алиби Рё — что в момент совершения двух убийств он находился в клубе для геев — поскольку эта информации была получена весьма сомнительным путём.

Первые вопросы были об обнаружении голов, и Катрина отвечала стандартными фразами о том, что не в состоянии ответить на данные вопросы и не может прокомментировать.

— Означает ли это, что вы также не нашли никаких улик на месте преступления?

— Я уже ответила на это — без комментариев, — сказала Катрина. — Но думаю, с уверенностью можно сказать, что Колсас нельзя считать первичным местом преступления.

Некоторые из наиболее опытных репортёров усмехнулись.

После нескольких вопросов технического характера был задан первый неловкий вопрос.

— Не стыдно ли полиции, что приходится освободить Маркуса Рё спустя четыре дня после заключения под стражу?

Катрина взглянула на Бодиль Меллинг, которая кивнула в знак того, что намерена сама дать ответ.

— Как и любое другое дело, полиция расследует эти убийства с помощью инструментов, имеющихся в нашем распоряжении, — сказала Меллинг. — Одним из таких инструментов является задержание лиц, на которых падают подозрения ввиду технических или тактических косвенных улик, с целью минимизации риска побега или фальсификации доказательств. Это не говорит о том, что полиция убеждена, что виновный пойман, и не говорит, что нами была допущена

ошибка, если дальнейшее расследование привело к тому, что задержание подозреваемого более нельзя считать необходимым. Будь у нас информация, которую мы получили в воскресенье, мы снова поступили бы таким же образом. Так что нет, не стыдно.

— Но об этом позаботилось не полицейское расследование, а Терри Воге.

— Использование горячих линий, по которым люди могут позвонить и сообщить информацию, является элементом расследования. Часть нашей работы заключается в тщательном анализе этой информации, и тот факт, что мы серьёзно отнеслись к звонку Воге, является примером верного суждения с нашей стороны.

— Означает ли это, что было трудно решить, следует ли воспринимать Воге всерьёз?

— Без комментариев, — коротко ответила Меллинг, но Катрина увидела едва заметную улыбку.

Вопросы теперь посыпались со всех сторон, но Меллинг отвечала спокойно и уверенно. Катрина спрашивала себя, не ошиблась ли она насчёт этой женщины, возможно, она всё-таки представляла из себя нечто большее, чем посредственную карьеристку.

У Катрины появилось время рассмотреть людей в зале, и она увидела, как Харри достал телефон, посмотрел на его дисплей и вышел из зала.

Когда Меллинг закончила отвечать на один из вопросов и Кедзиерски разрешил следующему журналисту в очереди обратиться к людям на трибуне, Катрина почувствовала, как телефон в кармане её куртки завибрировал. Следующий вопрос также был адресован Меллинг. Катрина видела, как Харри возвращается в зал, ловит её взгляд и указывает на свой телефон. Она поняла и достала свой мобильный под столом. Сообщение от Харри: *«Институтом судебной медицины обнаружено ДНК, совпадение 80%».*

Катрина перечитала ещё раз. Восемьдесят процентов не означали, что профиль ДНК совпадает с восемьюдесятью процентами других профилей — тогда вам пришлось бы включить всё человечество и каждое животное, вплоть до улиток. Восемьдесят процентов совпадений в данном контексте означали, что вероятность того, что они нашли того самого человека, составляла восемьдесят процентов. Она почувствовала, как участилось её сердцебиение. Журналист был прав: они не нашли никаких улик вокруг дерева на вершине холма Колсас. Так что ре-

зультаты ДНК-теста были просто фантастикой. Восемьдесят процентов, конечно, не сто, но это … восемьдесят процентов. А учитывая, что сейчас только полдень, у них не было времени получить полный профиль ДНК, но в течение дня эта цифра могла увеличиться. Но могла ли она также уменьшиться? Честно говоря, она не поняла до конца всего того, что Александра когда-то объясняла ей о тонкостях анализа ДНК. Неважно, ей просто хотелось встать и выбежать отсюда, а не сидеть, подкармливая стервятников, только не сейчас, когда у них наконец-то появилась зацепка, имя! Кто-то, кто был у них в базе данных, вероятно, ранее осуждённый, или, по крайней мере, кого они раньше арестовывали. Кто-то…

Ей в голову пришла мысль.

Не Рё! О Боже, хоть бы это не был снова Рё, она не вынесет повторения этой канители. Она закрыла глаза и поняла, что всё стихло.

— Братт? — это был голос Кедзиерски.

Катрина открыла глаза, извинилась и попросила журналиста повторить вопрос.

— Пресс-конференция окончена, — сказал Юхан Крон. — Вот что пишет «ВГ».

Он протянул телефон Маркусу Рё.

Они сидели на заднем сиденье внедорожника,

направлявшегося из следственного изолятора в квартиру Рё в Ослобукте. Им разрешили выехать через подземный туннель главного здания полиции, чтобы избежать встречи с шайкой журналистов на выходе. Крон нанял машину и людей из охранной компании «Гардиан», услугами которой Рё пользовался раньше. Это было сделано по совету Харри Холе, и его объяснения были простыми. В определённый момент шесть человек находились в одной комнате с несколькими дорожками зелёного кокаина. Из них трое были убиты тем, кто кажется всё больше похожим на безумного серийного убийцу. Вероятность того, что кто-то из троих оставшихся — следующий в очереди, не заоблачна, но достаточно высока. И здравый смысл подсказывал, что на некоторое время лучше скрыться в защищённой от взлома квартире с телохранителями. Рё после некоторых размышлений согласился. Крон подозревал, что сидевшие на передних сиденьях двое мужчин с бычьими шеями в выборе костюмов, солнцезащитных очков и режима тренировок вдохновлялись шведской музыкальной группой «Сикрет Сервис». Он не знал точно, казались ли чёрные костюмы из масс-маркета такими тесными из-за мышечной массы телохранителей или

бронежилетов под ними. Но был уверен, что Рё в надёжных руках.

— Ха! — воскликнул Рё. — Послушай…

Крон, конечно, уже прочитал колонку До, но был готов послушать её ещё раз.

— Меллинг утверждает, что освобождение Маркуса Рё не является постыдным, и она права. Стыдно то, что его поместили под стражу. Подобно тому, как отдел по борьбе с мошенничеством несколько лет назад запятнал свою репутацию, включившись в отчаянную охоту за высокопоставленными бизнесменами и промышленными магнатами, чтобы получить ещё один плюс в свою пользу, отдел Меллинг попал в ту же ловушку. Вам может нравиться Маркус Рё или не нравиться, и вы можете клясться в соблюдении равенства перед законом, но нет справедливости в том, чтобы выступать против Эбенизера Скруджа более жёстко, чем против Боба Крэтчита[73]. Время, потраченное полицией на охоту за большим медведем, было бы лучше потратить на поиски того, на кого указывают все улики:

---

[73] Примечания: 73

Эбенизер Скрудж и Боб Крэтчит — персонажи повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь в прозе». Скрудж — один из самых больших скупердяев в истории мировой литературы, символ капитализма. Крэтчит — низкооплачиваемый и угнетаемый клерк, символ рабочего класса.

серийного убийцу с психическим расстройством.

Рё обратился к адвокату.

— Думаешь, эта часть о медведе — это аллюзия на…?

— Нет, — улыбнулся Юхан Крон. — Что ты теперь собираешься делать?

— Хороший вопрос, а что я собираюсь делать? — спросил Рё, возвращая Крону телефон. — Что обычно делают освобождённые заключённые? Устраивают вечеринку, конечно.

— Я бы советовал не делать этого, — сказал Крон. — Взоры всей страны устремлены на тебя, и Хелена… — Его голос затих.

— Ты имеешь в виду, что её тело ещё не остыло?

— Что-то вроде того. Кроме того, мне хотелось бы свести к минимуму количество твоих контактов.

— В смысле?

— В том смысле, что ты будешь находиться в квартире, в которой будут находится только ты и двое твоих новых приятелей. По крайней мере, на некоторое время. Работать можешь из дома.

— Хорошо, — сказал Рё, — но мне нужно кое-что… для поднятия настроения. Если понимаешь, о чём я.

— Думаю, да, — вздохнул Крон. — Но разве это не может подождать?

Рё рассмеялся и положил руку Крону на плечо.

— Бедный старина Юхан. У тебя не много пороков, но, ты похоже никогда хорошенько не веселился. Я обещаю не рисковать. Я действительно хочу сохранить это прекрасное, уникальное… — Он нарисовал круг над головой.

— Хорошо, — сказал Юхан и посмотрел в окно на строгий, но в то же время игривый дизайн зданий района «Штрихкод», который сделал Осло по-настоящему современным городом. Он отбросил мысль, которая крутилась у него в голове долю секунды. Что он не очень долго горевал бы, если бы Маркуса Рё обезглавили.

— Закройте, пожалуйста, за собой дверь, — сказала Бодиль Меллинг, выходя из-за стола.

Катрина закрыла дверь за собой и Харри и села за стол, за которым уже находился Сон Мин.

— Что мы имеем? — спросила Меллинг, сидя в конце стола.

Она смотрела прямо на Катрину, но та кивнула в сторону Харри, который всё ещё устраивался в своём стуле.

— Ну, — сказал Харри, делая паузу, пока не нашёл своё любимое полулежачее положение.

Катрина увидела нетерпение на лице главного суперинтенданта. — Мне позвонили из Института судебной медицины и…

— Почему тебе? Если есть что сообщить, им следует звонить детективу, ведущему расследование.

— Возможно, и так, — сказал Харри. — В любом случае, они сказали…

— Нет, я хочу сначала всё прояснить. Почему они не связались с ведущим детективом?

Харри поморщился, подавил зевок и посмотрел в окно, как будто вопрос был несущественным.

— Возможно, с формальной стороны это было неправильно, — сказала Катрина. — Но они связались с человеком, который, по сути, вёл это расследование, был на передовой. Можем мы продолжить разговор?

Глаза двух женщин встретились.

Катрина осознавала, что то, что она сказала — и то, как она это сделала, — может быть воспринято как провокация. Быть может, это и была провокация. Ну и что? Сейчас было не время для офисных подковёрных игр и бесполезных соревнований. И, возможно, Меллинг тоже это понимала. В любом случае она коротко кивнула Катрине.

— Окей, Братт. Продолжай, Холе.

Харри кивнул в сторону окна, как будто он молча разговаривал с кем-то снаружи, и снова повернулся к присутствующим в кабинете.

— Мм. При обследовании головы был обнаружен фрагмент кожи между зубами Бертины Бертильсен. По словам экспертов по судебно-медицинской экспертизе, он едва держался и исчез бы, прополощи она рот или почисти зубы, поэтому разумно предположить, что он оказался там незадолго до смерти. Например, когда она укусила своего убийцу. В базе данных есть профиль с весьма вероятным предварительным совпадением.

— Преступник?

— Не был осуждён, но да.

— Насколько велика вероятность?

— Достаточно высока, чтобы произвести арест, — сказал Харри.

— Это ты так считаешь. Мы не можем себе позволить ещё один арест, когда пресса…

— Это тот, кто нам нужен, — сказал Харри тихим голосом, но его слова, казалось, эхом разнеслись по комнате.

Меллинг перевела взгляд на Катрину, которая кивнула в знак согласия.

— А ты, Ларсен?

— Последняя информация от патологоанатомов даёт вероятность девяносто два процента, — сказал Сон Мин. — Это он.

— Хорошо, — сказала Меллинг и хлопнула в ладоши. — За дело.

Они встали.

На выходе Меллинг задержала Катрину.

— Тебе нравится этот офис, Братт?

Катрина неуверенно посмотрела на Меллинг.

— Да, неплохо выглядит.

Меллинг провела рукой по спинке одного из стульев для совещаний.

— Я спрашиваю только потому, что хоть ещё не получила зелёный свет, но, возможно, скоро я перееду в другой, а значит, этот офис освободится.

Меллинг улыбнулась с такой теплотой, какой Катрина никогда от неё не ожидала.

— Не смею больше задерживать, Братт.

Глава 39

Четверг
Брассика

Харри вошёл на кладбище. Флорист из магазина на улице Грёнландслейрет предложил посадить на могилу брассику. Не только потому, что это был красивый цветок, но и потому, что оттенки её листьев становились только красивее с осенним падением температуры.

Он подобрал ветку, которая, должно быть, упала прошлой ночью во время грозы и теперь лежала на надгробии, и убрал её к стволу дерева. Вернулся назад, присел на корточки и руками вкопал горшок с цветущей брассикой в землю.

— Мы нашли его, — сказал Харри. — Я думаю, тебе будет интересно это знать, потому что надеюсь, что ты следишь за происходящим.

Он посмотрел на ясное голубое небо.

— Я был прав в том, что это был кто-то на периферии расследования, человек, которого мы видели, но не замечали. Насчёт всего остального я ошибался. Я всегда ищу мотив, ты это знаешь, верю, что именно он поведёт нас в правильном

направлении. И конечно, мотив есть всегда. Но он не всегда сияет настолько ярко, чтобы мы могли использовать его как путеводную звезду, не так ли? Во всяком случае, не тогда, когда мотив заперт во тьме безумия, как здесь. В этом случае я перестаю искать ответ на вопрос «Почему» и концентрируюсь на вопросе «Как». Пусть потом Столе и его коллеги позаботятся об этих больных «Почему». — Харри откашлялся. — Хватит ходить вокруг да около и лучше сразу переходить к вопросу «Как?». Примерно так.

Было три часа дня, когда Эйстейн Эйкеланн вошёл на площадь Йернбанеторгет, где полторы недели назад он встретил Харри. Казалось, это произошло целую вечность назад. Проходя мимо статуи тигра, он увидел Эла, согнувшегося пополам и опирающегося одной рукой на стену старого здания Центрального вокзала.

— Как дела, Эл? — спросил Эйстейн.

— Принял какую-то ужасную фигню, — сказал он, ещё раз его стошнило, прежде чем он смог выпрямиться, вытерев рот рукавом парки. — В остальном хорошо. А ты? Давно не виделись…

— Да, я был занят кое-какими другими делами, — сказал Эйстейн, глядя на лужу рвоты. — Помнишь, я спрашивал тебя о вечеринке у Маркуса

Рё. Сказал, что мне было интересно, кто был тот чувак, продававший кокаин.

— Он раздавал его бесплатно, ну да, а что с ним?

— Наверное, мне следовало упомянуть, что я спрашиваю об этом, потому что работаю на частного детектива.

— О? — Эл устремил свои голубые глаза на Эйстейна. — На того полицейского, который был здесь, на Харри Холе?

— Ты знаешь, кто он?

— Я читаю газеты!

— Правда? Никогда бы не подумал.

— Не так часто, но после того, как ты рассказал мне о тех двух девушках на вечеринке, я слежу за этим делом.

— Да ну? — Эйстейн огляделся вокруг. Площадь выглядела так же, как всегда. Те же самые посетители. Туристы похожи на туристов, студенты похожи на студентов, покупатели похожи на покупателей. Ему следует остановиться сейчас. Он должен остановиться сейчас. Вернее, должен сейчас же уйти. Почему он всегда переусердствует, почему не может соблюдать заповедь Кифа об умеренности? Всё, что ему нужно было сделать, это выделить Эла в толпе и немного отвлечь его.

Но нет, он не останавливается…

— А может ты занимался чем-то большим, чем просто следил за этим делом, Эл?

— Что? — глаза Эла, казалось, стали больше. Белки теперь были видны вокруг всего зрачка.

— Он познакомился с девушками на вечеринке, или, может быть, он и раньше продавал им кокаин, — сказал Харри надгробию. — Полагаю, они ему понравились. Или он ненавидел их, как знать. Возможно, он тоже нравился трём девушкам, он симпатичный парень и обладает харизмой. Эйстейн называет это «харизмой одиночества». Так что да, возможно, именно так он их заманил. Или заманил их кокаином. Его не было дома сегодня утром во время обыска в его квартире — по словам Эйстейна, в будни он обычно работает на Йернбанеторгет. Судя по всему, живёт один, но кровать была аккуратно заправлена. Они нашли много интересного. Различные виды ножей. Жёсткое порно. Пока мы говорим, криминалисты продолжают там работать. Плакат с изображением Чарльза Мэнсона над кроватью. И золотая нюхательная пуля с инициалами «Б.Б.», которую, я думаю, кто-то, знавший Бертину Бертильсен, опознает как принадлежавшую ей. В ней был зелёный кокаин. Как тебе это нравится?

Но послушай дальше. Под кроватью было восемь килограммов белого кокаина, который, по их словам, выглядел довольно чистым. Восемь килограммов, заметь. Немного разбавить, и получишь, учитывая уличную стоимость, более десяти миллионов крон. У него нет судимостей, но его дважды арестовывали. Один из арестов был по делу о групповом изнасиловании. Оказалось, он был вообще не при чём, но именно таким образом его ДНК попала в базу данных. У нас ещё не было времени покопаться в его прошлом или в его детстве, но можно делать ставки, что оно было дерьмовым. Так что вот. — Харри проверил время. — Думаю, как раз сейчас производят арест. Он известен своей бдительностью, граничащей с паранойей, а сочетание коллекции ножей и толпы народа на станции означает, что они используют Эйстейна, чтобы отвлечь его. Плохая идея привлекать дилетантов, по моему мнению, но, видимо, это был приказ сверху.

— Что, чёрт возьми, ты имеешь в виду? — сказал Эл.

— Ничего, — ответил Эйстейн, не сводя глаз с рук Эла, спрятанных глубоко в карманах его парки.

Ему пришло в голову, что теперь он, возможно,

в опасности. Так почему же он всё ещё стоял здесь и растягивал разговор? Он посмотрел на руки Эла. Что у него карманах? В этот момент он понял, что ему так нравится. Нравится, что он наконец-то оказался в центре внимания, что в этот самый момент, наверное, по всем каналам радиосвязи негодовали: «Почему он до сих пор там стоит?», «Смельчак!», «Твою мать, вот это хладнокровие!»

Эйстейн увидел, как на парке Эла в области груди появились две танцующие красные точки.

Его момент славы закончился.

— Хорошего дня, Эл.

Эйстейн повернулся и пошёл к автобусной остановке.

Красный автобус проехал прямо перед ним, и в отражении, замелькавшем в окнах, он увидел, как три человека на площади одновременно начали двигаться, каждый держал руку под одеждой.

Он услышал крики Эла и успел заметить, как они повалили его на землю, двое направили пистолеты в спину Эла, третий застегнул наручники вокруг его запястий. Затем автобус поехал дальше, и он посмотрел на улицу Карла Юхана, ведущую к дворцу, на людей, несущихся к нему и от него, и на секунду задумался обо всех тех

людях, которых он встретил и оставил позади в своей жизни.

Харри встал на затёкшие ноги и посмотрел на цветок с розовым оттенком. Который был на самом деле капустой, декоративной капустой. Поднял взгляд на имя на надгробии. Бьёрн Хольм.

— Итак, теперь ты знаешь, Бьёрн. И я знаю, где ты лежишь. Возможно, когда-нибудь я ещё вернусь. Кстати, в баре «Ревность» тоже скучают по тебе. Харри повернулся и зашагал к воротам, через которые вошёл на кладбище.

Достал телефон и снова набрал номер Люсиль.

И на этот раз ответа не было.

Микаэль Бельман стоял у окна, когда Вивиан вручила ему краткий отчёт об успешном аресте на площади Йернбанеторгет.

— Спасибо, — сказал он. Как обычно, он был в курсе самых важных событий. — На самом деле я хотел бы сделать заявление. Пресс-релиз, восхваляющий неустанную работу полиции, её трудовую этику и профессионализм в решении сложных дел. Не могла бы ты набросать черновик?

— Конечно, — сказала она, и он услышал энту-

зиазм в её голосе. Впервые ей доверили написать что-либо самостоятельно. И всё же он чувствовал сомнение.

— Что такое, Вивиан?

— Тебя не беспокоит, что это может быть воспринято как презумпция виновности?

— Нет.

— Нет?

Бельман повернулся к ней лицом. Она была такой красивой. Такой умной. Но такой молодой. Может быть, он стал предпочитать девушек немного постарше? Мудрых, а не умных?

— Напиши в ключе, что мои слова — дань уважения полиции по всей стране, — сказал он. — Министр юстиции не комментирует отдельные дела. Тогда те, кто захочет связать это с раскрытием этого конкретного дела, смогут сделать это, если захотят.

— Но именно об этом деле все и говорят, поэтому большинство людей поймут эту связь?

— Я надеюсь на это, — улыбнулся Бельман.

— И это будет воспринято как…? — она неуверенно посмотрела на него.

— Знаешь, почему премьер-министры отправляют поздравительные телеграммы, когда кто-нибудь выигрывает золотую медаль на зимних

Олимпийских играх? Потому что эти телеграммы попадают в газеты, так что премьер-министр может немного погреться в лучах отражённой славы и напомнить людям, кто создал условия для того, чтобы такая маленькая страна смогла взять столько золотых медалей. Наш пресс-релиз будет корректным, но в то же время покажет, что я на одной волне с народом. Мы посадили за решётку серийного убийцу, торговавшего наркотиками, и это даже лучше, чем богатый парень. Мы выиграли золотую медаль. Понимаешь?

Она кивнула.

— Думаю, да.

Глава 40

Четверг
Отсутствие страха

Терри Воге поднял стул — на высоту бедра, выше он поднять его не смог — и швырнул в стену.

«Чёрт, чёрт, чёрт!»

Найти владельцев автомобилей, проехавших мимо торгового центра «Колсас», было несложно. Всё, что нужно было сделать, это зайти на сайт REGNR[74] и ввести номерной знак, затем — за определённую плату — получаешь имя и адрес. Это обошлось ему более чем в две тысячи крон и заняло пару часов, но, наконец, у него был полный список из пятидесяти двух имён и адресов, и он собирался начать их обзванивать. Но только что на сайте «ВГ» он прочитал, что парня поймали и арестовали на площади Йернбанеторгет!

Стул даже не опрокинулся, а просто подкатился к нему по наклонному полу, как бы приглашая его сесть и спокойно оценить ситуацию.

---

[74] Примечания: 74

REGNR — имеется в виду норвежский сайт regnr.no, позволяющий найти информацию об автомобиле и узнать, кому он принадлежит.

Он обхватил голову руками и попытался сделать то, что предлагал ему стул.

План состоял в том, чтобы произвести сенсацию всех времён, которая превзошла бы даже сделанные им в Колсасе фотографии голов. Он собирался найти убийцу самостоятельно и — в этом была гениальность — потребовать эксклюзивного, подробного интервью об убийствах и о человеке, их совершивших, в обмен на полную защиту источника информации. Воге объяснил бы, что конфиденциальность источника будет обеспечена с помощью публикации материалов, это защитит их обоих от преследования со стороны полиции или других органов власти. Но он забудет упомянуть, что эта защита источников информации — так же, как конфиденциальность информации и обязательства по её сохранению людьми некоторых профессий — простирается лишь до определённого момента и, конечно, не распространяется на случаи, когда представляется угроза жизни. Поэтому Воге — как только интервью будет опубликовано — сообщит полиции, где они могут найти убийцу. Он журналист, и никто не сможет обвинить его в том, что он выполняет свою работу, особенно когда именно он, Терри Воге, нашёл убийцу!

Но теперь кто-то опередил его в этом.

Твою мать!

Он просмотрел сайты других газет. Нет ни фотографий парня, ни его имени. Обычное дело, когда арестованный не является высокопоставленной фигурой, как, например, Маркус Рё. Это просто типичное долбанное скандинавское потворство, защита этих ублюдков, которая вызывает желание эмигрировать в США или другую страну, где журналистике предоставлено побольше свободы действий. Ну что ж. В любом случае, что с того, что он нашёл имя? Всё, что он мог теперь делать, это ругать себя за то, что не поступил так раньше и не позвонил парню.

Воге тяжело вздохнул. Оставшуюся часть выходных он будет в плохом настроении. И это повлияет на Дагнию. Но ей придётся с этим смириться, ведь он оплатил половину стоимости её билетов.

В шесть часов вечера все члены группы Эуне находились в палате 618.

Эйстейн принёс бутылку шампанского и пластиковые стаканчики.

— Мне её дали в полицейском управлении, — сказал он. — В качестве благодарности, типа. Думаю, они и сами выпили несколько бутылок.

Никогда не видел столько весёлых полицейских.

Эйстейн вынул пробку и наполнил бокалы, которые Трульс раздал всем, включая улыбающегося Джибрана Сети. Они подняли бокалы.

— Не можем мы просто продолжать проводить эти встречи? — сказал Эйстейн. — Нам даже не нужно раскрывать преступления. Мы можем спорить о том… кто, например, самый недооценённый барабанщик в мире. Кстати, правильный ответ — Ринго Старр. Самый переоценённый — Кит Мун из «Ху», а лучший, конечно, Джон Бонэм из «Лед Зеппелин».

— Судя по всему, эти встречи были бы довольно короткими, — сказал Трульс, и все засмеялись, и не в последнюю очередь сам Трульс, осознав, что он на этот раз сказал что-то забавное.

— Так-так, — сказал Эуне с кровати, когда смех утих. — Думаю, пришло время подвести итоги.

— Точно, — отметил Эйстейн, откинувшись на спинку стула.

Трульс лишь кивнул.

Все трое выжидающе посмотрели на Харри.

— Мм, — сказал он, покручивая в руках пластиковый стаканчик, из которого ещё не пил. — У нас пока нет всех подробностей, и некоторые вопросы остаются. Но давайте проведём линии

между имеющимися у нас точками и посмотрим, получается ли у нас чёткая картина. Окей?

— Давай-давайте, — сказал Эйстейн и одобрительно топнул ногами по полу.

— У нас есть убийца, мотив которого нам неизвестен или непонятен, — сказал Харри. — Надеюсь, его допрос даст нам больше информации. В противном случае мне кажется очевидным, что всё началось на вечеринке у Рё. Как вы помните, я думал, что нам следует выследить торговца кокаином, но должен признать, что моё внимание было сосредоточено не на том торговце. В конце концов, легко поверить, что парень в маске, солнцезащитных очках и бейсболке — плохой парень. Давайте пройдёмся по тому, что мы знаем о нём, прежде чем перейти к убийце. Что нам известно, так это то, что этот парень был новичком с образцами зелёного кокаина, похожего на изъятый недавно полицией контрабандный наркотик. Назовём того парня Зелёный. Я предполагаю, что Зелёный — это некто, случайно оказавшийся на одной из остановок по пути отправки наркотиков на анализ, то есть один из таможенников или кто-то, работающий на полицейском складе. Он понимает, что качество этой партии превосходное, и видит свой шанс сорвать куш. Что ему

нужно сделать после того, как он украл так много конфиската, так это продать всю партию за раз одному человеку, который ценит качественный продукт и может заплатить за партию такого размера.

— Маркусу Рё, — сказал Эйстейн.

— Точно. И именно поэтому Зелёный так настаивает на том, чтобы Рё попробовал его. Он был целью.

— А вину повесили на меня, — сказал Трульс.

— Но давайте пока оставим Зелёного, — сказал Харри. — После того, как Маркус чихает на стол и всё портит бедняге, именно Эл снабжает Маркуса кокаином. Как, наверное, и девушек, хотя сначала им досталось немного зелёного кокаина. Девушкам нравится Эл. Они нравятся ему. Он заманивает их на прогулку в лес. И вот тут мы подходим к тому, что для меня остаётся загадкой. Как ему это удалось? Как он добился того, что Сюсанна добровольно поехала через весь город и встретилась с ним в уединённом месте? Тем, что подсунул ей под нос свой самый обычный кокаин? Едва ли. Как ему удалось заставить Бертину с готовностью согласиться встретиться с ним в лесу после того, как ещё одна знакомая ей девушка только что исчезла? И каким же обра-

зом после этих двух убийств он убедил Хелену Рё добровольно уйти с ним в антракте «Ромео и Джульетты»?

— Мы точно знаем, что она ушла с ним? — спросил Эуне.

— Да, — ответил Трульс. — Полиция связалась с билетной кассой и выяснила, какие номера мест они отправляли Рё, а также нашла тех, кто сидел рядом с ней. И они сказали, что женщина, сидевшая рядом с ними, не вернулась после перерыва. Гардеробщица также вспомнила даму, забиравшую своё пальто, и мужчину, ожидающего в стороне, повернувшись спиной. Она запомнила их, потому что они единственные, кто ушёл с этого спектакля во время перерыва.

— Я общался с Хеленой Рё, — сказал Харри. — Она была умной женщиной, способной позаботиться о себе. У меня в голове не укладывается, что она добровольно оставила бы спектакль ряди торговца наркотиками, которого не знает. Только не после всего того, что произошло.

— Ты всё время повторяешь «*добровольно*», — сказал Эуне.

— Да, — ответил Харри. — Они должны были быть… напуганы.

— Продолжай.

— Да. В ужасе. — Харри сидел не как обычно, развалившись на сидении, а на краешке стула, наклонившись вперёд. — Это напоминает мне мышь, которую я увидел однажды утром, проснувшись в Лос-Анджелесе. Она шла прямо к домашнему коту в лапы. Который, конечно, убил её. И несколько дней назад я видел, как то же самое произошло на заднем дворе здесь, в Осло. Я не знаю, что не так с этими мышами, возможно, они были накачаны наркотиками или потеряли врождённое чувство страха.

— Страх — это хорошо, — сказал Эйстейн. — По крайней мере, в небольшой степени. Например, боязнь всего нового. Ксенофобия — довольно негативно заряжённое слово, и да, её следует винить во многом реально злобном дерьме. Но в мире, в котором мы живём, работает правило «съешь или съедят тебя», а если ты не боишься того, что тебе незнакомо, то рано или поздно окажешься в жопе. Тебе так не кажется, Столе?

— Конечно, — сказал Эуне. — Когда наш разум воспринимает что-то как опасность, миндалевидное тело в нашем мозге выделяет нейротрансмиттеры, такие как глутамат, поэтому мы испытываем страх. Это эволюционно сложившаяся дымовая сигнализация, и без неё…

— Мы сгорим, — продолжил Харри. — Так что же не так с жертвами этих убийств? И с мышами?

Все четверо смотрели молча друг на друга.

— Токсоплазмоз.

Они обернулись и взглянули на пятого человека.

— У этих мышей токсоплазмоз, — сказал Джибран Сети.

— Что это? — спросил Харри.

— Это паразит, заразивший мышь. Он блокирует реакцию страха, заменяя её сексуальным влечением. Мышь идёт к кошке, потому что ощущает сексуальное влечение.

— Ты, должно быть, шутишь, — сказал Эйстейн.

Джибран улыбнулся.

— Нет, паразит называется Токсоплазма гондии[75] и на самом деле является одним из самых распространённых в мире.

— Подожди, — сказал Харри. — Он встречается только у мышей?

— Нет, он может жить практически в любом теплокровном животном. Но его жизненный цикл поддерживается за счёт животных, которые

---

[75] Примечания: 75

Токсоплазма гондии — простейшие микроорганизмы-паразиты. Вызываемое им заболевание называется токсоплазмоз.

служат добычей кошек, потому что паразиту необходимо вернуться в кишечник первичного хозяина[76] для размножения, а это кошка.

— Значит, теоретически паразит может быть и у человека?

— Не просто теоретически. В некоторых регионах мира люди довольно часто заражаются паразитом гондии.

— И тогда их сексуально привлекают… эээ, кошки?

Джибран рассмеялся.

— О таком я не слышал. Может быть, наш психолог что-нибудь об этом знает?

— Мне известно об этом паразите, поэтому мне следовало раньше установить связь, — сказал Эуне. — Паразит поражает мозг и глаза, и есть исследования, которые показывают, что люди, у которых в анамнезе не было психических проблем, начинают демонстрировать ненормальное поведение. Не то чтобы они вступали в связи с кошками, но могут проявлять жестокость, направленную в первую очередь на самих

---

[76] Примечания: 76

Первичный хозяин — хозяин, в котором паразит или симбионт вырастает до зрелости. Вторичным (или промежуточным) хозяином называется хозяин, который предоставляет среду обитания паразиту или симбионту только в течение короткого периода.

себя. Известно о многочисленных случаях самоубийств, в которых, как полагают, виноват паразит. Я читал в научной статье, что скорость реакции людей, которые являются носителями паразита гондии, уменьшается, а вероятность их попадания в дорожно-транспортные происшествия увеличивается в три-четыре раза. Есть ещё одно интересное исследование, показывающее, что студенты, больные токсоплазмозом, с большей вероятностью становятся бизнесменами. Это обосновано тем, что у них отсутствует страх неудачи.

— Отсутствие страха? — спросил Харри.

— Да.

— Но не сексуальное влечение?

— О чём ты думаешь?

— Я думаю, что женщины не просто пошли добровольно, они проделали путь через весь город и покинули со своим убийцей любимую театральную постановку. Никаких следов изнасилования обнаружено не было, а следы в лесу могут указывать на то, что во время прогулки они держали друг друга за руки, как влюблённые.

— Именно запах кошки и кошачьей мочи привлекает заражённых мышей, — сказал Джибран. — Представьте, паразит питается мозгом и гла-

зами мыши, но в то же время знает, что ему необходимо вернуться к кошке, потому что только в кишечнике кошки среда благоприятна для размножения. Таким образом, он воздействует и манипулирует мозгом мыши, чтобы её сексуально привлекал запах кошки. Таким образом мышь добровольно помогает паразиту вернуться в её кишечник.

— Охренеть, — сказал Трульс.

— Да, это отвратительно, — признал Джибран. — Но именно так функционирует паразит.

— Мм. Возможно ли, чтобы убийца взял на себя роль кошки после того, как заразил их паразитом?

Джибран пожал плечами.

— Вполне возможно, что это мутировавший паразит. Или кто-то смог вывести паразита гондии, которому в качестве первичного хозяина требуется человеческий кишечник. Я имею в виду, что в наши дни даже студент-биолог может заниматься генными манипуляциями на клеточном уровне. Но об этом тебе лучше спросить у паразитолога или микробиолога.

— Спасибо, но сначала мы послушаем, что скажет Эл. Харри взглянул на часы. — Катрина сказала, что они собираются допросить его, как

только у него появится возможность поговорить с назначенным ему адвокатом.

Редко кто в следственном изоляторе осмеливался спросить дежурного полицейского Грота о причине его хронически плохого расположения духа и настроения. Те, кто осмелился, уже отправились куда подальше. Однако его геморрой остался с ним. Он был с ним, в изоляторе, столько же, сколько и Грот — двадцать три года. Его прервали посреди многообещающей партии в пасьянс на компьютере, и теперь Грот морщился от боли, сидя на стуле и глядя на удостоверение личности, которое мужчина положил на стойку перед ним. Мужчина представился адвокатом заключённого, арестованного ранее в тот день на Йернбанеторгете. Грота не особо интересовали адвокаты и в дорогих костюмах, а тем более такие, как этот, одетые в бомбер и плоскую кепку, как какой-нибудь докер.

— Хочешь, чтобы в камере присутствовал полицейский, Бекстрём? — спросил Грот.

— Нет, спасибо, — ответил адвокат. — И чтобы никто не подслушивал под дверью.

— Он убил троих…

— Он подозревается в этих убийствах.

Грот пожал плечами и нажал кнопку, открыва-

ющую полноростовой проходной турникет.

— Охранник внутри обыщет тебя и откроет дверь камеры.

— Спасибо, — сказал адвокат, забирая удостоверение личности и проходя через турникет.

— Идиот, — сказал Грот, не удосужившись оторваться от экрана компьютера, чтобы убедиться, что адвокат не услышит.

Четыре минуты спустя стало ясно, что, в конце концов, партия пасьянса в этот раз не сойдётся.

Грот выругался, тут же услышал, как кто-то рядом откашлялся, и увидел человека в маске, стоящего за турникетом. Грот был на мгновение озадачен, а потом узнал плоскую кепку и бомбер.

— Это был короткий разговор, — сказал Грот.

— У него что-то болит, он просто рыдает и вопит, — ответил адвокат. — Необходимо вызвать врача для него, а после этого я вернусь.

— О, доктор только что был там, но не смог выяснить, что с ним не так. Парень получил обезболивающее, поэтому я уверен, что он скоро перестанет выть.

— Он кричит так, будто вот-вот умрёт, — сказал адвокат, направляясь к выходу. Грот смотрел ему вслед. Что-то было не так, но он не мог понять,

что именно. Он нажал кнопку вызова.

— Свейн, как дела у номера 14? Всё ещё кричит?

— Кричал, когда я открыл дверь, чтобы впустить адвоката, но когда я подошёл, чтобы выпустить адвоката обратно, перестал.

— Ты заглянул внутрь?

— Нет. А что, надо?

Грот колебался. Его обычная линия поведения — и она была основана на опыте — заключалась в том, чтобы позволить заключённым кричать, плакать и орать, не обращая на это слишком большого внимания. У них изъяли всё, чем они могли бы навредить себе, и если будешь прибегать каждый раз, когда они начинают ныть, они вскоре поймут, как обеспечить себе внимание, точно так же, как плачущие младенцы. В ящике, который всё ещё стоял перед ним, лежали личные вещи заключённого в четырнадцатой камере, когда его привели, и Грот автоматически взглянул на них в поисках чего-либо, что могло дать ответ. Служба хранения вещественных доказательств и изъятия уже забрала пакетики с кокаином и деньги, поэтому всё, что он увидел, это ключи от дома, ключи от машины и измятый билет в театр с надписью «Ромео и Джульетта».

Никаких упаковок с лекарствами, рецептов или чего-либо ещё, что могло бы дать подсказку. Он извернулся в кресле, почувствовал укол боли, защемив один из геморроидальных узлов, и выругался себе под нос.

— Ну? — спросил Свейн.

— Да, — хрипло ответил Грот. — Да, проверь этого ублюдка.

Эуне и Эйстейн сидели за одним из столов практически безлюдного буфета в клинике «Радиум». Трульс пошёл в туалет, а Харри стоял на террасе возле буфета с телефоном у уха и сигаретой в уголке рта.

— Ты доктор по такого рода вещам, — сказал Эйстейн и кивнул в сторону Харри. — Что не даёт ему покоя?

— Не даёт покоя?

— Заставляет продолжать расследование. Он не перестаёт работать, даже сейчас, когда парня поймали, а ему больше не платят.

— Ах, это, — сказал Эуне. — Полагаю, он в поисках порядка. Ответа. Потребность в этом часто ощущается острее, когда всё остальное в твоей жизни сумбурно и лишено смысла.

— Окей.

— Окей? Ты не выглядишь довольным ответом.

А в чём, по твоему мнению, причина?

— По моему мнению? Ну хорошо. Всё точно так же, как ответил Боб Дилан, когда его спросили, почему он продолжает гастролировать даже после того, как стал миллионером и его голос испортился: *«Это то, что я делаю».*

Харри опёрся на перила, держа телефон в левой руке и затягиваясь единственной сигаретой, которую он позволил себе взять из пачки «Кэмел» Александры. Возможно, принцип умеренности можно применить и к курению. Ожидая ответа на другом конце, он заметил человека, стоящего внизу на слабо освещённой автостоянке. Мужчину, взгляд которого был устремлён на Харри. С такого расстояния было трудно увидеть детали, но на шее у него было что-то белое. Свежевыстиранный воротник рубашки, шейный бандаж. Или воротничок священнослужителя. Харри попытался выбросить из головы мысль о мужчине в «Камаро». Он получил свои деньги, зачем ему теперь охотиться на Харри? Ещё одна мысль пришла ему в голову. То, что он сказал Александре, когда она спросила, почему он не считает, что убил того человека ударом в горло. *«Если бы он умер, я не думаю, что его друзья после этого оставили бы меня в живых».* После. *После того,*

как убедятся, что получили свои деньги.

— Хельге.

Харри оторвался от своих мыслей.

— Привет, Хельге, это Харри Холе. Я взял твой номер у Александры, она сказала, что ты сейчас можешь находиться в Институте судебной медицины, работая над докторской диссертацией.

— И она не ошиблась, — сказал Хельге. — Кстати, поздравляю с арестом.

— Мм. Я собирался попросить тебя об одолжении.

— Выкладывай.

— Существует паразит под названием «Токсоплазма гондии».

— Ага.

— Тебе известно о нём что-нибудь?

— Это очень распространённый паразит, а я биоинженер.

— Окей. Я тут подумал, можешь ли ты проверить, не было ли у жертв этого паразита. Или его мутировавшей версии.

— Понимаю. Хотелось бы, но этот паразит сконцентрирован в мозге, а у девушек он был удалён.

— Да, но мне сказали, что паразит может быть и в глазах, а убийца оставил один глаз Сюсанны Андерсен.

— Верно, они также сосредоточены и в глазах, но уже слишком поздно. Останки Сюсанны отправили на похороны, которые должны были состояться сегодня утром.

— Знаю, но я проверил. Похороны действительно были назначены на сегодня, но тело всё ещё находится в крематории. У них большая очередь, поэтому её кремируют только завтра. Я получил устное постановление суда по телефону, так что я могу сейчас приехать туда, забрать глаз, а затем отправиться к тебе. Подойдёт такой вариант?

Хельге недоверчиво рассмеялся.

— Хорошо, а как ты собираешься удалить глаз?

— Хороший вопрос. Есть предложения?

Харри ждал. Пока он не услышал вздох Хельге.

— Строго говоря, это можно рассматривать как часть аутопсии, так что мне лучше пойти туда и сделать это самому.

— Страна в долгу перед тобой, — сказал Харри. — Встречаемся там через тридцать минут.

Катрина шла так быстро, как только могла, по следственному изолятору. Сон Мин был прямо позади неё.

— Открывай, Грот! — крикнула она, и дежурный полицейский безропотно сделал, как ему было сказано. На этот раз Грот выглядел скорее

шокированным, чем сварливым. Но это было небольшое утешение.

Катрина и Сон Мин протиснулись сквозь вращающиеся прутья турникета. Охранник придержал открытой дверь, ведущую в коридоры между камерами заключения.

Дверь камеры номер 14 была открыта. Даже в коридоре она чувствовала запах рвоты.

Она остановилась в дверях. Через плечи двух медиков она увидела лицо человека, лежащего на полу. Или, скорее, то, что когда-то было лицом, но теперь представляло собой лишь кровавую массу, переднюю часть головы, где фрагменты носовой кости были единственными белыми пятнами на красном месиве плоти. Как… Катрина не знала, откуда взялись эти слова… кровавая луна.

Её взгляд остановился на том месте на кирпичной стене, о которое мужчина, очевидно, бился головой. Должно быть, он сделал это совсем недавно, потому что полусвернувшаяся кровь всё ещё стекала по стене.

— Инспектор Братт, — сказала она. — Мы только что получили сообщение. Он …?

Доктор поднял взгляд.

— Да. Он мёртв.

Она закрыла глаза и выругалась про себя.

— Можно ли что-нибудь сказать о причине смерти?

Доктор мрачно ухмыльнулся и устало покачал головой, как будто это был идиотский вопрос. Катрина почувствовала, как в ней закипает гнев. Она увидела на его куртке логотип «Врачей без границ»[77]р>, вероятно, он был одним из тех врачей, которые провели несколько недель в какой-нибудь зоне боевых действий и всю оставшуюся жизнь играли роль закоренелого циника.

— Я спросила…

— Как видите, — прервал он её резким голосом, — даже невозможно определить, кто он.

— Заткнись и дай мне закончить мой вопрос, — сказала она. — Тогда ты можешь открыть свой рот. Итак, как…

Доктор без границ рассмеялся, но она увидела, как вена на его шее стала более выраженной, а лицо раскраснелось.

— Может, ты и инспектор, но я врач и…

— …и только что объявил, что наш заключённый мёртв, так что твоя работа на этом выполне-

---

[77] Примечания: 77

«Врачи без границ» — международная независимая некоммерческая медицинская гуманитарная организация, которая оказывает чрезвычайную медицинскую помощь людям, пострадавшим в результате военных конфликтов, голода, эпидемий, вынужденной миграции, природных катастроф более чем в семидесяти странах мира.

на, Патология позаботится обо всём остальном. Можешь либо ответить прямо здесь, либо отправиться в одну из соседних камер. Окей?

Катрина услышала, как Сон Мин тихо откашлялся рядом с ней. Она проигнорировала это осторожное предупреждение о том, что зашла слишком далеко. К чёрту, всё испорчено, она уже видела перед собой заголовки газет: *«Подозреваемый в убийстве умер в полицейском участке»*. Самое крупное дело об убийстве, которое она когда-либо вела, вероятно, никогда не будет полностью раскрыто теперь, когда главный подозреваемый не может говорить. Семьи никогда не узнают, что произошло на самом деле. И вот этот напыщенный доктор пытается строить из себя крутого?

Она сделала вдох. Выдох. Затем снова. Сон Мин, конечно, был прав. Это была старая Катрина Братт, которая всплыла на поверхность, та, которая, как надеялась нынешняя Катрина, похоронена навсегда.

— Извини, — вздохнул доктор, взглянув на неё. — Я веду себя как ребёнок. Просто похоже на то, что он очень долго мучился, но никто ему не помог, а потом… потом я отреагировал эмоционально и обвинил во всём твоих людей. Извини.

— Всё в порядке, — сказала Катрина. — Свои собственные извинения приношу вслед за твоими. Можно ли сказать *что-нибудь* о причине смерти?

Он покачал головой.

— Могло быть из-за этого. — Он кивнул на кровь на побелённой стене. — Но я ещё не видел, чтобы кому-нибудь удавалось покончить с собой, ударившись головой о стену. Так что, возможно, патологоанатому стоит проверить это, — он указал на желтовато-зелёную лужу рвоты на полу. — Я слышал, что он мучился от боли.

Катрина кивнула.

— Есть ещё варианты?

— Ну, — сказал доктор, вставая на ноги, — возможно, его кто-то убил.

Глава 41

Четверг
Скорость реакции

Было семь часов вечера. И в Институте судебной медицины свет горел только в лаборатории. Харри уставился сначала на скальпель в руке Хельге, а затем на глазное яблоко, лежащее на стеклянной пластинке.

— Ты действительно…? — спросил он.

— Да, мне нужно посмотреть, что внутри, — сказал Хельге и сделал разрез.

— Ну да, — сказал Харри. — Похороны, я полагаю, закончились, и никто из семьи больше её не увидит.

— Ну, вообще-то они собираются туда завтра, — сказал Хельге, помещая отрезанный кусочек под микроскоп. — Но парень из похоронного бюро уже вставил один стеклянный глаз и просто вставит ещё и другой. Посмотри на это.

— Ты что-нибудь видишь?

— Да. Это паразиты гондии. Или, по крайней мере, что-то подобное. Смотри…

Харри наклонился вперёд и заглянул в микро-

скоп. Показалось ли ему, или он действительно уловил почти неуловимый запах мускуса?

Он спросил об этом Хельге:

— Возможно, *так* пахнет глаз, — ответил он. — В таком случае у тебя исключительное обоняние.

— Хм. У меня паросмия: я не чувствую запаха трупов. Но, может быть, это значит, что я лучше чувствую запахи других вещей. Как со слепотой и слухом, понимаешь?

— Ты в это веришь?

— Нет. Однако я полагаю, что убийца мог использовать паразита, чтобы сделать Сюсанну бесстрашной, и чтобы она почувствовала к нему сексуальное влечение.

— Не может быть. Ты имеешь в виду, что он сделал себя первичным хозяином?

— Да. Почему не может быть?

— Просто эта тема близка к той области, которую я изучаю, чтобы получить докторскую степень. Теоретически это возможно, но если ему удалось это сделать, то речь идёт о премии Одиль Бейн. Эх… это что-то вроде Нобелевской премии по паразитологии.

— Хм. Я думаю, вместо этого он получит пожизненное заключение.

— Да, конечно. Извини.

— И ещё кое-что, — сказал Харри. — Мышей привлекает запах кошки, я имею в виду любой кошки. Так почему же этих женщин привлекает только один конкретный мужчина?

— Это ты сам мне об этом расскажи, — сказал Хельге. — По сути. важен запах, с помощью которого паразиты могут привлекать к себе инфицированного человека. Возможно, он нёс что-то такое, запах чего уловили женщины. Или он мог размазать это по своему телу.

— Что за запах?

— Ну, самая простая версия — это запах из желудочно-кишечного тракта: там паразитам нравится размножаться.

— Ты имеешь в виду экскременты?

— Нет, он использовал бы экскременты для распространения паразита. Но чтобы привлечь инфицированного человека, он может использовать кишечные соки и ферменты из тонкого кишечника. Или пищеварительные выделения поджелудочной железы и желчного пузыря.

— Ты хочешь сказать, что он распространяет паразита со своими собственными фекалиями?

— Если он создал своего собственного паразита, то он, вероятно, единственный возможный совместимый хозяин, поэтому он один может

обеспечить продолжение жизненного цикла, чтобы эти паразиты не вымерли.

— И как он это делает?

— Так же, что и кот. Он мог бы, например, проследить за тем, чтобы вода, которую пьют жертвы, была заражена его фекалиями.

— Или кокаин, который они нюхают.

— Да, или еда, которую они едят. Спустя какое-то время паразит достигнет мозга жертвы и сможет манипулировать им.

— Как долго?

— Ну… если бы мне нужно было угадать, сколько времени это заняло у мыши, я бы сказал, два дня. Может быть, три или четыре у людей. Дело в том, что у людей иммунная система, как правило, уничтожает паразита через пару недель или месяц, так что этот человек ограничен во времени, если ему нужно поддерживать их жизненный цикл.

— Значит, ему нужно было подождать пару дней, но не слишком долго, прежде чем убивать их.

— Да. А потом ему надо съесть свою жертву.

— Всю жертву?

— Нет, это могут быть те части, где паразиты, готовые к размножению, наиболее сконцен-

трированы. Например, мозг… — Хельге резко остановился и уставился на Харри так, словно его только что осенило. Он сглотнул. — …или глаза.

— Последний вопрос, — хриплым голосом произнёс Харри.

Хельге просто кивнул.

— Почему паразиты не захватывают также мозг первичного хозяина?

— О, они это делают.

— Вот как? И что они с ним делают?

Хельге пожал плечами.

— Всё то же самое. Тот теряет чувство страха. И поскольку он получает непрерывную подпитку, как в данном случае, иммунная система не сможет избавиться от паразита, и человек попадает в зону риска, потому что, например, у него скорость реакции более медленная. И есть вариант развития шизофрении.

— Шизофрении?

— Да, недавние исследования указывают на это. Если только он не будет контролировать количество паразитов в своём собственном теле.

— Каким образом?

— Что ж. Вот этого я не знаю.

— А как насчёт средств от паразитов? Как, например, продукция фирмы «Хиллман Пэтс»?

Хельге задумчиво уставился куда-то вдаль.

— Я не знаком с этой маркой, но теоретически правильная дозировка средства от паразитов могла бы создать своего рода баланс, всё верно.

— Хм. Значит, имеет значение количество паразитов, которые живут в теле человека, верно?

— О да. Если бы ты дал кому-нибудь большую дозу вещества с высокой концентрацией гондий, паразиты заблокировали бы мозг, парализовав человека за несколько минут. Смерть наступила бы в течение часа.

— Но ты бы не умер, если бы нюхнул порцию заражённого кокаина?

— Может быть, не в течение часа, но если концентрация достаточно высока, это может легко убить тебя в течение дня или двух. Извини…

Хельге достал зазвонивший телефон.

— Да? Хорошо. — Он нажал «Отбой». — Извини, я сейчас буду занят, они уже едут с телом из следственного изолятора, я должен провести предварительный осмотр.

— Ладно, — сказал Харри, застёгивая пиджак. — Спасибо за помощь, я сам найду выход. Сладких снов.

Хельге слабо улыбнулся ему.

Харри уже вышел за дверь лаборатории, но

повернулся и вошёл обратно.

— Как ты сказал, чьё тело они везут сюда?

— Я не знаю его имени. Тело парня, арестованного сегодня на площади Йернбанеторгет.

— Чёрт, — тихо сказал Харри, легонько ударив кулаком по дверному косяку.

— Что-то не так?

— Это он.

— Кто?

— Первичный хозяин.

Сон Мин Ларсен стоял за стойкой в следственном изоляторе, заглядывая в коробку с вещами покойного. С ключами от дома особой спешки не было, поскольку они уже побывали в его квартире и обыскали её, но один из криминалистов уже направлялся сюда, чтобы забрать ключи от машины, которая была найдена на многоэтажной автостоянке, недалеко от площади Йернбанеторгет. Сон Мин повертел в руках театральный билет. Был ли Эл на том же представлении, что и Хелена? Нет, в билете была указана более ранняя дата. Но, возможно, он ходил в Национальный театр на разведку, чтобы спланировать похищение и убийство Хелены Рё.

Его телефон зазвонил.

— Ларсен.

— Мы сейчас у Бекстрёма, но дома только его жена. Говорит — думала, что он на работе.

Сон Мин был озадачен. Никто в офисе Бекстрёма также не знал, где находится адвокат. Бекстрём был ключевым свидетелем: он был последним человеком, видевшим заключённого живым. Решить этот вопрос надо было прямо сейчас. Правда, СМИ до сих пор не знали деталей ареста на площади Йернбанеторгет. В конце концов, для полиции не было ничего необычного в аресте наркоторговца в том районе. Но могло пройти всего несколько минут или часов, прежде чем пресса пронюхает о смерти в следственном изоляторе, и тогда они все выйдут на тропу войны.

— Грот, — окликнул Сон Мин начальника смены, облокотившись на другую сторону стойки, — как выглядел Бекстрём, когда уходил отсюда?

— По-другому, — кисло сказал Грот.

— Насколько по-другому?

Грот пожал плечами.

— На его лице была маска, может быть, в этом всё и дело. Или он был огорчён, увидев заключённого таким больным. Во всяком случае, глаза у него были дикие, совершенно не такие, как тогда, когда он только приехал сюда. Может быть, он слишком чувствительный тип, откуда мне

знать?

— Может быть, — сказал Ларсен, вглядываясь в театральный билет, пока он копался в своём сознании в поисках причины, по которой его разум забил тревогу.

Было почти девять часов вечера, когда Юхан Крон набрал номер квартиры и посмотрел на видеокамеру над входом. Через несколько мгновений он услышал низкий голос, явно не принадлежащий Маркусу Рё.

— Кто ты такой?

— Юхан Крон. Адвокат, я ехал сегодня с вами в машине.

— Верно. Входи.

Крон поднялся на лифте, и один из телохранителей с бычьей шеей впустил его в квартиру. Рё казался раздражённым и беспокойно расхаживал по гостиной взад-вперёд, как один из облезлых старых львов, которых Крон видел маленьким мальчиком в Копенгагенском зоопарке. Его белая рубашка была расстёгнута, и под мышками виднелись пятна от пота.

— Я пришёл с хорошими новостями, — сказал Крон. И сухо добавил, увидев, как просветлело лицо его клиента, — новостями, а не кокаином.

Когда Крон увидел, как на лице собеседника

вспыхнул гнев, он поспешил его погасить:

— Подозреваемый в убийстве пойман.

— Правда? — Рё недоверчиво моргнул, затем рассмеялся. — Кто он?

— Его зовут Кевин Селмер. — Крон увидел, что это имя незнакомо Рё. — Харри говорит, что он один из твоих поставщиков кокаина.

Крон не был бы удивлён, если Рё оспорил бы утверждение о том, что кто-то снабжал его кокаином, но вместо этого он, похоже, просто пытался понять помнит ли он это имя.

— Это тот парень, который был здесь на вечеринке, — сказал Крон.

— А! Я не знал его имени, он никогда мне его не говорил. Сказал, что я должен называть его просто Кей. Я подумал, что он не умеет произносить его по буквам, и подумал, что это означает… ну, ты, наверное, сам догадываешься.

— Догадываюсь.

— Значит, Кей убил их? Это сбивает с толку. Он, должно быть, сумасшедший.

— Да, я думаю, это верное предположение.

Рё уставился на террасу на крыше. Сосед стоял рядом с пожарной лестницей, прислонившись спиной к стене, и курил сигарету.

— Я должен купить его квартиру, а также две

соседние, — сказал Рё. — Не могу выносить, когда они стоят там с таким видом, будто они хозяева… — он не закончил фразу. — Ну, по крайней мере, сейчас я могу выбраться из этого заключения.

— Да.

— Хорошо, тогда я знаю, куда иду. — Рё направился в спальню. Крон последовал за ним.

— Только не на вечеринку, Маркус.

— Почему бы и нет? — Рё прошёл мимо большой двуспальной кровати и открыл один из встроенных шкафов.

— Потому что прошло всего несколько дней с тех пор, как была убита твоя жена. Подумай, как отреагируют люди.

— Ты ошибаешься, — сказал Рё, просматривая костюмы. — Они поймут, что я радуюсь тому факту, что её убийца пойман. Привет-привет, я давно не надевал вот это. — Он достал темно-синий двубортный блейзер с золотыми пуговицами и надел его. Порылся в карманах, вытащил что-то и бросил это на кровать. — Ого, неужели прошло *так* много времени?

Крон увидел, что это была чёрная маскарадная маска в форме бабочки.

Рё застёгивал блейзер, пока смотрелся в зеркало с золотой рамой.

— Уверен, что не хочешь пойти выпить, Юхан?

— Совершенно уверен.

— Может быть, я могу взять своих телохранителей. За какой срок мы им заплатили?

— Им не разрешается пить на работе.

— Верно, из них не вышло бы весёлой компании. — Рё вышел в гостиную и смеясь крикнул, — вы слышали, ребята? Вы — свободны!

Крон и Рё спустились на лифте вместе.

— Позвони Холе, — сказал Рё. — Он любит выпить. Скажи ему, что я собираюсь пройтись по барам на улице Королевы Евфимии, с востока на запад. И выпивка за мой счёт. И я смогу поздравить его прямо там.

Крон кивнул, задавая себе всё тот же извечный вопрос: если бы он знал, что, став юристом, ему придётся провести большую часть своей жизни рядом с людьми, которые ему так сильно не нравятся, выбрал бы он эту профессию?

— Бар «Твари».

— Привет. Это Бен?

— Да, кто это?

— Харри. Высокий, светловолосый…

— Привет, Харри, давно не виделись. В чём дело?

Харри смотрел вниз с холма Экеберг[78] на город, который раскинулся под ним, как перевёрнутое звёздное небо.

— Это насчёт Люсиль. Я в Норвегии и не могу дозвониться до неё по телефону. Ты её видел?

— Не видел примерно… наверно, примерно месяц.

— Хм. Она живёт одна, как ты знаешь, и я забеспокоился, не случилось ли с ней чего-нибудь.

— Всё в порядке?

— Если я дам тебе адрес на Дохени Драйв, не мог бы ты проверить — как она там? Если её там нет, вероятно, следует обратиться в полицию.

Наступила пауза.

— Хорошо, Харри, я записываю её адрес.

После звонка Харри подошёл к «Мерседесу», припаркованному за старыми немецкими бункерами. Снова сел на капот рядом с Эйстейном, закурил сигарету и продолжил разговор с того места, на котором они остановились, и музыка лилась из двух открытых окон машины. Говорили обо всех знакомых и о том, что с ними стало, о девушках, которых они так и не заполучили, о мечтах, которые не разбились вдребезги, но

---

[78] Примечания: 78

Экеберг — район Осло на возвышенности, находится к югу от центра города.

растаяли, как недоделанная песня или длинная шутка без кульминации. О жизни, которую они выбрали, или о жизни, которая выбрала их, что было одно и то же, поскольку ты, как сказал Эйстейн, можешь разыграть только ту карту, которая тебе выпала.

— Здесь тепло, — сказал Эйстейн после того, как они некоторое время посидели молча.

— Старые двигатели отлично нагреваются, — сказал Харри, похлопывая по капоту.

— Нет, я имел в виду погоду. Я думал, что всё кончено, но тёплая погода вернулась. И завтра будет кровавое затмение. — Он указал на бледную полную луну.

У Харри зазвонил телефон.

— Говорите.

— Значит, это правда, — сказал Сон Мин. — Ты действительно так отвечаешь на телефонные звонки.

— Я увидел, что это был ты, и просто пытался соответствовать мифу, — сказал Харри. — Что происходит?

— Я в Институте судебной медицины. И, если быть до конца честным, я не совсем понимаю, что происходит.

— О, да? Прессе уже сообщили о смерти подо-

зреваемого?

— Пока нет, мы немного повременим, прежде чем обнародовать это. Пока его не опознают.

— Ты имеешь в виду, действительно ли его зовут Кевин Селмер? Эйстейн звал его Элом.

— Нет, я имею в виду, действительно ли человек, найденный мёртвым в камере номер 14, тот самый, которого мы привезли сюда.

Харри сильнее прижал телефон к уху.

— Что ты имеешь в виду, Ларсен?

— Его адвокат исчез. Он был наедине в камере с Кевином Селмером. Через пять минут после того, как он появился, он ушёл. Если это был он. Мужчина, который ушёл, был в маске для лица и в одежде адвоката, но начальнику смены в следственном изоляторе показалось, что этот человек выглядел по-другому.

— Ты думаешь, что Селмер…

— Я не знаю, что думать, — сказал Сон Мин. — Но да, вполне возможно, что Селмер смог убежать. Он мог убить Бекстрёма, разбить ему лицо, переодеться и просто уйти оттуда. И труп, рядом с которым мы сидим, это Бекстрём, а не Эл. То есть, не Селмер. Лицо совершенно неузнаваемо, а мы не можем найти ни друзей, ни родственников Кевина Селмера, которые знали бы его достаточ-

но хорошо, чтобы опознать. И вдобавок ко всему, Бекстрёма нигде нет.

— Хм… Звучит немного притянуто за уши, Ларсен. Я знаю Дена Бекстрёма, он, вероятно, опять слетел с катушек. Судный Ден, слышал такое о нём?

— Э, нет.

— У Бекстрёма репутация довольно впечатлительного человека. Если какое-то дело расстроило его, он идёт куда-нибудь и напивается, а затем нам является Судный Ден и начинает выносить вердикты всем и каждому. Иногда это длится несколько дней. Вероятно, именно это сейчас с ним и произошло.

— Что ж, будем надеяться на это. Мы скоро всё выясним, жена Бекстрёма уже на пути сюда. Я просто хотел тебя предупредить.

— Хорошо. Спасибо.

Харри завершил разговор. Они сидели в тишине, слушая, как Руфус Уэйнрайт поёт «Аллилуйя».

— Я думаю, что, возможно, недооценил Леонарда Коэна, — сказал Эйстейн. — И переоценивал Боба Дилана.

— Вполне понятная ошибка. Надо ехать. Давай, гаси сигарету.

— Что происходит? — спросил Эйстейн, спрыгивая с капота.

— Если Сон Мин прав, Маркус Рё может быть в опасности. — Харри плюхнулся на пассажирское сиденье. — Крон звонил, пока ты отливал в кустах. Рё отправился в поход по барам и предложил мне составить ему компанию. Я сказал «нет», но, возможно, нам всё равно нужно его найти. Поехали на улицу Королевы Евфимии.

Эйстейн повернул ключ в замке зажигания.

— Ты можешь сказать «Жми на газ», Харри? — он завёл двигатель. — Пожалуйста?

— Жми на газ, — произнёс Харри.

Маркус Рё качнулся в сторону, сделал шаг, чтобы удержаться на ногах, уставился на стакан, стоявший перед ним на столе.

В нём был алкоголь, он был уверен в этом. Он не был уверен, что ещё там было, но смотреть было приятно. Как и на содержимое бокала, так и на помещение бара. Названия которого он не знал. Другие гости были моложе его и бросали на него украдкой — и не совсем украдкой — взгляды. Они знали, кто он такой. Нет, они знали, как его имя. Видели его фотографию в газетах, особенно в последние дни. И составили о нём своё мнение. Было ошибкой выбрать именно эту улицу для

прогулки по пабам. Достаточно было взглянуть на претенциозное название этой очередной попытки сделать в Осло широкую улицу для прогулок: улица Королевы Эвфемии. Эв! Феми. И вот получите, чёртова пидорская улица. Ему следовало бы сходить в какое-нибудь старое местечко. Куда люди дружно стекались к барной стойке ещё в те времена, когда капитализм ещё только зарождался, чтобы заявить — следующая порция выпивки будет за его счёт. В последних двух барах, где он был, они просто таращились на него, как будто он выпячивал свои булки и показывал им свою дырочку от бублика. В одном месте бармен даже пригласил его присесть. Как будто им не нужна прибыль. Эти заведения обанкротятся в течение года, просто подождите. Выживают только старые игроки, те, кто знает правила игры. И он — Маркус Рё — знал правила игры.

Верхняя часть его тела начала наклоняться вперёд, тёмные волосы упали на стакан. Ему удалось выпрямиться в последний момент. Какая у него пышная шевелюра. Настоящие волосы, которые не нужно было красить каждую гребаную неделю. Засунь это в свой анус.

Он схватился за стакан, чтобы было за что держаться. Осушил его. Может быть, ему стоит пить

немного медленнее? По пути между двумя первыми барами он переходил улицу — извините, проспект, — и услышал пронзительное треньканье трамвайного звонка. Он отреагировал так вяло, словно брёл по вязкой грязи. Тот напиток, который он выпил в первом баре, скорее всего был очень крепким, потому что теперь не только замедлились его реакции, но и как будто утратилось всякое чувство страха. Когда трамвай проехал так близко, что он спиной почувствовал движение воздуха, его пульс почти не участился. И это теперь, когда он снова захотел жить! Это ощущение напомнило ему о том, как он, находясь под стражей, попросил Крона одолжить ему галстук. Не для того, чтобы надеть его, а чтобы повеситься. Крон сказал, что ему не разрешается ничего передавать. Идиот.

Рё оглядел комнату.

Они все были идиотами. Этому учил его отец, вбил эту мысль в него. Что все — кроме тех, у кого фамилия Рё, — идиоты. Что это были открытые ворота, всё, что тебе нужно было делать, это каждый раз забивать мяч. И ты должен был это сделать. Не жалей их, не говори, что хватит, ты должен продолжать идти. Приумножай богатство, продвигайся дальше, бери то, что идёт в руки, а потом

ещё немного. Чёрт возьми, возможно, он и не был самым одарённым в учёбе, но, в отличие от других, он всегда делал то, что говорил его отец. И разве это не давало ему право время от времени жить по-настоящему? Занюхать несколько дорожек порошка. Шлёпнуть пару парней по их тугим задницам. Даже если они не достигли этого идиотского возраста согласия, ну и что? В других странах и культурах видели картину целиком. Знали, что мальчикам это не причиняет вреда, что они вырастут и заживут нормальной жизнью, станут солидными, порядочными гражданами. Не станут истеричками и педиками. Это не заразно и не опасно, если в тебя входил член взрослого мужчины, когда ты был юн, ты в безопасности. Он часто видел, как его отец ругался, но только однажды видел, как он вышел из себя. Это было, когда Маркус учился в пятом классе, и его отец, войдя в его спальню, обнаружил, что Маркус и соседский мальчик играют в постели в мамочку и папочку. Господи, как же он ненавидел этого человека. Как он его боялся! И как сильно он его любил. Одно-единственное слово одобрения Отто Рё, и Маркус чувствовал себя властелином мира, непобедимым.

— Так вот где ты находишься, Рё.

Маркус поднял голову. На лице мужчины, стоявшем перед его столом, была медицинская маска, а на голове — плоская кепка. В нём было что-то знакомое. Даже голос. Но Маркус был слишком пьян, всё было расплывчато.

— У тебя есть порошок для меня? — автоматически спросил Маркус и в тот же момент задумался, откуда этот вопрос взялся. Наверное, просто ломка.

— Ты не получишь никакого порошка, — сказал мужчина, усаживаясь за стол. — Тебе также не следует выпивать в баре.

— Не следует?

— Нет. Ты должен был сидеть дома и оплакивать свою очаровательную жену. И Сюсанну, и Бертину. А теперь ещё один человек мёртв. Но вот ты сидишь здесь и хочешь веселиться. Ты никчёмная, грёбаная свинья.

Рё поморщился. Не из-за того, что мужчина сказал о тех женщинах. Именно слово «никчёмная» попало в цель. Эхо из детства, и мужчина, ругающий его с пеной у рта.

— Кто ты такой? — пробормотал Рё невнятно.

— Разве ты не видишь? Я пришёл из следственного изолятора. Привокзальная площадь Йернбанеторгет. Кевин Селмер. Ничего не всплы-

вает в памяти?

— А должно всплыть?

— Да, — сказал мужчина, снимая с лица маску. — Теперь ты меня узнаёшь?

— Ты выглядишь как мой чёртов старик, — невнятно пробормотал Маркус. — Как *мой отец*.

У Рё возникло смутное ощущение, что ему следовало бы испугаться. Но он не боялся.

— Как смерть, — сказал мужчина.

Возможно, именно медлительность и отсутствие страха заставили Маркуса не выставить руку как защиту, когда он увидел, что мужчина замахнулся на него. Или, может быть, это была просто автоматическая, условная реакция мальчика, который усвоил, что его отец имеет право ударить его. Мужчина держал что-то в руке. Это был… молоток?

Харри вошёл в бар, который — если верить красным неоновым буквам над дверью — назывался просто «Бар». Это было третье заведение, куда он зашёл этим вечером, и оно было неотличимо от двух других: глянцевое, вероятно, стильное и, без сомнения, дорогое. Он оглядел зал и заметил Рё, сидящего за столом. Перед ним, спиной к Харри, сидел мужчина в плоской кепке с поднятой рукой. Он что-то держал в руках.

Харри увидел, что это было, и в то же мгновение понял, что сейчас произойдёт. И что он не успеет предотвратить это.

Сон Мин и Хельге стояли рядом с женщиной и смотрели на тело.

Ей было где-то за шестьдесят лет, и она походила на хиппи: причёской, одеждой и макияжем. Сон Мин предполагал, что она была из тех дам, что приходят на музыкальные фестивали с участием престарелых рок-идолов семидесятых. Она уже была в слезах, когда ей открыли дверь Института судебной медицины, и Хельге дал ей несколько бумажных платков, которыми она теперь вытирала слёзы и потёкшую тушь.

Теперь, когда Хельге смыл всю свернувшуюся кровь, Сон Мин смог увидеть, что лицо мертвеца было более нетронутым, чем он предполагал ранее.

— Не торопись, фру Бекстрём, — сказал Хельге. — Мы можем выйти, если хочешь?

— Не нужно, — шмыгнула носом она. — В этом нет никаких сомнений.

Гул голосов в баре мгновенно смолк, и посетители повернулись в направлении звука. Громкого, как пистолетный выстрел, хлопка. Шокиро-

ванные, они уставились на встающего на ноги мужчину в плоской кепке. Некоторые узнали другого человека за столом — магната недвижимости, мужа женщины, найденной мёртвой на Снаройе. В наступившей тишине они услышали голос мужчины в кепке, звонкий, как колокол, и увидели, как он поднял руку с тупым оружием.

— Я сказал — смерть! Я приговариваю тебя к смерти, Маркус Рё!

Раздался ещё один громкий хлопок.

Они увидели высокого мужчину в костюме, быстро идущего к столику. И когда человек в кепке поднял руку в третий раз, высокий мужчина выхватил предмет у него из рук.

— Это не он, — всхлипнула фру Бекстрём. — Слава богу, это не Ден. Но я не знаю, где он. Я вне себя от беспокойства каждый раз, когда он вот так исчезает.

— Ну-ну, — сказал Сон Мин и подумал, не положить ли ему руку ей на плечо. — Я уверен, что мы найдём его. И мы также рады, что это не твой муж. Мне жаль, что пришлось пройти через это, фру Бекстрём, но мы просто должны были убедиться.

Она молча кивнула.

— Достаточно, Судный Ден.

Харри усадил Бекстрёма обратно в кресло и положил молоток к себе в карман. Двое пьяных мужчин, Рё и Бекстрём, тупо уставились друг на друга, как будто оба только что проснулись и не понимали, что случилось. На стеклянной столешнице появилась большая трещина.

Харри сел.

— Я знаю, у тебя был тяжёлый день, Бекстрём, но тебе следует связаться со своей женой. Она отправилась в Институт судебной медицины, чтобы узнать, не принадлежит ли тело Кевина Селмера тебе.

Адвокат защиты уставился на Харри.

— Ты его не видел, — прошептал он. — Он не мог справиться с болью. Он сказал им, что у него болят живот и голова, но врач дал ему только какое-то лёгкое обезболивающее, а когда оно не подействовали и никто не пришёл на помощь, он бил своей головой о стену, пока не потерял сознание. Вот как больно ему было.

— Мы этого не знаем, — сказал Харри.

— Знаем, — сказал Бекстрём, и его глаза теперь были мокрыми от слёз, — мы знаем, потому что мы видели подобные вещи раньше. В то время такие, как он, — он указал дрожащим пальцем на Рё, который сидел, опустив подбородок на грудь,

— плевать хотели на всех и на всё. Такие, как он, просто хотят быть богатыми, и попутно они топчут и эксплуатируют всех, кто слабее их, всех тех, кто не родился с серебряной ложкой во рту. Но когда солнце превратится во тьму, великую и ужасную, настанет день…

— Судный день, Судный Ден?

Бекстрём сердито посмотрел на Харри. Казалось, он прилагал огромные усилия, чтобы держать голову прямо.

— Извини, — сказал Харри, положив руку ему на плечо. — Давай ты расскажешь это в другой раз. Прямо сейчас, я думаю, тебе нужно позвонить своей жене, Бекстрём.

Ден Бекстрём открыл рот, чтобы что-то сказать, но снова закрыл его. Кивнул, достал свой телефон, поднялся на ноги и ушёл.

— Ты отлично справился с этим, Харри, — сказал явно пьяный Рё, едва не промахнувшись мимо стола, когда хотел поставить на него свои локти. — Могу я угостить тебя выпивкой?

— Нет, спасибо.

— Нет? Теперь, когда ты раскрыл это дело и всё остальное? Или почти всё остальное… — Рё жестом попросил официанта принести ещё выпивки, но тот проигнорировал его.

— Что ты подразумеваешь под «почти»?

— Что я имею в виду? — сказал Рё. — Ну, это ты мне скажи.

— Выкладывай.

— Или что? — кончик языка Рё высунулся наружу, он улыбнулся, и его голос превратился в хриплый шёпот. — Или снова начнёшь меня душить?

— Нет, — сказал Харри.

— Нет?

— Я могу душить, *если* ты мне прикажешь.

Рё рассмеялся.

— Наконец-то появился человек, который понимает меня. Просто теперь, когда дело раскрыто, я должен сделать небольшое признание. Я солгал, когда сказал, что мы с Сюсанной занимались сексом в тот день, когда она была убита. Я вообще с ней не встречался.

— Нет?

— Нет. Я сказал это только для того, чтобы дать полиции правдоподобное объяснение, почему моя слюна была обнаружена на её теле. Это было то, что они хотели услышать, и это также должно было избавить меня от многих неприятностей. Можно сказать, пошёл по пути наименьшего сопротивления.

— Хм.

— Мы можем оставить это между нами?

— Почему? Дело раскрыто. И ты не хочешь, чтобы стало известно, что ты трахал другую женщину за спиной своей жены?

— А, — сказал Рё и улыбнулся. — Меня это не беспокоит. Есть… другие поводы для беспокойства.

— А такие есть?

Рё повертел пустой стакан в руке.

— Знаешь, Харри, когда умер мой отец, я был опустошён и одновременно почувствовал облегчение. Можешь ли ты это понять? Каким облегчением было избавиться от человека, которого ты ни за что на свете не хотел разочаровывать. Потому что ты знаешь, что рано или поздно настанет день, когда тебе придётся разочаровать его, когда ему придётся узнать, кто ты *на самом деле.* И поэтому ты надеешься, что случится чудо, которое спасёт тебя. И я надеялся.

— Ты его боялся?

— Да, — сказал Рё. — Боялся. И, наверное, я одновременно любил его. Но прежде всего… — он поднёс пустой стакан ко лбу, — … я хотел, чтобы он любил меня. Знаешь, я бы с радостью позволил ему убить себя, если бы просто знал, что он любит меня.

Глава 42

Пятница

Терри Воге моргнул. Он плохо спал. У него было плохое настроение. В любом случае никому не нравятся пресс-конференции, которые начинаются в девять утра. Возможно, он ошибался, но другие журналисты в зале для пресс-конференций выглядели раздражающе самоуверенными. Даже Мона До — кстати, места рядом с ней уже были заняты, когда он прибыл, — казалась бодрой и оживлённой. Он пытался установить с ней зрительный контакт, но безуспешно. Никто из других журналистов тоже не обратил на него никакого внимания. Не то чтобы он ожидал бурных оваций, но надо полагать, что поход в лес посреди ночи и риск столкнуться с серийным убийцей должен вызывать хоть каплю уважения. Особенно когда ты вернулся живым с фотографиями, которые быстро разлетелись по медиа и разошлись по всему миру. Слава, как говорится, недолговечна. Настоящая победа наступила бы, если он заполучил бы то эксклюзивное интервью, но эта сенсация была утеряна в последнюю мину-

ту. Так что да, у него было больше причин, чем у остальных, быть сегодня не в настроении. Более того, Дагния позвонила вчера вечером и сказала, что всё-таки не сможет приехать на выходные. Когда она сказала ему, что не приедет — хотя он и не был убеждён, *что это так*, — он, естественно, разозлился и попытался переубедить её, но всё закончилось ссорой.

— Кевин Селмер, — произнесла Катрина Братт с трибуны. — Мы решили обнародовать это имя, потому что подозреваемый в серьёзном преступлении умер, а также и для того, чтобы избавить всех остальных, попавших под пристальное внимание полиции, от подозрений общественности.

Терри Воге наблюдал, как другие журналисты делают заметки. Кевин Селмер. Он порылся в своей памяти. Список владельцев автомобилей хранился на его домашнем компьютере, и он не мог сразу вспомнить никого с таким именем. Но его память была уже не такой, что раньше, когда он мог вспомнить название каждой известной группы, её участников, записи и даты релизов с 1960 по… ну, 2000 годы?

— Сейчас я передам слово Хельге Форфангу из Института судебной медицины, — сказал руководитель пресс-службы Кедзиерски.

Терри Воге был слегка озадачен. Разве это в порядке вещей, что на пресс-конференциях выступают ассистенты по судебно-медицинским экспертизам? Разве обычно просто не цитируют их отчёты? И он был ещё больше озадачен тем, о чём говорил Форфанг. О том, что по крайней мере одна из жертв была заражена мутировавшим или подвергшимся изменениям паразитом, и улики указывают на то, что убийца был ответственен за эти мутации или изменения. И что убийца тоже был инфицирован.

— Вскрытие Кевина Селмера, проведённое прошлой ночью, выявило высокую концентрацию паразита Токсоплазма гондии. Достаточно высокую, чтобы мы могли с большой степенью уверенности сказать, что причиной смерти был паразит, а не нанесённые Кевином самому себе травмы головы и лица. Хотя это ещё не доказано, но вполне может оказаться, что Кевин Селмер выступал в качестве первичного хозяина паразита и мог какое-то время контролировать популяцию, возможно, с помощью противопаразитарных средств, но, опять же, мы не знаем этого наверняка.

Терри Воге встал и ушёл, когда они начали отвечать на вопросы с трибуны. Он узнал всё, что

ему нужно было знать. Он больше не был озадачен. Ему просто нужно было вернуться домой и подтвердить кое-что.

Сон Мин прошёл через столовую на террасу. Он всегда завидовал сотрудникам полицейского управления, имевшим доступ к этому виду с вершины своего стеклянного дворца. Особенно в такой день, как этот, когда Осло был залит солнцем, а температура неожиданно резко подскочила вверх. Он направился к Катрине и Харри, которые курили, стоя у перил.

— Не знал, что ты куришь, — сказал Сон Мин, улыбаясь Катрине.

— На самом деле не курю, — улыбнулась она в ответ. — Просто стрельнула одну у Харри, чтобы отпраздновать.

— Ты плохо влияешь на людей, Харри.

— Ага, — сказал Харри, протягивая пачку «Кэмела».

Сон Мин колебался.

— Почему бы и нет? — сказал он, беря сигарету, и Харри дал ему прикурить.

— Как ты планируешь отметить? — спросила Катрина.

— Дай подумаю, — ответил Сон Мин. — У меня назначены ужин и свидание. А как насчёт тебя?

— У меня тоже. Арне сказал, что мы встретимся в ресторане «Фронерсетерен». Обещает, что будет сюрприз.

— Ресторан на краю леса с видом на горы. Звучит романтично.

— Конечно, — сказала Катрина, на мгновение зачарованно посмотрев на дым, который она выпускала через нос. — Просто я не очень-то люблю сюрпризы. Ты собираешься отмечать это событие, Харри?

— Ага. Александра пригласила меня на крышу Института судебной медицины. Они с Хельге собираются открыть бутылочку вина и понаблюдать за лунным затмением.

— А, кровавая луна, — сказал Сон Мин. — И, похоже, это будет приятная ночь.

— Разве нет? — спросила Катрина.

— Посмотрим, — ответил Харри. — Есть и нерадостные новости. Звонила жена Столе. Он передумал и хочет, чтобы я приехал навестить его. Я, вероятно, останусь до тех пор, пока у него будут силы.

— Чёрт.

— Да. — Харри глубоко затянулся сигаретой.

Некоторое время они стояли молча.

— Вы видели, какую пафосную речь задвинул

сегодня ни больше ни меньше как сам министр юстиции?

В голосе Катрины звучал сарказм.

Оба её собеседника кивнули.

— Ещё кое-что, прежде чем я пойду, — сказал Харри. — Рё сказал мне вчера вечером, что он не встречался с Сюсанной в тот день, когда её убили. И я ему верю.

— Я тоже, — сказал Сон Мин, который, держа сигарету, изогнул манерно запястье.

— Почему? — спросила Катрина.

— Потому что очевидно, что он предпочитает мужчин женщинам, — сказал Сон Мин. — Я думаю, секс с Хеленой для него был скорее обязанностью.

— Хм. Допустим, мы поверим Рё. Так как слюна Рё оказалась на груди Сюсанны?

— Действительно, — сказала Катрина. — Я сама была немного сбита с толку в тот день, когда Рё рассказал ту историю о сексе, будто слюна попала на грудь именно таким образом.

— Вот как?

— Как ты думаешь, что я сделаю перед встречей с Арне сегодня вечером? И это касается всех моих свиданий, несмотря ни на что, даже тех, которые не подразумевают секс.

— Ты примешь душ, — сказал Сон Мин.

— Верно. Мне показалось странным, что Сюсанна не приняла душ перед тем, как сесть на метро до Скюллерюда. Особенно если она занималась сексом накануне.

— Итак, я повторяю вопрос, — сказал Харри. — Откуда там могла взяться слюна?

— Э-э… появилась после того, как её убили? — предположил Сон Мин.

— Теоретически возможно, — сказал Харри, — но крайне маловероятно. Подумайте о том, насколько тщательно были спланированы эти три убийства. Я думаю, убийца подбросил Сюсанне слюну Рё с намерением ввести полицию в заблуждение.

— Возможно, — сказал Сон Мин.

— Звучит вполне резонно, — заметила Катрина.

— Конечно, мы никогда не узнает верного ответа, — продолжил Харри.

— Нет, мы никогда не получаем ответов на все вопросы, — согласилась Катрина.

Они постояли немного, прикрыв глаза от солнца, как будто уже знали, что это будет последний тёплый день в году.

Джонатан задал свой вопрос, когда оставалось

совсем чуть-чуть до закрытия магазина. Он стоял у клеток с кроликами, и его слова, есть ли у Тхань какие-либо планы на вечер, казалось, звучали как самые заурядные.

Если бы Тхань хоть что-то заподозрила, она, естественно, ответила бы «Да». Но она не заподозрила, поэтому честно ответила, что планов нет.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда я бы хотел, чтобы ты поехала со мной в одно место.

— В одно место?

— Я собираюсь тебе кое-что показать. Но это секрет, так что ты не должна никому об этом рассказывать. Хорошо?

— Э-э…

— Я заеду за тобой к твоему дому.

Тхань почувствовала, как начинает паниковать. Она не хотела никуда идти. И уж точно не с Джонатаном. Правда, он, казалось, больше не сердился из-за того, что она была на прогулке с полицейским и его собакой. Вчера он даже принёс ей большую чашку кофе, чего никогда раньше не делал. Но она всё ещё немного боялась его. Его было так трудно понять, а она считала, что довольно хорошо разбирается в людях.

Но теперь она загнала себя в угол. Она, конечно, могла бы сказать, что у неё назначена другая

встреча, о которой она случайно забыла, но он бы ей не поверил, к тому же, лгать она не умела. В конце концов, он был её боссом, и ей нужна была эта работа. Не любой ценой, конечно, но разумной ценой. Она сглотнула.

— Что ты хочешь мне показать?

— Кое-что, что тебе понравится, — сказал он. Был ли его голос раздражённым из-за того, что она не сразу сказала «Да»?

— Что именно?

— Это сюрприз. В девять часов тебя устроит?

Ей нужно было принять решение. Она посмотрела на него. Посмотрела на этого странного, замкнутого мужчину, которого она боялась. Попыталась заглянуть в его глаза, как будто это могло помочь. И тут она мельком увидела то, чего раньше не видела. На его лице отразилась небольшая, всего лишь попытка улыбнуться, которая, казалось, тут же пропала, словно, несмотря на свой невозмутимый внешний вид, он очень нервничал. Неужели он боялся, что она скажет «Нет»? Возможно, именно по этой причине она вдруг почувствовала, что, в конце концов, не так уж и боится его.

— Хорошо, — сказала она. — В девять часов.

А потом к нему как будто вернулось самообла-

дание. И он улыбнулся. Да, он улыбнулся, она не знала, видела ли она его таким раньше. Это была приятная улыбка.

Но в метро по дороге домой у неё снова появились сомнения. Она не была уверена, что поступила разумно, ответив «Да». И ещё была одна вещь, которая показалась ей немного странной, хотя, возможно, это было не так. Он сказал, что заедет за ней, но не спросил, где она живёт, и она не могла припомнить, чтобы когда-нибудь говорила ему об этом.

Глава 43

Пятница
Алиби

Сон Мин выходил из душа, когда увидел, что звонит телефон, лежавший на зарядке рядом с кроватью.

— Да?

— Добрый день, Ларсен. Это Мона До из «ВГ».

— Добрый вечер, До.

— О, ты намекаешь, что уже поздно? Извини, если твой рабочий день закончился, я просто хотела заполучить пару цитат от людей, вовлечённых в расследование. Как оно проходило, и какие эмоции ты сейчас ощущаешь, когда дело наконец раскрыто. Должно быть, это большое облегчение и радость для тебя и всего Крипоса. Вы были вовлечены в дело с самого начала, когда Сюсанна Андерсен пропала тридцатого августа.

— Я думаю, ты хороший криминальный репортёр, До, поэтому я готов кратко ответить на несколько твоих вопросов.

— Большое спасибо! Мой первый вопрос касается…

— Я имею в виду на те, которые ты уже озвучила. Да, сейчас вечер, и да, мой рабочий день уже закончен. Нет, у меня нет комментариев, тебе стоит позвонить Катрине Братт, которая руководила расследованием, или моему боссу Уле Винтеру. И нет, Крипос не был вовлечён с самого начала, когда Сюсанна Андерсен была объявлена пропавшей без вести… э…

— Тридцатого августа, — повторила Мона До.

— Спасибо. На том этапе нас ещё не привлекли. Этого не произошло до тех пор, пока не пропали два человека, и не стало ясно, что это дело об убийстве.

— Ещё раз извини, Ларсен. Я понимаю, что сейчас веду себя назойливо, но это моя работа. Могу я процитировать твои слова о чём угодно — просто скажи что-нибудь общее о расследовании — и использовать твою фотографию?

Сон Мин вздохнул. Он понимал, чего она добивалась. Разнообразия контента. Представить читателям человека, который отличался бы от привычного образа полицейского: был младше пятидесяти лет, не этническим норвежцем и не-гетеросексуалом. Он словно соответствовал всем галочкам в этих требованиях. Не то чтобы он имел что-то против разнообразия в средствах

массовой информации, но он знал, что, как только он вступит на эту дорожку, пройдёт совсем немного времени, и он окажется сидящим на диване в телестудии и отвечающим на вопросы какого-нибудь ведущего о том, каково это — быть геем в полиции. Не то чтобы он имел что-то против этого, кто-то должен это сделать. Но не он.

Он отказался, Мона До ответила, что всё поняла, и ещё раз извинилась. Хорошая женщина.

После того как они окончили разговор, он стоял, уставившись в пространство. Он застыл. И не потому что был голым. В его голове словно трезвонил будильник, тот самый, который сработал, когда он находился в следственном изоляторе. И теперь он снова начал звенеть. Тревожно было не из-за того, что Грот сказал о том, что Бекстрём во время своего ухода из изолятора выглядел по-другому. Было ещё что-то другое. Что-то совершенно и абсолютно другое.

Терри Воге уставился на экран компьютера. Ещё раз проверил имена.

Конечно, это *могло быть* совпадением — Осло маленький город, если уж на то пошло. Последние несколько часов он провёл, решая, что делать. Обратиться в полицию или следовать своему первоначальному плану. Он даже подумывал

позвонить Моне До, чтобы посвятить её в свой план. Если тот, кого он подозревал, окажется тем самым человеком, и они сорвут джекпот — эту историю опубликуют в ведущей газете страны. Если бы они вместе пройдут через это приключение, разве это не будет для них обоих значить кое-что? Но нет, она была слишком порядочной, она настояла бы на том, чтобы сообщить в полицию, он был уверен в этом. Он уставился на телефон, на котором уже был набран номер, всё, что ему нужно было сделать, это нажать кнопку вызова. Теперь он перестал спорить сам с собой, и верх одержал аргумент, заключавшийся в том, что это *могло быть* совпадением. У него не было абсолютных доказательств, которые он мог бы предъявить полиции, так что, несомненно, всё в порядке, если он продолжит расследовать самостоятельно. Так чего же он ждал? Был ли он напуган? Терри Воге усмехнулся. Чертовски верно, он был напуган. Он решительно нажал указательным пальцем на кнопку вызова.

Он слышал своё собственное прерывистое дыхание в трубке, пока шёл дозвон. На краткий миг он понадеялся, что никто не ответит. А если и ответит, то это будет не тот человек.

— Да?

Разочарование и облегчение. Но в основном разочарование. Это был не он. Голос, который он слышал по телефону в предыдущие два раза, был другой. Терри Воге глубоко вздохнул. Он заранее решил, что во что бы то ни стало доведёт весь план до конца, чтобы потом не оставалось никаких сомнений.

— Это Терри Воге, — сказал он, стараясь унять дрожь в голосе. — Мы уже беседовали с тобой ранее. Но прежде чем ты нажмёшь «Отбой», ты должен узнать, что я не обращался в полицию. Ещё нет. И не буду, если ты поговоришь со мной.

На той стороне линии воцарилось молчание. Что это значило? Пытался ли человек на другом конце провода решить, был ли звонивший сумасшедшим, или его разыгрывает приятель? Затем тихо и медленно зазвучал другой голос.

— Как ты узнал, Воге?

Это *был* он. Это был тот самый глубокий, скрипучий голос, который тот использовал, когда ранее звонил Воге со скрытого номера, вероятно, с предоплаченного телефона.

Воге вздрогнул, сам не понял точно от чего — от восторга или настоящего страха. Сглотнул.

— Я видел, как ты проезжал мимо торгового центра «Колсас» два дня назад. Ты проехал через

двадцать шесть минут после того, как я покинул то место, где ты повесил головы. У меня есть все временные метки на фотографиях, которые я сделал.

Последовала долгая пауза.

— Чего ты хочешь, Воге?

Терри Воге глубоко вздохнул.

— Мне нужна твоя история. Вся история, а не только факты об этих убийствах. Истинный рассказ о человеке, стоящем за ними. Эти события затронули так много людей, не только знакомых жертв. И они должны понять, вся страна должна понять. Надеюсь, ты догадываешься, что я не заинтересован в том, чтобы изображать тебя монстром.

— Почему же не заинтересован?

— Потому что монстров не существует.

— Точно ли?

Воге снова сглотнул.

— Я, конечно, даю слово, что не раскрою твоё имя.

Короткий смешок.

— С чего бы мне верить тебе на слово?

— Потому что, — сказал Воге и сделал паузу, чтобы успокоить свой голос. — Потому что я журналист-изгой. Потому что я словно застрял на

необитаемом острове, и ты — моё единственное спасение. Потому что мне нечего терять.

Ещё одна пауза.

— А если я не дам интервью?

— Тогда мой следующий звонок — в полицию.

Воге ждал.

— Хорошо. Давайте встретимся в «Вайсе» за музеем Мунка.

— Я знаю, где это.

— Ровно в шесть часов.

— Сегодня? — Воге посмотрел на часы. — Это через сорок пять минут.

— Если ты придёшь слишком рано или слишком поздно, я уйду.

— Ладно, ладно. Увидимся в шесть.

Воге положил трубку. Сделал три судорожных вдоха. Затем им овладел смех, и он, положив голову на клавиатуру, стукнул ладонью по столу. К чёрту! Да пошли вы все к чёрту!

Харри и Эйстейн сидели по обе стороны кровати, когда дверь тихонько отворилась и в комнату прокрался Трульс.

— Как у него дела? — прошептал Трульс, отыскивая, где присесть, и глядя на бледного Столе Эуне, лежащего с закрытыми глазами.

— Ты можешь об этом спросить меня, — резко

сказал Эуне, открывая глаза. — Так себе, если честно. Я попросил Харри прийти, но разве у вас двоих нет занятий поинтереснее в пятницу вечером?

Трульс и Эйстейн посмотрели друг на друга.

— Нет, — ответил Эйстейн.

Эуне покачал головой.

— На чём ты остановился, Эйкеланн?

— Да… — сказал Эйстейн. — Итак, я оплатил проезд из Осло в Тронхейм, расстояние пятьсот километров, и этот парень слушал без конца кассету с кавером Джорджа Майкла «Careless Whisper» под аккомпанемент флейты Пана, и посреди горного хребта Доврефьелль[79] я не выдержал, достал его кассету, опустил окно автомобиля…

У Харри зазвонил телефон. Он предположил, что это Александра интересуется, успеет ли он на лунное затмение в десять часов вечера, но увидел, что ему звонит Сон Мин. Он поспешно вышел в коридор.

— Да, Сон Мин?

— Нет. Скажи «Говорите».

— Говорите.

---

[79] Примечания: 79

Доврефьелль — это горный хребет, который образует естественный барьер между Южной Норвегией и регионом Трёнделаг.

— Говорю. Здесь не сходится.

— Что не сходится?

— Кевин Селмер. У него было алиби.

— Вот как?

— Я был в следственном изоляторе, и оно лежало прямо передо мной. Билет Селмера на «Ромео и Джульетту». Если бы я был чуточку сообразительнее, я сделал бы верный вывод там, на месте. Мой мозг пытался сказать мне это, но я его не слушал. Пока Мона До не помогла понять мне это с помощью своего телефонного звонка.

Сон Мин сделал паузу.

— В день, когда пропала Сюсанна Андерсен, Кевин Селмер был на спектакле «Ромео и Джульетта» в Национальном театре. Я проверил билет, это был один из нескольких спонсорских билетов, которые были отправлены Маркусу Рё, такой же билет был и у Хелены.

— Да. Она говорила мне, что раздала несколько из них на вечеринке. Вероятно, там Селмер и получил свой билет. И я предположил, что именно там он узнал, когда Хелена пойдёт в театр: её билет был приклеен к дверце холодильника.

— Но это был не он. По крайней мере не тот, кто убил Сюсанну Андерсен. Билетная касса театра связалась с людьми, сидевшими рядом с

Селмером, и они подтвердили, что мужчина на соседнем сиденье соответствует его описанию, они запомнили его, потому что он сидел там в своей куртке. И он *не уходил* в антракте.

Харри был удивлён. Главным образом из-за того, что он не был *сильно* удивлён.

— Мы вернулись к тому, с чего начали, — сказал Харри. — Это другой парень, Зелёный.

— Прости?

— Убийца — тот дилер-новичок с зелёным коксом. Получается, это он. Вот дерьмо!

— Ты, кажется, в этом уверен.

— Я уверен, но на твоём месте я бы не доверял тому, кто ошибался столько раз, сколько я. Мне нужно позвонить Катрине. И Крону.

Они разъединились.

Катрина как раз укладывала Герта спать, когда ей позвонили, поэтому Харри быстро проинформировал её о развитии дела. После этого он позвонил Крону и объяснил, что, судя по всему, дело так и не раскрыто.

— Верните Рё под домашний арест. Я не знаю, что планирует этот парень, но он всё это время дурачит нас, так что мы примем все меры предосторожности.

— Я звоню в охранную компанию, — ответил

Крон. — Спасибо.

Глава 44

Пятница
Интервью

Прим проверил время.

Без одной минуты шесть.

Он сел за один из столиков у окна в «Вайсе». Перед ним стояли две пол-литровых кружки с пивом, а из окна в свете заходящего солнца ему открывался вид на музей Мунка и на здание, где проходила та вечеринка у Рё на террасе, куда он проник без приглашения.

Без полминуты шесть.

Он осмотрелся по сторонам. Посетители выглядели такими счастливыми. Они стояли группами, улыбались, болтали, смеялись и похлопывали друг друга по плечу. Друзья. Это было прекрасно. Было приятно быть с кем-то. Быть с Ней. Они выпили бы пиво, и Её друзья стали бы его друзьями.

Вошёл мужчина в шляпе-пирожке. Терри Воге. Он остановился и стал осматривать помещение, пока за ним закрылась дверь. Сначала он не заметил, как Прим незаметно махнул ему рукой:

его глазам, несомненно, нужно было привыкнуть к тускло освещённому пространству. Но затем он быстро кивнул и направился к столу Прима. Репортёр выглядел бледным и запыхавшимся.

— Это ты…

— Да. Садись, Воге.

— Спасибо, — Воге снял шляпу. Его лоб блестел от пота. Он кивнул на пиво, стоящее на его стороне стола.

— Это для меня?

— Я собирался уйти, как только пена опустится ниже ободка на кружке.

Воге ухмыльнулся в ответ и поднял свою кружку. Они выпили. Поставили бокалы с пивом на стол и почти синхронно вытерли пену с губ тыльной стороной ладоней.

— Итак, мы здесь, — сказал Воге. — сидим и пьём, как два закадычных друга.

Прим понял, что пытался сделать Воге. Разбить лёд. Завоевать доверие. Забраться ему под кожу как можно быстрее.

— Нравятся они? — Прим кивнул в сторону шумной компании людей у бара.

— О, это офисный планктон. Пятничные попойки — это главное событие недели, прежде чем они отправятся домой к своей скучной семейной

жизни. Обычная картина: на семейный ужин — тако, потом укладывать детей спать и смотреть телевизор с одной и той же женщиной, пока им обоим не надоест он настолько, что они заснут. А утром их ждут очередное нытьё детей и прогулка на игровую площадку. Полагаю, ты живёшь не такой жизнью?

«Нет, — подумал Прим. — *Но, возможно, считаю такую жизнь почти идеальной. Для жизни с Ней».*

Воге знал, что после того, как он вытащит блокнот, у него не будет возможности выпить, поэтому он сделал большой глоток пива. Господи, ему это было нужно.

— Что ты знаешь о том, какой жизнью я живу, Воге?

Воге посмотрел на собеседника, пытаясь понять его мотивы. Ему что-то не нравилось? Было ли ошибкой так сразу приступить к расспросам? Личностные интервью похожи на изящный танец. В конце концов, он хотел, чтобы его собеседники чувствовали себя в безопасности, относились к нему как к другу, который их понимает, открывались и говорили ему то, чего при других условиях они бы не сказали. Или, если быть точным, чтобы они рассказали то, о чём

они пожалеют. Но иногда он мог быть немного настойчивым и слишком прямолинейным в достижении своих целей.

— Я кое-что знаю, — сказал Воге. — Невероятно, что можно найти в интернете, если знаешь, где искать.

Он заметил, что голос собеседника отличался от голоса по телефону. И что от него чем-то пахло. Запахом, навевающим воспоминания о детских каникулах, сарае его дяди, запахе потной лошадиной упряжи. Воге почувствовал лёгкую боль в животе. Вероятно, старая язва даёт о себе знать, как это обычно бывает после периодов стресса и потакания вредным привычкам. Или когда он пил слишком быстро, как сейчас. Он отодвинул стакан и положил блокнот на стол.

— Расскажи мне, как всё началось?

Прим не знал, как долго он говорил, когда упомянул, что его дядя оказался его биологическим отцом, о чём он узнал только после смерти своей матери в огне.

— Первоначальный инбридинг[80] не обязательно так уж неудачен, наоборот, он может

[80] Примечания: 80

Инбридинг — скрещивание близкородственных форм в пределах одной популяции организмов.

дать отличные результаты. Именно из-за продолжительного кровосмешения возникают врождённые генетические заболевания. Я заметил, что у нас с дядей Фредриком есть некоторые общие черты. И незаметные мелочи: мы оба прижимаем средний палец к уголку рта, когда думаем. И более серьёзные вещи: например, у нас обоих исключительно высокий IQ. Но только когда я начал погружаться в тему животных и их разведения, я заподозрил эту связь и отправил обе наши ДНК на тестирование. Но уже задолго до этого я лелеял мысли о мести. Я собирался унизить отчима, как он унизил меня. И он был косвенно виновен в смерти моей матери. Но теперь я понял, что виноваты они оба, дядя Фредерик также бросил меня и мою мать в беде. Итак, я подарил ему коробку шоколадных конфет на Рождество. Дядя Фредрик любит шоколад. Я ввёл в них подвид Ангиостронгилёз кантонский[81], крысиного лёгочного червя, который особенно любит человеческий мозг, и которого можно найти только в выделениях слизня горы Капутар. Результат заражения им — медленная, мучительная смерть с нарастающим слабоуми-

[81] Примечания: 81

Ангиостронгилёз кантонский — крысиный лёгочный червь — паразитическая нематода. См. примечание к 18-й главе.

ем. Но я вижу, что я тебя утомляю. Итак, давай перейдём к делу. Я потратил годы на разработку собственного подвида Токсоплазмы гондии, и как только он был готов, начал формироваться и план. Первой и самой большой проблемой оказалось подобраться достаточно близко к Маркусу Рё, чтобы внедрить в него паразита. Богатые люди гораздо менее доступны, с ними гораздо труднее сблизиться, и ты как журналист лучше об этом знаешь, когда пытаешься вытянуть несколько слов из рок-звезд, верно? Решение явилось более или менее случайно. Я не из тех людей, которые много гуляют по городу, но я случайно узнал о вечеринке, проводимой на крыше, где живёт Рё. Там, наверху… — Прим указал на здание за окном. — И в то же время по работе я, опять же, случайно наткнулся на партию зелёного кокаина, с частью которой, как я понял, можно «схимичить». Тебе знакомо выражение? Да, я смешал кокаин со своими друзьями гондиями. Добавил не так много, ровно столько, чтобы быть уверенным, что, как только Рё примет его, они окажут желаемый эффект. План состоял в том, чтобы подождать пару дней после вечеринки, а затем снова навестить его. Этого было бы достаточно, чтобы он учуял мой запах, первичного хозяина, и не смог меня

отвергнуть. Напротив, он сделал бы именно то, о чём я его попросил, потому что с того момента у него на уме была бы только одна мысль. Заполучить меня. Возможно, у меня больше не было той мальчишеской задницы, которую он хотел, но никто с гондиями в мозгу не сможет противостоять первичному хозяину.

Группа Эуне снова собралась вокруг кровати в палате 618. Харри объяснил им, как дело предстаёт теперь в новом свете.

— Но это, чёрт побери, ошибка, — воскликнул Эйстейн. — У Бертины был фрагмент кожи Селмера между зубами. Так откуда он там взялся? Может быть, они трахались раньше, в тот день, когда она пропала?

Харри покачал головой.

— Зелёный подбросил его. Точно так же, как он нанёс слюну Рё на грудь Сюсанны.

— Как? — спросил Трульс.

— Я не знаю. Но он должен был это сделать. Он сделал это, чтобы ввести нас в заблуждение. И это сработало.

— В теории, согласен, — сказал Эйстейн. — Но бегать, подбрасывать ДНК. Кто, чёрт возьми, так делает?

— Хм, — Харри задумчиво посмотрел на Эй-

стейна.

— К сожалению, на вечеринке всё пошло не по плану, — вздохнул Прим. — Пока я раскладывал «дорожки» на журнальном столике, другой дилер, парень, которого, как я позже прочитал в газете, звали Кевин Селмер, трещал о том, что он никогда раньше не пробовал зелёный кокаин, только слышал о нём. Его глаза сияли, и когда «дорожки» были готовы, он нагнулся, чтобы втянуть первую. Я схватил его за руку и оттащил — в конце концов, мне нужно было, что кокаина хватило для Рё. Я вцепился в него… — Прим посмотрел на свою руку. — Под ногтями у меня остались его кровь и кожа. Позже, вернувшись домой, я извлёк их и сохранил. Никогда не знаешь, когда тебе могут пригодиться подобные вещи. Так или иначе, проблемы на вечеринке продолжались. Рё настоял на том, чтобы две его подруги нюхнули перед ним по очереди. Я не хотел рисковать и возражать, но, по крайней мере, девушки были достаточно воспитаны, чтобы попробовать две более тонкие дорожки из трёх, которые я сделал. Когда подошла очередь Рё, вошла его жена Хелена и начала его отчитывать, и, возможно, именно это вызвало у него стресс, заставило чихнуть и сдуть кокаин. Это было плохо, у меня

больше не было с собой кокса. Поэтому я побежал к кухонной столешнице, нашёл тряпку и вытер кокаин со стола и пола. Показал тряпку Рё и сказал, что это хватит на ещё одну дорожку. Но он и слышать об этом не хотел, сказал, что там полно гребаных соплей и слюней, и что вместо этого он возьмёт немного у К, то есть у Кевина. Кевин разозлился на меня, поэтому я сказал ему, что, возможно, он сможет попробовать в другой раз. Он сказал, что совсем не против, что он не употребляет наркотики, но что каждый должен один раз что-то попробовать. Он не сказал мне ни своего имени, ни места своего проживания, но сказал, что я, если захочу обменять немного своего кокаина на его порошок, могу найти его на Йернбанеторгете в обычное рабочее время. Я согласился, но подумал, что больше никогда его не увижу. В любом случае вечеринка провалилась, и я вернулся к кухонной столешнице, чтобы прополоскать тряпку и оставить её, когда заметил что-то на дверце холодильника. Билет в театр на «Ромео и Джульетту». Вроде тех, которые жена Рё раздавала нам на террасе крыши. Я сунул тот, который мне дали, в карман, не собираясь его использовать, и видел, как Кевин тоже получил такой. В любом случае, пока я там стоял, мой

разум начал вынашивать план Б. И мой разум работает быстро, Воге. Невероятно, на сколько ходов вперёд может продумать мозг, находясь в ситуации стресса. А мой, как я уже сказал, был одновременно быстрым и ощущал стресс. Не знаю, сколько я так простоял, едва ли больше минуты-двух. Потом я сунул тряпку в карман и подошёл к девочкам. Сначала к одной, потом к другой. Они были благосклонны ко мне после кокаина, который я им дал, и я вытянул из них как можно больше информации. Не личной, а такой, которая могла бы подсказать мне, где я могу их найти. Сюсанна задавалась вопросом, почему я до сих пор ношу маску. Бертине хотелось ещё кокаина. Но в обоих случаях пришли другие мужчины, и было очевидно, что девушки интересовались ими больше, чем кем-то вроде меня. Однако я пошёл домой счастливый. В конце концов, я знал, что пройдёт всего несколько дней, прежде чем паразиты достигнут их мозга, пока они не начнут кричать внутри, как маленькие девочки перед бойз-бэндом, когда уловят мой запах. — Прим засмеялся и поднял свой бокал перед Воге.

— Итак, вопрос в том, — сказал Харри, — где нам начать искать Зелёного?

Трульс хмыкнул.

— Да, Трульс?

Трульс издал ещё несколько звуков, прежде чем смог заговорить.

— Если ему удалось завладеть зелёным кокаином, то необходимо проверить людей, которые имели доступ к этому конфискату, прежде чем его отправили на анализ. Я имею в виду людей в аэропорту и складах вещественных улик. И да, включая меня и тех, кто вёз его из аэропорта Гардермуэн в полицейское управление. А также ребят, которые перевезли это из склада улик в Кримтехникск.

— Ага, — сказал Эйстейн. — И мы не знаем наверняка, было ли это единственное изъятие зелёного кокаина, поступившего в страну.

— Трульс прав, — сказал Харри. — Сначала мы поищем на поверхности.

— Как я и подозревал, у меня не было другого шанса приблизиться к Рё, — сказал Прим со вздохом. — Я смешал всех паразитов, которые у меня были, с кокаином, а те, что были в моём собственном теле, были убиты моей иммунной системой, а также лёгкой передозировкой инсектицида. Итак, чтобы заразить Рё, мне нужно было взять паразитов из организмов тех девушек до того, как их иммунная система избавится от них. Другими

словами, мне нужно было съесть часть мозгов и глаз девушек. Я выбрал Сюсанну, потому что я знал спортзал, где она тренировалась. Учитывая, что человеческое обоняние примерно такое же сильное, как у мыши, мне пришлось немного повысить свою привлекательность. Так что я обмазался кишечным соком, полученным из собственных экскрементов.

Прим широко улыбнулся и поднял глаза. Воге не ответил на улыбку, просто посмотрел на него с каким-то недоверием.

— Я ждал её возле спортзала и был взволнован. Я протестировал паразитов на животных, которые обычно сторонятся человека, таких как лисы и олени, и я их привлёк, особенно лису. Но я не мог знать наверняка, подействует ли это на людей. Она вышла, и я могу с уверенностью сказать, что я её привлёк. Я договорился о встрече с ней на парковке у лесной тропы в Скюллерюде. Когда она не пришла вовремя, я подумал, может, я ошибся, может, к ней вернулась её способность трезво мыслить, когда в ноздрях у неё больше не стоял запах моих внутренностей. Но потом она появилась, и я возликовал, поверь мне.

Прим сделал глоток пива, словно перед заключительным нырком в море.

— Мы шли в лесу рука об руку, и когда мы немного отдалились от дороги, то сошли с тропы и занялись сексом. Затем я перерезал ей шею.

Прим почувствовал, что наворачиваются слёзы, и ему пришлось откашляться.

— Я знаю, что ты возможно, хотел бы больше подробностей на этом этапе, но я думаю, что должен оставить кое-что в тайне. В любом случае, я также взял с собой пузырёк со слюной Рё, которую я размазал по груди Сюсанны. Я одел верхнюю часть её тела, чтобы слюну не смыло дождём до того, как её найдёт полиция. Оставить слюну казалось в то время хорошей идеей, но в итоге это только усложнило ситуацию. — Он сделал глоток пива. — Что касается Бертины, ситуация была схожа. Я встретил её в баре, который, по её словам, она часто посещала, и договорился о встрече с ней в Грефсенколлене.

— Она приехала на машине, и когда я попросил её оставить телефон и отправиться «навстречу приключениям» в моей машине, у неё не было никаких сомнений, ею руководила только чистая похоть. Она принесла то, что она называла «нюхательной пулей», что-то вроде мини-солонки, чтобы вдыхать кокаин. Она уговорила меня понюхать. Я сказал, что хочу взять её сзади и надеть

кожаный ремень на её шею. Она была не против, предположив, что это была сексуальная игра, и позволила мне это сделать. Времени, чтобы задушить её ушло немного больше, чем я думал. Тем не менее, в конце концов она перестала дышать.

Прим тяжело вздохнул и покачал головой. Вытер слезу.

— Должен отметить, что я был очень осторожен, чтобы убрать любые улики против себя, которые полиция могла бы найти, поэтому я взял её нюхательную пулю, зная, что ДНК из моего носа могло попасть внутрь. В то время я ещё не знал, что она мне пригодится. Я, кстати, учёл, что, если ты собираешься убить кого-нибудь и заполучить его мозги и глаза, гораздо разумнее забрать всю голову домой.

Прим потянулся и вытянул под столом ноги, словно они затекли.

— В течение следующих недель я ел маленькие кусочки мозгов и глаз. Мне нужно было продолжать размножение раздражающе недолговечных паразитов, пока я ждал, чтобы оказаться близко к Рё, чтобы нанести ему удар. Я сидел несколько раз за этим самым столом, задаваясь вопросом, не стоит ли мне зайти к нему и спросить, можем ли мы поговорить. Но его никогда не было дома,

я только видел, как Хелена приходила и уходила. Возможно, он жил где-то ещё, но мне так и не удавалось узнать где. Тем временем я съел все мозги, паразиты были мертвы, поэтому мне нужна была новая «мышь». Хелена Рё. Я полагал, что это причинит Маркусу Рё боль — хотя бы небольшую — если бы я забрал её у него. И я знал о двух местах, где я мог бы приблизиться к ней. В Национальном театре в день, указанный на билете на двери холодильника. И в заведении под названием «Даниэль». Когда я расспрашивал Сюсанну, она рассказала мне, что именно там она впервые встретила Маркуса Рё. И она не могла понять, почему Хелена Рё всё ещё ходила туда на обеды по понедельникам — в конце концов, она уже поймала свою большую рыбу. Итак, я пошёл в понедельник, и, конечно, там появилась Хелена Рё. Я заказал тот же напиток, что она пила на вечеринке — грязный мартини, и налил в бокал соответствующую дозу настоя из гондий. Потом я подозвал официанта, дал ему двести крон, записку и попросил его отнести напиток к её столу. Я попросил его указать на другого отправителя, будто это дружеский розыгрыш. Я подождал, пока не увидел, как она пьёт коктейль, и затем ушёл. Я уточнил, во сколько будет антракт «Ромео и

Джульетты», и узнал, что билет нужен только для входа в зал, что любой может зайти во время антракта, чтобы пообщаться с публикой. Так я и сделал. Я уже чувствовал себя достаточно опытным, я вошёл, взял её и…

Прим поморщился и пристукнул одной ногой. Не знал, коснулся ли он ножки стола или ноги Воге.

— На следующий день её нашли, и Рё был взят под стражу. И тогда я понял, что выстрелил себе в ногу. Я позаботился о том, чтобы он оказался там, потому что хотел, чтобы он страдал, но потом они сказали, что он, наверное, будет сидеть там месяцами. Так что мне пришлось решить эту проблему. К счастью, у меня есть это…

Прим постучал пальцем по своему лбу.

— Я подумал и нашёл ещё одного невиновного человека, который мог занять место Рё. Кевина, торговца кокаином. В конце концов, ему так хотелось попробовать зелёный кокаин. Он был идеален.

Глава 45

Пятница
Коллекция

Прим, поворачивая свою кружку, посмотрел на отмечающую конец рабочей недели компанию офисных работников.

— У меня также сохранился небольшой клочок кожи. Кожи с предплечья Кевина Селмера. Он был не единственным человеком, образец ткани которого у меня был. Я часто так делал: собирал и иногда использовал в своём проекте по выращиванию идеального паразита. Зубочисткой я засунул кусочек кожи между двух зубов Бертины. И затем ты, Воге, позаботился о том, чтобы доказательства были доставлены в руки полиции. Но я ожидал, что рано или поздно будет обнаружено, что в телах находится вариант паразита гондии. И если кто-то понял связь, они начали бы охотиться за первичным хозяином. Могу ли я представить Кевина одновременно и убийцей, и преступником? Первичным хозяином? Извини, если я звучу немного самодовольно, но решение было простое, как всё гениальное. Я

приготовил смесь из зелёного кокаина и гондий, гарантированно смертельную дозу, положил её в нюхательную пулю Бертины и поехал к Кевину в Йернбанеторгет, чтобы заключить сделку, на которую я согласился на вечеринке. Он был в восторге, особенно когда я отдал ему нюхательную пулю в придачу. Я могу только представить, какие, должно быть, были у него боли в животе перед смертью. Я не сомневаюсь, что я бы бился головой о стену, чтобы потерять сознание и ничего не чувствовать.

Прим допил остатки пива.

— Это был длинный монолог, хватит обо мне, Терри. Как ты? — Прим перегнулся через стол. — Ну, правда. Ты чувствуешь… что парализован? Потому что это происходит очень быстро, когда ты пьёшь пиво, содержащее такую сильную концентрацию гондий. Даже больше, чем та, что получил Кевин. Через несколько минут ты просто не можешь пошевелить пальцем. И издавать звуки. Но я вижу, что ты всё ещё дышишь. Сердце и дыхательная система, на самом деле, поражаются в последнюю очередь. Ну и мозг перестаёт функционировать тоже последним, конечно. Поэтому я знаю, что ты это слышишь. Я возьму твои ключи от дома и заберу твой компьютер. А

потом выброшу его и твой телефон во фьорд.

Прим выглянул наружу. Световой день начал сокращаться.

— Смотри, в квартире моего отчима горит свет. Он сейчас у себя. Как думаешь, ему понравится, если к нему заглянет гость?

Было чуть больше половины шестого, когда Маркус Рё услышал звонок в дверь.

— Ты кого-нибудь ждёшь? — спросил старший из двух телохранителей.

Рё покачал головой. Телохранитель вышел из гостиной в сторону коридора, где был расположен домофон.

Когда тот вышел, Рё воспользовался представившейся возможностью.

— А чем ты хочешь заниматься после того, как закончишь карьеру телохранителя?

Молодой человек посмотрел на него. У него были длинные ресницы и глаза нежно-коричневого цвета. Неоправданно большие мышцы компенсировались наивным, детским взглядом. Если добавить немного доброжелательности и воображения, он мог бы выглядеть на пять или шесть лет моложе.

— Не знаю, — сказал он, обводя взглядом гостиную.

Наверное, чему-то толковому их на курсах всё же учили: например, не беседовать с клиентом ни о чём личном и постоянно проверять обстановку, даже сидя за запертыми дверями в уютном коконе дома.

— Ты мог бы пойти работать на меня, понимаешь?

Молодой человек бросил быстрый взгляд на Рё, и Рё увидел что-то похожее на презрение, отвращение. Затем, не отвечая, молодой человек начал сканировать снова комнату. Рё выругался про себя. Чёртов щенок, он не понял — что ему предлагали?

— Этот парень говорит, что знает тебя, — крикнул охранник из коридора.

— Это Крон? — отозвался Рё.

— Нет.

Рё нахмурился. Он не мог представить себе никого, кто мог бы просто прийти к нему без предупреждения.

Он вышел в холл, где телохранитель, расставив широко ноги, указывал на видеоэкран. Там отображался молодой человек, смотревший на уличную камеру над входной дверью. Рё покачал отрицательно головой.

— Я попрошу его уйти, — сказал телохрани-

тель.

Рё посмотрел на экран. Кажется, он видел это парня, просто очень давно. Он казался его давним знакомым, которого стоит забыть, не будоража воспоминания. Но сейчас, когда он стоял там, мог ли это быть…

— Подожди, — сказал Рё и протянул руку.

Телохранитель дал ему трубку.

— Вернись внутрь, — сказал Рё.

Телохранитель на мгновение поколебался, прежде чем сделать то, что ему было приказано.

— Кто ты и чего хочешь? — сказал Рё в трубку домофона. Это прозвучало более грубо, чем он предполагал.

— Привет, папа. Это твой пасынок. Я просто хотел поговорить с тобой.

Рё перевёл дыхание. Не было никаких сомнений. Тот мальчик из его снов, страх из множества кошмаров о том, что та история станет всем известной. Нет, это был уже не мальчик, но это был точно он. После всех этих лет. Разговаривать? Это не предвещало ничего хорошо.

— Я немного занят, — сказал Рё. — Тебе следовало позвонить заранее.

— Я знаю, — сказал мужчина в камеру. — Я не планировал встречаться, я только сегодня решил.

Видишь ли, я уезжаю завтра надолго, и я не знаю, когда вернусь. Я не хочу уходить с нерешёнными делами, пап. Пришло время прощения. Я должен увидеть тебя в последний раз, лицом к лицу, чтобы снять груз с моей груди. Я думаю, это будет хорошо для нас обоих. Это займёт несколько минут, и мы оба пожалеем, если не сделаем этого, я в этом уверен.

Рё прислушался. Он не слышал этого глубокого голоса раньше, ни тогда, ни недавно. Судя по тому, что он помнил о тех последних днях, проведённых в доме в Гаустаде, голос мальчика только начал ломаться. Конечно, ему приходила в голову мысль, что он может однажды появиться и создать ему проблемы. Это было бы слово одного человека против слова другого, и единственный человек, который мог бы подтвердить, что имело место, так называемое, сексуальное насилие, погиб в пожаре. Но даже просто обвинение нанесёт ущерб его репутации, если это выйдет наружу. Пятно на репутации, люди в этой стране так презрительно относятся к этому. Потому что Норвегия была страной, где такие понятия, как семейная честь, была размыта социальной, чёрт побери, демократией, потому что государство стало семьёй для большинства людей, и обычные

люди отчитываются теперь перед такими же, как они, рядовыми гражданами, перед серой массой социал-демократии, которой так не хватает традиций. Другое дело, если тебя зовут Рё, но обычный гражданин это никогда не поймёт. Не поймёт, что ты скорее покончишь с собой, чем вываляешь репутацию семьи в грязи. Так что он должен сделать? Он должен был решить. Его пасынок снова появился. Рё свободной рукой вытер лоб. И был удивлён, обнаружив, что он не боится. Это было похоже на тот момент, когда его чуть не сбил трамвай. Теперь то, чего он так боялся, наконец произошло, почему это не испугало его? Что, если они действительно поговорят? Если у его пасынка были плохие намерения, то разговоры не сделают ситуацию хуже. И в лучшем случае они просто поговорят о прощении. Всё забыто, спасибо и до свидания, может, он даже лучше спать по ночам будет. Единственное, ему нужно быть осторожным — не признаваться прямо или косвенно в том, что может быть использовано против него.

— Я дам тебе десять минут, — сказал Рё и нажал кнопку, открыв уличную дверь. — Поднимайся на лифте на верхний этаж.

Он положил трубку. Может ли мальчик сделать

запись? Он вернулся в гостиную.

— Вы обыскиваете посетителей? — спросил он телохранителей.

— Всегда, — сказал старший.

— Хорошо. Проверьте, не приклеены ли к нему микрофоны, и держите у себя его телефон до тех пор, пока он не уйдёт.

Прим сидел в мягком кресле в телевизионной комнате и смотрел на Маркуса Рё.

Телохранители стояли снаружи за приоткрытой дверью.

Это было неожиданностью обнаружить, что у него есть телохранители, но на самом деле это не имело значения. Важным было то, что сейчас он сидел перед ним один. Конечно, всё можно было сделать проще. Если бы он хотел убить Маркуса Рё или причинить ему физический вред, это было бы не очень сложно. Ведь только теперь у него появились телохранители, а в таком городе, как Осло, жители настолько наивны и доверчивы, что никто не думает о том, что парень, которого они встретят на улице, может нести оружие под курткой. Такого просто не случается. И с Маркусом Рё так тоже не должно было случиться.

Но этого было бы недостаточно. Да, было бы проще его застрелить, но если запланированный

им вариант отмщения мог дать ему хоть частичку радости, которую он рисовал в воображении, это стоило всей работы. Потому что месть, придуманная Примом, была похожа на симфонию, и нарастало время кульминационного крещендо.

— Мне жаль, что случилось с твоей матерью, — сказал Маркус. Достаточно громко, чтобы Прим ясно его услышал, и достаточно тихо, чтобы телохранителям в коридоре слышно не было.

Прим видел, что здоровяку было неудобно сидеть в кресле. Его пальцы ковыряют подлокотники, ноздри раздуваются. А это верный признак того, что он уловил запах кишечного сока. Расширенные зрачки сказали Приму, что сигналы запахов уже достигли мозга, где паразиты, жаждущие размножаться, находились уже несколько дней. Результат филигранной работы, можно так сказать. Когда первоначальный план заразить отчима на вечеринке не сработал, Прим был вынужден импровизировать и придумывать новый план. И он осуществил это, он заразил Маркуса Рё прямо на глазах у всех: адвокатов, полиции, даже Харри Холе.

Маркус Рё посмотрел на часы и чихнул.

— Не то, чтобы я тороплю тебя, но, поскольку я сказал, что у меня мало времени, нам нужно

быть краткими. В какую страну ты соб..

— Я хочу тебя, — сказал Прим.

Отчим так вздрогнул на стуле, что у него задрожали щёки.

— Извини, что?

— Я мечтал о тебе все эти годы. Нет сомнений, что это было насилие, но я… ну, думаю, мне это начало нравиться. И хочу попробовать ещё раз.

Прим посмотрел прямо в глаза Маркусу Рё. Видел глаза, заражённые паразитами, за ними работал мозг и делал неверные выводы: «*Я так и знал! Мальчику это понравилось, он только притворялся, что плачет. Я не сделал ничего плохого — напротив, я просто научил кого-то любить то, что нравится мне!*»

— И я думаю, что мы должны сделать это так, чтобы это было похожим на то, что мы делали раньше.

— Похожим? — переспросил Маркус Рё. Его горло уже было сдавлено возбуждением. В этом и заключался парадокс токсоплазмоза: сексуальное влечение — по сути являющееся желанием размножения — душит страх смерти, заставляет игнорировать опасности, предоставляя заражённому существу этот безнадёжно восхитительный туннель фантазий, туннель, ведущий прямо в

кошачью пасть.

— Тот дом, — сказала Прим. — Он всё ещё стоит. Но ты должен прийти один, тебе придётся ускользнуть от твоих телохранителей.

— Ты имеешь в виду… — Маркус сглотнул — … *сейчас?*

— Конечно. Я смотрю… — Прим наклонился вперёд и положил руку на его промежность… — ты хочешь этого?

Челюсть Рё бесконтрольно двигалась вверх и вниз.

Прим поднялся на ноги.

— Ты помнишь, где это?

Маркус Рё только кивнул.

— И ты придёшь один?

Ещё один кивок.

Прим знал, что ему не нужно говорить Маркусу Рё о том, что никто не должен быть в курсе, куда он собирался или с кем планировал встретиться. Токсоплазмоз делает инфицированного человека возбуждённым и бесстрашным, но не глупым. То есть, не глупым в том смысле, что они сделают всё, чтобы добиться единственной цели, которая у них на уме.

— Я даю тебе тридцать минут, — сказал Прим.

Старший из них, Бенни, работал телохраните-

лем уже пятнадцать лет.

Открыв дверь, он увидел, что посетитель надел медицинскую маску.

Бенни наблюдал, как младший телохранитель обыскивает его. Кроме связки ключей, у посетителя не было при себе ничего, что можно было бы использовать в качестве оружия.

У него не было ни бумажника, ни какого-либо удостоверения личности. Он представился как Карл Арнесен, и хотя казалось, что он только что выдумал это имя, Рё кратко одобрительно кивнул. Они забрали его мобильный телефон, как просил Рё, и Бенни настоял на том, чтобы дверь в зал с телевизором осталась слегка открытой.

Разговор занял всего пять минут — по крайней мере, столько времени Бенни позже укажет в показаниях для полиции — этот молодой «Арнесен» вышел из зала, взял свой мобильный телефон и ушёл из квартиры. Рё крикнул, что хочет побыть один и закрыл дверь. Прошло ещё пять минут, прежде чем Бенни постучался и сказал, что Юхан Крон хочет поговорить с ним. Но Бенни никто не ответил, и когда он открыл дверь, комната была пуста, а выходящее на террасу окно было открыто. Его взгляд упал на дверь пожарной лестницы, ведущей вниз на улицу. Вряд ли это была какая-

то великая тайна: клиент трижды намекнул в течение последнего часа, что он заплатил бы исключительно хорошо, если бы Бенни или его коллега отправился бы на Торггату или Йернбанеторгет и раздобыли ему немного кокаина.

Глава 46

Пятница
Кровавая луна

Маркус вышел из такси у ворот в конце дороги.

Есть ли у него деньги — это первое, что спросил у него таксист, когда Рё сел к нему в машину в районе Ослобукта. Разумный вопрос, учитывая, что Маркус не надел пиджак поверх рубашки и был в тапочках. Но у него, как всегда, была с собой кредитная карта — несмотря ни на что, без неё он чувствовал себя голым.

Петли заскрипели, когда он открывал ворота. Он прошёл по гравийной дороге, достиг вершины холма и был немного шокирован, когда увидел в сумерках полусгоревший дом. Он не был здесь с тех пор, как ушёл от Молле и мальчика с этим идиотским прозвищем Прим. Он прочитал о её смерти в газете, был на похоронах, но не знал, что дом так сильно пострадал. Он только надеялся, что обстановка сохранилась, чтобы они могли разыграть сцену, так сказать, правдоподобно. Восстановить то, что они делали и кем были друг

для друга тогда. Хотя, кем он был для мальчика, знал только бог.

Когда Рё направился к дому, он увидел фигуру, стоявшую в проёме входной двери. Это был он. Желание, которое Рё почувствовал, сидя в своей квартире напротив мальчика, стало непреодолимым, почти заставило его потерять контроль и броситься к нему. Но он делал подобные вещи слишком много раз в своей жизни, и ему это почти сошло с рук. Теперь он чувствовал, что его желание находится под контролем и позволяет ему рационально мыслить. И всё же страстное влечение, после стольких лет накопленных воспоминаний о Приме, было настолько сильным, что теперь ничто не могло его остановить.

Он подошёл к молодому человеку, который приветственно протянул ему руку и улыбнулся. До сих пор Рё об этом не задумывался, но у него больше не было двух больших передних зубов, делавших его похожим на грызуна, у мальчика был ряд красивых, ровных зубов. Чтобы соблюсти иллюзию прошлого, он предпочёл бы детские зубы, но забыл об этой мысли, как только подошёл поближе и попал в дом.

Снова небольшой шок. Прихожая, гостиная — всё чёрное и выгоревшее. Перегородки исчезли,

открыв всё пространство. Мужчина — мальчик — провёл его прямо в то место, которое раньше было его комнатой на первом этаже. Вздрогнув от восторга, Рё понял, что ему не нужен свет, он столько раз в темноте ночи проходил это расстояние от подножия лестницы до комнаты мальчика, что до сих пор мог бы сделать это с закрытыми глазами.

— Раздевайся и ложись сюда, — сказал мальчик, светя фонариком своего телефона.

Рё уставился на грязный матрас и обгоревший остов железной кровати.

И сделал, как ему было сказано, повесив свою одежду на спинку кровати.

— Всё снимай, — сказал мальчик.

Рё снял свои трусы. Его эрекция стала ещё больше с тех пор, как мальчик взял его за руку. Рё нравилось доминировать, а не быть пассивным. Во всяком случае так было до этого момента. Но сейчас он наслаждался звуком командного голоса, холодом, от которого у него побежали мурашки по коже, и чувством унижения от того, что он был голым, в то время как мальчик был полностью одет. Матрас вонял мочой, его спина ощутила сырость и холод, когда он лёг на него.

— Давай наденем это. — Рё почувствовал, как

его руки тянут вверх, и что-то сжимается вокруг запястий. Посмотрел вверх. В свете телефона мальчика он увидел, что его руки привязаны к спинке кровати кожаными ремнями. Затем то же самое было сделано с его ногами. Он был во власти мальчика. Точно так же, как мальчик когда-то был в его власти.

— Иди ко мне, — прошептал Рё.

— Нам нужно больше света, — сказал мальчик. Он достал мобильный телефон Рё из куртки, висевшей на спинке кровати. — Какой код?

— Аутентификация по сетчатке… — начал Рё ещё до того, как перед его лицом появился экран.

— Спасибо.

Рё был ослеплён двумя источниками света и не мог видеть, что делает мальчик, но потом различил его фигуру между двумя лучами, исходящими от телефонов. Он понял, что мобильные, должно быть, были установлены на двух стойках на высоте головы. Мальчик вырос. Стал мужчиной. Но был ещё достаточно молод, чтобы Рё мог хотеть его. Это было очевидно. Его эрекция была безупречна, а дрожь в голосе была вызвана как возбуждением, так и холодом, когда он прошептал:

— Иди сюда! Иди ко мне, мальчик!

— Сначала скажи мне, что ты хочешь, чтобы я с тобой сделал.

Маркус Рё облизнул пересохшие губы. И рассказал ему.

— Повтори это ещё раз, — сказал мальчик, стягивая брюки и обхватывая рукой свой всё ещё вялый пенис. — На этот раз не называя меня по имени.

Рё был в замешательстве. Но, честно говоря, среди посетителей «Вторников» было несколько посетителей, которые получали удовольствие от обезличенности, предпочитая крепкий член в «дыре славы»[82] вместо того, чтобы видеть человека целиком. Ну и на здоровье. Он повторил свой список пожеланий, не упоминая никаких имён.

— Расскажи, что ты делал со мной, когда я был маленьким мальчиком, — сказал мужчина между огнями, теперь мастурбируя.

— Просто подойди сюда и позволь мне прошептать это тебе на ухо…

— Расскажи!

Рё сглотнул. Вот, как он хотел это сделать. Прямой, грубый, резковатый тон, яркое освещение.

---

[82] Примечания: 82

Дыра славы (Glory hole) — отверстие в стене для совершения анонимных сексуальных контактов, чаще всего гомосексуальных и в общественных местах.

Отлично. Рё просто нужно было настроиться и быть на его волне. Господи, он бы сделал всё, чтобы заполучить его. Рё начал нерешительно, сначала огибая острые места, но через некоторое время стал выражаться более точными словами. Рассказал ему всё. Прямо. В деталях. И он нашёл нужную частоту. Был возбуждён своими собственными словами, вызванными ими воспоминаниями. Рассказал всё, как было. Использовал такие слова, как «изнасилование», потому что так оно и было, потому что это ещё больше усилило возбуждение как его, так и мальчика, который в любом случае стонал, хотя его больше не было видно, поскольку он отошёл назад, в темноту, за лучи света. Рё рассказал ему всё, даже как вытирал свой пенис об одеяло мальчика, прежде чем на цыпочках вернуться на первый этаж.

— Спасибо! — сказал мальчик резким голосом. Свет на одной стойке погас, и мальчик шагнул в свет другого. Натянул брюки и снова оказался полностью одет. Он держал в руках телефон Рё и что-то набирал на нём.

— Ч-что ты делаешь? — пробормотал Рё.

— Я делюсь последней видеозаписью со всеми твоими контактами, — ответил мальчик.

— Ты… записал это?

— На камеру твоего телефона. Хочешь посмотреть? — мальчик поднёс телефон к глазам Рё. На экране тот увидел себя, дородного мужчину далеко за шестьдесят, бледного, почти белого при резком освещении, лежащего на грязном матрасе с эрегированным членом, слегка отклоняющимся вправо. На этот раз никакой маски, ничего, что могло бы скрыть его личность. И голос, хрипловатый от волнения и в то же время звонкий, как колокольчик, жаждущий, чтобы другой мужчина услышал его слова. Он заметил, что клип был кадрирован так, чтобы зритель не смог увидеть, что его руки и ноги были привязаны к столбикам кровати.

— Я отправляю это вместе с коротким текстовым сообщением, которое заранее подготовил, — сообщил мальчик. — Послушай. *«Привет, мир. В последнее время я много думал и решил, что больше не могу жить с тем, что натворил. Итак, я собираюсь сжечь себя заживо в том доме, где это сделала Молле. До свидания»*. Ну, что ты думаешь? Не слишком поэтично, но чётко и ясно, верно? Я запланирую отправку этого видео всем, кто есть в твоём списке контактов, так, чтобы они получили его сразу после полуночи.

Рё открыл рот, чтобы что-то сказать, но не успел

вымолвить ни слова, как что-то просунулось между его губами.

— Скоро все, кого ты знаешь, узнают, какой ты свинья и извращенец, — сказал Прим, заклеивая скотчем рот Рё, в который он засунул один из шерстяных носков, оставленных болгарином. — И примерно через день об этом узнает весь остальной мир. Как ты на это смотришь?

Никакого ответа. Просто пара широко открытых глаз и слёзы, катящиеся по круглым щекам.

— Ну что ты, — сказал Прим. — Позволь мне немного утешить тебя, отец. Я не собираюсь выполнять свой первоначальный план, который состоял в том, чтобы разоблачить тебя, затем покончить с собой и позволить тебе жить с публичным унижением. Потому что, в конце концов, я хочу жить. Видишь ли, я нашёл женщину, которую люблю. И сегодня вечером я собираюсь сделать ей предложение. Посмотри, что я купил для неё сегодня.

Прим достал из кармана брюк обтянутую темно-бордовым бархатом коробочку и открыл её. Маленький бриллиант на кольце сверкнул в луче свете от телефона, стоявшего на стойке.

— Итак, вместо этого я решил прожить долгую и счастливую жизнь, но, конечно, это означает, что

моя личность не будет раскрыта. Следовательно, знающие её должны умереть вместо меня. *Ты* должен умереть, отец. Я понимаю, что это само по себе достаточно тяжело, не говоря уже о том, что теперь ты знаешь — имя твоей семьи будет запятнано. Мама рассказывала мне о том, как это важно для тебя. Но, по крайней мере, тебе не придётся жить с этим унижением. Разве это не приятно, верно?

Прим вытер указательным пальцем одну из слезинок Рё и слизнул её. В литературе пишут о горьких слезах, но разве на самом деле не все слёзы одинаковы на вкус?

— Плохая новость — сначала я хотел медленно убить тебя, чтобы компенсировать то, что ты избежал унижения. Хорошая новость — я не собираюсь убивать тебя слишком медленно, потому что у меня скоро свидание с моей возлюбленной. — Прим посмотрел на часы. — Упс, мне нужно будет заехать домой, принять душ и переодеться, так что нам лучше начать прямо сейчас.

Прим ухватился за матрас обеими руками. После двух или трёх сильных рывков ему удалось вытащить его из-под Рё, железные пружины кровати заскрипели, когда на них обрушился вес тела мужчины. Прим подошёл к почерневшей

кирпичной стене и взял походную печку, стоявшую рядом с канистрой. На пол под кровать прямо под голову отчима он поставил походную печку, включил её, и газ загорелся.

— Не знаю, помнишь ли ты, но это лучший метод пыток в той книге о команчах, которую ты подарил мне на Рождество. Череп — это котёл, и через некоторое время твой мозг начнёт пузыриться и закипать. К счастью, паразиты умрут раньше тебя.

Маркус Рё корчился и метался из стороны в сторону. Несколько железных пружин пронзили его кожу, и капли крови упали на покрытый пеплом пол. И потом с его спины тоже начал капать пот. Прим наблюдал, как вздулись вены на шее и лбу Маркуса Рё, когда тот с кляпом из шерстяного носка во рту пытался закричать.

Прим наблюдал за ним. Ждал. Он сглотнул. Потому что внутри него ничего не происходило. То есть что-то происходило, но не то, что должно было. Да, он был готов к тому, что месть окажется не такой сладкой на вкус, как представлялось в его воображении, но не был готов к этому. Не к тому, чтобы на вкус это будет походить на горькие слёзы его отчима. И это ощущение вызвало скорее шок, чем разочарование. Ему стало жаль

лежащего на кровати человека. Человека, который разрушил его детство, который был виноват в том, что его мать покончила с собой. Он не хотел чувствовать это! Была ли Она виновата в этом? Потому что Она привнесла любовь в его жизнь. В Библии сказано, что Любовь — это самое великое. Так это правда? Величественнее, чем месть?

Прим заплакал и не мог остановиться. Он подошёл к обугленной лестнице, нашёл тяжёлую старую лопату, наполовину засыпанную пеплом. Взял её и вернулся к железной кровати. Это не входило в план! В него входило — долгое страдание, а не сострадание! Но он поднял лопату над головой. Увидел отчаяние в глазах Маркуса Рё, когда тот мотал головой из стороны в сторону, чтобы избежать плоского лезвия, как будто бы хотел прожить ещё несколько мучительных минут, а не умереть быстро.

Прим прицелился. И опустил лопату. Раз, другой. Три раза. Вытерев брызги крови, попавшие ему в глаз, он наклонился, пытаясь услышать дыхание. Выпрямился и снова поднял лопату над головой.

После этого он выдохнул. Снова проверил время. Всё, что оставалось сделать, — уничтожить все следы. Будем надеяться, что удар лопатой

не оставил на черепе никаких следов, которые заставили бы усомниться в том, что это было самоубийство. Пламя скоро уничтожит всё остальное. Он расстегнул ремни и сунул их в карман. Он вырезал начало и конец фильма на телефоне Рё, чтобы никто не заподозрил присутствия в кадре другого человека, а сложилось бы впечатление, что Рё сам отредактировал запись, прежде чем отправить её. Затем он отметил каждый контакт в списке Рё, установил время на 00.30 и нажал «Отправить». Подумал обо всех этих испуганных, недоверчивых лицах, освещённых экранами. Он стёр свои отпечатки пальцев с телефона, прежде чем спрятать его в пиджак Рё, и заметил, что на телефоне высветилось восемь пропущенных звонков, три из них от Юхана Крона.

Он облил тело бензином. Дал ему впитаться и повторил процесс три раза, пока не убедился, что тело достаточно «промариновано» бензином. Облил оставшиеся балки и уцелевшие легковоспламеняющиеся стены. Он прошёлся кругом, поджигая их. Не забыл положить зажигалку у кровати, так чтобы создавалось впечатление, что напоследок его отчим поджёг сам себя. Вышел из стен дома своего детства, встал на посыпанную гравием дорожку и поднял лицо к небу.

Мерзость закончилась. Взошла луна. Она была прекрасна и скоро должна была стать ещё прекраснее. Стать потемневшей, покрытой кровью. Небесной розой для его возлюбленной. Он скажет ей это, употребив именно эти слова.

Глава 47

Пятница
Блюмен

Блюмен, Блюмен, козлик мой,
Возвратись скорей домой.

Катрина пропела последнюю ноту почти беззвучно, пытаясь по дыханию Герта определить, заснул ли он. Да, дыхание было глубоким и ровным. Она натянула его одеяло чуть повыше и приготовилась уходить.

— А де дядя Хавви?

Она посмотрела в его голубые, широко открытые глаза. Как Бьёрн мог не заметить, что они от Харри? Или он знал это с самого первого дня в родильном зале?

— Дядя Харри в больнице с приболевшим другом. Но рядом бабушка.

— Куда ты идёшь?

— В местечко под названием «Фрогнерсетерен»[83]. Это почти в лесу, высоко на холмах.

[83] Примечания: 83

Фрогнерсетерен — район и одноименный ресторан на высоте 469 метров выше уровня моря.

Может быть, мы с тобой как-нибудь съездим туда.

— И дядя Хавви.

Она улыбнулась и в то же время почувствовала укол в сердце.

— И, может быть, дядя Харри, — сказала она, надеясь, что никого не обманывает.

— Там есть медведи?

Она покачала головой.

— Никаких медведей.

Герт закрыл глаза и через несколько мгновений уже спал.

Катрине сложно было отвести от него взгляд. Она посмотрела на часы. Половина девятого. Ей нужно было идти. Она поцеловала Герта в лоб и вышла из комнаты. Услышала слабое позвякивание вязальных спиц свекрови из гостиной и заглянула к ней.

— Он спит, — прошептала она. — Я ухожу.

Её свекровь кивнула и улыбнулась.

— Катрина.

Катрина остановилась.

— Да?

— Можешь мне кое-что пообещать?

— Что?

— Что ты хорошо проведёшь время.

Катрина встретилась взглядом с пожилой женщиной. И поняла, о чём она говорит. Что её сын давно мёртв и похоронен, что жизнь должна продолжаться. Что она, Катрина, должна продолжать жить. Катрина почувствовала комок в горле.

— Спасибо, бабушка, — прошептала она. Это был первый раз, когда она назвала её «бабушкой», и видела, как глаза другой женщины наполняются слезами.

Катрина быстро направилась к станции метро рядом с Национальным театром. Она не слишком принарядилась. Взяла тёплую куртку и практичную обувь, как советовал Арне. Значит ли это, что они будут ужинать в открытой части ресторана, под уличными обогревателями и с прекрасным видом? И над головой будет только небо? Она взглянула на луну.

У неё зазвонил телефон. Это снова был Харри.

— Звонил Юхан Крон, — сказал он. — Просто к сведению, Маркус Рё сбежал от своих телохранителей.

— Этого можно было ожидать, — сказала она. — Он наркозависимый.

— Охранная компания отправила людей на площадь Йернбанеторгет. Там его нет. Он не вернулся домой и не отвечает на звонки. Конечно,

он мог бы отправиться куда-нибудь ещё, чтобы добиться своего, а затем продолжить праздновать своё освобождение. Просто подумал, что тебе следует это знать.

— Спасибо. Но я планировала провести вечер, во время которого не буду думать о Маркусе Рё, а сосредоточусь на людях, которые мне нравятся. Как там Столе?

— Удивительно хорошо для человека, который так близок к смерти.

— Правда?

— Он считает, что таким способом его приветствует Мрачный жнец[84]. Вынуждает его добровольно переступить порог подземного мира.

Катрина не смогла сдержать улыбки.

— Похоже на Столе. Как поживают его жена и дочь?

— Они хорошо держатся. Справляются.

— Окей. Передай им от меня большой привет.

— Передам. Герт спит?

— Да. По-моему, он упоминает тебя слишком часто.

— Хм. Новый дядя, о котором ты никогда не слы-

---

[84] Примечания: 84
Мрачный жнец — образное прозвище смерти.

шал, — это всегда волнительно. Хорошего тебе свидания в ресторане. Не поздновато для ужина?

— Так получилось, возникли проблемы с распределением задач в Кримтекниск, в отделе криминалистической экспертизы. Кстати, Сон Мин должен был пойти поужинать со своим партнёром. Знает ли он…

— Да, я ему звонил по поводу Рё.

— Спасибо.

Они завершили разговор, когда Катрина спустилась в метро.

Харри опустил взгляд на свой телефон. После разговора с Катриной у него высветился один пропущенный звонок. Номер Бена. Он перезвонил ему.

— Доброе утро, Харри. Мы с другом были на Доэни Драйв. Боюсь, Люсиль там нет. Я позвонил в полицию. Возможно, они захотят поговорить с тобой.

— Понятно. Дай им мой номер телефона.

— Я так и сделал.

— Окей. Спасибо тебе.

Они завершили разговор. Харри закрыл глаза и тихо выругался. Должен ли он сам позвонить в полицию? Нет, если Люсиль всё ещё была у парней со скорпионами, он бы подверг её смертельному

риску. Он ничего не мог поделать, только ждать. Ему пришлось на время перестать думать о Люсиль, потому что такова его нелёгкая доля: в его распоряжении всего лишь мозг обычного человека, который одновременно мог сосредоточиться только на чём-то одном, а иногда и это ему не удавалось, а прямо сейчас этот мозг был ему очень нужен, чтобы поймать убийцу.

Когда Харри вернулся в палату 618, Джибран уже встал с постели и сидел с Эйстейном и Трульсом у кровати Эуне. Посреди одеяла лежал телефон.

— Только что вошёл Холе, — сказал Эуне в телефон, прежде чем повернуться к Харри. — Джибран считает, что если убийца вывел нового паразита, то он, должно быть, проводил какие-то исследования в области микробиологии.

— Хельге из Института судебной медицины думал так же, — ответил Харри.

— На свете не так уж много людей, имеющих опыт работы в этой области, — сказал Эуне. — У нас на связи профессор Лёкен, он возглавляет исследовательское отделение микробиологии Университетской больницы Осло. Он говорит, что знает только одного человека, который участвовал в исследовании мутаций паразитов

Токсоплазмы гондии. Профессор Лёкен, как его звали?

— Штайнер, — раздался голос с одеяла. — Фредрик Штайнер, паразитолог. Он посвятил много времени разработке варианта, который мог бы использовать людей в качестве первичного хозяина. И у него был родственник, который пытался продолжить исследования, но он не смог добиться финансовой поддержки и возможности проводить здесь свои исследования.

— Ты не можешь сказать почему? — спросил Эуне.

— Насколько я помню, из-за неэтичных методов исследования.

— Что это значит?

— Я не знаю точно, но в данном случае, полагаю, это речь шла об экспериментах на живых существах.

— Это Харри Холе, профессор. Ты хочешь сказать, что он заражал людей?

— Да, ничего толком не было доказано, но ходили слухи.

— Как звали этого человека?

— Я не помню, это было давно, и проект был просто остановлен. Это не такое уж редкое явление, необязательно, чтобы что-то пошло не

так, иногда проекты просто не демонстрируют достаточного прогресса. Сейчас, во время этого разговора, я поискал Штайнера в базе персоналий учёных и исследователей среди персонала не только нашей больницы, но и по всей Скандинавии. К сожалению, я нахожу с такой фамилией только Фредрика. Если это важно, я могу поговорить с кем-нибудь, кто в то время занимался паразитологией.

— Мы были бы очень признательны, — ответил Харри. — Как далеко продвинулся этот родственник в своих исследованиях?

— Недалеко, иначе я бы узнал об этом.

— А можно задать дурацкий вопрос? — спросил Эйстейн.

— Как правило, это самые лучшие вопросы, — отозвался Лёкен. — Задавай.

— С какой стати нужно финансировать исследования по выведению или селекции паразитов, которые могут использовать людей в качестве хозяев? Разве это банально не вредно?

— Ну что я говорил о лучших вопросах? — Лёкен усмехнулся. — Люди часто вздрагивают, когда слышат слово «паразит». И это понятно, поскольку многие паразиты опасны и наносят вред хозяевам. Но многие паразиты также ис-

полняют важную с медицинской точки зрения роль для хозяина: сохраняют его жизнь и здоровье, поскольку это в их интересах. Учитывая, что они выполняют эту функцию для животных, не исключено, что они могут выполнять её и для людей. Штайнер был одним из немногих в Скандинавии, кто занимался исследованиями по выведению полезных паразитов, на международном же уровне эта научная область уже много лет давно исследуется. Это только вопрос времени, когда кто-то из исследователей-паразитологов получит Нобелевскую премию.

— Или снабдит нас самым совершенным биологическим оружием? — спросил Эйстейн.

— Я думал, ты говорил, что ты дурак, — ответил Лёкен. — Да, снабдит.

— Мир мы будем спасать в другой раз, — сказал Харри. — Прямо сейчас мы заинтересованы в спасении следующей жертвы из его списка. Мы знаем, что сегодня вечер пятницы, но ты спросил, важно ли это…

— Теперь я понимаю, что это важно. Я читал о тебе в газетах, Холе. Я прямо сейчас сделаю несколько звонков, а потом перезвоню вам…

Они завершили разговор.

Члены группы посмотрели друг на друга.

— Кто-нибудь голоден? — спросил Эуне.

Четверо остальных покачали головами.

— Давненько никто из вас не ел, — сказал он. — Из-за этого запаха пропадает аппетит?

— Какого запаха? — спросил Эйстейн.

— Запаха из моего кишечника. Я ничего не могу с этим поделать.

— Доктор Столе, — сказал Эйстейн, похлопывая Эуне по руке, лежащей на одеяле, — если здесь и есть какой-то запах, то он исходит от меня.

Эуне улыбнулся. Были ли его слёзы от боли или он был тронут, сказать было невозможно. Харри смотрел на своего друга, пока эти мысли проносились у него в голове. Или, скорее, как будто он рылся в своём сознании в поисках какой-то мысли. Он знал, что чего-то не хватает, и ему нужно было это выяснить. Но он понимал, что дело было срочное.

— Джибран, — медленно произнёс он.

Возможно, услышав что-то в его тоне, остальные повернулись к нему, как будто он собирался сказать что-то важное.

— А как пахнут кишечные соки?

— Кишечные соки? Я не знаю. Судя по запаху изо рта людей с кислотным рефлюксом, возможно, что-то похожее на запах тухлых яиц.

— Хм. Значит, не как мускус?

Джибран покачал головой.

— Только не у людей, насколько мне известно.

— Что значит «не у людей»?

— Я вскрывал кошек, их желудки отчётливо пахнут мускусом. Его источник — анальные железы. Животные используют мускус, чтобы пометить свою территорию или привлечь партнёров в брачный сезон. В древней исламской традиции говорилось, что запах мускуса — это запах рая. Или смерти, в зависимости от того, как на дело посмотреть.

Харри смотрел на ветеринара. Но в сознании Харри звучал голос Люсиль. *«Мы слышим это так, потому что считаем, что автор думает в той же последовательности, в которой пишет. Это не удивительно: люди склонны верить, что происходящее — результат произошедшего ранее, а не наоборот».*

Мухлёж с наркотиками, подозрения и раскрытие информации о том, что груз с наркотиками был разбавлен. Такова была последовательность событий, которую они автоматически приняли на веру. Но кто-то, являющийся автором, изменил порядок. Теперь Харри понял, что их одурачили, и что, возможно, он, в буквальном смысле, раз-

нюхал — кто это сделал.

— Трульс, мы можем поговорить наедине?

Остальные трое наблюдали за Харри и Трульсом, когда они выходили в коридор.

Харри повернулся к нему.

— Трульс, я знаю, ты говорил, что это не ты жульничал с кокаином. Я также знаю, что у тебя есть все причины лгать об этом. Мне насрать, ты ли это сделал, и я думаю, ты мне доверяешь. И я собираюсь спросить тебя ещё раз. Это был ты или, может, некто, кого ты знаешь? Подумай об этом пять секунд, прежде чем ответить.

Трульс нахмурился, как сердитый бык. Кивнул, но ничего не сказал. Сделал пять глубоких вдохов. Открыл рот. Снова закрыл его, как будто ему что-то пришло в голову. Затем заговорил.

— Ты знаешь, почему Бельман не запретил нашей группе продолжить расследование?

Харри отрицательно покачал головой.

— Потому что я пришёл к нему домой и сказал, что, если он это сделает, я сообщу, что он убил наркоторговца из мотоклуба в Алнабру, тело которого я спрятал, залив его цементом на террасе нового дома Бельмана в Хойенхоле. Всё, что нужно сделать, это откопать это тело, если ты мне не веришь.

Харри долго смотрел на Трульса.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

Трульс фыркнул, его лоб всё ещё был раскрасневшимся.

— Потому что это доказывает, что я тебе доверяю, верно? Я только что дал тебе достаточно информации, чтобы упрятать меня за решётку на долгие годы. Почему я должен признаваться в этом и не признаваться в том, что подсыпал немного дерьма в кокаин, за что отправился бы за решётку самое большее на пару лет?

Харри кивнул.

— Понял.

— Хорошо.

Харри почесал затылок.

— А как насчёт тех двоих, что вместе с тобой забирали наркотики?

— Без вариантов, — сказал Трульс. — Я был тем, кто нёс наркотики всю дорогу от таможни в аэропорту до машины, а из машины — до склада конфиската.

— Хорошо, — сказал Харри. — Я уже сказал, что, по-моему, наркотик размешал один из таможенников или кто-то из склада конфиската. А как ты думаешь?

— Я не знаю.

— Нет, но что ты *думаешь*?

Трульс пожал плечами.

— Я знаю людей, которые хранили его на складе конфискатов, и никто из них не является мошенником. Думаю, просто неправильно взвесили.

— И я думаю, что ты прав. Потому что есть третья возможность, которую я — такой уж я идиот — не учёл. Возвращайся в палату, я пойду вслед через секунду.

Харри попытался дозвониться до Катрины, но безуспешно.

— Ну? — спросил Эйстейн, когда Харри вернулся и снова сел у кровати. — Что мы трое не могли услышать после всего, что прошли вместе?

Джибран улыбнулся.

— Нас ввела в заблуждение последовательность действий, — сказал Харри.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда в Кримтекниск поступила партия кокаина, никто её не разбавлял. Как и сказал Трульс, они просто немного ошиблись при взвешивании, так возникло небольшое расхождение в весе. Кокаин разбавили *после этого*. Его разбавил человек из Кримтекниск, который анализировал его.

Остальные уставились на него с недоверием.

— Подумай об этом, — сказал Харри. — Ты работаешь в Кримтекниск, и тут присылают партию почти чистого кокаина, потому что таможенники подозревают, что кто-то разбавил его и украл разницу в весе. Ты понимаешь, что он абсолютно чистый, никто его не разбавлял. Но, видя, что таможенники уже подозревают кого-то другого, ты не упускаешь свой шанс. Берёшь немного чистого кокаина, добавляешь немного левамизола и отправляешь партию обратно с заключением, подтверждающим, что да, кто-то разбавил наркотик до того, как он поступил в Кримтекниск.

— Прекрасно! — пропел Эйстейн быстрым вибрато. — Если ты прав, то этот человек чертовски коварен.

— Или коварна, — сказал Эуне.

— Это мужчина, — сказал Харри.

— Откуда ты знаешь? — спросил Эйстейн. — Разве в Кримтекниск не работают женщины?

— Да, но помните того парня, который подошёл к нам в баре «Ревность» и сказал, что подавал заявление в полицейский колледж, но не пошёл на собеседование, потому что хотел изучать что-то другое?

— Парень Братт?

— Да. В то время я не придавал этому особого

значения, но он сказал, что выбранная им сфера деятельности означает, что он, возможно, всё-таки мог бы заниматься расследованиями. А ранее этим вечером Катрина проговорилась, что они собирались поужинать в ресторане «Фрогнерсетерен» так поздно, потому что в Кримтекниск было так много дел. Это не у неё много дел, а у него. Ты слышал о ком-нибудь по имени Арне из отдела криминалистики, Трульс?

— Сейчас там много новых людей, и я не умею… — он покачал головой, словно подыскивая нужное слово.

— … легко заводить новых друзей? — предположил Эйстейн.

Трульс бросил на него слегка обиженный взгляд, но кивнул.

— Я понимаю, как это мог быть кто-то из криминалистов, — сказал Эуне. — Но почему ты так уверен? И причём здесь парень Катрины? Ты намекаешь на случай Кемпера?

— И на это тоже.

— Привет, — вмешался Эйстейн. — О чём вы двое сейчас говорите?

— Эдмунд Кемпер, — сказал Эуне. — Серийный убийца 1970-х годов, которому нравилось дружить с полицейскими. Что типично для

некоторых серийных убийц. Они ищут копов, которые, как они предполагают, будут вести расследование совершённых ими убийств. Кемпер также подавал заявление в полицейский колледж.

— В этом заключается сходство, — сказал Харри. — Но больше всего меня беспокоит этот резкий запах. Запах мускуса. Так пахнет влажная или тёплая кожа. Хелена Рё сказала, что почувствовала этот запах на вечеринке. Я почувствовал этот запах в морге, когда там лежала Хелена Рё. Я почувствовал этот запах, когда мы разрезали глаз Сюсанны Андерсен. И я почувствовал его в баре «Ревность» в тот вечер, когда мы познакомились с этим парнем Арне.

— Я ничего не почувствовал, — сказал Эйстейн.

— Там пахло мускусом, — сказал Харри.

Эуне приподнял бровь.

— Ты заметил этот запах среди ароматов сотни других потеющих мужчин?

— Это чертовски специфический запах, — сказал Харри.

— Может быть, у тебя токсоплазмоз, — сказал Эйстейн с притворным беспокойством, — он тебя возбудил?

Трульс издал хрюкающий смешок.

Харри испытал внезапное болезненное дежавю. Бьёрн Хольм очень тщательно прибирался после убийства Ракель.

— Это также объяснило бы, почему мы не нашли никаких улик на местах преступлений или на телах, — сказал он. — Это был профессионал, который умело убрал за собой.

— Конечно! — сказал Трульс. — Если бы мы нашли хоть что-нибудь с его ДНК…

— У каждого, кто работает на местах убийств и с трупами, в базу данных загружен профиль его ДНК, — добавил Харри. — Таким образом, мы можем убедиться, что какой-нибудь найденный волос принадлежит криминалисту, который просто был недостаточно осторожен.

— Если это всё же Арне, — сказал Эуне, — то сегодня вечером он с Катриной. В ресторане «Фрогнерсетерен».

— Который находится практически в лесу, — добавил Эйстейн.

— Знаю, и я пытался дозвониться до неё, — сказал Харри. — Она не берёт трубку. Насколько мы должны волноваться, Столе?

Эуне пожал плечами.

— Насколько я понимаю, они с Катриной уже

некоторое время встречаются. Если бы он намеревался убить её, то, вероятно, уже сделал бы это. Передумать он может только по какой-то причине.

— По какой, например?

— Настоящая опасность возникла бы, если она сделает нечто, что заставило бы его почувствовать себя униженным. Отвергла бы его, например.

Глава 48

Пятница
Лес

Тхань стояла у окна в многоквартирном доме в Ховсетере на третьем этаже и смотрела вниз. Она держала в руке свой телефон. Было без одной минуты девять. Она смотрела вниз, на машину, припаркованную прямо у входной двери. Он стоял там уже почти пять минут. Это была машина Джонатана. Она вздрогнула, когда зазвонил телефон. Цифры на экране показывали, что наступило девять часов вечера. Ровно.

Она подумала обо всех отговорках, которые придумала за последний час, только для того, чтобы отмахнуться от них. Она нажала «Ответить».

— Да?

— Я снаружи.

— Хорошо, иду, — сказала она и бросила телефон в сумочку.

— Я ухожу!— крикнула она из коридора.

— Tam biêt[85], — ответила её мать из гостиной.

---

[85] Примечания: 85
Tam biêt — в переводе с вьетнамского «До свидания».

Тхань закрыла за собой дверь и спустилась на лифте вниз. Не потому, что она не могла ходить по лестнице, она обычно поднималась по ней, а потому что существовала теоретическая вероятность того, что лифт может сломаться, застрять, потребуется вызвать пожарную команду и отменить все другие планы.

Но лифт не сломался. Она вышла на улицу. Ночь была странно тёплой для такого позднего сентября, особенно учитывая, что небо было безоблачным.

Джонатан перегнулся через пассажирское сиденье и распахнул перед ней дверцу. Она села в машину.

— Привет.

— Привет, Тхань.

Машина тронулась с места. Её поразило, что он назвал её по имени, чего никогда не делал, когда они были в магазине.

Когда они выехали на главную дорогу, он направился на запад.

— Что ты хотел мне показать? — спросила она.

— Кое-что красивое. Кое-что особенное для тебя.

— Для меня?

Он улыбнулся.

— И для меня тоже.

— Ты не можешь сказать мне, что это?

Он покачал головой. Она сидела, глядя на него краем глаза. Он был каким-то другим. Во-первых, он назвал её по имени, и она никогда не слышала, чтобы он употреблял слово «красивое» или говорил, что что-то предназначено для неё. Она волновалась, да, почти боялась, прежде чем сесть в машину, но что-то — возможно, звучание его голоса — успокоило её.

И теперь он улыбнулся, как будто заметил, что она украдкой смотрит на него. «Может быть, он такой, когда не на работе», — подумала она. Но потом она вспомнила, что она подчинённая, а он начальник, так что в некотором смысле это была работа. А может быть, это было не так?

Ховсетер[86] находился в западной части города, и через несколько минут они миновали Рёа, поле для гольфа в Богстаде, и углубились в Сёркедален, где их с обеих сторон окружил обширный густой еловый лес.

— Ты знала, что в этих краях видели медведей? — спросил он.

— Медведей? — встревоженно переспросила

---

[86] Примечания: 86

Ховсетер — спальный район в западной части Осло. Застроен после войны типовыми невысотными многоквартирными домами.

она.

Он не смеялся над ней, просто улыбнулся. У него была приятная улыбка, чего она раньше не замечала. Или, может быть, замечала, просто она не обращала большого внимания. В конце концов, он так редко улыбался в магазине, что спустя какое-то время можно было легко забыть, как выглядит его улыбка. Как будто он боялся выдать то, чего не хотел показывать ей, если улыбнётся. Но теперь он действительно хотел ей кое-что показать. Кое-что «красивое».

Зазвонил её телефон, снова заставив её вздрогнуть.

Она посмотрела на дисплей, отклонила вызов и положила телефон обратно в сумку.

— Не стесняйся ответить, если хочешь, — сказал он.

— Я не отвечаю, если не знаю, кто звонит, — сказала Тхань. Это была ложь: она узнала номер полицейского Сон Мина. Но, конечно, она не могла сказать об этом из-за риска, что Джонатан снова разозлится.

Он включил поворотник и снизил скорость. Тхань не видела никакого поворота, но внезапно он показался. Её сердце забилось быстрее, когда колёса заскрипели по узкой, посыпанной грави-

ем дороге. Фары были единственным источником света среди стен чёрного леса.

— Где… — начала она, но остановилась, опасаясь, что он услышит дрожь в её голосе.

— Не бойся, Тхань. Я просто хочу сделать тебя счастливой.

Её разоблачили. Просто сделать тебя счастливой? Она больше не была уверена, что ей нравится, когда он говорит ей подобные странные вещи.

Он остановил машину, выключил двигатель и фары, и внезапно они оказались в полной темноте.

— Хорошо, — сказал он. — Здесь мы выходим.

Она глубоко вздохнула. Должно быть, в его голосе было такое гипнотизирующее спокойствие, потому что теперь она уже не была напугана, просто взволнована. *«Показать ей одной. Что-то прекрасное».* Она не знала почему, но ей вдруг пришло в голову, что на самом деле это не так уж странно. И это было то, чего она ждала, да, на что надеялась. Что сильное беспокойство, которое она испытывала весь день, должно быть, похоже на то, что чувствует невеста в день своей свадьбы. Она вышла со своей стороны машины и вдохнула свежий вечерний воздух и запах ели.

Затем паника вернулась. Поскольку он настоял на том, чтобы она не рассказывала о встрече ни единой живой душе, она — будучи полной идиоткой — так и сделала. Абсолютно никто не знал, что она была тут. Она сглотнула. В какой момент ей стоит сказать, что хватит и что она хочет вернуться домой? Если она скажет это сейчас, разве это не разозлит его очень сильно и, может быть… может быть, что?

— Можешь оставить сумку, — сказал он, открывая заднюю дверцу со своей стороны.

— Я бы хотела взять с собой свой телефон, — сказала она.

— Как хочешь, но тебе следует положить его в карман, там может быть холодно. — Он протянул ей стёганую куртку. Она надела её. От неё пахло. Возможно, это был запах Джонатана. И костра. По крайней мере, куртка недавно была рядом с открытым огнём.

Джонатан включил налобный фонарь и отвернулся, прежде чем включить его, чтобы не ослепить её.

— Следуй за мной.

Он перешагнул через неглубокую придорожную канаву прямо в лес, и Тхань ничего не оставалось, как перепрыгнуть вслед за ним. Они

углубились в лес. Если там и была тропа, она её не видела. Они шли в горку, и он останавливался то тут, то там, чтобы раздвинуть ветки, чтобы ей было легче пробираться сквозь них.

Они вышли на открытую вересковую пустошь, залитую лунным светом, и она воспользовалась возможностью достать свой телефон и проверить его. Её сердце ёкнуло. Связь была не просто плохой, её вообще не было.

Когда она снова подняла глаза, то поняла, что свет от телефона лишил её способности видеть в темноте, и всё, что она увидела, была полная темнота. Она стояла, моргая.

— Сюда.

Она пошла на голос. Увидела Джонатана, стоящего на опушке леса и протягивающего ей руку. Она взялась за неё, не задумываясь. Рука была тёплой и сухой. Он повёл её дальше вглубь. Должна ли она сорваться с места и убежать? Куда? Она больше не имела ни малейшего представления, в каком направлении находится дорога или город, а здесь, в лесу, он всё равно догонит её. Если бы она стала сопротивляться, это, вероятно, только ускорило бы осуществление его планов в отношении неё. Она почувствовала комок в горле, но в то же время и протест. Она не была какой-то

беспомощной, наивной маленькой девочкой, какая-то часть её мозга должна была говорить ей, что всё в порядке, так зачем подпитывать свой страх параноидальными мыслями? Скоро она поймёт, чего он хочет, и это будет похоже на те ночные кошмары, от которых ты просыпаешься и понимаешь, что благополучно лежал в постели всё это время. Он собирался показать ей что-то прекрасное, и на этом всё. И вместо того, чтобы отпустить, она чуть крепче сжала его руку, которая, несмотря ни на что, казалась странно безопасной.

Она вздрогнула, когда он остановился.

— Мы пришли, — прошептал он. — Ложись сюда.

Она посмотрела на то место, которое освещал его фонарь. Это было что-то вроде лежбища, ложе из сосновых веток. Словно почувствовав её колебания и желая показать, что это безопасно, он лёг сам и жестом предложил ей лечь рядом с ним. Она глубоко вздохнула. Задумалась, как сформулировать отказ. Облизнула губы. Увидела, что он приложил указательный палец к своим губам и смотрит на неё со счастливым, мальчишеским выражением лица. Это напомнило ей о её младшем брате, когда они вдвоём делали то, что им

не разрешалось, — эта связь заговорщического восторга. Было ли это так или что-то ещё, она не знала, но внезапно обнаружила, что легла рядом с ним. Она могла видеть остатки небольшого костра рядом с ними, как будто кто-то бывал здесь прежде, не раз, хотя они находились посреди лесной чащи и вряд ли это было подходящим местом для разбивки лагеря. С того места, где они лежали, она могла видеть небо и луну между верхушками деревьев. Что он хотел ей здесь показать?

Она почувствовала его дыхание у своего уха.

— Ты должна вести себя совершенно тихо, Тхань. Ты можешь перевернуться на живот? — его голос, его запах, да, это было так, как будто человек, которого она всегда знала, который был внутри Джонатана, наконец-то вышел на свет. Или, скорее, в темноту.

Она сделала, как он сказал. Она не боялась. И когда она увидела его руку прямо перед своим лицом, её единственной мыслью было: вот оно, сейчас это произойдёт.

Сон Мин поднял свой бокал за здоровье Криса. После звонка Харри Сон Мин покончил с рабочими делами на этой неделе, позвонив по номеру Тхань, чтобы заказать выгул собаки и узнать, не хочет ли она воспользоваться возможностью

рассказать ему что-нибудь о своём боссе. Она не ответила. Это не имело особого значения: он очень тщательно проверил этого Джонатана и не обнаружил и следа чего-либо криминального ни в прошлом, ни в настоящем. Он тут же принял решение отбросить подозрения в сторону. В конце концов, это был метод, который он всегда клялся использовать: следовать строгим и проверенным принципам расследования. Ему следовало бы уже понять, что слишком много прислушиваться к этому так называемому внутреннему чутью было заманчиво только потому, что это было так просто. Он также знал, что, если ты хочешь выжить в качестве детектива отдела по расследованию убийств, ты должен уметь дистанцироваться от работы в своё свободное время. И чтобы сделать это, нужно сосредоточиться на чём-то другом. Так что теперь он сосредоточился на Крисе. На них двоих. На этом ужине и на вечере, который они собирались провести вместе. Когда он приехал, обстановка была слегка напряжённой, эхо их ссоры всё ещё слышалось. Но атмосфера уже улучшилась. Это должен был быть приятный ужин, а после него должен был быть хороший примирительный секс.

Поэтому, когда он почувствовал вибрацию

телефона, увидел, что это снова Харри, Крис посмотрел на него, приподняв одну бровь, как бы давая ему понять, что на карту поставлен тот самый примирительный секс, Сон Мин решил не отвечать на звонок. Конечно, это было нечто такое, что могло подождать. Не так ли? Сон Мин приказал своему правому указательному пальцу нажать «Отклонить», но он не подчинился. Он тяжело вздохнул и сделал извиняющееся лицо.

— Если я не отвечу, он просто будет продолжать звонить всю ночь. Я обещаю, это займёт всего двадцать секунд. — Не дожидаясь ответа, он отодвинул свой стул и выбежал на кухню, чтобы показать Крису, что он имел в виду буквально, когда сказал «Двадцать секунд».

— Давай быстро, Харри.

— Хорошо. Работает ли в Кримтехниск кто-нибудь, работающий по имени Арне?

— Арне. Ни о ком таком не могу вспомнить. Как его второе имя?

— Я не знаю. Не мог бы ты выяснить, кто в Кримтехниск проанализировал изъятие зелёного кокаина?

— Конечно, я займусь этим завтра.

— Надо сейчас.

— Сейчас, вечером?

— Сейчас, в течение следующих пятнадцати минут.

Сон Мин сделал паузу, чтобы дать Харри время осознать, насколько неразумной в пятницу вечером была такая просьба, да ещё к тому же обращённая к фактически его начальнику. Когда ни исправлений, ни извинений не последовало, Сон Мин прочистил горло.

— Харри, я бы хотел помочь, но прямо сейчас у меня кое-какие личные дела, и мне нужно расставить приоритеты, и факты не изменятся в течение двенадцати часов. Мой преподаватель в полицейском колледже утверждал, будто ты сам говорил, что расследование дела серийного убийцы — это не спринт, а марафон. И что тебе нужно держать правильный ритм. Но вот мои двадцать секунд истекли, Харри. Первое, что я сделаю завтра, это позвоню тебе.

— Хм.

Сон Мин хотел отнять телефон от уха, но рука снова отказалась повиноваться.

— Катрина сейчас вместе с этим парнем Арне, — сказал Харри.

Крис считал секунды. Его раздражало, что их прошло уже больше тридцати, когда Сон Мин снова сел напротив него. И ещё больше его раз-

дражало, что его парень не смотрел ему в глаза. По крайней мере, до тех пор, пока он не сделал глоток красного вина, название которого Крис уже успел забыть. Он чувствовал беспокойство Сон Мина, из-за которого он всегда чувствовал себя — в лучшем случае — на втором плане.

— Ты собираешься заняться работой, не так ли?

— Нет, нет, расслабься. Сегодня вечером мы с тобой собираемся повеселиться, Крис. Почему бы тебе не отнести этот бокал вина на диван, а я поставлю запись третьей симфонии Брамса, которую захватил с собой?

Крис подозрительно посмотрел на Сон Мина, но они прошли в гостиную. Именно Сон Мин убедил его купить виниловый проигрыватель, и пока Сон Мин ставил пластинку, он откинулся на спинку дивана.

— Закрой глаза! — приказал Сон Мин.

Крис сделал, как ему было сказано, и мгновение спустя в комнате зазвучала музыка. Он ждал, что диван прогнётся под весом Сон Мина там, где он оставил свободное место, но этого не произошло. Он открыл глаза.

— Эй! Сон Мин! Где ты?

Ответ донёсся из кухни.

— Просто делаю несколько быстрых звонков. Послушай пока виолончель.

Глава 49

Пятница
Кольцо

Ресторан «Фрогнерсетерен» располагался высоко над Осло, между коттеджами богатых горожан и их любимыми пешеходными маршрутами.

Направлявшиеся в ресторан посетители были одеты в костюмы и платья. В походной одежде были те, кто направлялся в соседнее кафе. Заведение находилось в шести минутах ходьбы от конечной станции метро, и когда Катрина добралась до места, ей не составило труда заметить Арне, который сидел один снаружи на террасе ресторана за большим массивным деревянным столом. Он встал и широко раскинул навстречу ей руки, улыбаясь своими милыми, печальными глазами из-под плоской кепки, и она слегка неохотно шагнула в его властные объятия.

— Не замёрзнем? — спросила она, когда они сели. — Они не включили уличные обогреватели. Похоже, внутри у них есть свободные столики.

— Да, но если мы сядем там, то не увидим кровавую луну.

— Понятно, — сказала она, всё же начиная дрожать. В городе внизу было не по сезону тепло, но здесь, наверху, температура была значительно ниже. Она подняла глаза на бледную луну. Она была в полной фазе, но в остальном выглядела вполне обычно.

— Когда появится кровь?

— Это не кровь, — сказал он со смешком.

Порой она чувствовала досаду, что он воспринимал её слова так буквально, как будто считал её ребёнком. Но она поняла, что это раздражает её гораздо сильнее теперь, когда в её голове так много тревожных мыслей, а на сердце ноющее ощущение, что самое время ей работать, потому что время работало не в их пользу.

— Затмение происходит, потому что земля находится между Солнцем и Луной. Таким образом, на короткое время Луна оказывается в тени Земли, — сказал он. — Следовательно, Луна должна быть чёрного цвета. Но направление световых лучей меняется, когда они пересекают что-нибудь с другой плотностью. Разве ты не помнишь этого из школьного курса физики, Катрина?

— Я изучала языки.

— О, ну что ж, когда солнечный свет падает на Землю, атмосфера отклоняет красную часть

световых лучей от поверхности Земли, и эти лучи попадают на поверхность Луны.

— Вот как! — сказала Катрина с сарказмом. — Значит, это свет, а не кровь.

Арне улыбнулся и кивнул.

— Человек с незапамятных времён с удивлением смотрит на небо. И мы продолжаем делать это даже сейчас, когда у нас уже есть так много ответов. И я думаю, это потому, что в необъятности пространства есть своего рода комфорт. Из-за этого мы и наши короткие жизни кажемся себе такими маленькими и незначительными. Следовательно, наши проблемы тоже кажутся незначительными. Сейчас мы здесь, а в завтра исчезнем, так зачем тратить то немногое время, что у нас есть, на беспокойство? Мы должны использовать его как можно лучше. Вот почему я сейчас попрошу тебя отключить свой разум, выключить свой телефон, выключить этот мир. Потому что только сегодня вечером мы с тобой будем иметь дело только с двумя величайшими явлениями. Со Вселенной… — он положил свою руку на её руку. — И с Любовью.

Эти слова тронули сердце Катрины. Конечно, тронули, она была простой душой. В то же время она осознавала, что эти слова, вероятно, тронули

бы её глубже, если бы их произнёс кто-то другой. Она также не знала, будет ли она спокойна, отключив телефон: дома у неё была няня, и никто не снимал с неё ответственность за расследование убийства, которое могло оказаться не таким простым, как они думали всего несколько часов назад.

Но она сделала, как он сказал. Выключила свой телефон. Так прошёл час. Всё это время они ели и пили, а у неё на уме было только одно: как бы прокрасться в туалет и включить телефон, чтобы проверить, нет ли пропущенных звонков или сообщений. Конечно, она могла бы сказать напрямик, что как планеты Арне не перестают вращаться, так и жизнь в Осло не останавливается и не делает перерыв. Словно подчёркивая эту мысль, она услышала тихий отдалённый гул сирены пожарной машины далеко внизу, в городской суете. Но она не хотела портить Арне эту ночь. В конце концов, он не знал, что это будет его последняя встреча с ней. Да, всё, что он говорил, было мило, но это было уже слишком. Слишком похоже на Пауло Коэльо, как сказал бы Харри.

— Ну что, пойдём? — спросил Арне после того, как расплатился.

— Пойдём?

— Я знаю место наверху, где меньше света, и нам оттуда будет ещё лучше видно кровавую луну.

— Где наверху?

— У озера Триван. Это всего в нескольких минутах ходьбы. Пойдём, затмение начинается через… — он взглянул на часы, — …восемнадцать минут.

— Что ж, тогда давай прогуляемся, — сказала она, поднимаясь на ноги.

Арне натянул маленький рюкзачок. Он просто лукаво подмигнул ей и предложил руку, когда она спросила, что у него в ней. Они направились в сторону Тривана. С вершины горы они могли видеть уходящую в небо прямо над озером стометровую телерадиобашню. Она перестала передавать сигналы много лет назад и теперь просто стояла там, как безоружный охранник у ворот Осло. Время от времени мимо них проезжали машины, бежали трусцой спортсмены, но на ведущей к озеру тропинке, на которую они свернули, никого не было.

— Вот хорошее место, — сказал он, указывая на бревно.

Они сели. Лунный свет жёлтой разделительной линией лежал на чёрной, как асфальт, воде перед ними. Он обнял её за плечи.

— Расскажи мне о Харри.

— Харри? — и застигнутая врасплох Катрина спросила, — почему о нём?

— Вы двое любите друг друга?

Она рассмеялась или закашлялась, сама не зная точно.

— Что, чёрт возьми, заставило тебя так подумать?

— У меня есть глаза.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда я увидел Харри в том баре, меня осенило, что он вылитый Герт. Или наоборот. — Арне рассмеялся. — Но не смотри так встревоженно, Катрина. Я сохраню твой секрет.

— Откуда ты знаешь, как выглядит Герт?

— Ты показывала мне фотографии. Разве ты не помнишь?

Она ничего не ответила, просто прислушалась к вою сирены в городе внизу. Где-то что-то горело, а она находилась не в том месте, где ей нужно было быть. Всё так просто, но как она могла ему это объяснить? Могла ли она использовать клише о том, что дело не в нём, а в ней? В конце концов, это было правдой. Кроме Герта, она умудрилась разрушить всё хорошее в своей жизни. Было очевидно, что мужчина, сидевший рядом с ней,

любил её, и она жалела, что не может ответить ему взаимностью. Потому что она не только жаждала быть любимой, но и стремилась полюбить кого-нибудь. Но только не того мужчину, который сейчас притягивал её ближе, мужчину с печальными глазами, который так много знал. Она открыла рот, чтобы сказать ему это, ещё не решив точно какими словами, просто знала, что должна это сказать. Но он опередил её.

— Я даже не уверен, хочу ли я знать, что именно было у вас с Харри. Единственное, что для меня важно, — это то, что мы с тобой сейчас вместе. И что мы любим друг друга. — Он взял её руку, поднёс к губам и поцеловал. — Я хочу, чтобы ты знала, что в моей жизни более чем достаточно места и для тебя, и для Герта. Но, боюсь, не для Харри Холе. Это же не будет слишком много, если я прошу о том, чтобы у тебя с ним больше не было никаких контактов?

Она уставилась на него.

Теперь он держал обе её руки в своих.

— Что скажешь, дорогая? Всё в порядке?

Катрина медленно кивнула.

— Да, — сказала она, лицо Арне озарилось широкой улыбкой, и он открыл рюкзак прежде, чем она закончила предложение, — ...это *будет*

слишком много.

Его улыбка угасла по краям, и она словно застыла на его лице.

Она тут же пожалела об этом, потому что теперь он просто сидел там с видом жалкой побитой собаки. И она заметила, что бутылка, которую он наполовину вытащил из рюкзака, была «Монраше», то самое белое вино, которое, как ему взбрело в голову, было её любимым. Ладно, может быть, это был не тот мужчина, который ей нужен. Но он мог бы, по крайней мере, стать её мужчиной на одну ночь. Это она могла ему дать наверняка. Она могла себе дать это. Одну ночь. А утром она могла бы довести всё до логического конца.

Арне снова полез в рюкзак.

— И это я тоже захватил с собой…

— Грегерсен.

— Сон Мин Ларсен, Крипос. Извините, что звоню тебе домой в пятницу вечером, но я перепробовал все прямые линии в Кримтекниск, но никто не ответил.

— Да, мы закрылись на выходные. Но всё в порядке, продолжай, Ларсен.

— Я интересуюсь изъятым в аэропорту Гардермуэн кокаином, из-за которого у перевозивших его офицеров возникли неприятности.

— Да, я знаю, кого ты имеешь в виду.

— Ты знаешь, кто проводил анализ с вашей стороны?

— Да, я знаю.

— Отлично.

— Никто этого не делал.

— Прошу прощения?

— Никто.

— Что ты имеешь в виду, Грегерсен? Ты хочешь сказать, что эта партия никогда не подвергалась анализу?

Прим посмотрела на неё. На Женщину, на свою избранницу. Правильно ли он расслышал? Неужели она сказала, что ей не нужно кольцо с бриллиантом?

Сначала она закрыла рот руками, бросила быстрый взгляд на маленькую коробочку, которую он держал перед ней, и воскликнула:

— Я не могу это принять.

«Такая спонтанная, паническая реакция, конечно, неудивительна, когда тебя застают врасплох, — подумал Прим. — Когда кто-то держит что-то перед тобой, символ всей твоей оставшейся жизни, предмет, представляющий нечто слишком великое, чтобы втиснуть его в одно предложение».

Поэтому он позволил ей перевести дыхание, прежде чем повторить слова, которые, как он решил, будут сопровождать его действия.

— Возьми это кольцо. Возьми меня. Возьми нас. Я люблю тебя.

Но она снова покачала головой.

— Спасибо тебе. Но это было бы неправильно.

Было бы неправильно? Что может быть более правильным? Прим объяснил ей, как он копил деньги и ждал подходящего случая, потому что это было *правильно*. Более того, *идеально*. Смотри, даже небесные тела в бархатной черноте над ними отмечали это как особое событие.

— Это идеальное кольцо, — сказала она. — Но это не для меня.

Она опустила голову и бросила на него скорбный взгляд, чтобы дать ему понять, в какой плачевной ситуации он оказался. Или, скорее, как ей было *жаль его*.

Да, он не ослышался.

Прим услышал какой-то торопливый звук. Не шелест лёгкого ветерка в верхушках деревьев, как он себе представлял, а звук телевизора, который больше не принимает никаких сигналов, одинокий, без связи, без цели и смысла. Звук продолжал нарастать, давление в голове усиливалось, хотя

оно и без того было невыносимым. Ему нужно было исчезнуть, чтобы его больше не было. Но он не мог исчезнуть, не мог просто свести себя на нет. Значит, ей нужно было исчезнуть. Ей больше не нужно было существовать. Или — именно тогда ему пришло в голову — ему, другому мужчине, нужно было исчезнуть. Пусть исчезнет причина. Исчезнет человек, который отравил её, ослепил, сбил с толку. Человек, который сделал так, что она больше не могла отличить его, Прима, настоящую любовь от манипуляций этого мужчины-паразита. Это он, полицейский, заразил её токсоплазмозом.

— Ну, если это не для тебя, — сказала Прим, закрывая коробочку с бриллиантовым кольцом, — тогда вот это для тебя.

Прямо над ними началось затмение, ночь, словно хищный каннибал, начала обгладывать левый край луны. Но там, где они сидели вдвоём, всё ещё было более чем достаточно лунного света, и он мог видеть, как расширились её зрачки, когда она уставилась на нож, который он достал.

— Что… — сказала она. Её голос звучал сухо, и она сглотнула, прежде чем продолжить, — …это… такое?

— Как ты думаешь, что это такое?

Он мог сказать по её глазам, о чём она думает, видел, как её губы формируют слова, но они не слетели с губ. Поэтому он произнёс их за неё.

— Это орудие убийства.

Она выглядела так, словно собиралась что-то сказать, но он быстро поднялся на ноги и оказался у неё за спиной. Запрокинул её голову назад и прижал нож к её горлу.

— Это орудие убийства, которым были вскрыты яремные вены Сюсанны Андерсен и Хелены Рё. И который скроет твою вену. Если ты не сделаешь в точности, как я говорю.

Он откинул её голову назад так далеко, что смог заглянуть ей в глаза.

Сейчас они смотрели друг на друга перевернув головы, так, вероятно, они смотрели на миры друг друга. Да, возможно, это никогда бы не сработало. Возможно, он уже ранее это знал. Возможно, именно поэтому, несмотря ни на что, он планировал запасное решение на случай, если она не примет кольцо. Он ожидал, что она посмотрит на него с недоверием. Но она этого не сделала. Она смотрела так, словно верила каждому его слову.

И это было хорошо.

— Ч-что я должна делать?

— Ты позвонишь своему полицейскому и сде-

лаешь приглашение, от которого он не сможет отказаться.

Глава 50

Пятница
Пропущенные вызовы

Старший официант поднял трубку звонящего телефона.

— Ресторан «Фрогнерсетерен».

— Это Харри Холе. Я пытаюсь связаться с инспектором Катриной Братт, которая ужинает у вас сегодня вечером.

Старший официант был несколько озадачен. Не только потому, что на телефоне была включена громкая связь, но и потому, что имя этого человека показалось ему знакомым.

— Я смотрю на список гостей, мистер Холе. Но я не вижу брони на её имя.

— Вероятно, столик забронирован на джентльмена. Его зовут Арне, я не знаю его фамилии.

— Арне нет, но у меня здесь есть несколько фамилий без имён.

— Окей. Он блондин, возможно, носит плоскую кепку. Она темноволосая, с бергенским акцентом.

— Ага. Да, они ужинали снаружи, я обслуживал

их столик.

— Ужинали?

— Ага, они покинули ресторан.

— Мм. Ты случайно не слышал чего-нибудь, что могло бы дать представление о том, куда они могут направляться?

Старший официант колебался.

— Я не уверен, что я…

— Это важно, это касается полицейского расследования убитых женщин.

Старший официант понял, где он слышал это имя раньше.

— Джентльмен пришёл пораньше и попросил одолжить два бокала для вина. У него была бутылка «Ремуассен Шассань-Монраше», он сказал, что собирается сделать ей предложение у озера Триван после ужина, и я одолжил ему бокалы. Понимаете, это был урожай 2018 года.

— Спасибо.

Харри потянулся к телефону, лежащему на одеяле Эуне, и завершил разговор.

— Нам нужно немедленно добраться до Тривана. Трульс, можешь связаться со службой экстренной помощи и попросить их прислать туда патрульную машину? С сиреной и мигалками.

— Я попробую, — сказал Трульс, доставая свой

телефон.

— Готов, Эйстейн?

— О, да прибудет с нами «Мерседес».

— Удачи, — сказал Эуне.

Все трое уже собирались выйти за дверь, когда Харри достал телефон, посмотрел на дисплей и остановился, уже поставив одну ноги по другую сторону порога. Дверь захлопнулась и выбила телефон из его рук. Он наклонился и поднял его с пола.

— Что происходит? — крикнул снаружи Эйстейн.

Харри сделал глубокий вдох.

— Это звонок с номера Катрины. — Он заметил, что автоматически предположил, что звонила не она.

— Ты не собираешься ответить? — спросил Эуне с кровати.

Харри мрачно взглянул на него. Кивнул. Нажал «Ответить» и поднёс телефон к уху.

— Ты уверен? — спросил командир Брисайд.

Пожарный постарше кивнул. Брисайд вздохнул и взглянул на горящую виллу, которую его команда поливала водой. Посмотрел на луну. Сегодня вечером она выглядела странно, как будто что-то с ней было не так. Он снова вздохнул,

слегка поправил пожарную каску на голове и направился к одинокой патрульной машине. Автомобиль был из Отдела полиции по вопросам дорожного движения и морских перевозок и подъехал вскоре после того, как на место прибыли пожарные машины. С того момента, как в 20:50 на станцию поступило сообщение о пожаре на вилле в Гаустаде, прошло десять минут тридцать пять секунд, прежде чем Брисайд и его коллеги прибыли на место происшествия. Ситуация бы не изменилась, если бы на дорогу они потратили на две минуты больше. Дом уже до этого пострадал от пожара и в течение многих лет пустовал, поэтому вероятность того, что чья-либо жизнь подвергается опасности, была минимальной. Не было также опасности распространения огня на соседние виллы. Подростки из неблагополучных семей, поджигающие такие дома, были не такой уж редкостью, но был ли это поджог или нет — это вопрос, на который они смогут ответить позже. Сейчас главная забота заключалась в том, чтобы потушить огонь. В каком-то смысле это можно было назвать практически упражнением. Проблема заключалась в том, что дом находился прямо возле Третьей кольцевой дороги и к трассе шёл густой чёрный дым, поэтому сюда и прие-

хали сотрудники отдела дорожного движения. К счастью, обычно оживлённое по пятницам движение из города утихло, но с холма, на котором сейчас находился Брисайд, он видел фары машин — по крайней мере тех, что не были окутаны дымом, — неподвижно стоящих на автостраде. По данным отдела дорожного движения, в обоих направлениях от перекрёстка Сместад до Уллевола были заторы. Брисайд сказал женщине-полицейскому, что потребуется время, прежде чем они смогут взять огонь под контроль, и только потом дым рассеется. Так что люди не сразу смогут добраться туда, куда они направлялись. Во всяком случае, сейчас они закрыли подъездные пути, и другие машины больше не выезжали на автостраду.

Брисайд подошёл к полицейской машине. Женщина-офицер опустила стекло.

— В конце концов, тебе, наверное, стоит пригласить сюда кого-нибудь из своих коллег, — сказал он.

— Вот как?

— Видишь вон того? — Брисайд указал на пожарного постарше, стоявшего рядом с одной из машин. — Мы зовём его Нюх. Потому что он во время пожара способен уловить этот запах среди

всех остальных. Нюх никогда не ошибается.

— Этот запах?

— *Этот* запах.

— Какой именно?

Она была глуповатой? Брисайд откашлялся.

— Когда у тебя барбекю, повсюду *пахнет барбекю.*

По её лицу он мог сказать, что до неё дошло. Она потянулась за рацией.

— Ну и что на этот раз?

— Что на этот раз? — раздался слегка растерянный голос Харри на другом конце.

— Да! Что случилось? Я только что включила телефон, а от тебя семь пропущенных вызовов.

— Где ты и что делаешь?

— Почему ты спрашиваешь? Что-то не так?

— Просто ответь.

Катрина вздохнула.

— Я иду на станцию «Фрогнерсетерен». Оттуда собираюсь пойти сразу домой и выпить что-нибудь покрепче.

— А Арне? Он с тобой?

— Нет. — Катрина пошла вниз по той же дороге, по которой они пришли, только теперь более быстрыми шагами. Луна наверху медленно пожиралась тьмой, возможно, именно это зрелище

заставило её отказаться от медленных мучений и вонзить нож ему прямо в сердце. — Нет, он уже не со мной.

— То есть не там, где ты сейчас?

— То есть в обоих смыслах.

— Что случилось?

— Да уж, что же случилось… Вкратце, Арне живёт в другом и, без сомнения, лучшем мире, чем я. Он знает всё об элементах Вселенной, и всё же он смотрит на мир через розовые очки и видит вещи такими, какими хочет, чтобы они были, а не такими, какие они есть на самом деле. Наш с тобой мир, Харри, место более уродливое. Но зато настоящее. В этом смысле мы должны позавидовать таким, как Арне. Я думала, что смогу вытерпеть его сегодня вечером, но я плохой человек. Я сорвалась и сказала ему всё, как есть, и что я не выдержу больше ни секунды.

— Вы… э-э-э, расстались?

— Я с ним порвала.

— Где он сейчас?

— Когда я уходила, он сидел в слезах возле Тривана с бутылкой «Монраше» и парой хрустальных бокалов. Но хватит о мужчинах, зачем ты звонил?

— Я звоню, потому что думаю, что кокаин был

разбавлен в Кримтекниске. И что это сделал Арне.

— Арне?

— Мы отправили патрульную машину, чтобы взять его.

— Ты свихнулся, Харри? Арне не работает в отделе криминалистики.

Харри молчал несколько мгновений.

— Где…

— Арне Сэтен — научный сотрудник, университетский преподаватель физики и астрономии.

Она услышала, как Харри прошептал тихое «Твою мать» себе под нос и крикнул:

— Трульс! Отменяй эту патрульную машину.

Затем он заговорил в трубку телефона:

— Прости, Катрина. Кажется, у меня истёк срок годности.

— Ах, правда?

— Это уже третий раз, когда я пошёл ва-банк и ошибся в этом долбаном деле. Я готов отправиться на свалку.

Она рассмеялась.

— Просто ты немного переутомлён, как и все мы, Харри. Отключи мозг и отдохни. Разве ты не собирался смотреть затмение вместе с Александрой Стурдза и Хельге Форфангом? Ты всё ещё

можешь успеть. Я вижу, что луна закрыта едва ли больше чем наполовину.

— Мм. Окей. Пока.

Харри повесил трубку, наклонился вперёд в кресле и обхватил голову руками.

— Чёрт, чёрт.

— Не будь слишком строг к себе, Харри, — сказал Эуне.

Он не ответил.

— Харри? — осторожно сказал Эуне.

Харри поднял голову.

— Я не могу это так оставить, — сказал он хриплым голосом. — Я знаю, что я прав. Что я *почти* прав. Рассуждение верное, только где-то есть одна маленькая ошибка. Мне нужно найти её.

Вот и всё, подумала Тхань, увидев, как его рука приближается к её лицу.

Что именно «всё», она не совсем понимала. Просто это было нечто опасное. Волнующе опасное. Что-то, чего ей следовало бояться, чего она *и боялась* раньше, но только не теперь. Потому что это не было опасно с большой буквы «О», она была в этом уверена, всё в нём говорило ей об этом.

Его рука остановилась. И замерла в воздухе, словно застыла в форме пистолета. А потом она поняла, что он не пытался дотронуться до неё, а

указывал пальцем. Она повернула голову в том направлении, куда был направлен его указательный палец, и ей пришлось приподняться на локтях, чтобы видеть дальше. Непроизвольно она сделала глубокий вдох. И задержала дыхание.

Там на залитой лунным светом лесной поляне у подножия склона она увидела четырёх, нет, *пять* лисиц. Четыре детёныша тихо играли, а взрослая лиса присматривала за ними. Один из детёнышей был немного крупнее остальных, и именно он привлёк её внимание.

— Это…? — прошептала она.

— Да, — ответил Джонатан. — Это Нхи.

— Нхи. Откуда ты узнал, как я назвала…?

— Я видел тебя. Ты использовала это имя, когда играла с ним и кормила. Ты разговаривала с ним больше, чем со мной. — В темноте она увидела, что он улыбается.

— Но как это… произошло? — она кивнула в сторону лисиц.

Джонатан вздохнул.

— Я из тех идиотов, которые берут запрещённых животных. Как тот парень с двумя слизнями горы Капутар, уговоривший меня взять одного из них, потому что он думал, что, если кормить и заботиться о них в двух разных местах, хотя бы у

одного из них появится шанс выжить. Мне следовало отказаться. Мой магазин закрыли бы, если бы тот полицейский обнаружил его. И я не спал с тех пор, как спустил его в унитаз. Но, по крайней мере, с Нхи у меня было время подумать. Я знал, что мы не можем скрывать Нхи бесконечно, и тогда органы охраны окружающей среды его усыпят. Так что, я отвёз его к ветеринару, который признал его здоровым. Затем я поместил его в эту стаю лис, которые, как мне было известно, здесь жили. Конечно, я не мог быть уверен, что они примут Нхи, и я знал, как ты любишь этого лисёнка. Поэтому я не хотел ничего тебе говорить до тех пор, пока не совершил несколько поездок сюда и не убедился, что с ним всё в порядке.

— Ты не хотел говорить мне, потому что боялся, что я расстроюсь?

Она увидела, как Джонатан слегка поёжился.

— Я просто подумал, что могу сделать тебе больно, если обнадёжу впустую, и ещё больнее, если всё пойдёт не так, как ты думала и мечтала.

«Потому что ты знаешь об этом не понаслышке», — подумала Тхань. И ещё подумала, что однажды она узнает об этом побольше.

Но прямо сейчас она не знала, была ли это темнота, опьяняющая радость и облегчение, луна

или просто усталость, но ей захотелось обнять его.

— Наверное, уже слишком поздно, и ты устала, — сказал он. — Мы можем вернуться сюда в другой день, если захочешь.

— Да, — прошептала она. — Мне бы этого очень хотелось.

На обратном пути ей пришлось поторопиться, чтобы не отставать. Не то чтобы он двигался быстро, но он делал большие шаги, и ему явно было привычно находиться в лесу. Пока они пересекали болото в лунном свете, она всматривалась в него со спины. Язык его тела и манера поведения здесь также отличались от тех, что были в магазине в городе. Он излучал какое-то удовлетворение и счастье, единение с природой, как будто здесь был его настоящий дом. Возможно, счастье, которое он испытывал, было также связано с осознанием того, что он сделал счастливой её. Она подозревала, что так и было. Он, конечно, пытался это скрыть, но теперь она его раскусила, и его кислое лицо больше не могло её обмануть.

Она увеличила скорость до бега. Возможно, он думал, что, проведя всего лишь час в лесу, она тоже почувствовала себя здесь как дома, во всяком случае, он, очевидно, уже не видел необходимо-

сти вести её за руку.

Она вскрикнула и притворилась, что споткнулась. Он резко остановился, и её ослепил его фонарик на голове.

— Ой, извини. Я… с тобой всё в порядке?

— Да, всё хорошо, — сказала она и протянула руку.

Он взял её за руку.

Затем они пошли дальше.

Тхань задавалась вопросом, влюблена ли она. И если да, то как долго. И — если она действительно была влюблена — как трудно будет заставить его осознать это.

Глава 51

Пятница
Прим

— Харри, тебе должно полегчать, — сказал Эуне.
— Что не так теперь?

Чуть раньше из палаты 618 вышли Эйстейн и Трульс.

Харри посмотрел на своего умирающего друга.

— В Лос-Анджелесе живёт пожилая женщина. У неё были неприятности, и я пытался… ну, исправить ситуацию.

— Поэтому ты вернулся обратно в Норвегию?

— Ага.

— Я догадывался, что причина была в чём-то другом, а не в работе на Маркуса Рё.

— Мм. Я расскажу тебе об этом как-нибудь в другой раз, я бы сказал, эта история как раз для психолога.

Эуне усмехнулся и взял друга за руку.

— В следующий раз, Харри.

Харри был совершенно не готов к появившимся внезапно слезам. Он сжал руку Столе. Ничего не сказал, потому что знал, что его голос дрогнет.

Застегнул пиджак и быстро вышел в коридор.

Эйстейн и Трульс, стоявшие перед дверями лифта в нескольких метрах дальше по коридору, повернулись в его сторону.

Телефон Харри зазвонил. Что он ответит, если это полиция Лос-Анджелеса? Он достал телефон и взглянул на экран. Это была Александра — ему, конечно, следовало дать ей знать, что он не приедет смотреть затмение. Он медлил с ответом, пытаясь решить, стоит ли ему поехать туда. Пропустить бокал-другой, всю бутылку в одиночестве в баре отеля The Thief казалось сейчас гораздо более заманчивой перспективой. Но нет. Лучше лунное затмение с крыши Института судебной медицины. Вот это было бы чудесно. Когда он нажал, чтобы принять вызов, на экране появилось текстовое сообщение. Оно пришло от Сон Мина Ларсена.

— Привет, — сказал он, начиная читать сообщение.

— Привет, Харри.

— Это ты, Александра?

— Да.

— Твой голос, — сказал Харри, проводя взглядом по тексту сообщения, — звучит как-то по-другому.

«Анализ кокаина не проводили в Кримтехниске из-за высокой загруженности, его отправили в Институт судебной медицины. Там им занимался Хельге Форфанг, который и поставил дату и подпись на заключении о составе кокаина».

Харри почувствовал, что его сердце перестало биться. Они мелькали перед его глазами, все разрозненные кусочки, которые не совпадали друг с другом, и теперь, в течение нескольких ошеломляющих секунд, слились воедино. Александра показывает ему Институт судебной медицины и говорит, что, когда Кримтехниск не может справиться с количеством анализов, их просто отправляют сюда. Хельге прямо говорящий Харри, что паразит Токсоплазма гондии — его область исследований. Александра говорит ему, что пригласила Хельге на вечеринку на крыше, куда люди приходили без приглашения. Ассистент по судебно-медицинским экспертизам мог легко поместить материал ДНК на трупы Сюсанны и Бертины, чтобы направить подозрения на конкретного человека, он мог сделать это в зале для вскрытия после того, как тела были найдены. Но самое главное: запах мускуса в зале для вскрытия, когда Хельге только что был там, и запах, который, по мнению Харри, исходил от тела. Тот же

запах, который Харри услышал, наклонившись ближе к Хельге, когда тот только что вырезал глаз Сюсанны Андерсен, и который, как подумал Харри — такой идиот, исходил от глаза.

Разные кусочки. И все они сложились в мозаику, в большую, но ясную и чёткую картину. И, как всегда, когда всё вставало на свои места, Харри удивлялся, как он мог этого не увидеть до сих пор.

Снова послышался голос Александры, такой испуганный, что он едва его узнал.

— Ты можешь приехать сюда, Харри?

Умоляющий тон. *Слишком умоляющий*. Не та Александра Стурдза, которую он знает.

— Где ты? — спросил Харри, пытаясь выиграть время, чтобы подумать.

— Ты знаешь где. На крыше…

— Института судебной медицины, хорошо, — Харри махнул рукой Эйстейну и Трульсу и снова вернулся в палату 618. — Ты там одна?

— Почти.

— Почти?

— Я же говорила тебе, что мы с Хельге собираемся смотреть затмение.

— Мм, — Харри глубоко вздохнул и понизил голос почти до шёпота. — Александра? — Хар-

ри опустился в кресло рядом с кроватью, когда Трульс и Эйстейн вошли в комнату.

— Да, Харри?

— Теперь слушай меня внимательно. Веди себя, как обычно, и просто ответь «да» или «нет». Ты сможешь уйти оттуда, не вызвав подозрений, сказав, что тебе нужно в туалет или принести что-нибудь?

Нет ответа. Харри отодвинул телефон от своего уха, а остальные трое из группы Эуне склонили головы к его «Самсунгу».

— Александра? — прошептал Харри.

— Да, — ответила она бесцветным голосом.

— Хельге — убийца. Тебе нужно уходить. Покинь здание или запрись где-нибудь до тех пор, пока мы не приедем. Окей?

Послышался треск. А затем ещё один голос, мужской.

— Нет, Харри. Не окей.

Голос был знакомым и одновременно чужим, как ещё одна версия знакомого вам человека. Харри глубоко вздохнул.

— Хельге, — сказал он. — Хельге Форфанг.

— Да, — подтвердил голос. Голос стал не просто ниже, чем Харри помнил, но и звучал более расслабленно и уверенно. Как будто он принадле-

жал тому, кто уже победил. — Или вообще-то ты можешь звать меня Прим. Все, кого я ненавидел, так меня звали.

— Как пожелаешь, Прим. Что происходит?

— Это совершенно верный вопрос, Харри. Происходит то, что я сижу здесь с ножом у горла Александры и гадаю, что нам двоим готовит будущее. Возможно, нам троим, поскольку ты тоже часть этого, не так ли? Я понимаю, что разоблачён и потерял позицию, как говорят в шахматах. Я держался, надеясь избежать этого, но даже если бы я знал, что всё пойдёт именно так, не изменил бы того, что сделал. Я очень горжусь тем, чего мне удалось достичь. Думаю, даже мой дядя будет горд, когда прочитает об этом — *если* он прочитает об этом. Если его заражённому паразитами мозгу удастся уцепиться за жизнь.

— Прим…

— Нет, Харри, я определённо не думал, что смогу избежать наказания за то, что сделал. На самом деле, я планировал покончить с собой, когда всё это закончится, но кое-что произошло. Что-то, что дало мне желание жить дальше. Вот почему я заинтересован в том, чтобы договориться о максимально мягком наказании. Но чтобы иметь сильную переговорную позицию, нужно

иметь то, о чём можно торговаться, а у меня есть заложница, которую я могу пощадить или не пощадить. Я почти уверен, что ты всё понял, Харри.

— Лучший шаг, который ты можешь сделать, чтобы добиться более мягкого приговора, это позволить Александре уйти и немедленно сдаться полиции.

— Лучший для тебя, ты имеешь в виду. Убрать меня с дороги, чтобы получше прицелиться.

— Прицелиться куда, Прим?

— Не прикидывайся дураком. В Александру. Ты заразил её, заставил её желать тебя, заставил поверить, что тебе есть что ей предложить. Например, настоящую любовь. Что ж, вот твой шанс доказать, что это правда. Что ты скажешь об обмене, ты меняешься местами с ней?

— И ты отпустишь её?

— Конечно. Никто из нас не хочет, чтобы Александра пострадала.

— Окей. Тогда у меня есть предложение, как это сделать.

Смех Хельге был выше звук его голоса.

— Хорошая попытка, Харри, но думаю, мы сделаем всё по моему плану.

— Мм. И каков он?

— Ты едешь сюда вместе с ещё одним чело-

веком, паркуешься перед зданием, чтобы я мог видеть, как вы двое — и только вы двое — выходите из машины и идёте к зданию. Я открою дверь отсюда. Как только ты выйдешь из машины, я хочу видеть, как на твои руки, расположенные за спиной, надевают наручники. Понятно?

— Да.

— Вы оба подниметесь на лифте, подойдёте к двери, ведущей на крышу, приоткройте её совсем чуть-чуть и дадите мне знать, что вы там. Если ты ворвёшься на крышу, я перережу Алекс горло. Ты ведь и это понимаешь, верно?

Харри сглотнул.

— Ага.

— Итак, когда я вам разрешу, вы оба войдёте *спиной вперёд* через дверь на крышу.

— Спиной вперёд?

— Так делают в тюрьмах строгого режима, верно?

— Ага.

— Тогда ты знаешь, как это происходит. Ты пойдёшь первым. Восемь шагов назад. Затем остановишься и опустишься на колени. Тот, кто будет с тобой, сделает четыре шага назад и тоже встанет на колени. Если всё не будет сделано в точности так, как…

— Я понял. Восемь и четыре шага назад.

— Хорошо, ты соображаешь. Я приставлю нож к твоему горлу, пока Александра идёт к двери с крыши. Твой коллега проведёт её до машины, и они уедут.

— А потом?

— Затем начнутся переговоры.

Наступила пауза.

— Я знаю, о чём ты думаешь, Харри. Зачем менять хорошего заложника на плохого? Зачем отказываться от молодой, невинной женщины, которой, как знают и полиция, и политики, вызовет гораздо больше сочувствия среди обывателей, чем стареющий полицейский-детектив мужского пола?

— Ну…

— Ответ прост: я люблю её, Харри. И чтобы убедиться, что она готова дождаться, пока я вновь стану свободным человеком, я должен продемонстрировать ей свою истинную любовь. Я думаю, что присяжные также увидят в этом смягчающее обстоятельство.

— Я уверен, что увидят, — сказал Харри. — Встречаемся через час?

В трубке снова раздался пронзительный смех.

— Ещё одна хорошая попытка, Харри. Ты же не

думаешь, что я планирую дать тебе достаточно времени, чтобы предупредить группу быстрого реагирования и собрать половину всех сил полиции до обмена?

— Хорошо, но мы далековато. Сколько времени у нас будет, чтобы туда добраться?

— Я думаю, ты лжёшь, Харри. Я не думаю, что ты так далеко. Ты видишь луну с того места, где находишься?

Эйстейн быстро подошёл к окну. Кивнул.

— Да, — сказал Харри.

— Тогда ты видишь, что затмение уже началось. Когда луна полностью закроется, я перережу Александре горло.

— Но…

— Если расчёты астрономов верны, то у вас есть… дай мне взглянуть… двадцать две минуты. И ещё кое-что. У меня есть глаза и уши во многих местах, и если я увижу или услышу, что полиция предупреждена до вашего приезда, Александра умрёт. Всё, поторопись.

— Но… — Харри остановился и поднял телефон, чтобы сообщить остальным, что связь прервана.

Он взглянул на время. Хельге Форфанг дал им достаточно времени. Если бы они поехали по Третьему кольцу, то дорога до Института судеб-

ной медицины при больнице «Рикшоспиталь» не заняла бы больше пяти-шести минут.

— Все всё поняли? — спросил он.

— Частично, — сказал Эуне.

— Его зовут Хельге Форфанг, он работает в Институте судебной медицины и держит свою коллегу в заложниках на крыше. Он хочет обменять её на меня. У нас есть двадцать минут. Мы не можем связаться с полицией, а если свяжемся, то велика вероятность, что он это обнаружит. Нам нужно ехать туда сейчас же, но приехать могут только я и кто-то ещё один.

— Тогда я поеду, — твёрдо сказал Трульс.

— Нет, — столь же твёрдо сказал Эуне.

Остальные посмотрели на него.

— Ты слышал его, Харри. Он собирается убить тебя. Вот почему он хочет, чтобы ты был там. Он любит её, но ненавидит тебя. Он не собирается вести переговоры. Возможно, у него слабое представление о реальности, но он знает не хуже тебя или меня, что торг заложником не приводит к смягчению приговора.

— Возможно, — сказал Харри. — Но даже ты не можешь быть уверен, насколько он невменяем, Столе. Он *может* верить, что у него всё получится.

— Это кажется маловероятным, но ты планируешь рискнуть своей жизнь, рассчитывая на это?

Харри пожал плечами.

— Часы тикают, господа. И да, я думаю, что старый, никому не нужный детектив по убийствам вместо молодого таланта в области медицинских исследований — это плюс. Это простая математика.

— Именно! — сказал Эуне. — Простая математика.

— Хорошо, мы согласны. Трульс, ты готов идти?

— У нас проблема, — сказал Эйстейн у окна. Он что-то печатал в телефоне. — Я вижу, что вся дорога стоит намертво. Необычно для такого позднего вечера. Пишут, что Третье кольцо закрыто из-за дыма от горящего дома. Это означает, что все дороги поменьше битком набиты, и, как таксист, я могу гарантировать, что мы не доберёмся до больницы «Рикшоспиталь» за двадцать минут. И даже за тридцать.

Люди в комнате, включая Джибрана, переглянулись.

— Верно, — сказал Харри и взглянул на часы. — Трульс, не хотел бы ты злоупотребить своим несуществующим авторитетом полицейского?

— С удовольствием, — сказал Трульс.

— Отлично. Тогда давай пойдём в отделение неотложной помощи и реквизируем машину скорой с мигалками и сиреной, что ты скажешь?

— Звучит заманчиво.

— Стоп! — крикнул Эуне, ударив кулаком по прикроватной тумбочке, перевернув пластиковый стаканчик и выплеснув воду на пол. — Разве вы все не слышите, что я говорю?

Глава 52

Пятница
Сирены

Прим услышал, как в темноте ночи нарастает и затихает вой сирен. Скоро вся луна будет кроваво-тёмной, и небо будет освещено только жёлтыми огнями города внизу. Звучали не полицейские сирены, и не сирены пожарных машин, которые он уже слышал этим вечером. Это были звуки машины скорой помощи. Конечно, это могла быть машина, направлявшаяся в больницу «Рикшоспиталь», но что-то подсказывало ему, что это Харри Холе предупреждает о своём прибытии. Прим открыл сумку, в которой лежал полицейский радиоприёмник, и включил его. Вполне возможно, Харри сообщил своим коллегам, не говоря об этом ни слова по эфиру, ведь Прим был не первым преступником, имевшим доступ к полицейским частотам. Но что-то в мирной и спокойной атмосфере радиопереговоров подсказало Приму, что сейчас в городе не так много полицейских, которые были бы в курсе происходящего. Самым драматичным инцидентом

этого вечера, по-видимому, стало обнаружение обугленных человеческих останков на горящей вилле в Гаустаде.

Прим поставил свой стул прямо за креслом Александры, так что они оба видели металлическую дверь, через которую должны были войти полицейский и его спутник. Он подумывал о том, чтобы позволить прийти только Харри, но не мог исключить, что потребуется ещё кто-нибудь, чтобы при необходимости увести её силой. Время от времени порыв ветра доносил запах дыма из Гаустада, расположенного где-то в полукилометре отсюда. Прим не хотел вдыхать этот запах. Он больше не хотел, чтобы в нём было что-то от Маркуса Рё. Он покончил с ненавистью. Теперь осталась только любовь. Ладно, её первой реакцией было отвергнуть его. Неудивительно. То, как он всё выпалил, естественно, вызвало у неё шок, а естественной реакцией на шок является бегство. Она думала, что они просто друзья! Может быть, она действительно верила, что он гей. Возможно, она приняла его действия за своего рода флирт, предлог для того, чтобы пригласить его прогуляться по городу и на вечеринки без каких-либо скрытых мотивов. Он отчасти подыграл ей, подумал, что, возможно, ей нужен был этот

предлог, даже признался, что занимался сексом с одним мужчиной, не упомянув, что имеет в виду, что его насиловал его отчим. Они с Александрой так хорошо провели время! Очевидно, чтобы осознать, что он её любит, требовалось время, кольцо с бриллиантом появилось слишком рано. Да, любовь осталась. Но для того, чтобы у их любви был шанс, то, что держало её в тени, должно было исчезнуть.

Прим нащупал шприц во внутреннем кармане. После разговора с Харри, Прим показала его Александре и всё объяснил. Возможно, ей не хватало знаний в области микробиологии, чтобы стать идеальной аудиторией, но её медицинское образование делало её более компетентной, чем среднестатистический слушатель. Достаточно компетентной, чтобы понять, каким прорывом в паразитологии является создание паразитов, которые «работают» в десять раз быстрее, чем прежние и медленные. Но он не мог сказать, что услышал ожидаемые *охи-ахи,* когда рассказал, как модифицированные им паразиты гондии проникли в мозг Терри Воге менее чем за час. Без сомнения, она была слишком напугана, чтобы всё осознать. Вероятно, она считала, что её жизнь в опасности. И, да, так и было бы, если бы Харри

Холе не был бы таким предсказуемым. Но Холе собирался поступить именно так, как приказывал он, Прим. Холе был старой закалки — для него женщины и дети были превыше всего. И он хотел приехать сюда вовремя. Прим наконец-то почувствовал радость, которой так не хватало, когда он поджаривал голову своему отчиму. Конечно, битва была проиграна. Александра отказалась от кольца, и Харри Холе раскрыл его. Но война ещё не окончена, и он победит. Первое, что нужно было сделать, навсегда устранить своего соперника. Именно таков закон мира животных, а мы, люди, в конце концов, являемся животными. И ему, конечно, придётся отправиться в тюрьму. Но с этого момента он научит Её любить его. И она полюбит его, потому что, когда Харри потерпит поражение, она осознает, что именно он, а не этот полицейский, её настоящий мужчина-самец. Это было так просто. Не банально, а просто. Несложно. Всего лишь вопрос времени.

Он посмотрел на луну.

До полного затмения на ней оставался светлым только крохотный кусочек серебряной поверхности. Но сирены приближались, теперь они звучали совсем близко.

— Ты слышишь, как он едет, чтобы спасти тебя?

— Прим провёл пальцем по спине Александры. — Это делает тебя счастливой? Что кто-то любит тебя так сильно, что готов умереть за тебя? Но ты должна знать, что я люблю тебя ещё больше. На самом деле я планировал умереть, но я решил *жить* ради тебя, и я думаю, что эта жертва ещё больше.

Сирена внезапно смолкла.

Прим встал и сделал два шага к краю крыши. Жёлтые лучи света скользили по пустынной автостоянке внизу.

Это была машина скорой помощи.

Из машины вышли два человека. Он узнал Холе по чёрному костюму. Другой человек был одет во что-то светло-голубое, напоминающее больничную одежду. Холе привёл с собой мед-сестру или пациента? Детектив повернулся так, чтобы его спина была обращена к крыше, и хотя Прим не мог разглядеть наручники, он увидел блеск металла в свете уличных фонарей. Двое людей внизу медленно шли бок о бок ко входу, который находился прямо под тем местом, где стоял Прим.

Прим уронил пачку «Кэмел» Александры, и наблюдал, как она падает вдоль фасада и с мяг-ким шлепком приземляется перед мужчинами.

Они вздрогнули, но не подняли голов. Мужчина в больничной одежде взял пачку сигарет и открыл её. Достал удостоверение личности Прима, записку, где тот написал код для прохода в здание, и инструкцию: на какой этаж они должны подняться на лифте, и что дверь на крышу можно найти, если подняться вверх по лестнице справа.

Прим вернулся и сел на стул позади Александры, так что они оба опять оказались лицом к двери на расстоянии десяти метров.

Прим задумался. Боялся ли он того, что должно было вот-вот произойти? Нет. Он уже убил трёх женщин и трёх мужчин.

Но он нервничал. Это было бы его первое физическое противостояние с кем-то, кто не был превращён в запрограммированного, предсказуемого робота, управляемого посланными им паразитами. Всех остальных обманом заставили заразить самих себя. Хелена Рё и Терри Воге выпили его с алкоголем, Сюсанна и Бертина нюхнули его на вечеринке. И торговец кокаином на площади Йернбанеторгет тоже нюхнул гондии из табакерки Бертины. Именно в тот день, когда к нему пришла изъятая партия зелёного кокаина, ему пришла в голову эта идея. Он уже давно слышал слухи о пристрастии Маркуса Рё к кокаину

и задавался вопросом, может ли это помочь поселить паразита в его организм. Когда привезли партию конфискованного зелёного кокаина, а несколькими днями ранее Александра рассказала ему о вечеринке на крыше у Рё, он осознал, что это был его шанс. Парадокс, конечно, заключался в том, что ещё три человека проглотили кокаин и должны были заплатить за это своими жизнями, прежде чем он, наконец, смог заразить своего отчима своим вариантом Токсоплазмы гондии. Смешав его с одним из самых полезных, натуральных и необходимых для поддержания жизни веществ, необходимых человеку. С водой. Он не мог не улыбаться, вспоминая об этом. Именно он позвонил Крону и сказал, что Маркусу Рё необходимо приехать в Институт судебной медицины для опознания тела его жены. И Рё ожидал стакан воды. Он даже мог дословно вспомнить, что сказал, чтобы заставить Рё выпить его перед тем, как войти в комнату для вскрытия: *«Опыт подсказывает, что наличие жидкости в организме действует очень благоприятно, когда мы имеем дело с таким случаем».*

Луна была почти не видна, и стало ещё темнее, когда Прим услышал медленные, очень медленные шаги на лестнице.

Он ещё раз проверил, наготове ли шприц во внутреннем кармане.

Петли металлической двери заскрипели. В стене открылся проём. Изнутри донёсся хриплый голос.

— Это мы.

Голос Харри Холе.

У Александры вырвалось сдавленное рыдание. Прим почувствовал, как в нём поднимается гнев, наклонился вперёд и прошептал ей на ухо.

— Не двигайся и оставайся совершенно неподвижной, любовь моя. Я хочу, чтобы ты жила, но если ты не сделаешь, как я говорю, ты вынудишь меня убить тебя.

Прим встал со стула. Прочистил горло.

— Помнишь мои инструкции? — он с удовлетворением услышал, что его собственный голос звучит громко и отчётливо.

— Да.

— Тогда заходи. Медленно.

Дверь открылась.

Когда фигура в костюме шагнула спиной через высокий порог, Прим понял, что наступило полное затмение. Он инстинктивно взглянул вверх, на луну, висевшую прямо над входом на крышу. Луна не была чёрного цвета, а приобрела

волшебную красную расцветку. Она была похожа на бледную, неяркую медузу, в которой света хватало только для неё самой, и которой нечем было светить людям внизу.

Фигура в дверном проёме сделала первый из оговорённых восьми шагов назад по направлению к Александре и Приму, медленно шаркая, как будто на ногах были кандалы. «Так приговорённый идёт к эшафоту», — подумал Прим. Пытается продлить свою жалкую жизнь ещё на несколько секунд. Он мог видеть смирение и поражение в теперь уже сгорбленной фигуре. Прим следил за Харри Холе и Александрой в тот вечер, когда они ужинали, видел, как они шли близко друг к другу, словно пара, гуляя по Парку у Королевского дворца. Тогда Холе выглядел большим и сильным. Таким же он был, как в ту ночь, когда Прим шпионил за ними в баре «Ревность». Но теперь казалось, что Холе уменьшился до своих реальных размеров внутри своего костюма. Он был уверен, что и Александра видела, что теперь даже сшитый на заказ костюм больше не подходил Харри Холе.

В четырёх шагах от Холе другая фигура отступила назад, заложив руки за голову. Это последние отблески лунного света слабо отразились на чём-

то? Было ли у мужчины в больничной одежде оружие в руке? Нет, ничего серьёзного, возможно, кольцо на пальце.

Холе остановился. Похоже, из-за скованных за спиной наручниками рук ему было трудно встать на колени не падая вперёд. Этот человек уже вёл себя, как труп. Прим дождался, пока мужчина в больничной одежде тоже опустится на колени.

Затем он подошёл к Холе и поднял свою правую руку, в которой держал шприц. Выбрал место на бледной, почти белой, обвисшей коже на задней стороне шеи над воротником рубашки.

Через секунду всё было бы кончено.

— Нет! — крикнула Александра у него за спиной.

Прим взмахнул рукой. Харри Холе не успел ничего сделать, кончик шприца коснулся его шеи, и игла вошла внутрь. Он дёрнулся, но не обернулся. Прим нажал большим пальцем на поршень, зная, что дело сделано, что паразиты уже начали свою работу, что он указал им кратчайший путь к мозгу, что всё произойдёт даже быстрее, чем с Воге. Он увидел, как другой мужчина, в больничной одежде, двигается в полумраке. И снова что-то слабо блеснуло на его руке, и теперь Прим увидел. Это было не кольцо. Это был палец.

Металлический.

Теперь этот человек полностью развернулся. Поднялся на ноги. Когда они выходили из машины, Прим смотрел на них сверху с крыши, и из-за этого было трудно увидеть, что второй мужчина высокий, гораздо выше мужчины в костюме, а когда они выходили на крышу, оба они шли сгорбившись. Но теперь Прим понял, кто это. Этот мужчина в больничной одежде и был Харри Холе. И теперь он увидел его лицо, эти яркие глаза над ухмыляющимся ртом.

Прим отреагировал так быстро, как только смог. Он был готов к тому, что его попытаются так или иначе обмануть. Они делали так с тех пор, как он был маленьким мальчиком. Вот, как это началось, и вот, как это должно было закончиться. Но он хотел взять что-нибудь с собой. То, чего полицейский не получит. Её.

Прим уже вытащил нож, когда он повернулся к Александре. Она поднялась на ноги. Он занёс нож для удара. Попытался поймать её взгляд. Дать понять, что смерть близка. Он закипел от ярости. Потому что она смотрела не на Прима, а за его плечо, на этого грёбаного полицейского. Так было и с Сюсанной Андерсен на вечеринке на крыше, они всегда искали кого-то получше. Что ж, тогда

Холе увидит, как она умирает, грёбаная шлюха.

Харри смотрел на Александру. Она могла видеть и понимать, как знали это и оба мужчины, что он был слишком далеко, чтобы спасти её. Всё, что он успел сделать, это быстро провести указательным пальцем перед своим горлом и надеяться, что она вспомнит. Увидел, как она отвела одно плечо назад.

Времени не было. Потом он поймёт, что у них *и не было* достаточно времени. Но, к их счастью, паразиты также снизили скорость реакции и у своего первичного хозяина. Фигура Хельге заслонила ему обзор, поэтому Харри не смог разглядеть, превратила ли она свою руку в стамеску, когда наносила удар.

Но она должна была.

Должна была догадаться.

Теперь для Хельге Форфанга, должно быть, самым важным делом на свете было выжить. Сейчас ему нужна была не она и не месть, а просто глоток воздуха. Хельге выронил нож со шприцем и упал на колени.

— Беги! — закричал Харри. — И подальше!

Не говоря ни слова, Александра пронеслась мимо него, распахнула металлическую дверь и исчезла.

Харри подошёл к стоявшему на коленях мужчине в его костюме и взглянул на Хельге Форфанга, который до сих пор держался обеими руками за горло. Он издавал шипящие звуки, как проколотая шина. Но потом он внезапно опустился на бетон, лёг на спину, глядя на Харри снизу вверх, снова держа шприц остриём к себе. Он открыл рот, явно пытаясь что-то сказать, но издал только ещё больше хрипов.

Не сводя глаз с Хельге, Харри положил руку на плечо мужчины в костюме, сидящего с опущенной головой.

— Как ты себя чувствуешь, Столе?

— Не знаю, — сказал Эуне едва слышным шёпотом. — С девушкой всё в порядке?

— С неё всё в порядке.

— Тогда и я в порядке.

Харри видел это в глазах Хельге, когда тот лежал там. Узнал этот взгляд. Он видел такое же выражение в глазах Бьёрна той ночью, когда Харри ушёл от него, когда все ушли от него, а на следующее утро его нашли в его машине, где он прострелил себе голову. Харри слишком часто видел этот взгляд в зеркале впоследствии, когда мысли о Ракель и Бьёрне заставляли его самого взвешивать все «за» и «против» в отношении

такого поступка.

Шприц, который держал Хельге, был направлен уже не на Харри, а на него самого. Харри наблюдал, как игла приближается к лицу Хельге. Видел, как Хельге прикрывает один глаз, в то время как другой пристально смотрит на Харри. Дальний край луны снова засиял, и Харри увидел, как Хельге приблизил шприц так близко, что теперь кончик иглы прижимается к глазному яблоку, кратчайшему пути в мозг. Он видел, как глаз начал прогибаться, словно яйцо всмятку, прежде чем кончик проткнул его поверхность, и глаз принял свою первоначальную форму. Наблюдал, как Прим направляет наконечник внутрь. Его лицо ничего не выражало. Харри не знал, сколько нервов было в глазу или сзади, вероятно, это было не так больно, как казалось. Это было не так уж трудно сделать. На самом деле, это просто. Легко для человека, который называл себя Прим, легко для семей жертв, легко для Александры, легко для государственных обвинителей и легко для общественности, которая всегда жаждала мести. Они все получили бы то, что хотели, и без того дурного предчувствия, которое остаётся даже у людей в странах, где применяется смертная казнь, после самих казней.

Да, это было бы легко.

Слишком просто.

Харри быстро шагнул вперёд, увидев, как большой палец Хельге изогнулся над поршнем, опустился на колени и ударил кулаком по ладони противника. Хельге нажал, но кулак Харри помешал ему опустить поршень, и вместо этого его большой палец наткнулся на твёрдый металлический палец из серого титана.

— Дай мне это сделать, — простонал Прим.

— Нет, — сказал Харри. — Ты останешься здесь, с нами.

— Но я не хочу жить! — заскулил Прим.

— Знаю, — сказал Харри. — Поэтому и не дам.

Он крепко держал его. Где-то вдалеке послышалась знакомая музыка. Гул полицейских сирен.

Глава 53

Пятница
Дурачок

Александра и Харри заглянули через окно в комнату для вскрытия, где Столе Эуне лежал на столе, а Ингрид Эуне сидела на стуле рядом с ним. Дом семьи Эуне находился всего в пяти минутах езды, и она приехала немедленно.

Полиция увезла Хельге Форфанга, и вскоре на место происшествия прибудет группа криминалистов. Харри позвонил в дежурную часть, чтобы сообщить об убийстве, не сказав им, что жертва ещё жива.

Внезапно Эуне издал кашляющий смешок и повысил голос настолько, чтобы слова были слышны через динамики. «Да, да, я помню это, дорогая. Но я не думал, что тебя заинтересует такой парень, как я. Давай сделаем это сейчас?»

Александра сделала шаг вперёд и отключила звук.

Они посмотрели на них двоих. Харри был в комнате, когда пришла Ингрид. Её муж объяснил ей, что паразиты подействуют на его организм,

скорее всего, очень быстро, и что он предпочёл бы, чтобы победа в этой гонке была всё же за ним. Когда Эуне сказал, что Харри может это сделать, Ингрид решительно несогласно покачала головой. Она указала на одну из вздувшихся вен на шее Эуне и посмотрела на Харри, который кивнул, протянул ей шприц с морфием, который ему дала Александра, и вышел из комнаты.

Теперь они увидели, как Ингрид вытерла глаза, прежде чем поднять шприц.

Харри и Александра вышли на автостоянку и выкурили по сигарете вместе с Эйстейном.

Два часа спустя — после допроса и встречи с кризисным психологом в полицейском управлении — Эйстейн и Харри отвезли Александру домой.

— Если ты не собираешься окончательно стать банкротом в отеле The Thief, ты можешь пожить у меня какое-то время, — сказала она.

— Спасибо, — сказал Харри. — Я подумаю об этом.

Стояла полночь, и Харри сидел в баре отеля. Смотрел на свой стакан с виски, собираясь с мыслями. Пришло время подводить итоги. Чтобы подсчитать тех, кого он потерял, и тех, кого подвёл. И всех неизвестных людей, которых, воз-

можно, он — хотя это неточно — спас. Но был один человек, от которого всё ещё не было вестей.

Словно в ответ на эту мысль, зазвонил телефон.

Он взглянул на номер. Это был Бен.

Харри внезапно понял, что сейчас он всё узнает об этом человеке. Возможно, именно поэтому он сделал паузу, прежде чем нажать «Ответить».

— Бен?

— Привет, Харри. Её нашли.

— Хорошо. — Харри глубоко вздохнул. Затем одним глотком осушил свой стакан. — Где?

— Здесь.

— Здесь?

— Она сидит прямо передо мной.

— Ты имеешь в виду… в «Тварях»?

— Да. Рядом со мной она и её виски сауэр. Они отобрали у неё телефон, вот почему ты не смог до неё дозвониться. И она вернулась в Лорел-Каньон, когда уехала из Мексики. Вот она…

Харри услышал шум и смех. А потом голос Люсиль.

— Харри?

— Люсиль, — это было всё, что он смог сказать.

— Не жалей меня, Харри. Я думала о том, какими будут мои первые слова, обращённые к тебе.

И вот что решила сказать. — Он услышал, как она перевела дыхание, а затем, сквозь смех и слёзы её дрожащие, пропитанные виски голосовые связки произнесли, — ты спас мне жизнь, дурачок.

Глава 54

Четверг

В день похорон Столе Эуне было холодно и дул сильный ветер. Волосы присутствующих развевались ветром, и в какой-то момент, словно сюрприз, с безоблачного неба посыпались градины. Утром Харри побрился, и его худощавое лицо, смотрящее на него из зеркала, казалось, принадлежало к более счастливым временам. Может быть, это поможет. Но, вероятно, нет.

Когда он поднялся на трибуну, чтобы сказать несколько слов, как просили его Ингрид и Аврора, он оглядел переполненную церковь.

На первых двух рядах сидели члены семьи Столе. В ряду позади них сидели близкие друзья, большинство из них Харри никогда не встречал. В следующем ряду сидел Микаэль Бельман. Очевидно, Бельман был рад, что дело раскрыто, а убийца Хельге Форфанг оказался за решёткой, но он держался в тени всю неделю, в то время как газеты насыщались потоком новых подробностей, которые обнародовала полиция. Например, рассказом Хельге Форфанга об убийстве собственного

отчима. Однако Мона До и «ВГ» подали хороший пример, не опубликовав видео, на котором голый Маркус Рё признаётся в сексуальном насилии над своим пасынком, а просто сославшись на его содержание. Но для тех, кто действительно хотел его посмотреть, клип, конечно же, был доступен онлайн.

Харри увидел Катрину, сидящую рядом с Сон Мином и Бодиль Меллинг. Катрина всё ещё казалось усталой, ей предстояло проделать ещё много работы, и оставалось ещё много неясного. Но, естественно, она испытала облегчение от того, что убийца был пойман и признался в содеянном. Во время допросов Хельге Форфанг рассказал им всё, что им нужно было знать, большая часть его рассказа соответствовала предположениям Харри о том, как произошли убийства. Мотив — отомстить отчиму — был очевиден.

Харри прибыл в церковь на «Мерседесе» Эйстейна вместе с Трульсом и приехавшим из Финнмарка Олегом. Трульс уже вернулся к работе в полиции, учитывая, что его больше не подозревали в мошенничестве, и отпраздновал это событие, купив костюм для похорон, подозрительно похожий на костюм Харри. Эйстейн, со своей стороны, утверждал, что перестал тор-

говать кокаином и хочет зарабатывать себе на жизнь, крутя баранку автомобиля. Сказал, что подумывает о том, чтобы стать водителем скорой помощи.

— Вот, что я тебе скажу, трудно отвыкать, если ты один раз включил сирену и увидел, что пробки на дороге тебе нипочём — как грёбаное Мёртвое море Моисею. Или это было Галилейское море? Какое оно ни было, это уже неважно.

Трульс проворчал:

— Нужно пройти много курсов и тому подобного, прежде чем ты сможешь стать водителем скорой помощи.

— Дело не в этом, — ответил Эйстейн. — Понимаешь, в этих машинах куча наркотиков, и я не могу находиться рядом с ними, я не такой волевой, как Кит Ричардс. Итак, я выбрал дневные смены в таксомоторной компании в Холмлии[87].

Руки Харри дрожали, и было слышно, как громко шуршат листы бумаги, которые он держал в руках. Сегодня он не пил — напротив, он вылил остатки из бутылки «Джим Бим» в раковину в своём гостиничном номере. Он собирался быть трезвым до конца своей жизни. Таков был план.

---

[87] Примечания: 87

Холмлия — район в юго-западной части Сёндре-Нордстранда, самого южного района Осло.

План всегда был таковым. В субботу они с Гертом собирались отправиться на лодке в Несодден. Харри представил это. Его руки перестали дрожать. Он прочистил горло.

— Столе Эуне, — сказал он, потому что решил начать, назвав полностью его имя. — Столе Эуне стал героем, которым он никогда не стремился стать. Но стать которым в конце своей жизни его заставили обстоятельства и его собственное мужество. Естественно, если бы он был здесь, он был бы против того, чтобы его называли героем. Но его нет. И в любом случае его возражение мы бы не приняли. Когда мы столкнулись с проблемой захвата заложника, о которой все вы наверняка читали в газетах, его голос прорвался сквозь нашу болтовню. «Разве вы все не слышите, что я говорю? — крикнул он со своей кровати. — Это простая математика». Столе Эуне утверждал бы, что именно чистая логика, а не героизм заставила его надеть мою одежду, занять моё место, принять за меня смертный приговор. План состоял в том, чтобы я покинул место происшествия вместе с заложником до того, как обнаружится, что мы поменялись местами, или я вмешаюсь при необходимости, если Столе разоблачат. Это был не мой план. Это был его план. Он попросил нас

оказать ему эту услугу, позволить ему обменять свои последние дни боли на другой сценарий, который действительно имел смысл. Это был хороший аргумент. Самое лучшее в нём то, что он увеличивал вероятность спасти заложника, если Форфанг сосредоточится на Столе, а я мог вмешаться, если произойдёт что-то непредвиденное. Уход Столе, как и большинство самоотверженных героев, заставил ощутить чувство вины. Прежде всего, ощутить меня самого как лидера группы и предполагаемого получателя чаши с отравой там, на крыше. Да, я виновен в том, что оборвал жизнь Столе Эуне. Жалею ли я об этом? Нет. Поскольку Столе был прав, на самом деле это простая математика. И я верю, что он умер счастливым человеком. Счастливым, потому что Столе принадлежал к той части человечества, которая находит глубочайшее удовлетворение в том, чтобы внести свой вклад и сделать этот мир немного лучше для всех нас.

После похорон, в соответствии с пожеланиями Столе, в ресторане «Шрёдер» состоялись поминки, на которых были поданы бутерброды и кофе. Заведение было так переполнено, что, когда они прибыли, можно было только стоять, и Харри и его спутникам пришлось топтаться в дальнем

конце у двери в туалеты.

— Форфанг жаждал мести и уничтожал всё, что стояло у него на пути, — сказал Эйстейн. — Но газеты всё ещё пишут, что он был серийным убийцей, а он им не был, не так ли? Харри?

— Мм. Не в классическом смысле этого слова. Они чрезвычайно редки. — Харри сделал глоток кофе.

— Со сколькими из них ты сталкивался? — спросил Олег.

— Я не знаю.

— Ты не знаешь? — хмыкнул Трульс.

— После того, как я поймал своего второго серийного убийцу, я начал получать анонимные письма. Люди бросали мне вызов, говоря, что они убивали. Или собирались убить. И что я не смогу их поймать. Полагаю, большинство из них просто получали удовольствие от написания писем. Но я не знаю, отнял ли кто-нибудь из них чью-то жизнь. Большинство известных нам смертей, которые являются убийствами, успешно расследуются. Но, может быть, эти убийцы так хороши, может быть, они маскируют свои убийства под естественные смерти или несчастные случаи.

— Значит, они, возможно, перехитрили тебя, ты это хочешь сказать?

Харри кивнул.

— Да.

Пожилой мужчина, явно немного подвыпивший, вышел из туалета.

— Друзья или пациенты? — спросил он.

Харри улыбнулся.

— И то, и другое.

— Как и все мы, — сказал мужчина, входя в переполненное помещение.

— К тому же он спас мне жизнь, — пробормотал Харри себе под нос. И поднял свою кофейную чашку. — За Столе.

Остальные трое подняли свои бокалы.

— Я тут кое о чём подумал, — сказал Трульс. — То твоё высказывание Харри. О том, что если ты спасаешь чью-то жизнь, то несёшь за неё ответственность до конца жизни этого человека…

— Да, — сказал Харри.

— Я проверил. Это не пословица. Эту фразу придумали для сериала «Кунг-фу», и написали её так, чтобы она звучала как древняя китайская мудрость. Это телесериал семидесятых, помнишь?

— С Дэвидом Кэррадайном? — уточнил Эйстейн.

— Да, — сказал Трульс. — Совершенно дурацкий.

— Но крутой, — сказал Эйстейн. — Ты его должен посмотреть, — сказал он, толкая Олега локтем.

— Должен?

— Нет, — сказал Харри. — Не должен.

— Хорошо, — сказал Эйстейн. — Но если Дэвид Кэррадайн сказал, что ты несёшь ответственность за тех, кого спас, значит, в этом, ясен пень, *что-то* есть. Имею в виду, это же *Дэвид Кэррадайн*, сечёте, чуваки?

Трульс почесал свой выступающий подбородок.

— Ну хорошо.

К ним подошла Катрина.

— Извините, я приехала сюда только сейчас, мне нужно было осмотреть место преступления, — сказала она. — Кажется, все сюда пришли. Даже священник.

— Священник? — спросил Харри, поднимая бровь.

— Это был не он? — спросила Катрина. — Во всяком случае, какой-то мужчина в воротничке священника уходил, когда я приехала.

— Что за место преступления? — спросил Олег.

— Квартира во Фрогнере. Тело разрублено на куски. Соседи слышали, как работал какой-то дви-

гатель. Обои в гостиной выглядят, словно на них брызгали из баллончика с краской. Послушай, Харри, можно тебя на пару слов с глазу на глаз?

Они отошли к столику у окна, тому самому, который когда-то был обычным местом Харри.

— Приятно видеть, что Александра уже вернулась к работе, — сказала она.

— К счастью, она стойкая, — сказал Харри.

— Я слышала, ты пригласил её на «Ромео и Джульетту»?

— Да. Хелена Рё дала мне два билета. Говорила, что постановка отличная.

— Мило. Александра — хорошая женщина. Я попросила её кое-что проверить для меня.

— Хорошо?

— Она сверила профиль ДНК слюны, которую мы нашли на груди Сюсанны, с базой данных известных преступников. Мы не получили там ни одного попадания, но мы знаем, что она совпала с Маркусом Рё.

— Да.

— Но слюна никогда не проверялась по базе данных *неизвестных* преступников, то есть по ДНК в нераскрытых делах. После того, как всплыло видео, на котором Маркус Рё признался в сексуальном насилии над несовершеннолетним,

я попросила прогнать его ДНК и по этой базе данных. И знаешь, что из этого вышло?

— Хм. Я могу предположить.

— Попробуй.

— Изнасилование четырнадцатилетнего мальчика в клубе «Вторники». Ещё раз, как вы назвали это дело?

— Дело Бабочки. — Катрина выглядела почти немного раздражённой. — Как ты…?

— Рё и Крон утверждали, что не хотели предоставлять образец ДНК, потому что сделать так означало бы признать наличие оснований для подозрений. Но я догадывался, что у Рё была другая причина. Он знал, что в ваших базах есть его ДНК из спермы, полученной в результате изнасилования.

Катрина кивнула.

— Ты молодец, Харри.

Он покачал головой.

— Если бы это было так, я бы давно раскрыл это дело. Я ошибался на каждом шагу этого пути.

— Это просто слова, но я знаю, что есть и другие люди, которые оценивают тебя так же, как я.

— Окей.

— И именно об этих других я хотела бы с тобой поговорить. В отделе убийств есть вакансия. Мы

все хотели бы, чтобы ты подал на неё заявку.

— Мы?

— Бодиль Меллинг и я.

— Это «два человека», а ты сказала «все».

— Микаэль Бельман согласен, что это может быть хорошей идеей. Что мы могли бы создать особую должность. С бóльшей свободой действия. Ты мог бы даже начать с этого убийства во Фрогнере.

— Есть подозреваемые?

— У жертвы был давний спор о наследстве со своим братом. Брата сейчас допрашивают, но, по-видимому, у него есть алиби.

Она изучала лицо Харри. Голубые радужки, в которые она вглядывалась, мягкие губы, которые она когда-то целовала, резкие черты лица, шрам в форме сабли, идущий от уголка рта к уху. Она пыталась истолковать его взгляд, изменения в выражении его лица, то, как он расправил плечи, словно большая птица перед тем, как улететь. Катрина считала, что умеет правильно интерпретировать людей по их жестам и поведению, и некоторые мужчины — такие, как Бьёрн, — казались ей открытой книгой. Но Харри был и оставался для неё загадкой. Да и для самого себя, как она подозревала.

— Передай от меня привет и скажи спасибо, — сказал он. — Спасибо, но нет.

— Почему нет?

Харри криво улыбнулся.

— Во время этого дела я понял, что гожусь только для одного — ловить серийных убийц. Настоящих. По статистике, ты встретишь серийного убийцу на улице всего семь раз в течение жизни. В таком случае я исчерпал свой лимит таких встреч. Больше никто не появится.

На молодом продавце был бейдж с именем «Эндрю». Мужчина, стоявший перед ним, только что произнёс его имя так, что это наводило на мысль, что он провёл какое-то время в США.

— Новая цепь для бензопилы? — переспросил Эндрю. — Да, мы можем её найти.

— Прямо сейчас, пожалуйста, — сказал мужчина. — И мне нужны два рулона клейкой ленты. И несколько метров прочной, тонкой верёвки. И рулон мусорных пакетов. Не поможешь донести всё это, Эндрю?

Эндрю почему-то вздрогнул. Возможно, это было из-за бесцветных радужек этого человека. Или мягкого, чересчур вкрадчивого голоса с лёгким северо-ирландским акцентом. Возможно, из-за того, что он положил руку на предплечье

Эндрю. Или потому что некоторые люди боялись клоунов, а Эндрю — священников.